

Протоиерей
Сергий Четвериков

ПРАВДА ХРИСТИАНСТВА

Крутицкое Патриаршее Подворье
Общество любителей церковной истории
Москва
1998

Протоиерей
Сергий ЧЕТВЕРИКОВ

ПРАВДА ХРИСТИАНСТВА

Крутицкое Патриаршее Подворье
Общество любителей церковной истории
Москва
1998

ISBN 5 — 7873 — 0007 — 6

МОЛДАВСКИЙ СТАРЕЦ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

**ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ
НА ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Молдавский старец архимандрит Нямецкого монастыря в Молдавии иеросхимонах Паисий Величковский занимает в истории православного монашества и православной Церкви особое место.

В его лице удивительным образом сочетались святость личной жизни, любовь к просвещению, замечательная способность к устроению монашеского общежительного братства, умение привлечь к себе и духовно воспитать многочисленный сонм учеников, создать около себя большую школу православного духовного подвижничества и, наконец, большое литературное дарование, которое помогло ему совершить важное и необходимое дело — исправление старых переводов и новый перевод святоотеческой аскетической литературы.

По своему происхождению и по своей деятельности старец Паисий одновременно принадлежит двум поместным Церквям — русской и молдавской. Уроженец Малороссии, он все свое раннее детство, школьные годы и первые годы юности провел в России, учился в Киевской Академии, странствовал по украинским монастырям в бесплодных поисках духовного руководства; будучи 20 лет перешел в Валахию и через 4 года ушел на Афон, где прожил 17 лет сперва в полном уединении, а затем во главе постепенно возраставшего братства, с которым потом переехал в Молдавию, где и оставался до конца жизни, все более и более углубляя и расширяя свою деятельность, свое духовное влияние и свою славу в православном и даже в неправославном мире. Его по всей справедливости можно назвать обновителем духовной жизни молдовлахий-

ского и русского монашества. Он дал ясные определения основной цели и подготовил лиц, способных осуществлять эту цель при помощи указанных им средств. Своим примером, деятельностью и переводами старец Паисий вызвал огромное духовное движение в православном монашестве, особенно заметное в России, где оно охватило не только иноков, но и светское общество всех классов.

Нельзя правильно представить себе духовное состояние русского монашества и русского народа в XVIII и XIX вв., не учитывая духовного влияния старца Паисия и его учеников. Это влияние распространилось более нежели в 100 обителях 35 епархий русской Церкви, при посредстве более 200 учеников старца и их преемников. Под его влиянием изменился облик русского монашества: возвысилось значение внутреннего духовного подвига, о характере которого можно судить по старчеству Оптиной Пустыни и по изображению его в русской литературе — “Братья Карамазовы”. Знаменитейшие из русских писателей (Гоголь, И. В. Киреевский, Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев и др.) заметили это духовное движение в русском монашестве, изучали его и испытывали на себе его влияние.

Первое описание жизни и деятельности старца на русском языке было выпущено Оптиной Пустынью в 1847 году. Это был перевод жизнеописания старца, составленного его учеником иеросхимонахом Платоном.

В Молдавии первое жизнеописание старца Паисия было составлено его келейником Митрофаном, жившим при нем 30 лет. Оно было составлено спустя 20 лет по смерти старца на славянском языке. Следующее жизнеописание, на молдавском языке, очень обширное, было составлено Исааком. Григорий, будущий митрополит Молдавский, изложил молдавское житие старца Паисия в сокращенном виде. Наконец, Платон, воспользовавшись житиями Митрофана и Исаака, составил из них новое жизнеописание старца на славянском языке в 1836 году. Это сочинение выдержало несколько изданий и послужило материалом для ряда других жизнеописаний старца, выходивших в разное время на русском языке.

В 1913 году преосвященный Сильвестр, епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии, задумал издание Полтавско-Переяславского Патерика, куда должны были войти жизнеописания многих подвижников, родившихся или про-

живавших в пределах Полтавского края. Жизнеописание старца Паисия Величковского, уроженца Полтавы, было поручено составителю настоящей книги. Благодаря содействию епископа Сильвестра, а также архиепископа Полтавского Феофана и Полтавского Свято-Макарьевского епархиального братства, мы имели возможность воспользоваться богатым рукописным материалом, хранившимся в библиотеках Петербургской Императорской Академии Наук и Петербургской Духовной Академии, в Московской синодальной (патриаршей) библиотеке, в Орловском епархиальном древлехранилище, в библиотеках Оптиной Пустыни и Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии.

Разразившаяся война и последовавшая за нею революция прекратили на время нашу работу. Она возобновилась в 1921 году в Югославии: вывезенные из России записки в тишине и уединении сербского церковного прихода были приведены в порядок. У нас было сильное желание посетить Румынию и местожительство старца Паисия — Нямецкий монастырь и собрать там дополнительные о нем сведения, но мы не имели возможности осуществить это желание. И только 10 лет спустя в 1931 году, благодаря неожиданно сложившимся счастливым обстоятельствам, нам пришлось побывать в Румынии, посетить связанные с именем старца Паисия древние обители — Нямец и Секул, ознакомиться с их библиотеками, побывать в Ново-Нямецком монастыре на Днестре, поработать в Бухаресте и собрать во всех этих местах дополнительные сведения о старце Паисии.

Мы приносим глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, которые всюду сочувственно, внимательно и предупредительно оказывали нам помощь в нашей работе. Мы сознаем недостатки нашей книги, писанной в неблагоприятных условиях эмигрантской жизни, и просим за них прощения.

Протоиерей Сергей Четвериков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ ДОМА И В ШКОЛЕ

(1722—1739)

"Ты еси терпение мое, Господи, Господи, упование мое от юности моей.. от чрева матери моея Ты еси мой покровитель".

Псал. 70, 5—6.

Глава 1

РОДИНА СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

Родиною старца Паисия Величковского была благословенная Украина. В начале XVIII века вся левобережная Украина представляла богатый и цветущий край. Ни казацкие войны XVII века, ни татарские набеги, ни нашествия шведов и другие бедствия не могли подорвать благосостояния этого края. Эти девственные еще тогда места славились здоровым воздухом, необычайным плодородием, изобилием и разнообразием даров Божиих. Население края было многочисленное и особенно стало возрастать во второй половине XVII века, когда жители правобережной Украины, разоряемые непрерывными войнами и притеснениями со стороны турок и поляков, толпами покидали старые гнезда и переходили на левый берег Днепра, на привольные степи Полтавщины и Харьковщины, образуя здесь поселения слободской Украины. По обширности свободного, никому не принадлежавшего земельного пространства, хлебопашцы не успевали обрабатывать полей. Много было у них и сенных покосов, и рыбных ловель, и фруктовых садов. Они промышляли пенькою, льном, табаком, медом, воском, шерстью, солью. По селам и хуторам можно было видеть много домашней птицы и свиней.

Но еще более, нежели зажиточность, обращают на себя внимание духовные свойства тогдашних малороссиян, их преданность Православию, любовь к просвещению, заботы о бедных. То было время особенного духовного подъема. Только что была пережита тяжелая двухвековая борьба за веру и народность, которым грозила опасность со стороны поляков,

иезуитов и униатов. Эта борьба вызвала высокое одушевление в народе и выдвинула ряд деятелей, прославившихся святостью жизни, высоким образованием и любовью к родине. Народ сознательно жил своей верой, и весь быт его, простой и скромный, был обвеян духом родной православной церковности. Повсюду высились многочисленные храмы, отличавшиеся красотой архитектуры и художественным исполнением священных изображений. Мы до сих пор удивляемся изяществу, сложности и тонкости рисунка украинских иконостасов XVII и XVIII веков, красоте, богатству и прочности вышивки на церковных облачениях того времени. Прекрасное, стройное и умирительное пение было повсеместною принадлежностью тогдашнего богослужения. Благочестие малороссов не ограничивалось одной только любовью к церковному благолепию. Оно выражалось и в делах милосердия. Вынесенные за веру и родину страдания и великое множество обездоленных располагали всех к щедрой благотворительности. В каждой деревне можно было видеть "шпитали", приюты для стариков и сирот, увешанные снаружи и внутри множеством икон. Сироты и вдовы, которых тогда вследствие непрерывных войн было особенного много, в каждом доме получали щедрую милостыню.

Замечательна была и любовь малороссов к просвещению. Почти все они, и даже большинство женщин, умели читать и знали порядок церковных служб и церковные напевы. Священники обучали сирот и не позволяли им шататься по улицам невеждами. После освобождения от поляков все с особым усердием принялись учиться чтению и церковному пению. При каждой приходской церкви была школа. О школах много заботились приходские братства, возникавшие повсеместно для защиты православия и православного уклада жизни от натиска римского католичества и унии. Не только по городам и местечкам, но и по селам существовали те братства и объединяли православных людей в тесные и дружные союзы. Приходские братства имели свои приходские дома. Здесь происходили собрания братчиков, обсуждались приходские дела, хранилось братское имущество, совершался братский суд. В дни великих праздников в братских домах и дворах совершались так называемые "кануны", варился мед и собранные при том деньги шли на содержание школ и "шпиталей".

В тогдашних школах не только обучались, но и проживали сироты и дети бедняков. Школа была нередко и приютом для странствующих учителей, "мандрованных дяков" и "волочащихся чернецов". В школе проживали "выростки школьнии", или "молодики" "Выростки" не были учениками, но сами промышляли учительством, нередко они странствовали из одной школы в другую. Это были молодые люди, еще не избравшие окончательно своей профессии и по обычаю того времени переходившие с места на место "для повидания более света и людского обхождения". Одни из них со временем становились настоящими причетниками и даже священниками, другие переходили на писарские должности или занимались торговлею, иные уходили на запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этим странствующим песнопевцам и педагогам даровой приют в церковном доме с условием, чтоб они за то "услуживали" церкви Божией на клиросе. Сверх того они обязаны были заниматься обучением детей, за что родители последних давали им особое вознаграждение согласно условию, а церковные ктитеры собирали в их пользу с прихожан подаяние деньгами и припасами. Благодаря существованию приходских школ — приютов и заботливости духовенства и прихожан, иногда самые бедные и заброшенные дети получали достаточное образование и выходили, как говорится, в люди. При тогдашних особенных исторических условиях в украинском народе развивалась большая самостоятельность и независимость духа, и характеры людей были крепкие и упорные.

Во всех общественных делах и вопросах население принимало живое участие. До 1722 года даже епископы и сами киевские митрополиты выбирались вольными голосами духовенства, казачества и мещанства. В административном отношении левобережная Украина делилась тогда на 10 полков, центрами которых были полковые города. Кроме 10 полковых городов в левобережной Украине насчитывалось до 126 местечек и много сел, деревень и хуторов. Литературный, официальный, а отчасти и разговорный язык высших и образованных классов малороссийского общества того времени значительно отличался от современного нам языка и заключал в себе много слов и оборотов речи польских и латинских. Город Полтава, в котором родился старец Паисий, был одним из полковых городов левобережной Украины. 200 лет тому

назад никто бы не узнал нынешней Полтавы. Это была небольшая крепость, расположенная на южной окраине Малороссии, на рубеже необозримых степей, за которыми начинались татарские и турецкие земли. Стоя на краю высокого и обрывистого холма, откуда открывается чудный вид на реку Ворсклу и далекое Заворсклье, Полтава представляла все удобства к тому, чтобы быть передовым оплотом для защиты южнорусских поселений от набегов диких степных хищников. Выгодное сторожевое положение Полтавы с давних пор было оценено южнорусскими князьями, и уже в летописи XII века упоминают о ней как о сторожевом пограничном укреплении. В начале XVIII века Полтава занимала небольшую площадь, окруженную ровом с земляным валом и деревянным частоколом, с пятью бастionsами и пятью крепостными воротами. После Полтавской битвы полтавская крепость была приведена в порядок, и крепостные сооружения существовали до XIX века. Городские постройки не отличались ни значительными размерами, ни красотой. Даже много лет спустя современники описывали Полтаву, как небольшой городок с тысячею деревянных низких и чисто выбеленных домиков, из которых два или три каменных, не имеющих ни правильных улиц, ни порядочных строений.

Наилучшим украшением города были сады, в которых Полтава утопала. Среди зданий города выделялись храмы Божии, которых было не мало. Тогдашний Успенский собор был деревянный и стоял почти на том же месте, где потом стоял каменный, начало постройки которого относится уже к 1748 году. Спасская церковь, стоявшая рядом с храмом Преображения Господня, ныне уже несуществующим, сохранялась в своем первоначальном виде и только была прикрыта каменным чехлом, для защиты от разрушающего влияния времени.

В этой церкви император Петр Великий после победы над шведами служил благодарственный молебен. На погосте Спасской церкви были похоронены многие защитники родины и города. В местности, именовавшейся Мазуровкою, в начале XVIII века существовал женский Покровский монастырь, основанный монахинями из Подолии и в 1721 году перенесенный в село Пушкаревку, в 4 верстах от Полтавы. Существовал тогда и мужской Крестовоздвиженский монастырь, красиво расположенный на вершине покрытой густым

лесом горы, на расстоянии одной версты от города. Этот монастырь был основан в 1650 году при содействии полтавского полковника Мартыня Пушкаря в память победы, одержанной им над поляками. Главный храм монастыря, во имя Воздвижения Креста Господня, сооружен, как полагают одни, вскоре после полтавской победы полтавским полковником Кочубеем (сыном казненного Василия Леонтьевича Кочубея), по мнению других — самим Василием Леонтьевичем в конце XVII века.

Население Полтавы было незначительно — оно не превышало четырех тысяч человек. Но Полтава, как и теперь, была окружена многочисленными хуторами, селами и местечками. Занимая выгодное положение на перепутье между многими городами и государствами — Турцией, Крымом, Польшей, Москвой, Персией — Полтава вела оживленную торговлю. На ее две большие ярмарки съезжались купцы из Великороссии, Литвы, Польши, Крыма и Востока. Приезжали и книготорговцы из Киева и Нежина: значит, был спрос и на книгу. Не мало было тогда в Полтаве и евреев, занимавшихся торговлей и ремеслами. Они разъезжали по ярмаркам, торговали водкою. В родне самого старца Паисия, со стороны матери, были евреи, о чем он сам рассказывает в своих записках. Высшими и влиятельнейшими лицами в городе тогда считались: полковник, соборный протопоп, полковой судья, полковые есаулы, городской атаман и др.

Таков был тот край и тот город, где родился будущий старец Паисий. Еще в ранней юности он покинул эти места, но до конца жизни не забывал родной и горячо любимой Полтавы и Украины, сохранил свою украинскую речь и в своих письмах и сочинениях любил после своей подписи прибавлять слова "родимец полтавский".

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ. ДЕТСКИЕ ГОДЫ В РОДНОЙ СЕМЬЕ. ПОСТУПЛЕНИЕ В КИЕВСКУЮ АКАДЕМИЮ. ПОРЯДКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Старец Паисий родился в Полтаве и происходил из старинной благочестивой и всеми уважаемой малороссийской духовной семьи. Его отец, дед и прадед были полтавскими протопопами. По матери прадедом старца был некто Мандя, славный и богатый купец еврейский, принявший крещение со всеми своим домом. Бабка старца по матери, дочь выкрестившегося еврея, поступила в монастырь и впоследствии была настоятельницей Покровского женского монастыря. В том же монастыре жила монахиней и сестра его матери Агафья. Впоследствии и сама мать старца, овдовев и потеряв всех своих детей, приняла постриг в том же Покровском монастыре с именем Иулиании. Таким образом, весь род Величковских отличался особенной религиозностью. Вместе с тем он выдавался и своей даровитостью. Летописец Самуил Величко отзывается о деде старца, как о муже "благодати Божией и мудрости исполненном", и рассказывает, что его сын, отец старца, когда в 1687 году гетман Иоанн Самойлович, отправляясь в Крымский поход, проезжал через Полтаву, приветствовал его виршами "собственной композитуры". Известно также, что отец старца окончил курс Киевской братской коллегии.

Старец Паисий родился 21 декабря 1722 года, в день памяти святого митрополита Киевского Петра, почему и назван

был Петром, его именем. Петр был одиннадцатым ребенком в семье. Моложе его был только брат Феодор, умерший семи лет от роду. Восприемником Петра при святом крещении был полтавский полковник Василий Васильевич Кочубей, относившийся к семье Величовских с большим расположением. Петру было четыре года, когда умер его отец и настоятелем собора сделался брат Петра Иоанн. Вскоре после этого Петра стали учить грамоте. Отданный матерью в школу, по всей вероятности церковную при соборе, Петр в продолжение двух лет с небольшим изучал букварь, часослов и Псалтирь, а письму учился у своего старшего брата-священника. Как только Петр научился читать, чтение сделалось его любимым занятием. Он перечитал все духовные книги, какие только находил в своем доме и в соборной библиотеке: все Священное Писание Ветхого и Нового Завета, жития святых, поучения святого Иоанна Златоустого и святого Ефрема Сирина и многие другие книги. Он был очень тихим, кротким, серьезным, молчаливым и глубоко религиозным мальчиком. Под влиянием же постоянного духовного чтения, особенно житий святых подвижников, он проникся особенною любовью к жизни монашеской. Благочестивый пример родной семьи; рассказы странников о святых местах, церковные службы поддерживали и усиливали у Петра это настроение. Он стал уединяться в своей комнате, отдаваясь, по его собственному выражению, "ненасытному чтению" книг и молитве. Его молчаливость была поразительна. Родные по целым дням не слышали от него ни одного слова. Он не был ни угрюм, ни уныл; напротив, радость и приветливость светились в лице его, но он был всецело погружен в свою внутреннюю жизнь, в свое сокровенное молитвенное пребывание с Богом. С людьми же, по выражению его жизнеописателя, он был "зело стыдлив и бездерзновенен", так что даже родная мать почти никогда не слышала его голоса. Когда по большим праздникам собирались у Величовских родственники с детьми, то ни дети не могли заставить его принять участие в играх, ни взрослые вызвать его на разговор подарками. Не добившись ответа у мальчика, они с удивлением спрашивали у матери: "Да он у вас не немой?" "Нет", — отвечала мать, — "мы и сами от него никогда ничего не слышим, разве только одно или два слова, а то все молчит".

Так прожил Петр дома до двенадцати лет. В это время

умер его старший брат-священник, и матери хотелось по тогдашнему обычаю сохранить место священника при соборе за своим младшим сыном Петром. Ее желанию сочувствовали и полтавские жители Заручившись письмами крестного отца Петра полковника Кочубея и других почетнейших граждан, мать вместе с сыном и его дядею, а своим братом, отправилась в Киев, к тогдашнему киевскому архиепископу Рафаилу Заборовскому, в ведении которого находилась в то время Полтава. Отправляясь в Киев, Петр, как тогда было принято, выучил некоторое стихотворение, которое должен был произнести перед архиепископом. Напрасно мать и дядя упрашивали Петра сказать им это стихотворение: он по своей застенчивости не решался на это. Когда же они приехали в Киев и явились к архиепископу, мальчик, к удивлению родных, без малейшей робости отчетливо и громко произнес стихи. Петр так понравился архиепископу, что он охотно исполнил просьбу матери и сказал Петру: "Быть тебе наследником". Тотчас же была приготовлена соответствующая грамота и было приказано принять мальчика в "Киевские братские училища" Обрадованная мать возвратилась с сыном в Полтаву, снарядила его в дорогу, и когда наступило время учебных занятий, снова отвезла его в Киев. Это было в 1735 году Тогдашний Киев мало был похож на нынешний Он ограничивался пределами старого Киева Дома были низенькие, улицы немощенные Между Лаврою и Подолом построек не было. Здесь тянулся сплошной лес. Знаменитая лаврская колокольня только что строилась. Церкви святого апостола Андрея Первозванного еще не было. Незадолго перед тем страшный пожар опустошил Киев. Большая часть лаврских зданий погибла в огне, и вместе с ними старинная весьма ценная библиотека, заключавшая в себе рукописи времен Ярослава Мудрого. От этого пожара пострадал и братский Богоявленский монастырь с его Академией.

Опустошенные пожаром местности обстраивались медленно Только в 1733 году архиепископ Рафаил украсил братский монастырь новым зданием — общежитием для беднейших учеников Академии и над каменным мазепинским корпусом выстроил второй этаж с огромною колоннадою тосканского ордена В этом этаже была устроена академическая Благовещенская церковь. Современниками старца Паисия частью по обучению в Академии, частью по проживанию в Киеве были

знаменитые впоследствии: Георгий Канисский, архиепископ Могилевский, Г. С. Сковорода, странствующий украинский философ, Симон Тодорский, архиепископ Псковский, языковед и законоучитель императрицы Екатерины Второй, Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и др. Застал Паисий в Киеве и будущего епископа белгородского Иосафа Горленко, в то время иеромонаха софийского митрополичьего дома, и Павла Конюсевича, впоследствии митрополита Тобольского, а в то время иеродиакона Киево-Печерской Лавры. Имена этих замечательных церковных деятелей и святых подвижников показывают, насколько и семейные, и бытовые, и школьные условия того времени благоприятствовали духовному воспитанию тогдашней православной молодежи.

Конечно, средоточием духовной жизни Киева, главным источником благочестия и христианского подвижничества были в то время Киево-Печерская Лавра, Михайловский монастырь с мощами великомученицы Варвары и другие обители, сиявшие многими подвижниками высокой жизни. "Киевские братские училища", куда предписано было определить Петра, представляли в то время довольно сложное учебное заведение. Это было соединение низшей, средней и высшей школы, помещавшихся в ограде братского Богоявленского монастыря, под общим именем Киево-Могиланской, Богоявленско-братской Академии. Возникнув в конце XVI века в виде небольшой школы, имевшей целью давать первоначальное образование русским православным мальчикам, это учебное заведение, благодаря ряду щедрых жертвователей и заботливых покровителей постепенно превратилось в просветительное заведение самого высшего разряда. В 1633 году оно было преобразовано митрополитом Петром Могилою в коллегию, а в 1701 году грамотой императора Петра Великого в Академию. К началу XVIII века Академия была организована по образцу высших заграничных школ и стала рассадником высшего образования и питомником наставников славной России. Она выпускала из своих стен церковных деятелей, славных не только ученостью и талантами, но и святостью жизни, каковы были, например Феодосий Черниговский, Димитрий, митрополит Ростовский, Иннокентий, епископ Иркутский, Иоанн, митрополит Тобольский, и др. Созданная трудами, заботами и средствами киевских митрополитов, щедрых благотворителей и всего, можно сказать, малорусского народа, видевших в

ней оплот, от натиска иезуитов и униатов, Киевская Академия того времени не была учреждением узкословным. Она широко раскрывала свои двери детям всех классов общества, духовным и светским, богатым и бедным, знатным и простым. Принимала и иноплеменников, но только православных. Еще Анна Гулевичева, завещая в 1615 году свое имение киевскому Братскому монастырю, писала в своем завещании, что она передает свое имущество под школу детей как дворянских, так и мещанских, православного вероисповедания, и с тех пор всесловный характер школы строго сохранялся, подтверждаемый неоднократно постановлениями братчиков, вкладчиков и киевских архипастырей. Как велико было число воспитанников Академии, можно видеть из следующих цифр: в 1715 году в ней воспитывалось 1100 воспитанников, в 1742 году — 1234, в 1744 — 1160, из которых 388 принадлежали к духовному званию, а 772 к дворянам и разночинцам. Учебное дело в Академии было поставлено следующим образом (архиепископом Рафаилом Заборовским в 1736 году была составлена особая "инструкция" для профессоров и студентов Академии. См. приложение 1-ое в конце книги): в четырех младших классах главное внимание обращалось на изучение языков: латинского, греческого, польского и славянского. Первый класс назывался "аналогия", или "фара". Второй класс назывался "инфима". В этих двух классах обучались чтению и письму на всех вышеупомянутых языках и занимались первоначальным грамматическим разбором. Следующие два класса носили название "грамматики" и "синтаксими". Как показывают самые названия, в этих классах входили в детальное изучение грамматики и синтаксиса. Кроме языков этих классов проходили катехизис, арифметику, нотное пение и музыку. Этими четырьмя классами заканчивалась низшая школа, и ученики переходили в среднюю. Средних классов было два: "пиитика" и "риторика". Курс обоих классов проходил в течение одного года. Из класса риторики ученики переходили в высшее отделение Академии, состоявшее из двух классов — философии и богословия. Курс философии изучался два года, курс богословия четыре года. До перехода в философию учащиеся назывались учениками, по переходе в философию — получали названия студентов. Во главе Академии стоял ректор (он же и настоятель братского Богоявленского монастыря). Ректор преподавал "богословию". Ближай-

шим помощником ректора был префект, преподававший философию. Каждый из остальных классов имел своего преподавателя, преподававшего в нем все предметы. При переходе из класса в класс учеников экзаменовал преподаватель того класса, в который ученики переходили. За поведением учеников следил суперинтендант. Его помощниками были визитаторы, посещавшие квартиры учеников, живших вне братского монастыря, сениоры, старшие в ученических общежитиях, и цензоры, следившие за поведением учеников в церкви. В классе ученики занимали места по успехам. Кто учился лучше, сидел впереди. Кто учился хуже, того отсаживали назад. Богатство и знатность не имели в школе значения: все ученики были равны и различались только способностями и прилежанием. Классы были очень многочисленны. Для облегчения труда преподавателя выбирались наиболее прилежные ученики, которым поручалось наблюдение и надзор за успехами их товарищей и которые обязаны были перед началом урока проверять их познания. Эти старшие ученики назывались аудиторами. Выслушав каждого из порученных им товарищей, они под личной ответственностью отмечали на особом листе его знания и незнание и представляли этот лист учителю. Всякое послабление со стороны аудитора строго наказывалось: виновный лишался аудиторского звания, а иногда подвергался и телесному наказанию. На каждую неделю назначались по порядку 4 дежурных, из которых двое должны были записывать тех, кто плохо стоял в церкви или вел себя неприлично на улице и вообще в чем-либо был неисправным. Другие два должны были пораньше прийти в школу, подмести пол, затопить печку и сидеть у двери, записывая тех, кто поздно приходил в школу. Особенное внимание обращалось на изучение латинского языка. Воспитанники всех младших классов обязаны были говорить между собою непременно латыни. Нарушавшие это правило подвергались штрафу. Для возбуждения большого интереса к занятиям практиковались разного рода соревнования. В младших классах допускалось состязание в домашних письменных работах. Ученик писал на своей тетради имя того товарища, с которым желал вступить в состязание или которого считал несправедливо аттестованным выше себя. Если претендент оказывался правым в своем притязании и одерживал победу, он получал требуемое. Если же терпел поражение, то подвергался наказанию по усмотре-

нию соперника В высших классах, начиная с философии, экзаменов не было Вместо экзаменов здесь практиковались диспуты Диспуты были еженедельные, домашние, без посторонней публики. Сам профессор становился иногда в положение дефендента, позволяя каждому из студентов возражать против уроков, прочитанных им в течение недели. Иногда же в присутствии или при участии профессора воспитанники вступали в диспут друг с другом по поводу того или другого вопроса, затронутого профессором.

Особенною торжественностью отличались годовичные диспуты Председательствовал на них сам митрополит, присутствовали на них знатнейшие лица города. Приводим интересное описание одного из таких диспутов, происходившего в сороковых годах XVIII столетия, т. е. почти в то самое время, когда в Академии учился П. Величковский.

"В день, назначенный для диспута, все знатнейшие сановники Киева и все окрестные помещики, съехавшиеся в город для того торжества, отправились рано утром в Лавру, где еще с вечера находился митрополит. Часов в девять утра из Лавры грянулся торжественный поезд по направлению к Подолу Митрополит ехал в карете, запряженной восьмеркой лошадей. Поезд был так длинен, что когда голова его показалась на спуске Александровской горы, то хвост еще находился около Лавры. В эту минуту на всех колокольнях Подола раздался колокольный звон и карета митрополита медленно приблизилась к Братскому монастырю, окруженному цеховыми знаками и бесчисленным множеством народа, занимавшему всю площадь и академический двор На больших воротах Братского монастыря красовался большой, вычурно разукрашенный лист, извещавший Киевлян о времени и предмете ученого диспута Как только карета митрополита остановилась у Святых ворот, звон на братской колокольне прекратился и тотчас же умолк звон и по всем остальным церквам. Но в тот же самый момент раздался громкий концерт двух академических хоров, расположившихся в Святых воротах монастыря, и один из студентов приветствовал митрополита речью. Митрополит следовал в залу, предшествуемый певчими, а на обширной галерее главного корпуса академический оркестр гремел встречный марш. Когда митрополит дошел до середины залы, музыка смолкла и певчие, уже поместившиеся на хорах, запели. "Царю Небесный". Вслед за тем начались при-

ветствия на разных языках в стихах и прозе, а между тем постепенно прибывали остальные участники торжества и наполняли залу. Когда митрополит и знатнейшие гости заняли свои места, префект поднес им разрисованные тезисы предстоящего диспута. Вот некоторые из этих тезисов. По философии: "Цель философии — доставление человеку возможного счастья на земле, познание истины и усовершенствование человека в добродетели". По логике: "Предмет логики — существенный: настроить деятельность рассудка; формальный: излагать к тому известные формы". По этике: а) "Этика — есть наука, которая имеет предметом своим деятельность воли, направленной к нравственному добру", б) "Дикie звери не действуют с определенной целью", в) "Кто выходит на дуэль, тот не доказывает этим никакой доблести", г) "Нет никакой знакомой причины, по которой бы человек мог лишиться себя жизни". По физике: "Разумная душа творится и входит в человека от самого Бога и по существу своему бессмертна". По метафизике: а) "Метафизика есть наука, предметом которой служит естество, чуждое всего материального", б) "Бог есть существо, существующее само по себе: но бытие Его усматривается из явлений".

Эти тезисы, гласила программа, под руководством профессора Казачинского, в Киевской православной Могилы-Заборовской Академии будет защищать А.А.З.З., а возражать будет один из отличнейших слушателей философии Василий Думницкий. Ввиду обширности программы она не могла быть выполнена целиком и по указанию митрополита было выбрано несколько тезисов. В промежутках между прениями певчие пели концерты и канты, оркестр играл разные пьесы, а ученики низших и средних классов произносили диалоги и стихи. По окончании диспута митрополит и почетнейшие гости удалились в покои ректора Академии, где им предложено было угощение".

Все воспитанники Академии делились на две группы. Меньшая проживала в общежитии при Академии, большая, к которой принадлежал и Величковский, жила по квартирам вне Академии. Воспитанники этой категории большей частью ютились по школам, при приходских храмах. Находясь под наблюдением приходских священников, они помимо своих прямых учебных занятий, обязаны были приучаться к чтению и пению в церкви. Назначенный в каждое такое школьное

общежитие сениор ежедневно наряжал в церковь двух учеников по очереди, а где их бывало много, там и трех, и четырех, для чтения Псалтири, канонов и для пения. В праздничные же дни все живущие в школе воспитанники обязаны были присутствовать в своей приходской церкви, а способные петь на клиросе. За этот труд школьники получали от церкви отопление и денежную плату, впрочем, очень скудную. Сохранилась следующая запись в одной из приходских церквей: "Дано школярам "праздничкового" на Покров две копейки, в первый день Пасхи дано в школу школярам ради праздника две копейки".

Ввиду крайней бедности многие школьники в дни великих праздников ходили по домам за сбором подаяния. Жили школяры очень тесно. Иногда им приходилось тесниться в одной комнате вместе с семьей причетника и его учениками из обывательских детей, и тогда только один стол был неприкосновенною собственностью школяров. Неудивительно, что при такой тесноте между школьниками и их хозяевами происходило немало неприятных, а иногда и смешных недоразумений. Но все переносили школяры, лишь бы только не утратить звания воспитанников Академии. В каникулярное время, а иногда и в учебное, академисты расходились на кондиции чуть ли не по всей Малороссии, продолжая числиться воспитанниками Академии. Иные из школяров добывали себе средства пропитания распеванием духовных стихов. Каждый день в обеденное время они ходили по киевским улицам и пред каждым домом у окна или у ворот пели гимны, прося милостыни.

По вечерам они собирались на площади перед собранием торговцев, остававшихся на ночлег около своих лавок, и распевали портесные канты в честь святых угодников или чудотворных икон, особенно в честь Божией Матери. Музыка и слова этих кантов всегда были сочинением самих студентов. С наступлением летних каникул, когда одни из питомцев Академии отправлялись под кров своих родителей и родственников, а бездомные и бесприютные соединялись в странствующие труппы с целью как-нибудь пропитаться до начала учения, эти гимны и канты раздавались по селам и полям всей Украины.

Еще при митрополите Петре Могиле в первой половине XVII века воспитанники коллегии сочиняли и исполняли в лицах драматические представления, изображавшие библей-

ские события В составлении таких духовных пьес немало потрудился и св. Димитрий, будущий митрополит Ростовский. Местом представления обычно служила академическая зала, а иногда открытая поляна в какой-нибудь роще, куда во время так называемых "рекреаций", бывавших раза три в году, отправлялись вместе и учащие, и учащиеся.

С особенной торжественностью справлялись в Академии некоторые праздники и знаменательные дни. Так, в Вербную субботу все воспитанники Академии вместе с начальством собирались перед вечерней в ограду Софийского собора. Получив благословение митрополита, они с пением стихир "Днесь благодать Святаго Духа нас собра", с вербами в руках направлялись в Подол, где в великой церкви братского монастыря отправляема была вечерня и говорилось поучение В большие академические праздники воспитанники стояли за богослужением со свечами в руках, участвуя в большом херувимском выходе. В крестных ходах при погребальных процессиях воспитанники шли по классам, причем на фланге каждого класса шел знаменосец, в руках которого был значок на древке с изображением Спасителя и Божией Матери в звездах

В заключение этого краткого очерка академической жизни опишем внешний вид тогдашнего студента Академии. Верхнюю одежду студента составляла "кирея", род шинели без капюшона, с откидными рукавами, простиравшаяся до пят. Летом она бывала у богатых из шелковой материи, а у бедных из китайки, а зимою из сукна и по краям обшивалась красным или желтым шнурком в узор. В зимнюю пору под кирею надевали овчинный козук, подпоясываемый шелковым или шерстяным кушаком, а в летнюю короткий кафтан из какой-нибудь материи, до верха застегиваемый металлическими пуговицами. Штаны у щеголей были красные или голубые, чрезвычайной ширины. Шапка делалась из смушек с каким-нибудь цветным верхом. Сапоги бывали тоже разных цветов. щеголи носили красные или желтые с отворотами, на высоких каблуках, со звенящими подковами

Таковы были те киевские братские училища, куда привезла Петра Величковского его мать к началу 1735-36 учебного года. Это была школа, единственная не только во всей Украине, но и во всей России, не уступавшая по высоте образования лучшим заграничным школам и вместе с тем школа народная, строго православная, истинный народный и право-

славный университет, предмет утешения и гордости украинского народа.

Понятно, что вступить в такую школу было заветною мечтою и счастьем каждого даровитого и любознательного малороссийского юноши того времени

Глава 3

ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИЧКОВСКОГО В КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ВЛЕЧЕНИЕ К МОНАШЕСТВУ. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПОСТУПИТЬ В КИТАЕВСКИЙ СКИТ. ОБЪЯСНЕНИЕ С ПРЕФЕКТОМ АКАДЕМИИ. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С МАТЕРЬЮ. БЕГСТВО ОТ МИРА

Однако не учебные занятия, не академические празднества, не веселая товарищеская жизнь привлекли к себе сердце молодого Величковского. Его сердцем всецело завладели благолепные храмы, святые обители, безмолвные пещеры и уединенные беседы с друзьями о страннической жизни. В первые свои школьные года Величковский учился добросовестно и ежегодно переводился из класса в класс, но в глубине его души происходила особая внутренняя работа, особые решения созревали в ней. В ней крепло молитвенное общение с Богом, утверждалась мысль о полном посвящении себя Богу, о совершенном отречении от мира. Уже в это время он установил для себя следующие три правила: 1) ближнего своего не осуждать, хотя бы собственными глазами видел его согрешающим, 2) ни к кому не иметь ненависти и 3) от всего сердца прощать обиды. Присмотревшись к своим товарищам, Петр нашел среди них друзей, разделявших его мысли. Они часто собирались вместе в каком-нибудь незаметном уголке и целые ночи до звона заутрени проводили в душевных разговорах, собираясь вместе покинуть мир и сделаться странниками. Они давали друг другу клятву не постригаться и не жить в богатых

монастырях, где невозможно подражать нищете Христовой, и жить во всякой тесноте и злострадании. Лучше, говорили они друг другу, оставаться в миру, нежели, отрекшись для вида от мирских благ, проводить в монастыре жизнь беззаботную и широкую — на соблазн мирянам, на поругание монашеского чина и на вечное осуждение своих душ в день суда Божьего. "Здесь же в монастыре нашелся и первый духовный наставник Петра — благочестивый иеросхимонах Пахомий, много лет проведший в странствовании и пустыне. Петр любил слушать его рассказы о его странствованиях, о трудностях отшельнической жизни и вместе с тем об удобствах пустынножительства для безмолвного, молитвенного пребывания с Богом. Пахомий снабжал Петра книгами духовного содержания, от чтения которых еще более укреплялось в нем молитвенное монашеское настроение.

Летом, с 15 июля по 15 сентября, Петр приезжал в родную Полтаву, продолжал жить и здесь своею особенною духовною жизнью. Уже в это время он усвоил себе привычку делать выписки наиболее замечательных мест из читаемых книг.

Когда наступила третья зима пребывания Величковского в Академии, усердие его к школьным занятиям стало все более и более ослабевать, а желание монашества превозмогать. Особое событие еще более повлияло на него в этом направлении. В один день из школы исчезли два его друга. Раздумывая о том, куда они могли уйти, Петр решил, что они ушли в монастырь и находятся, по всей вероятности, в Китаевском скиту Киево-Печерской Лавры. Он решил отыскать их. Выбрав удобное время, он потихоньку от начальства отправился в Китаевский скит. Его друзья действительно оказались там. Они очень обрадовались ему, накормили его и после вечерней службы вместе с ним и с другими послушниками занялись чтением книги святого Ефрема Сирина. После продолжительного чтения они простились друг с другом, оставив Петра ночевать в трапезной. На следующий день после литургии Величковский был приглашен начальником скита разделить с братией общую трапезу. Царившее в трапезе благоговейное молчание, внимательное слушание установленного чтения произвели на Петра глубокое впечатление: ему казалось, что он сидит среди ангелов Божиих, находится не на земле, а на небе. После трапезы друзья Петра снова долго беседовали с ним и уговаривали его остаться с ними в обители. Он и сам

готов был сделать это, но боялся матери, которая, как он хорошо знал, ни за что не согласится на поступление его в монастырь и возьмет его оттуда силою. На третий день, простившись со своими друзьями, Петр возвратился в город. Трехдневное пребывание в скиту среди своих бывших школьных товарищей еще более укрепило Петра в намерении отречься от мира. Когда наступило лето 1738 года, он не поехал домой, а остался в Киеве с целью посещать киевские святыни и искать удобного случая осуществить свое желание. В это время он жил на Подоле, около церкви святителя Николая Доброго, у одной старой вдовы, которая любила его и заботилась о нем, как о родном сыне. Пользуясь каникулярною свободой, Величковский усердно посещал все церковные службы. Любил он бывать в Софийском соборе и молиться у мощей святителя Макария, часто бывал в Михайловском монастыре у святой великомученицы Варвары. Но самым любимым местом Петра была Киево-Печерская Лавра. Туда он ходил чаще всего по воскресеньям и праздничным дням слушать раннюю и позднюю литургию. Иногда он приходил и по вечерам и вместе со странниками ночевал в ближних пещерах, около церкви, или оставался на ночь в самой Лавре около колокольни до самого звона церковного. Стоя в церкви и видя вокруг себя множество иноков, он, по его собственным словам, умилялся и радовался, как бы видя перед собою самих печерских угодников, и прославлял Бога за то, что Он удостоил его быть в таком святом месте. По окончании службы в Великой Церкви, он ходил с богомольцами по пещерам и наслаждался царившим там безмолвием и тишиною, как невозможно и представить на верху земли. Его сердце горело желанием навсегда остаться на этом святом месте, но вспоминая свою мать, он сознавал, что не в Киеве предстоит ему исполнить свое желание. Так незаметно проходило лето, и Петру захотелось еще раз побывать в Китаеве. Ему вспоминались бледные, изможденные лица тамошних иноков и необыкновенная красота пения, так как в Китаеве не только ирмосы и стихиры, но и "Господи помилуй", и "Поддай, Господи", и "Аминь" пели с таким сладостным умилением и тихостью, что и самое жесткое и упорное сердце, как казалось ему, должно было смягчиться и облиться слезами умиления от этих напевов. Самое местоположение Китаева, его скромная деревянная, крестообразная церковь во имя великого пустын-

ножителя Преподобного Сергия Радонежского, украшенная изображениями Преподобных Отцов Великороссийских, глубокая тишина и безмолвие места — все невольно располагало к молитве и умиротворяло душу У Петра явилась радостная надежда, что, может быть, на этот раз ему удастся поступить сюда, а мать умиласердится и разрешит ему там остаться. И вот он вторично переступает порог святой обители. Войдя в ограду, он с трепетом и радостью увидел прежде всего самого начальника скита, стоявшего около церкви, Петр подошел к нему и, поклонившись ему до земли, просил благословения навсегда остаться в обители. Начальник повел его в свою келью. Здесь Петр еще раз поклонился ему и смиренно стал у двери. Начальник пригласил его сесть около себя. Петр, по его словам, ужаснулся от этого предложения и, поклонившись еще раз, остался на своем месте; начальник во второй и в третий раз приказывал Петру садиться, но тот только кланялся и не двигался с места. Тогда начальник сказал: "Ты просишь принять тебя в нашу обитель. Но я вижу, что в тебе нет даже и следа монашеского смирения, послушания и отсечения своей воли. Я три раза приказывал тебе сесть около меня, и ты не послушал, а должен был по первому моему слову исполнить мое приказание. Как же ты, не имея послушания, осмеливаешься просить меня принять тебя в обитель? Кто не имеет послушания, тот недостоин монашеского образа". Заметив, что его слова сильно расстроили Величковского, начальник заговорил более мягко. "Чадо мое, любезное! Знай, что я подверг тебя испытанию для того, чтобы ты до конца дней своих не забывал, что начало и корень и основание истинного монашества заключаются в послушании и отсечении своей воли. И все желающие оставить мир и все, что в мире, должны оставить и свою волю, и рассуждение и во всем повиноваться по Богу своему наставнику. Не смущайся же испытанием, которому я подверг тебя и не малодушествуй, так как ты не из упрямства не послушал меня. А потому Бог да простит тебя, чадо, и я грешный прощаю!" После этого начальник стал расспрашивать Петра, откуда он родом, чей он сын и не препятствуют ли ему родные поступить в монастырь. Когда Петр чистосердечно рассказал ему все свои обстоятельства, начальник сказал: "Чадо мое, хотя ты и просишь принять тебя в нашу обитель, но я по рассказу твоему не могу этого сделать, чтобы не вышло неприятностей и нам, и тебе, так как твоя

мать, узнав о твоём местопребывании, легко может взять тебя отсюда при содействии начальства. Не скорби, но возложи всю свою надежду на Бога. Поверь мне, что всемогущий Бог не оставит тебя и поможет тебе исполнить твоё желание".

С этими словами старец благословил Петра и отпустил его из обители.

Наступил сентябрь, и возобновились академические занятия. Петр был уже в классе риторики, но учебными делами почти не занимался. В это время, к заключению мира с турками, приехал в Киев молдавский митрополит Антоний и был радушно принят архиепископом Рафаилом. Будучи в Братском монастыре, митрополит Антоний увидел знакомого ему иеросхимонаха Пахомия и с разрешения архиепископа взял его в свои покои. Часто посещая своего духовного наставника, Петр имел случай не раз получать благословение молдавского митрополита. Ему очень нравилось совершение Антонием литургии на молдавском языке, и с тех пор в нем возникла, по его словам, любовь к молдавскому языку и к молдавскому народу. Между тем в конце января один ученик, земляк Петра, заметив, что тот совсем перестал учиться, пошел к префекту, которым тогда был Сильвестр Куллока, и донес ему, что Величковский совсем не учится и его мать напрасно на него тратится. Префект тотчас же послал двух учеников за Величковским, и когда они привели его, префект строго спросил его, почему он не учится. Петр, хотя всегда был робким и застенчивым, на этот раз с непонятною для самого себя смелостью отвечал: "Первая причина та, что, имея твердое намерение стать монахом и сознавая неизвестность смертного часа, хочу как можно скорее принять постриг. Вторая причина та, что от внешнего учения я не вижу никакой пользы для своей души: слышу одни только имена языческих богов и мудрецов — Цицерона, Аристотеля, Платона.. Учась у них мудрости, современные люди до конца ослепились и отступили от правого пути: слова умные произносят, а внутри полны мрака и тьмы, и вся мудрость их только на земле. Не видя пользы от такого учения и опасаясь, как бы мне и самому от него не развратиться, я и оставил его. Наконец, третья причина следующая: рассматривая плоды этого учения в духовных лицах монашеского чина, я замечаю, что они, подобно мирским сановникам, живут в великой чести и славе, украшаются дорогими одеждами, разъезжают на

великолепных лошадях и в прекрасных экипажах (не в осуждение им говорю, да не будет!). Я боюсь и трепещу, как бы и самому, научившись внешней мудрости и ставши монахом, не впасть в еще худшие немощи. Вот по всем этим причинам я и оставил внешнее учение".

Со вниманием выслушав слова молодого ритор, Сильвестр ответил ему пространною речью, в которой объяснил ему его невежество. Он указал ему, что и внешнее учение имеет великую пользу, и если он этого не сознает, в этом нет ничего удивительного, так как он еще едва лишь прикоснулся к этому учению, что величайшие отцы церкви, св. Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст усердно изучали языческих поэтов, и мудрецов и эта внешняя мудрость не может помешать ему стать истинным монахом, как она не помешала тем же великим отцам стать светильниками православия и истинными служителями Христа. Замечая, однако, что его слова не производят на Величковского должного впечатления, Сильвестр рассердился и пригрозил ему за непослушание беспощадным телесным наказанием.

Наступили каникулы. Петр отправился к матери в Полтаву, где он не был уже два года. Это было последнее лето, которое он провел на родине. Он твердо решил не возвращаться в Академию и начать странническую жизнь. Грустно было ему расставаться с родными, с привычными и любимыми местами. Но всего тяжелее была ему предстоящая разлука с матерью. Он знал ее мысли и планы и понимал, каким тяжким ударом будет для нее его уход от мира. И ему хотелось как-нибудь подготовить ее к этому событию. Но едва только Петр со всею осторожностью заговорил с матерью о своем намерении, великая скорбь и печаль охватили ее душу. Она с горькими слезами стала убеждать его не покидать ее. Он старался успокоить ее и утешить, умоляя не скорбеть, а радоваться тому, что Господь внушил ему такое намерение. Но видя, что его слова не достигают цели, и что мать предается все большей и большей печали, Петр рассказал об этом своему духовному отцу, который посоветовал ему не настаивать в своем желании. Тогда Петр заговорил с матерью по-другому. Он сказал ей, что ему действительно необходимо сначала окончить школу и тогда уже избрать свой дальнейший путь. От этих слов мать повеселела и стала надеяться, что он изменит свое решение. У Петра был друг в Полтаве — Димитрий. Они

оба держались одинаковых мыслей и решили вместе уйти не только из родной Полтавы, но и из пределов отечества.

Когда каникулы стали приходить к концу, Петр и Димитрий условились вместе ехать в Киев будто бы для учения, а на самом деле с целью оттуда уйти за границу. Но в это время Петр заболел и не мог уехать вместе с Димитрием. Друг же его отправился в Киев и должен был подготовить там все для их бегства. Когда Петр выздоровел, мать, снарядив его в дорогу, отправилась вместе с ним проводить его до Решетиловки, местечке в 36 верстах от Полтавы. В Решетиловке мать и сын переночевали, и мать еще немного проводила его и оставившись, как бы чувствуя, что сын уходит от нее навсегда и что она никогда уже не увидит его в этой жизни, горько заплакала и еще раз просила не покидать ее, учиться прилежно и каждое лето приезжать в Полтаву, чтобы она могла видаться с ним. Петр, сознавая, что он навсегда расстанется с матерью, так же заплакал и упав к ногам ее, просил ее материнского прощения и благословения, многократно со слезами целуя ее руку. Наконец они расстались. Мать вернулась в Полтаву, а Петр отправился в Киев. Он ощущал в себе двойное чувство: с одной стороны, глубокую скорбь о покинутой матери, с другой — радостное сознание своего освобождения от уз мира. Подвигаясь к Киеву, он вдруг к величайшему своему изумлению и испугу увидел перед собою своего друга Димитрия, который возвращался из Киева в Полтаву. Отведя Димитрия в сторону, Петр спросил его, что заставило его возвращаться в Полтаву. Димитрий сказал, что, приехав в Киев и прожив там несколько дней, он не знал, что ему делать дальше, и решил вернуться в Полтаву к своему другу. На это Петр сказал ему: "Тебе следовало подождать моего прибытия в Киев, но так как ты этого не сделал, а теперь Господь помог нам встретиться с тобою, то бери поскорее свои вещи и поедем со мною обратно в Киев, чтобы там вместе устроить наше дело". На что Димитрий ответил: "Так как мы находимся недалеко от нашего родного города, то позволь мне съездить туда — проститься с матерью и получить ее последнее благословение. Затем я тотчас же приеду к тебе в Киев и, может быть, даже нагоню тебя в дороге". Услышав этот ответ, Петр содрогнулся и подумал: "Как сильна в людях привязанность к родителям и к миру сему!" И он стал усердно просить своего друга не оставлять его и не ездить в Полтаву. Но видя,

что Димитрий упорно стоит на своем, Петр с горечью сказал: "Я вижу, друг мой, что в твоей душе угасла ревность Божия, и ты возлюбил мать и мир больше Христа! Свяжет же тебя этот мир так, что потом, хотя ты и расскаешься и захочешь уйти от него, ты уже не сможешь того сделать, возьмешь себе жену, будешь оплетен заботою о ней и детях и окончишь жизнь свою в миру". На это Димитрий отвечал: "Кто меня удержит в миру, если я хочу быть монахом? Я охотнее претерплю самую смерть, нежели покорюсь тем, кто станет мне мешать исполнить мое желание. Да у меня и нет таких людей, как ты и сам знаешь. Итак поверь мне, что я только возьму благословение у матери и сейчас же возвращусь к тебе!". Тогда Петр вновь сказал: "Пусть будет и так, что никто не держит тебя в миру, а я все-таки скажу тебе, что и без всякого принуждения тайная любовь к миру, которой ты в себе не сознаешь, удержит тебя в нем навсегда. И поверь мне, что уже никогда не увидишь ты меня в этой жизни. Поэтому я не буду ожидать тебя и один пойду в путь мой, куда направит меня Господь Христос, мой Спаситель". Друзья поцеловались и расстались. Петр продолжал свой путь в Киев, скорбя о том, что завистливый мир похитил у него любимого друга.

По приезде в Киев Петр отпустил своего возницу, написав матери письмо, что Божией помощью и ее святыми молитвами он прибыл в Киев благополучно. Затем он стал обдумывать, что ему предпринять и куда направить свои дальнейшие шаги. В жизни Петра совершился первый, решительный перелом, — кончилось беззаботное детство, спокойная жизнь под крылом матери и школы. Отныне он вступает на самостоятельный жизненный путь. Отдавшись внутреннему внушению сердца, он порвал все самые крепкие узы мира и стоял одиноко среди беспредельной пустыни мира, перед лицом невидимого Бога, возлагая на Него всю свою надежду и к Нему одному прилепляясь всею душою. В это время ему было без трех месяцев семнадцать лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОДЫ СТРАННИЧЕСТВА — В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО РУКОВОДСТВА

(1739—1746)

**"Проидохом сквозь огонь и воду, и
извел еси нас в покой".**

Псал. 65, 12

Глава I

НАЧАЛО СТРАНСТВОВАНИЯ. ПРИБЫТИЕ В ЧЕРНИГОВ. ЖИЗНЬ В ЛЮБЕЧСКОМ МОНАСТЫРЕ. ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ. БЕГСТВО В ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

Оставляя родной дом, Академию, родину, спокойную и обеспеченную жизнь, обрекая себя на нищету и странничество, юный Петр ясно сознавал, что он делает. Он видел страшную силу "мира" и боялся, как бы этот "мир" не связал и не опутал его душу своими обычаями и требованиями, не угасил в нем святого огня любви к Богу. Решительно и навсегда разрывая узы "мира" и освобождаясь от всякого рода притязания с его стороны на свою внутреннюю свободу, Петр поступил по примеру святого Алексия, человека Божия, в уверенности, что Господь не оставит его на этом пути, как Он не оставил и святого Алексия, и что в душе его сторицею возгорится тот святой огонь любви к Богу, который он сделал главной целью своей жизни. Последуем же за юным нашим странником и посмотрим, что он встретил на своем скитальческом пути, и в какой мере исполнились его заветные думы и желания

Когда Петр раздумывал, куда ему направить свои стопы, ему пришла в голову мысль посетить Чернигов, где жил тогда духовный наставник иеросхимонах Пахомий. От него он надеялся получить совет и благословение на дальнейший свой путь. Петр нашел себе попутчика, одного из воспитанников Академии, который собирался отправиться через Чернигов к

своему отцу. Они нашли старика-лодочника, который согласился за некоторую плату довести их водою до Чернигова. Купив все необходимое для дороги, они двинулись в путь. Проплыв немного по Днепру, они вошли в Десну и, плывя вверх по течению, с большим трудом достигли через десять дней небольшого города Остра. Плавание их было сопряжено с большими лишениями. Был уже октябрь, и время было суровое. Петр, не имея теплой одежды, дрожал от стужи, особенно когда шел дождь со снегом, и ветер пронизывал насквозь. С наступлением ночи путники вытаскивали свою лодку на берег, разводили большой огонь и отогревались, сколько могли. Но и тут Петру приходилось хуже всех. Не имея достаточно одежды, он, согреваясь с одной стороны, замерзал с другой и, поворачиваясь всю ночь с боку на бок, едва мог уснуть. Большим затруднением было для них и то, что все время приходилось плыть против течения и непрерывно работать веслами. Спутники Петра были сильнее его. Петр же, от природы слабый и с детства не знавший телесного труда, работал сверх сил, отчего у него сильно болело все тело, особенно руки и ноги. В довершение трудности лодка их была до такой степени мала, что едва выдерживала трех человек, поднимаясь над водою всего на три или четыре пальца. Когда же на реке начиналось волнение, вода заливала лодку и нужно было ее непрерывно вычерпывать, чтобы не потонуть. Однажды они попали посреди реки на мелкое место, и лодка их едва не перевернулась. Они выскочили на песок и, стоя по колена в воде, удерживали лодку, выливая из нее воду. Вследствие быстроты течения песок ускользал из-под их ног и увлекал их с собою вниз по течению реки. Петр от испуга едва не лишился чувств, но кое-как с большими усилиями им удалось удержать лодку и, вылив из нее воду, они снова продолжали свой путь. Когда они подплыли к Остру, то увидели на берегу человека, который смотрел, как их лодка едва не погружалась в воду. Когда же они подплыли к берегу и вышли из лодки, этот человек с упреком сказал лодочнику: "Как же это ты не побоялся Бога и повез в такой маленькой лодке этих молодых людей по такой опасной реке! Ты сам уже стар и тебе не страшно умирать, но ты взял бы тяжкий грех на душу, погубив этих юношей. За это ты не заслуживал не только никакой платы за труд, но тебя следовало бы еще и наказать". Сказав эти слова, добрый человек пригласил молодых людей

к себе в дом и несколько дней заботился о них. По его совету они расстались со своим лодочником, причем товарищ Петра заплатил ему только половину условленной платы, а Петр, чтобы не огорчать старика, отдал ему плату за весь путь до Чернигова. После этого их заботливый хозяин подыскал для них другого лодочника, заплатив ему за их провоз и содержание до Чернигова. Поблагодарив своего доброго покровителя, юные путники отправились в дальнейший путь.

На этот раз от них уже не требовали никакой помощи и предоставляли им пищу и полный покой. Через несколько дней показались покрытые густым лесом Болдинские горы, где когда-то подвизался преподобный Антоний Печерский, и засияли кресты черниговских церквей и монастырей. Путники радостно возблагодарили Бога за благополучное прибытие в Чернигов. Простившись со своими спутниками, Петр отправился в архиерейский дом, где и нашел своего духовного отца иеросхимонаха Пахомия, который очень ему обрадовался. Прожив у Пахомия несколько дней, Петр рассказал ему о своих планах и просил у него совета, где и как ему лучше перейти границу и начать свое странствование. Пахомий сказал ему: "Тебе лучше всего идти в монастырь, который находится недалеко от Любеча, родины преподобного Антония Печерского. Там ты найдешь иеросхимонаха Иоакима, который и научит тебя, что делать. Любечский монастырь стоит над Днепром на польской границе, и тебе удобно будет оттуда уйти за границу. Поживи у меня до базарного дня, а тогда ты легко найдешь человека, который отвезет тебя до Любеча". Петр так и сделал. Но, не найдя человека, отправлявшегося в Любеч, он нанял крестьянина из села, находившегося на полпути до Любеча, который согласился взять его с собою. Переночевав в селе, Петр просил своего возницу возить его и дальше, но тот отказался. Тогда Петр, помолившись Богу, пошел один с большим страхом, потому что дорога шла густым лесом, и он, странствуя в первый раз в жизни, очень боялся диких зверей. Однако все обошлось благополучно и, пройдя лес, Петр увидел вдали Любеч и монастырь, отстоявший от города не далее трех верст, и очень обрадовался. Когда Петр стал подходить ближе к монастырю, то заметил, что от города к Днепру были поставлены рогатки и около них стояла стража, а монастырь находился по ту сторону рогаток. У Петра не было никакого письменного вида, и он боялся, что стража его

задержит. Молясь внутренне, Петр приблизился к рогаткам. В это время из города по направлению к монастырю по ту сторону рогаток показался монах. Остановившись около стражи, монах стал смотреть на приближающегося Петра; когда стража окликнула его, монах, не давая ему ответить, воскликнул: "Что же вы спрашиваете, кто он? Разве вы не видите, что это инок-послушник, возвращающийся в монастырь?" Стража тотчас же пропустила Петра, а он, подойдя к монаху, попросил у него благословения, так как догадался, что это был иеромонах.

Иеромонах, которого звали Аркадием, привел Петра в монастырь и до прибытия игумена, находившегося в отлучке, поместил его в своей келье. Заметив, что отец Аркадий муж духовный, Петр очень обрадовался своей встрече с ним и хотел остаться при нем. Когда возвратился игумен, отец Аркадий, указывая на него Петру из окна своей келии, сказал: "А вот и наш отец игумен стоит посреди монастыря. Посмотри, брат, так ли и у вас в Киеве игумены ходят?" Посмотрев в окно, Петр увидел почтенного седовласого старца в толстой черной свитке и очень удивился его простоте и смирению: ему в первый раз в жизни пришлось увидеть так бедно одетого игумена. Отец Аркадий вывел Петра во двор и подвел его к игумену. Благословив Петра, игумен по обыкновению спросил: "Откуда ты, брате, как твое имя, и зачем ты пришел в нашу обитель?" Петр отвечал: "Я пришел сюда из Киевской страны, на послушание, и имя мое Петр". Услышав его ответ, игумен обрадовался и сказал: "Вот и слава Богу, что Он послал тебя к нам. У нас недавно был послушник Петр, бывший у нас келарем; но вот уже два дня, как он ушел из обители. Ты носишь его имя, поручаю тебе и его послушание. Будь у нас келарем". Услышав эти слова игумена, отец Аркадий с удивлением сказал: "Отче святой, этот брат только что пришел в обитель и совсем еще не знает монастырского порядка: пусть он сначала хоть немного поживет у меня в келии и присмотрится к нашей жизни, а потом уже ты определишь ему и послушание, какое найдешь нужным". На это игумен ответил: "Я был бы рад исполнить твой совет, если бы у меня был человек, пригодный к келарному послушанию. Но ведь ты сам знаешь, что у нас нет людей, и я поневоле должен, не откладывая, определить его на эту должность". Сказав это, игумен сейчас же повел Петра в келарню и, показав ему все, что там

было, объяснил ему его обязанности и передал ему ключи. Обязанности Петра состояли в том, чтобы выдавать поварам в определенном количестве необходимые для трапезы припасы: муку, масло, крупу, рыбу и проч. Петр поклонился настоятелю в ноги и принял благословение.

Так началась жизнь Петра в монастыре. Петру отвели келию недалеко от помещения игумена. Она состояла из двух комнат: в меньшей жил тот самый иеромонах Иоаким, к которому послал Петра о. Пахомий, а в большой помещался Петр с одним старым монахом и одним послушником. Петр усердно стал исполнять свое послушание, хотя это и было ему нелегко, так как ему приходилось по нескольку раз в день снимать и накладывать тяжелые камни, которыми покрывались кадки с припасами, и это его очень утомляло. Он не смел никому сказать об этом, и терпеливо исполнял свою обязанность, прося Бога укрепить его силы. На первых порах Петр оставался в своей мирской одежде, но ему скоро дали свитку из грубого черного сукна, и он не помнил себя от радости. Спустя немного времени умер старый монах, живший в одной келье с Петром, и игумен отдал Петру подрясник умершего монаха из грубого серого сукна, сказав: "Если эта одежда тебе нравится, возьми и носи ее". Петр с благодарностью принял монашеское одеяние и, придя в свою келию, прежде всего несколько раз поцеловал его, как святыню и носил до тех пор, пока оно совершенно не изорвалось. Послушание Петра начиналось во время заутрени и оканчивалось поздно вечером. После этого Петр должен был еще читать келейное правило иеросхимонаху Иоакиму. Живя так близко от этого старца, Петр имел полную возможность обратиться к нему с вопросом, его занимавшим, но природная застенчивость и робость мешали ему заговорить с ним. Между тем игумен назначил отца Иоакима на жительство в монастырский скит, в пяти верстах от монастыря, и Петр потерял возможность попросить у старца совета. Келию отца Иоакима игумен передал Петру. Заботясь о внешней жизни Петра, игумен не оставлял без руководства и его внутренней жизни. Он дал ему книгу Иоанна Лествичника и сказал: "Возьми, брат, эту книгу, читай ее со вниманием и наставляйся на святое послушание и на всякое доброе дело, так как эта книга весьма душеполезная". Петр взял книгу с большой радостью и тотчас же начал читать ее. Книга до такой степени понравилась Петру, что он

решил, пользуясь свободным ночным временем, переписать ее для себя. Не имея свечи, Петр заготовил лучину, длиною не менее сажени, и, втыкая такую лучину в расщелину стены, списывал при ее свете книгу, испытывая при этом большое неудобство, так как дым от лучины наполнял комнату, ел глаза и мешал дышать. Тогда Петр открывал на некоторое время окно, выпускал дым и снова принимался за работу.

Со временем Петру удалось достать лампочку, и тогда переписка пошла быстрее, так что к уходу своему из монастыря он успел переписать более половины книги. Жизнь в монастыре очень нравилась Петру, но, к сожалению, его душевный мир продолжался недолго. Скоро его постигло большое искушение, крайне смутившее его душу. Присмотревшись к Петру, братия обители заметили его мягкий характер и неспособность отказывать в просьбах. И вот они стали чуть ли не все, не только простые монахи, но и иеродиаконы, и иеромонахи, приходять к Петру и выпрашивать у него, кому что было нужно: пшеничной муки, пшена, крупы и т. д. Не имея распоряжения от игумена, Петр не знал, как ему поступать. Спросить игумена он боялся, думая, что если игумен запретит, а он по слабости не сумеет отказать, то окажется еще более виноватым. В то же время совесть не позволяла ему раздавать припасы без ведома и благословения игумена. Видя, как самые уважаемые и почетные отцы приходят к нему, последнему в обители, и выпрашивают у него нужное для них, он стыдился даже взглянуть им в лицо и, заглушая совесть, не смел им отказать в их просьбе. Повара, со своей стороны, пользуясь слабостью Петра, уговаривали его давать им двойную порцию припасов, уверяя, что от этого получится более вкусная пища. И действительно, пища оказывалась гораздо вкуснее, так что вся братия были очень довольны, хвалили и благодарили Петра за то, что он так заботится о них, а некоторые даже говорили, что за его доброту Господь посылает обители изобилие во всем. Петр притворно радовался вместе с ними, в глубине же души не имел покоя, и совесть постоянно мучила его. Игумен продолжал относиться к Петру с неизменным расположением. У него был обычай приглашать к себе на ужин кого-нибудь из иноков обители. Нередко приглашал и Петра. Входя в келию игумена и видя его, сидящего в трапезной с кем-нибудь из старшей братии, Петр скромно становился у двери и не смел подойти к сидящим. Но по зову игумена

он робко садился за стол и принимал участие в трапезе. Пища за игуменским столом была самая простая: какое-нибудь варено и гречневая каша. Из напитков подавался квас кисличный или грушевый, тот самый, который подавался и всей остальной братии. Не один раз игумен поручал Петру читать в трапезной. И когда случалось какое-нибудь особенно трогательное житие и Петр читал его тем способом, какому научился в школе, то многие из братий приходили в умиление, плакали и переставали есть. А некоторые даже вставали из-за стола и, окружив Петра, слушали его со слезами. Все это очень трогало Петра. Но более всего его трогало, когда он видел, с какою любовью, кротостью и смирением и с каким долготерпением игумен, как истинный отец, управлял братией. Если случалось кому-либо из братии погрешить в чем-нибудь, игумен тотчас же прощал его, если только видел его раскаяние, наставлял его полезными словами и давал ему правило по силе его. Имея такого мудрого и кроткого наставника, братия жили в глубоком мире и благодарили Бога.

Но вот пришел и конец этой мирной и счастливой жизни. Через три месяца по прибытии Петра в монастырь преосвященный Антоний, митрополит Молдавский, правивший тогда Черниговской епархией, назначил в Любечский монастырь нового игумена, ученого мужа, некоего Германа Загоровского, который, прибыв в обитель, стал управлять ею не по примеру кроткого Никифора, но "властительски", как выражается жизнеописатель старца Паисия. Распознав нрав своего нового начальника, братия затрепетали, а некоторые даже разбежались из обители неведомо куда. Петр, исполняя свое послушание, все время трепетал, как бы ему не погрешить в чем-нибудь и не прогневать нового начальника. Опасения его в скором времени оправдались. Однажды, Великим постом, новый игумен приказал Петру выдать повару к своему столу какой-то капусты. Не раслышав хорошенько слов игумена и не смея переспросить, Петр позвал повара и велел ему самому взять для игуменского стола капусты. Когда капуста была приготовлена и подана игумену, тот, взглянув на нее, приказал позвать Петра. Петр явился. Игумен, встав из-за стола, подошел к Петру и сказал: "Разве я этой капусты приказал тебе выдать к моему столу?" И не ожидая ответа, ударил Петра по щеке так, что тот едва устоял на ногах. Потом игумен с силою вытолкнул его за порог келии, крикнув ему вслед: "Вон,

бездельник!" Дрожа от страха, Петр пришел к себе в келию и стал думать: "Если за такой ничтожный проступок игумен так жестоко поступил с ним, то что же будет, если он провинится в чем-нибудь более серьезном?" Случилось в это время, что и игуменский келейник, живший в одной келии с Петром, также чем-то рассердил игумена. И игумен уже похвалился кому-то, что он с ними обоими разделается по-своему. Братия, по расположению к Петру, передали ему игуменские слова. Келейник, хорошо знавший своего начальника, решил бежать из обители и пригласил с собою Петра. Петр, не ожидая для себя ничего доброго от игумена, согласился бежать вместе с ним. Удобный случай к побегу представился на шестой неделе Великого поста. Ночью, когда братия спали, беглецы, помолившись Богу, вышли потихоньку из обители и спустились к Днепру, на берегу которого повсюду стояла пограничная стража. Высмотрев удобное место между караульными, беглецы с большим страхом пошли через Днепр, опасаясь, как бы их не заметили и не поймали, тем более, что ночь была лунная. Лед на реке был еще крепкий, и они, никем не замеченные, благополучно перешли на другую сторону Днепра. Так как до утра оставалось еще немало времени, а идти по незнакомой дороге они не решались, то, найдя удобное место, они расположились провести здесь остаток ночи и собраться с силами для дальнейшего странствования.

Глава 2

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ ЧЕРНОБЫЛЬ. РЖИЩЕВ ПОВЕСТЬ О ЗАМУЧЕННОМ УНИАТАМИ ПРАВОСЛАВНОМ ДЬЯЧКЕ. ПУСТЫННИК ИСИХИЙ. ПРЕБЫВАНИЕ В МЕДВЕДОВСКОМ МОНАСТЫРЕ. ПОСТРИЖЕНИЕ ПЕТРА В РЯСОФОР. ПРИТЕСНЕНИЕ ОТ УНИАТОВ. УХОД В КИЕВО-ПЕЧЕРСКУЮ ЛАВРУ

Как только рассвело, беглецы отыскивали дорогу и скоро пришли в какое-то селение. Отдохнув и подкрепившись пищею, двинулись дальше на юг. Они проходили огромными лесами, ночуя в попутных селах или просто в лесу под открытым небом. Через несколько дней они подошли к реке Припяти, на другом берегу которой увидели город Чернобыль, но колебались идти туда, так как лед на реке был уже ненадежен. Когда они стояли и раздумывали, подходят к реке еще несколько человек и смело идут по льду на ту сторону. Тогда и наши путники последовали за ними, однако с большим страхом, потому, что во многих местах лед уже провалился. Дойдя до середины реки, они увидели перед собою глубокую трещину, шириною в аршин. У Петра замерло сердце от страха. Чувствуя как бы неминуемую смерть перед собою, он перешагнул через пропасть. Дальнейший путь не представлял трудностей. Выйдя на другой берег, они сели отдохнуть. Когда они сидели и смотрели на только что пройденный путь, вдруг раздался страшный шум: лед затрещал и стал ломаться по всей реке. Льдины, как высокие стены, напирали одна на

другую и плыли вниз по течению Пораженные этим необычайным зрелищем, Петр и его спутник со слезами благодарили Бога, проводшего их через реку за один момент до ее вскрытия. Город Чернобыль не имел вокруг себя ни ограды, ни стражи, и Петр со своим товарищем свободно вошли в город и скоро нашли себе пристанище.

Была Лазарева суббота. На другой день, утром, когда они шли по городу, кто-то сзади позвал Петра по имени и фамилии. Петр страшно испугался. Оглянувшись, он увидел земляка-полтавца, сына одного зажиточного горожанина, который, приветливо поздоровавшись с Петром, пригласил его вместе с товарищем к себе в гости. Дорогой он рассказал Петру, что приехал в этот город по поручению полтавского полковника Кочубея для покупки леса. После этого он рассказал Петру о его матери, которая все время плачет о нем, да и все жители Полтавы вместе с нею жалеют о нем. Сказав это, он стал уговаривать Петра вернуться к матери. Петр до такой степени растерялся от этой неожиданной встречи, что не мог выговорить ни одного слова. В его голове была только одна мысль, что если этот человек захочет, он может задержать Петра и увезти его на родину Между тем знакомый, продолжая приветливо разговаривать, привел их к себе на квартиру и приказал подавать обедать. От страха Петр за обедом ничего не ел. После обеда прощаясь с гостями, знакомый просил Петра заходить к нему почаще. Таким образом тайна Петра стала известна его товарищу. Узнав о его бегстве от матери, товарищ не переставал восхищаться им за его решимость покинуть мир. При этом он рассказал, что до своего приезда в Любечский монастырь он долго жил в Полтаве, в школе при соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, и хорошо помнит мать Петра и его родных, и даже его самого, но ему и в голову не могло придти, что Петр скрывается в Любечском монастыре. Все эти похвалы и разговоры товарища были очень тягостны Петру. Он видел, что ему не удалось скрыться от людей. Боясь, что его задержат и отправят в Полтаву, он решил в тот же день покинуть Чернобыль. Не теряя времени, он пошел в ближайшую церковную школу разузнать, нет ли там человека, идущего на Украину. Такой человек нашелся. Это был монах, уходивший в тот же день на юг. Петр стал упрашивать его взять с собою и его с товарищем. Монах с неохотою согласился и велел им приходиться поскорее Петр

поспешил на свою квартиру, но товарища там не было. Подождав его немного и видя, что время идет, Петр поспешил вернуться в школу один и застал монаха уже выходящим в дорогу. В течение многих дней они проходили сплошными лесами, приближаясь к Украине.

В это время правобережная Украина находилась в очень печальном состоянии. Ей приходилось много терпеть от религиозного фанатизма и иезуитов, и униатов. "Трудно вообразить, — пишет в своей "Истории церкви" архиепископ Черниговский Филарет, — все жестокости, какие в то время причиняли православным. Православных священников привязывали к столбам, били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, рубили саблями пальцы, ломали руки и ноги. Кто и затем еще оставался в живых, но не хотел унии, того выгоняли из домов. На монастыри днем делали нападения, грабили и жгли их, монахов терзали, как могли, часто убивая. Деревенских обывателей и мещан мучили бесчеловечными пытками, чтобы сделать униатами. Православный народ, как овец, гоняли в костел или в униатскую церковь. Во время самого чтения Евангелия входил в православный храм приказчик, бил народ плетью и гнал его, как скот из хлева. Многие претерпевали разорение домов, мучительные побои, а другие и самую смерть. В Киев, в центр религиозной жизни края, ежедневно поступали жалобы насильно обращаемых в унию православных жителей юго-западного края. Туда приезжали под защиту митрополита изгнанные из приходов униатами, лишенные крова и имущества, часто жестоко оскорбленные или изувеченные сельские священники; являлись на поклонение киевским святыням, несмотря на запрет властей и мимо польских военных кордонов, многочисленные толпы богомольцев, приводившие в ужас рассказами о страданиях, претерпеваемых ими на родине из-за верности Православию. В защиту веры и народности поднялись гайдамаки. В начале XVIII века гайдамацкое движение в правобережной Украине было уже в полном ходу, все более и более усиливаясь к половине столетия. Для поимки и усмирения гайдамаков польское правительство посылало войска. Эти военные команды были тяжелым бременем для народа и еще более усиливали смуту". Одно из самых сильных гайдамацких движений было в 1734 г., т. е. всего только за пять или шесть лет до описываемого нами странствования Величковского. Вот по такой стране и при

каких тревожных обстоятельствах приходилось совершать свое путешествие юному искателю истинного монашества.

Через несколько дней странствования Петра постигло несчастье: от долгой и непривычной ходьбы у него разболелась левая нога и опухла от ступни до самого колена, так что он двигался с большим трудом и должен был часто останавливаться для отдыха. Его спутник сердился и не раз хотел бросить его и только слезные мольбы Петра удерживали его от этого. Так мучились они много дней, пока больная нога не окрепла. Наконец, они пришли в один "скиток", расположенный над Днестром, ниже Киева, и называвшийся Ржищев. Здесь постигла Петра новая и очень тяжелая болезнь. Стоило ему только поесть чего-нибудь, как у него начиналась сильная рвота. Через месяц он так исхудал и ослабел, что едва мог ходить. Тогда он стал горячо молиться Богу, чтобы ему не умереть в этом месте. В это время три странника монаха, проживавшие в этом скиту, задумали идти в Молдавию. Петр стал просить взять и его с собою. Видя его слабость, монахи не хотели брать его, но наконец уступили его неотступным просьбам. С большим трудом вышел Петр из скита, но как только поднялся в гору, где было открытое место и свежий воздух, сразу же почувствовал себя здоровее. В тот же день их застигла в поле страшная гроза. Спутники Петра побежали вперед, чтобы поскорее добраться до какого-нибудь жилья. Слабый Петр не поспевал за ними и был застигнут проливным дождем с громом и молнией. При этом выпал еще и крупный град, величиною с орех, и покрыл все поле на четверть аршина. Промокнув насквозь, Петр только поздно ночью добрался до того села, где укрылись его товарищи.

Переночевав в одной хате, Петр на другой день отыскал товарищей, остановившихся в школе у дьячка. Увидев Петра здоровым и невредимым, они очень обрадовались. Затем они стали расспрашивать дьячка, каким путем им надо идти в Молдавию? Услышав этот вопрос, дьячок сказал: "Не советую вам, святые отцы, идти туда. Теперь по всем дорогам ездят у нас солдаты для поимки разбойников, и, если вы попадете им в руки, они могут вас жестоко обидеть из ненависти к нашей православной вере. В нашем селе недавно был такой случай. Бывший передо мною дьячок, опасаясь доноса со стороны гонителя православной веры, читая за литургией символ веры, произносил в восьмом члене так: И в Духа Святаго, Гос-

пода животворящаго, иже от Отца истинна исходящаго, — и этим произношением некоторое время вводил униатов в заблуждение. Однако со временем на него все-таки донесли помещику, что он читает символ веры не по их обычаю. Узнав об этом, помещик пришел в ярость и, взяв с собою солдат, вошел в церковь незадолго до чтения символа веры. Когда же тот блаженный дьячок вышел на середину церкви и стал читать символ веры, помещик подошел к нему вплотную и со вниманием вслушивался в каждое его слово. Дьячок понял, с какою целью помещик подошел к нему, и стал читать особенно громко, медленно и торжественно, и когда дошел до слов "И в Духа Святаго", то, сам исполнившись благодати Духа Святаго, еще громче и отчетливее возгласил: "И в Духа Святаго, Господа животворящаго, иже от Отца исходящаго", откинув то слово *истинна*, которое он раньше по малодушию прибавлял. Помещик вскрикнул, как дикий зверь, и тут же в церкви кинулся на дьячка, схватил его за волосы, бросил его на землю и стал топтать его ногами, а затем приказал вытащить его из церкви и беспощадно бить его палками. В это время кто-то успел сбегать к матери дьячка и сообщить ей о случившемся. Прибежав к сыну и обливаясь слезами, она уговаривала его не падать духом, но отдать самую жизнь свою за православную веру. "Не бойся, — говорила она, — этого маловременного мучения, но претерпи за нее и самую смерть, да сподобишься получить от Христа мученический венец в Царстве Небесном".

В ответ на эти слова страдалец проговорил: "Не сомневайся во мне, дорогая мать, я не только эти раны, но и в тысячу раз лютейшие готов претерпеть за веру, в которой одной только заключается несомненная надежда спасения". Слушая эти слова, мать радовалась духом и благодарила Христа Бога за то, что она сподобилась быть матерью страдальца за веру. Мучитель, видя и слыша все происходившее, рассвирепел еще больше и приказал солдатам еще беспощаднее бить страдальца. Под этими ударами страдалец Христов предал, наконец, душу свою в руки Божии".

Выслушав этот рассказ, наши странники ужаснулись и не решились идти в Молдавию, но по совету дьячка направились вниз по Днепру, к находившимся тем православным монастырям. На пути, в одном селении, они встретили иеромонаха, от которого узнали, что недалеко оттуда на уединенном ост-

рове одной реки спасается благочестивый пустынножитель Исихия. Заинтересованный рассказом странника, Петр отстал от своих товарищей и решил не только побывать у этого отшельника, но если удастся, то и пожить с ним. Это было как раз то, чего искала его душа. Он попросил иеромонаха проводить его к Исихию, и тот охотно согласился на это. Пустынник встретил их с большой любовью. Оставив здесь Петра, иеромонах ушел, а Петр был очень рад тому, что нашел, наконец, человека, какого ему было нужно.

Это, действительно, был истинный раб Божий, прилежно исполнявший все заповеди и имевший великую любовь к Священному Писанию. Он постоянно и усердно трудился в списывании отеческих книг. Следующий случай показывает, до какой степени он был ревностен в этом деле. Услышав однажды об одной редкой и полезной книге, находившейся в дальнем монастыре Черниговской епархии, он не колебался отправиться туда пешком и, выпросив у игумена и братии эту книгу, возвратился с нею в свою келью, тщательно переписал ее и отнес обратно, поблагодарив игумена и братию за оказанную ему милость. Такова была его любовь к книгам. Замечая высокое духовное настроение этого отшельника, Петр горячо хотел остаться при нем. Однако к величайшему его огорчению, старец ни за что не хотел взять его к себе в ученики. "Чадо, — говорил он, — я человек грешный и недостойный и не в состоянии направить на путь Божий мою собственную бедную душу. Как же я осмелюсь принять тебя? Это дело не моей меры. Прошу тебя, не отягощай меня твоей просьбой!" Думая, что пустынный отказывается по смирению, Петр еще настойчивее просил его, падая перед ним на колени; но тот оставался непреклонен. От постоянных слез лицо Петра опухло. Но старец, всей душой соболезнуя ему, упорно отказывался принять его и говорил: "Молю тебя, не скорби Господа ради о том, что я не принимаю тебя, ибо я это делаю, не презирая твое спасение, но ради немощи души моей. Возложи же свою надежду на Господа, который не оставит тебя, от всей души ищущаго спасения, но благодатию Своего наставит тебя на путь твой!"

Петр не знал, что ему делать, и приходил в крайнее уныние. Иеромонах, приведший его к старцу, не являлся, идти куда-нибудь одному Петр по природной своей робости не смел, остаться при старце не было возможности. Наконец,

пришел к старцу вышеупомянутый иеромонах. Старец стал просить его взять с собою Петра и отвести его в какой-нибудь монастырь. Иеромонах согласился. Когда наступила минута последнего расставания со старцем, которого Петр полюбил всей душой, он припал к ногам старца и горько плакал, что не может пожить у него в святом послушании. Старец утешал его, советуя положиться на единого Бога, который устроит его жизнь по его желанию. Горячо поблагодарив старца за его любовь, Петр простился с ним и вместе с иеромонахом отправился в новое странствование. Посетив несколько монастырей, они пришли, наконец, в монастырь святителя Николая, именуемый Медведовским. Этот монастырь находился в области Киевского митрополита и имел своим настоятелем иеромонаха Никифора, но не того, при котором Петр поступил в Любечский монастырь.

Отец Никифор ласково принял Петра, поселил его с другим послушником и велел ему ходить на общее послушание со всею братией. Монахи убирали сено. Петр работал вместе с другими. Посылали его также и жать хлеб. Когда же увидели, что он по своей неопытности порезал себе пальцы, то назначили ему возить снопы на ток. Но и здесь постигла его неудача. Не умея управлять волами, он опрокидывал воз и рассыпал снопы. Не зная, что делать и как поправить беду, он сел на землю и плакал. Братия приходили к нему и упрекали его за то, что он не умеет ничего делать. Наконец, поручили ему возить на тока глину и воду. Хотя это новое послушание было ему тоже не по силам, он исполнял его с радостью. Так трудился он от раннего утра до позднего вечера. Но этим не ограничивалась его работа. Настоятель назначил ему еще ходить на клирос, резать в трапезе хлеб, подавать братии кушанья, убирать и мыть посуду, мести трапезную, и все это Петр делал с большою охотой, радуясь тому, что он может послужить братии. Когда настал Успенский пост, начальник сказал Петру: "Я хочу на праздник Преображения Господня постричь в рясофор того брата, который живет с тобою в одной келии, и тебя. Поэтому пойди к духовнику, исповедуй ему все грехи твои, и, получив от него разрешение, будь готов к причащению святых Христовых Таин. Сходи также к иеромонаху Никодиму и попроси его быть на постриге твоим восприемником". Поклонившись начальнику в ноги и приняв благословение, Петр вышел из келии, радуясь и ужасаясь то-

му, что так скоро удостоился облечения в первый монашеский чин. Он немедленно пошел к духовнику, исповедал ему свои грехи и получил разрешение и благословение готовиться к принятию святых Таин. Затем он отправился к отцу Никодиму, и Никодим спросил: "Ты сам от себя просишь меня об этом или по приказанию начальника?" И когда узнал, что Петр пришел к нему по приказанию начальника, обещал исполнить его просьбу, приказал ему вымыть голову ко дню пострига, что было очень кстати, так как Петр с самого выхода из Любечского монастыря, уже около пяти месяцев, не имел случая не только вымыть голову, но даже и волосы причесать.

В праздник Преображения Господня, по прочтении часов, совершилось пострижение Петра в рясофор. При этом произошло следующее обстоятельство. Начальник назвал товарища Петра Платоном, а Петра Парфением. Когда же по окончании обедни все вышли из церкви, то монахи, не слышав хорошенько слов настоятеля, стали называть Петра Платоном, а его товарища Парфением. Огорченный этим Петр пошел к начальнику. Начальник ему сказал: "Если братия переменяли ваши имена, то так тому и быть. Отныне называйтесь: ты — Платоном, а он Парфением, и ты об этом не мало не скорби. Такова, значит, воля Божия". Спустя немного дней после этого приходит к Платону один монах и спрашивает его: "Услуживаешь ли ты чем-нибудь тому старцу, который при постриге был твоим восприемником?" "Нет", — отвечал Платон. "Как же это так, — говорит монах, — тебе следует служить ему чем-нибудь, например, нарубить дров, принести воды, развести огонь, подмести келью и тому подобное". Платон поблагодарил за совет и пошел к своему старцу. Поклонившись ему до земли, он извинился, что до сих пор по своему невежеству ни в чем не послужил ему. Старец ответил: "Довольно с тебя, брат, и того, что ты ходишь на общее послушание. Мне от тебя никаких услуг не надо. Я еще, слава Богу, могу и сам себе послужить". Немного времени спустя Платон снова встретился с вышеупомянутым монахом, и тот, узнав, что старец не захотел принимать никаких услуг от Платона, сказал ему: "Ты пойди еще раз к старцу и попроси его дать тебе келейное правило". Платон поблагодарил монаха за новое наставление, пошел опять к своему старцу и просил его дать ему келейное правило. Старец сказал ему:

"Ты брат — ученый, поэтому я не определяю тебе правила, а как Бог тебя вразумит, так и содержи правило в келии твоей". Через неделю после этого разговора старец ушел из Медведовского монастыря неизвестно куда, и Платон никогда уже не встречался с ним. Рассказав об этом случае в своих записках, старец Паисий прибавляет: "Таким образом я остался, как овца заблудшая без пастыря и наставника. И нигде не пришлось мне пожить в повиновении у какого-нибудь отца, хотя, как вижу, устроение моей души в юности было весьма удобопреклонно к повиновению, но не получил я такого божественного дара за свое недостойнство". Не довольствуясь назначенными ему послушаниями, Платон присоединил к ним еще и особые труды. Он по своей охоте помогал повару, привозил ему воду, колол дрова и многое другое делал с радостью. В то же время он старался приучить себя к малоспанию. "Когда я был молодым, — рассказывал он впоследствии, — и полагал начало монашества, то я решил в душе своей никогда не лежать, но весь день проводить на послушании, а ночи на правиле и, стоя, принимать немного сна. Через некоторое время у меня разболелись ноги так, что я ходить не мог. Тогда я нашел лубяную коробку, вырезал с одной стороны часть ее и, сидя на ней, засыпал ненадолго. Когда же я засыпал крепко, коробка опрокидывалась, и я с нею. От этого я просыпался и бежал в церковь смотреть, не проспал ли я утреню и, когда видел церковь запертою, с радостью возвращался в келию". В другой раз он еще рассказывал: "В молодости я молился Богу сорок дней, чтобы мне не спать много, и получил от Господа, что мне было достаточно три часа в сутки на сон. Теперь же в старости, если случится мне заснуть три часа, я считаю это за великую милость Божию. Много же раз желаю хотя один час уснуть, и не могу".

Тихо и мирно проходила жизнь Платона в Медведовском монастыре, как вдруг неожиданно поднялась буря со стороны униатов. От начальника области приехал в монастырь чиновник, который собрал всех монахов в келию настоятеля и стал убеждать их принять унию. Когда же он увидел, что иноки решительно не согласны на это, он страшно разгневался и, отправившись в церковь, описал все церковные предметы, запер церковь, запечатал своей печатью и, взяв ключи, уехал с угрозами. Все случившееся произвело большое смущение в обители, и когда церковь в течение целого месяца оставалась

запертой, монахи стали понемногу расходиться из монастыря. Платон снова подумал о переселении в православную Молдавию. Его удерживали только, с одной стороны, страх перед польскими разъездами, с другой — отсутствие опытного проводника. В это время тот монах, который давал советы Платону (имя ему было Мартирий), вместе с другим монахом, бывшим певчим Киевского митрополита, согласились идти в Киев и поступить в Киево-Печерскую Лавру. Платон решил примкнуть к ним. Помолившись Богу, странники отправились в путь. Был уже декабрь. Выпал очень глубокий снег, стояли сильные морозы, от которых особенно страдал Платон, не имевший теплой одежды. Кое-как добрались они до города Василькова и здесь были задержаны польскими властями, отпустившими их только через шесть недель, когда было получено разрешение пропустить их через границу. В скором времени они благополучно достигли Киева.

Глава 3

ПРЕБЫВАНИЕ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ. ПОВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО БЫЛО С МАТЕРЬЮ ПЛАТОНА ПО УХОДЕ СЫНА ИЗ ПОЛТАВЫ. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛАВРСКИЕ ПОДВИЖНИКИ. ПРЕДСКАЗАНИЕ ОДНОГО ИЗ НИХ ОБ УХОДЕ ПЛАТОНА ИЗ ЛАВРЫ. НЕОЖИДАННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЭТОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ

По прибытии в Лавру наши странники подали прошение архимандриту Лавры Тимофею Щербацкому о принятии их в число братии. Спустя немного времени их позвали в правление и, обстоятельно расспросив, приняли в братство. Мартирия определили помощником эконома, его товарищу певчему велели петь на правом клиросе, Платону же назначили особое послушание. Оказалось, что архимандрит Лавры Тимофей Щербацкий и покойный отец Платона были товарищами по Киевской братской школе. Между ними была такая тесная дружба, что они дали друг другу клятву сохранить взаимную любовь и верность до последнего вздоха.

Узнав в Платоне сына своего покойного друга, архимандрит Тимофей почел долгом перенести на него свою любовь к его покойному отцу. Чтобы навсегда удержать Платона в Лавре, затруднить ему переход в другую обитель, архимандрит назначил ему такое послушание, которое можно встретить только в очень немногих монастырях: он определил его к иеромонаху Макарию учиться гравировать на меди иконы. Платон, по своему обыкновению, с радостью принял это послушание. Макарий полюбил своего ученика, особенно когда

заметил его необыкновенную скромность и молчаливость, и особенно то его свойство, что Платон никогда и никому ничего не передавал из тех слов и разговоров, какие ему приходилось слышать в келье отца Макария. Заметив в своем ученике это редкое свойство, Макарий не стесняясь беседовал при нем с приходящими к нему по делам и за советами, и Платон все доброе и полезное из слышанного слагал в своем сердце. Каждый день, кроме воскресений и праздников, отстояв раннюю обедню, Платон приходил к своему учителю и работал у него до трапезы, а после трапезы до вечерни. На вечерню же и на утреню снова приходил в церковь и стоял там за правым клиросом. Однажды, перед Великим Постом, когда Платон стоял на своем обычном месте, подходит к нему один певчий и говорит: "Тебя зовет уставщик!" Платон испугался. Когда он подошел к уставщику, тот велел ему ходить на клирос. Платон еще больше испугался и сказал, что он не умеет петь. "Ничего, — сказал уставщик, — если не сумеешь петь, будешь читать, что тебе назначат". С этого дня Платон стал становиться на правый клирос, пел как умел, а иногда читал часослов и каноны. Наступил Великий Пост. Платон пошел к начальнику дальних пещер иеросхимонаху Иоанну, который был духовником всей братии, и исповедывал ему все грехи свои. Прочитав разрешительную молитву, духовник сказал со слезами: "Из твоей исповеди я узнал, что Господь сохранил тебя от великих и тяжких грехов. И если бы твоя жизнь проходила где-нибудь в пустынной обители под руководством опытного старца, то, может быть, ты и впредь сохранился бы и душою, и телом от дальнейших грехов. Но так как ты пришел жить с нами, грешными, в этой святой Лавре, находящейся среди мира, то я очень боюсь, как бы ты при твоей молодости не потерпел здесь крайнего разорения души твоей. Это легко может случиться с тобою, если ты станешь водить дружбу с такими же юными, как и ты, приятелями, не имеющими в сердцах своих страха Божьего. И вот тебе мой совет во имя Божие: Никогда не употребляй спиртных напитков. Если ты исполнишь этот мой совет, тогда с помощью Божией тебе удастся избежать гибели души твоей. Итак, скажи мне, чадо, можешь ли ты исполнить то, что я тебе говорю?"

Слова доброго старца глубоко тронули Платона и он сказал: "Я с самого моего рождения не знаю крепких напитков, и

они мне противны по самой моей природе После этих же твоих слов, которые я принимаю как бы от уст самого Бога, я буду всеми силами выполнять твой совет". Услышав этот ответ, старец обрадовался и сказал: "Если ты исполнишь то, что обещаешь, то верую Богу, что Он сохранит тебя от всякого духовного вреда. Знай же, однако, что многие будут добиваться твоей дружбы и уговаривать тебя пить вместе с ними. И когда встретят с твоей стороны отказ, они много причинят тебе горя. Но ты терпи все и уговорам их не поддавайся. И они перестанут, наконец, приставать к тебе и дадут тебе покой. И тогда в душе твоей утвердится глубочайший мир". Все, сказанное старцем, исполнилось в точности

Платону пришлось перенести немало искушений от тех, кто хотел вовлечь его в свою компанию, но он, помня совет старца, оставался тверд. Платона заметили в Лавре, и многие из старшей братии, проводившие духовную жизнь, полюбили его. В особенности расположился к нему старший начальник типографии иеромонах Вениамин. Придя в Лавру зимою, Платон не имел другой одежды, кроме самой легкой летней. В ней ходил он и в церковь и дрожал там от стужи. Попросить себе более теплую одежду Платон не смел. Заметив это, отец Вениамин снабдил его необходимой одеждой и позаботился о том, чтобы он и ни в чем другом не имел нужды.

Летом пришла в Киев на богомолье невестка Платона, жена его покойного брата священника, вместе со своим братом и дядею. Встретившись с Платоном, они зашли к нему в келию и рассказали ему следующую повесть о его матери. "Твоя мать, — говорили они, — после твоего отъезда в Киев, вспоминая о тебе, много плакала, но все же думала, что ты не бросишь ее. Когда же до нее дошла весть, что ты неизвестно куда скрылся из Киева, на нее напала невыносимая скорбь. Будучи не в состоянии успокоиться, она отправилась в Киев разыскивать тебя. В суровую зимнюю пору она ходила по монастырям и скитам, но все поиски ее были напрасны. Она вернулась домой усталая, измученная, едва живая. Дома она все время плакала и рыдала, и никто не мог ее успокоить. Наконец, нестерпимая печаль до такой степени овладела ее душой, что она решила не есть и не пить, пока не умрет. Через несколько дней она до такой степени ослабела, что мысли ее стали путаться, и она, совершенно изнемогая, лежала в постели, ожидая скорой смерти. Около нее собрались все родные и

смотрели на нее с глубокой жалостью. Вдруг больная, как бы увидев перед собою нечто страшное, пришла в ужас и стала просить окружающих поскорее дать ей молитвенник. Когда ей подали книгу, она стала громко читать акафист Пресвятой Богородице. Прочитав акафист один раз, она сейчас же начала читать его снова и повторяла это много раз. У нее хотели взять из рук книгу, но она не давала ее. Так прошли день и ночь. Вдруг больная подняла глаза свои вверх и около получаса смотрела неподвижно в одну точку, а потом громко крикнула: "Если такова воля Божья, то я уже никогда не буду скорбеть о моем сыне". Услышав эти слова, родные стали просить ее рассказать, что она видела, но она, ничего им не отвечая, попросила позвать к ней ее духовника. Оставшись с ним наедине, она рассказала ему все, что с нею случилось. После этого ум ее совершенно возвратился к ней. Тогда родные снова стали спрашивать ее, что она видела, но она молчала. Догадавшись, что она от крайней слабости не может говорить, они стали вливать ложечкой воду в рот, а потом давали ей жиденькую пищу, как маленькому ребенку, пока она, наконец, не стала в состоянии сама принимать пищу. После этого ее приподняли и посадили в кровать, и тогда она рассказала следующее. "Когда я совершенно ослабела от голода и уже ожидала скорой смерти, я вдруг увидела множество бесов, весьма страшных и мрачных, готовых напасть на меня. Я пришла в ужас и стала просить вас дать мне молитвенник. Читая акафист Божией Матери и возлагая на Нее Одну всю мою надежду, я этим защищала себя от нападения бесов. Слыша святые слова, они трепетали от страха и, стоя вдали, не смели приблизиться ко мне. Когда таким образом прошли день и ночь, меня вдруг охватило неизъяснимое восторженное состояние: взглянув вверх, я увидела открытое небо и ангела Божия, который, как светлая молния, сошел ко мне. Став около меня, он сказал: "Безумная, что ты делаешь? Вместо того, чтобы всем сердцем возлюбить больше всякого создания Христа Господа твоего, ты предпочла ему своего сына и ради этой безрассудной любви задумала уморить себя голодом и за это подпасть вечному Божьему осуждению. Если бы сын твой, оставив тебя, стал заниматься разбоем или чем-либо недобрым, то и в таком случае тебе не следовало безмерно скорбеть, потому что каждый сам за себя дает ответ Богу. Но сын твой по воле Божьей избрал не плохое что-

нибудь, а монастырскую жизнь. Как же можно было тебе так отчаянно скорбеть и губить твою душу! Знай же твердо, что сын твой по благодати Божьей непременно будет монахом. И тебе следует перестать скорбеть о нем, но подражая ему, самой отречься от мира. Такова воля Божия. Если же ты этой воле Божьей будешь противиться, я предам тебя бесам, окружающим твой одр, чтобы и другие родители научились не любить детей своих более Бога". Услышав эти слова ангела, я громко закричала: "Если такова воля Божия, то я уже никогда не буду скорбеть о моем сыне". Едва я произнесла эти слова, как бесы исчезли. Ангел же Господень, радуясь, взшел на небо". Слушая этот рассказ твоей матери, родные ужасались и прославляли Бога, который таким чудесным путем избавил ее от ужасной скорби и от самовольной смерти. Вскоре после этого больная совершенно выздоровела, и хотя нередко плачет о тебе, но вспоминая данный Богу обет, удерживается от безмерной скорби и готовится к поступлению в Покровский монастырь, где и до сих пор еще жива ее мать, а твоя бабушка, начальница монастыря". Впоследствии Петр узнал, что мать действительно приняла постриг и жила в одной келье со своею сестрой монахиней. Прожив в монастыре около десяти лет, она мирно отошла ко Господу.

В то время, когда Платон жил в Киево-Печерской Лавре, там было немало замечательных подвижников. Таков был, например, упомянутый выше иеросхимонах Иоанн, главный духовник Лавры, несколько лет подвизавшийся в отшельничестве. Другим замечательным подвижником был иеросхимонах Павел. Один раз Платон пришел к нему и спросил, в чем состоит кротость? Старец грозно взглянул на Платона и размахнулся рукою, как бы желая ударить его по лицу. Платон отшатнулся. Тогда Павел кротко и с любовью сказал: "Бог с тобою, сын мой, не бойся. Ты спросил меня, в чем состоит кротость? Если бы я объяснил тебе это словами, то ты скоро забыл бы мое объяснение. Знай, что кротость состоит в том, когда ты, если кто и по щеке тебя ударит, не только не разгневаешься на него, но по заповеди Христовой обратишь к нему и другую щеку".

Замечательным подвижником был также один схимонах на дальних пещерах. Более сорока лет он водил поклонников по пещерам, носил по голому телу сорочку из толстой железной проволоки с обращенными внутрь остриями, от этого он не

мог спать, лежа на кровати, но спал сидя. Обращал еще на себя внимание помощник старшего кузнеца, носивший на себе сорок фунтов железа.

Платон прожил в Лавре более года, и у него не было даже и малейшего помысла об уходе из этого места. Тем сильнее поразило его следующее неожиданное обстоятельство. Однажды его увидел упомянутый выше помощник старшего кузнеца и, позвав его в свою келью, сказал: "Я очень сожалею о тебе, что ты недолго останешься с нами в этой святой Лавре, но пойдешь в другое место, куда направит тебя Господь". Пораженный этими словами, Платон сказал: "Поверь мне, честный отче, у меня и помысла нет уходить из Лавры. Я намерен, если Бог мне поможет, оставаться здесь до последнего моего издыхания". Но старец снова сказал: "Знай твердо, брат, что мое слово в самом скором времени исполнится, и тогда ты увидишь, что я говорил правду".

Через несколько дней после этого разговора приходит к Платону один из его самых близких школьных друзей, Алексей Филевич. Поздоровавшись и поговорив кое о чем, Алексей вдруг сказал: "А ты помнишь, какое мы дали друг другу обещание, когда были еще в училище, — не постригаться и не жить в богатых монастырях, а уйдя от мира, предаться странствию и жить в пустыне в святом послушании у какого-нибудь старца, не покидая друг друга до последнего издыхания и добывая себе пропитание и одежду трудами рук своих. Теперь же я вижу, что ты нарушил нашу клятву и вместо того, чтобы жить в пустыне на безмолвии, вернулся в свое отечество и живешь в этой богатой обители". Платон ответил: "Да, мы действительно положили в душах наших обет, о котором ты говоришь. Но к сожалению, ни один из моих друзей не последовал за мною, когда я уходил из мира. Друг наш Дмитрий, не послушав моего совета, остался с матерью. А я, странствуя один, не нашел такого благоговейного старца, который согласился бы меня принять к себе во святое послушание, хотя я и многих просил об этом. И мне не оставалось делать ничего иного, как вернуться на свою родину и поселиться в этой святой обители". Тогда Филевич сказал: "Итак, ты уже окончательно отказался от мысли поселиться где-нибудь в пустыне вместе с единомысленным другом под руководством опытного старца?" Платон ответил: "Да, теперь у меня нет об этом даже и малейшего помысла, так как здесь я

нашел совершенный покой моей душе и намерен до последнего издыхания оставаться в этой святой обители". Филевич: "А если бы я предложил тебе отправиться вместе со мною в странствование и жить вместе в пустыне, что бы ты сказал на это?" Платон: "О, возлюбленный друг мой, если бы ты решился на это, я сейчас же с радостью готов идти с тобою". Тогда Филевич, встав со своего места, торжественно произнес: "Если такова твоя любовь ко мне, что ты ради меня готов уйти даже из этого святого места, то и я перед Богом и перед тобою клянусь моею совестью, что при содействии благодати Божьей готов не разлучаться с тобою до самой своей смерти". Глубоко взволнованные своим решением, оба друга со слезами помолились Богу, прося Его помощи и благословения на новую жизнь.

Оставшись после этого один в своей келье, Платон не переставал ужасаться и удивляться внезапной перемене своих мыслей и столь быстрому исполнению предсказания кузнеца. И когда ему после этого приходилось встречаться с ним, на него нападал такой стыд, что он не смел даже посмотреть ему в глаза, сознавая, что тот сказал ему правду, а он оказался лжецом.

Глава 4

БЕГСТВО ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ ЗА ГРАНИЦУ. НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ. ПЛАТОН В МАТРОНИНСКОЙ ОБИТЕЛИ. ВСТРЕЧА С ИЕРОСХИМОНАХОМ МИХАИЛОМ. ПЛАТОН УХОДИТ В МОЛДОВЛАХИЮ

Алексей Филевич обратился за помощью к двум своим товарищам, ученикам братской школы. Эти ученики были родом из-за границы, и им не трудно было выхлопотать себе пропуск от польских властей на проезд к себе на родину. Ученики нашли за границей какого-то странника, монаха, который взялся устроить бегство друзей из Киева. Сам монах не взялся переводить друзей через границу, но обещал подыскать другого надежного человека, который доведет их до границы, где их встретит сам монах. Подысканный им человек явится в Киев к Филевичу и затем будет ожидать беглецов у Кириллова монастыря. Оттуда он довезет их до условленного места, укажет им дальнейшую дорогу, а сам переедет границу в другом месте и выйдет им навстречу вместе со странником монахом. По условленному свисту они должны были соединиться. Все устроилось согласно этому плану. Около Кириллова монастыря они сели в сани проводника и двинулись в путь. Через несколько времени они достигли места, где дорога разделялась. Здесь проводник оставил их, объяснив им подробно дальнейший путь. Друзья, идя указанною им дорогою, усердно молились Богу сохранить их от всякой беды. Наконец они подошли к усадьбе братского монастыря, известной Филеви-

чу. Свернув влево, они довольно долго шли лесом, чтобы миновать монастырскую усадьбу, но когда снова свернули на дорогу, то увидели, что монастырская усадьба все еще продолжается. В это время увидели перед собою двух человек, по-видимому, из монастырских служителей, которые спросили их, кто они такие, откуда и куда идут. Испуганные беглецы признались во всем. Служители похвалили их доброе намерение и посоветовали продолжать идти той же дорогою, никуда не сворачивая.

Наступила глубокая ночь. Вдруг они услышали впереди условленный свист. Филевич побежал вперед, но скоро вернулся назад и с отчаянием крикнул: "Беда нам! Вместе с монахом и проводником идет мой двоюродный брат, живущий за границей. Он, несомненно, задержит меня и даст знать матери, которая сейчас же приедет сюда и положит конец моему странствованию". Увидя Алексея плачущим, брат стал успокаивать его, хвалил его ревность о спасении души и уверял его, что не сообщит матери о своей встрече с ним и позволит ему идти дальше. Алексей успокоился и перестал плакать. Платон и Алексей пошли впереди, а остальные трое позади них. Когда они уже подходили к границе, вдруг позади появились упомянутые выше монастырские служители, по-видимому, имевшие намерение напасть на беглецов и ограбить их. Не смея напасть на них, стали громко кричать с очевидным намерением привлечь пограничную стражу: "Кто вы такие и откуда? Вы наверно злодеи, уходящие за границу". Услышав эти крики, брат Алексея с палкою в руке кинулся на служителей, а те в испуге побежали назад, громко крича: "Караул!".

Беглецы поспешили вперед, скоро достигли реки, отделяющей русскую землю от польской. Перейдя реку, они укрылись в доме брата Алексея, находившемся у самой речки на польской стороне. Брат Алексея в ту же ночь послал гонца в Киев сказать матери Алексея, чтобы она немедленно приехала взять своего сына. Друзей же он задерживал у себя, угощал их и уверял, что дня через два или через три он их отпустит. Монах, узнав, что их хозяин приходится двоюродным братом Алексея, испугался и скрылся неизвестно куда.

В то время, как Платон и Алексей жили у двоюродного брата последнего, пришли к ним и те два ученика Киевского училища, которые помогали им устраивать побег. Скоро при-

ехала мать Алексея. Увидев Платона и считая его главным виновником бегства ее сына, она осыпала его укорами и бранью и хотела даже бить его. С большим трудом удалось ее успокоить, свалив всю вину на того монаха, который помогал им переходить границу. Наконец она успокоилась. Платон и киевские школьники отправились в свой путь, постоянно оглядываясь назад на своего покинутого товарища. Когда они отошли уже на далекое расстояние, Алексей, не выдержав, побежал вслед за ними. Догнав их, он громко рыдая упал на землю, бил себя в грудь и умолял не покидать его. В это время вдали показались брат Алексея и другие люди, верхом на лошадях, поспешавшие к беглецу. Они взяли его и, несмотря на его слезы и рыдания, силою увезли к матери.

Платон и его товарищи скоро достигли Матронинской обители, где были радушно приняты настоятелем. Это было в самом начале Великого Поста 1742 года. Живя в обители, Платон скоро узнал, что в этой же обители в скиту временно проживает старец высокой духовной жизни иеросхимонах Михаил. Иеросхимонах Михаил особенно полюбил Платона и давал ему читать духовные книги. Узнав, что старец постоянно живет в Молдовлахии, Платон сказал ему, что он и сам давно уже имеет сильное желание отправиться туда, но до сих пор не имел удобного случая и был бы очень рад, если бы старец взял его с собою. Старец посоветовал ему идти туда скорее, не ожидая старца, и поселиться в скиту Трейстены, который находится недалеко от города Фокшан. Настоятелем в этом скиту состоит ученик старца, и туда же придет потом и сам старец, как только позволят ему обстоятельства. Платон с радостью принял совет старца и стал подыскивать себе попутчиков. Таковыми оказались три монаха Матронинского монастыря: Антоний, Иерофей и Феодул. После Светлого Христова Воскресения старец разрешил им идти, но велел им перед уходом прийти к нему всем вместе в его пустынную келью для последней беседы и молитвы. Видя любовь старца, Платон стал просить его о своем друге Алексее Филевиче, чтобы старец, если Алексей придет в Матронинскую пустынь, принял его под свое попечение и привел его с собою в Молдовлахию. Покрываемые благодатию Божией, они благополучно прошли Украину и, переправившись на лодке через Днестр, вступили в пределы Молдовлахийской земли

Глава 5

МОЛДОВЛАХИЙСКОЕ МОНАШЕСТВО В XVIII ВЕКЕ.
ЖИЗНЬ ПЛАТОНА В ТРЕЙСТЕНАХ. НЕУДАЧА
В ПОВАРСКОМ ПОСЛУШАНИИ. ВСТРЕЧА
СО СТАРЦЕМ ВАСИЛИЕМ. ПРИБЫТИЕ
ИЕРОСХИМОНАХА МИХАИЛА С ДРУГОМ ПЛАТОНА
АЛЕКСЕЕМ. ПОВЕСТЬ ОБ УХОДЕ АЛЕКСЕЯ
ОТ МАТЕРИ. БЕСЕДЫ о. МИХАИЛА С БРАТИЕЮ.
ПОСЛУШАНИЕ ПЛАТОНА В ВИНОГРАДНИКЕ.
ПЛАТОН ПРОСЫПАЕТ ЗАУТРЕНЮ. ПРИБЫТИЕ
В ТРЕЙСТЕНЫ СХИМОНАХА ОНУФРИЯ. ПЛАТОН
ПОКИДАЕТ ТРЕЙСТЕНЫ И УХОДИТ С ОНУФРИЕМ
В СКИТ КЫРНУЛ. ЖИЗНЬ В КЫРНУЛЕ И РЕШЕНИЕ
УЙТИ НА АФОН

Платон вступил в Молдовлахийскую землю с чувством глубокой радости и с искренней к ней любовью. В это время Молдовлахия являлась одним из цветущих уголков православного мира. На греческом Востоке православие, стесняемое турками, не могло пользоваться полной свободой. В России монашеская жизнь испытывала притеснения от правительства. Молдовлахия, управляемая благочестивыми господами, была во всех отношениях удобною страной для спокойного существования и процветания православных обителей. Монастыри существовали здесь с давнего времени. В летописях постоянно упоминаются факты построения монастырей господами, боярами и другими состоятельными людьми. При этом жертвователи требовали от монастырей

религиозно-нравственной и просветительной деятельности. Так, один из господарей, закончив постройку монастыря, под страхом анафемы постановил, чтобы во все годы часть монастырских доходов шла на бедных, больных и рабов, а также на приданое бедным девушкам. В монастырях находились наиболее ценные библиотеки, заключавшие в себе много рукописей, в том числе и славянских. Для пополнения этих библиотек существовал любопытный обычай: духовники назначали кающимся, если они были к тому способны, в виде епитимии собственноручно переписать для монастырской библиотеки какую-нибудь книгу. Среди монахов бывало немало людей образованных, и в монастырских документах не раз встречаются имена монахов с эпитетами "учитель" или "ритор". При монастырях существовали не только начальные школы, но и высшие, где преподавались: поэзия, математика, богословие, греческий, славянский и молдавские языки. Молдовлахийские монастыри поддерживали живую связь с православным Востоком и с Россией.

Перейдя границу Молдавии, наши странники пришли в скит святого Киприана, именуемый Кондрица, где были радушно приняты начальником скита. Феодул и Иерофей остались здесь, а Платон и Антоний отправились дальше. Они достигли скита святых Архангелов, по имени Долгоуцы, который находился под духовным руководством старца схимонаха Василия. Этот скит очень понравился Платону. Здесь было много замечательных подвижников. Таков был, например, отец Рафаил, занимавшийся переписыванием отеческих книг. Он был муж благоговейный и исполненный страха Божия. Другой подвижник монах Досифей, проживавший вдали от скита со схимонахом Тимофеем, был опытен в духовном рассуждении и в толковании отеческих книг. Прожив в этом скиту некоторое время, Платон и Антоний продолжали свой путь. Наконец они достигли скита святителя Николая, именуемого Трейстены, и здесь с любовью были приняты настоятелем иеромонахом Дометием. Здесь Платон в первый раз услышал молитвенное правило по чину святой Афонской горы, совершаемое с большим благоговением и страхом Божиим.

В скиту было до двенадцати братий, живших в общежитии, и около пятнадцати братий, живших отшельниками поблизости от скита и добывающих себе пропитание и одежду трудами своих рук. Здесь Платон также встретил многих замеча-

тельных подвижников. Таков был, например, схимонах Протерий, малоросс полтавского полка из местечка Решетилówki. Он любил принимать у себя и угощать странствующих иноков. Он очень любил птиц и приучил их в определенное время слетаться к его келии. Когда Протерий шел в церковь, птицы провожали его до самой церкви, сидя у него на голове и на плечах или летая вокруг него с веселым пением. Когда он входил в церковные двери, птицы улетали на крышу церкви и ожидали его выхода. И как только он появлялся, они снова окружали его и провожали обратно до келии. Видел здесь Платон и другого замечательного отшельника, родом великоросса, у которого был обычай по временам предлагать всем братьям трапезу от своих трудов и обходя умыть им ноги

В то время, когда Платон и Антоний пришли в Трейстены, братия занимались постройкой келий, причем и сам начальник скита работал вместе с другими. Платона как малосильного не брали в лес на работы и назначили ему послушание в трапезной. Платон заметил, что каждому брату по очереди поручалось готовить обед и печь хлеб, и очень боялся, как бы эта очередь не дошла и до него. Однажды, когда вся братия должна была на несколько дней уйти в лес на работу, начальник позвал к себе Платона и велел ему в эти дни готовить пищу для братии. Платон ужаснулся и сказал начальнику, что он никогда не готовил и не умеет готовить обед. Тогда начальник приставил к нему одного брата, который должен был рассказать ему, что нужно было делать. Платон по неопытности и от волнения перепутал все наставления брата. Когда кушание стало кипеть, он хотел отставить его от огня, но по неловкости опрокинул горшок, обжег себе руки и пролил на пол все, что было в горшке. Со вздохами и слезами он снова приготовил овощи, поставил горшок на огонь и стал опять варить кушание. Между тем пришла из лесу братия и видя, что обед не готов, очень огорчилась и сама доварила обед. Это повторялось не один раз. Когда начальник заметил, что Платон немного обучился поварскому искусству, он решил научить его и хлебы печь. Однажды, когда братия ушла в лес для рубки дров, начальник позвал к себе одного знающего брата и велел ему рассказать Платону, как надо печь хлеб. Брат, подробно все объяснив Платону, налил воды в котел, показал ему корыто с просеянной мукою и горшок с дрожжами и сказал. "Когда вода согрется, влей ее в муку, вылей

туда также и дрожжи и меси все вместе". Когда же стал месить, то заметил, что воды было мало, а муки много. Не догадываясь, что нужно было подлить воды еще, Платон старался замесить всю муку, и тесто получилось такое крутое, что даже и пальца нельзя было воткнуть в него, а между тем мука все еще оставалась в корыте. Тогда Платон стал резать тесто ножом на части, обсыпать их мукою и бить скалкой, и он добился наконец того, что муки уже не оставалось в корыте. Тогда Платон опять сложил все тесто в корыто и с большим трудом поставил корыто на печь, чтобы тесто поскорей взошло. Уже и полдень прошел. Из леса пришел один брат узнать, готов ли хлеб. Платон со вздохом ответил ему, что тесто все еще не всходит. Платон рассказал ему, как он готовил тесто, брат улыбнулся и сказал. "Ах ты, глупый! Тебе следовало, когда ты увидел, что воды мало, подлить еще воды или отсыпать муки, а потом уже и месить. Ну, а дрожжи ты положил?" Услышав этот вопрос, Платон весь вспыхнул от стыда и горя; про дрожжи он совсем забыл. Брат сказал: "Не горюй, мы это поправим!" Затем он подогрел воду, вылил ее в тесто и, положив дрожжи, стал размешивать. Объяснив Платону, что делать дальше, брат ушел в лес. Через несколько времени Платон решил, что тесто уже взошло достаточно. Затем, выбрав жар из печи, которая было до такой степени раскалена, что испускала искры, он посадил хлебы в печь, уверенный, что теперь все пойдет хорошо, но хлебы сразу почернели и пригорели сверху и снизу. Вынув обгорелые хлебы из печи, Платон со страхом стал ожидать возвращения братии. Когда наконец братия пришла, Платон со стыдом упал к ногам их и со слезами просил прощения. Начальник и братия не стали укорять его и, взяв один хлеб, разрезали его, но он оказался никуда не годным. Тогда они сварили мамалыгу и этим пообедали. Платона же уже не заставляли печь хлебы. Рассказав в своих записках об этих неудачах, Паисий прибавляет: "Все это я рассказал о себе с той целью, чтобы приходящие в наше общечитие не унывали, видя свою неопытность в каком-нибудь деле и помнили, что при помощи Божией и при усердии они могут достигнуть успеха во всяком деле".

Вскоре после этого пришел в Трейстены из скита Долгоуцы монах Досифей. Увидев Платона, он подозвал его к себе и сказал: "Я хочу предупредить тебя, что у нашего общего духовного наставника схимонаха Василия был ученик по имени

Паисий, умерший три года тому назад. Этот ученик с детства вырос при старце, и старец очень любил его и, нуждаясь в священнике, убедил его против воли принять священство раньше установленного для этого возраста. Когда же ученик умер, старец много скорбел и плакал о нем частью потому, что потерял любимого ученика, а частью потому, что лишился священника. Скоро старец Василий придет сюда для посещения братии. Когда он увидит тебя, то наверно захочет взять тебя к себе. Он будет уговаривать тебя идти к нему жить, а потом станет принуждать и к принятию священства. И если ты его послушаешь и сделаешься священником раньше установленного возраста, то ты потом во всю свою жизнь не найдешь покоя своей совести. Поэтому я советую тебе: если ты надеешься остаться верным правилам Церкви, то можешь переходить на жительство к святому нашему старцу, а если не надеешься, то тебе следует до установленного для священства срока пожить где-нибудь в другом месте, а потом уже переходить на жительство к старцу".

Поблагодарив старца Досифея за наставление, Платон признался ему, что, сознавая свое недостойнство, он хочет до самой смерти не принимать священства.

Вскоре после этого в скит действительно пришел схимонах Василий. Он обратил внимание на Платона и поручил начальнику уговорить Платона перейти на жительство к нему в Поляно-Мерульский скит. Платон, помня слова Досифея, отказался от предложения старца. Поняв причину отказа, старец Василий велел передать Платону, что он не будет принуждать его преждевременно принимать священство. На это Платон ответил, что он решил в душе своей и по достижении установленных лет до самой смерти не принимать на себя столь страшного и ответственного служения. Услышав это, старец перестал настаивать на своем предложении. Это обстоятельство и было причиною того, что Платону, как он сам об этом пишет, не пришлось пожить со старцем Василием в его скиту, хотя он очень этого хотел. Но вот пронеслась радостная весть, что приближается к скиту иеросхимонах Михаил со своими учениками и что с ним идет и друг Платона, Алексей Филевич.

После трапезы Платон отозвал в сторону своего друга и просил его рассказать подробно, как удалось ему выйти из своего отечества. Алексей рассказал Платону следующее:

"После того как мы расстались с тобой и мать увезла меня домой, на меня напала такая тоска, что я даже заболел. Я не переставал со слезами молить Бога вывести меня из мира, как Он сам знает. И вот по устроению Божию пришел ко мне, узнав о моей болезни, один из моих друзей — Алексей Елис. В разговоре он сказал мне, что и сам хочет сделаться монахом. По его совету я стал скрывать от матери свою печаль, и она очень поллюбила моего друга, думая, что под его влиянием я стал забывать о монашестве. Когда пришла весна, мой друг нашел одного странника монаха и, открыв ему наши намерения, просил его помочь нам. Монах посоветовал купить лодку и обещал доставить нас лодкою до Матронинского монастыря. Мы купили лодку, запаслись разными вещами на дорогу и, помолившись в церкви святителя Николая, отправились в путь. Все было благополучно, и мы уже проплыли Триполь, как увидели на берегу стражей, которые нас окликнули. Мы испугались, думая, что они нас задержат. Когда мы подплыли к берегу, монах, всмотревшись в стражей, сказал нам потихоньку: "Не бойтесь, это знакомые". Стражи узнали нашего монаха и, поздоровавшись с ним, спросили: "Куда ты едешь?" Он отвечал им: "Я еду в село, принадлежащее Кириллову монастырю, и послан туда игуменом на управление". Тогда стража спросила монаха: "А это кто же с тобою в лодке?" — "А это мои писаря, которых дал мне отец игумен". С этими словами он угостил стражей водкой, которая была им захвачена для такого случая, и даже отлил им немного в их посуду. Затем он предложил им хлеба и других припасов и дал немного денег. Стражи остались очень довольны и отпустили нас с миром. Мы же со слезами возблагодарили Бога, избавившего нас от этой опасности. Через несколько дней мы достигли места, где должно было окончиться наше плавание. Мы продали лодку местным жителям, а сами отправились сухим путем к Матронинскому монастырю, который был уже недалеко. Старец Михаил, увидев нас, обрадовался и принял на себя заботу о всех наших духовных и телесных нуждах. При помощи Божией мы потом благополучно прошли Украину и пришли в эту благословенную страну, в этот святой скит Святителя и Чудотворца Николая, где я с неописанною радостью вижу и тебя, моего возлюбленного друга, и со слезами благодарю Бога, приведшего меня жить вместе с тобою в этой святой обители".

Живя вместе со своим другом в скиту, Платон с удивлением заметил, что тот, будучи всегда очень хилым и слабым, теперь стал быстро крепнуть силами, так что мог легко исполнять самые тяжелые работы: носил, например, из леса бревна такой тяжести, что Платон ужасался. Со дня прибытия своего друга Платон все время ожидал, не заговорит ли тот о принятом ими решении, скрепленном клятвою, поселиться вместе и поддерживать друг друга в монашеском подвиге. А между тем он ни одним словом не напоминал Платону о данном ими друг другу обещании. Это молчание очень огорчало и удивляло Платона, но сам он не решался напомнить Алексею об их клятве. Когда настил пост Успения Пресвятой Богородицы, старец Михаил постриг в рясофор Алексея Филевича и его двух друзей. Платон радовался, видя своего друга принявшим первое пострижение.

Вскоре после этого начальник скита назначил Платону новое послушание — стеречь скитский виноградник. При этом он дал ему такое правило: он может есть виноград сколько угодно, но только съев предварительно хотя бы кусок хлеба Платон по целым дням ел виноград и до такой степени пристрастился к нему, что уже ничем другим не хотел питаться и за трапезой ничего не ел, так что даже ослабел и осунулся лицом, как бы после какой болезни. И только после сбора винограда Платон снова стал вместе со всеми есть за трапезой и сделался здоров по-прежнему.

Еще до сбора винограда начальник поместил Платона в новую келию. Живя в этой келье, Платон однажды так крепко заснул, что не слышал звона к заутрени, а день был воскресный. Когда он проснулся и пришел в церковь, то оказалось, что уже прочитали Евангелие и начали петь канон. От стыда Платон не посмел войти в церковь и, горько плача, вернулся назад в свою келью. Не пошел он и к литургии и, отойдя подальше от своей кельи, сидел на земле и плакал. Когда отошла литургия и наступило время трапезы, старец и начальник, и братия, заметив отсутствие Платона в церкви, чего раньше никогда не бывало, удивлялись этому. Наконец, старец сказал: "Отцы и братия, прошу вас ради Господа, потерпим немного с трапезою, пока узнаем, что сделалось с братом нашим Платоном". И тотчас же послал одного из монахов, Афанасия, писца отеческих книг, к Платону. Афанасий с трудом отыскал плачущего Платона. После долгих увещаний он

едва смог объяснить Афанасию причину своего горя. Афанасий стал утешать его, уговаривал успокоиться и идти с ним в скит к братии, которая без Платона не хочет начинать трапезу. Платон сквозь слезы отвечал: "Как же я пойду к святым отцам и с каким лицом я покажусь им после такого великого греха на вечное мое посрамление перед Богом и перед людьми!" Афанасий продолжал убеждать его и, наконец, уговорил идти. Платон шел, обливаясь слезами. Когда же пришел в скит и увидел старца и братию, сидящих за трапезою и ожидающих его прибытия, он со стыдом и трепетом упал на землю и рыдал неутешно. Тогда и велели и Платону сесть вместе с ними, Платон же от великого стыда и горя не мог ничего есть. И только по окончании трапезы съел немного хлеба. Когда после трапезы Платон ушел к себе, старец Михаил, обращаясь к братии, особенно молодым, сказал: "Видите, какую ревность и какую жгучую скорбь проявил этот юный брат! Да будет он вам всем примером усердного посещения церковного правила. Невольно пришлось ему пропустить молитву, и как он опечалился! Как горько скорбел и плакал! Он даже и хлеба лишил себя, и света солнечного не хотел видеть от великой болезни и сокрушения сердца! Молитесь и вы от всей души, да даст Господь и вам всем такую же ревность и печаль огненную по Боге!" С этих пор до конца своего пребывания в скиту Платон никогда не ложился для сна на кровать, но, сидя на скамейке, засыпал.

В октябре пришел в Трейстены схимонах Онуфрий из скита святого Архистратига Божия Михаила, называемого Кярнул, находившегося в горах, вверх по реке Бузеу. Он много рассказывал о своей жизни в горах, о красоте своего места, о его здоровом воздухе и его здоровой воде и своими рассказами пробудил в Платоне желание пожить со старцем Онуфрием в его пустыне. Вместе с Платоном решили отправиться в Кярнул и несколько других молодых монахов. Старец Михаил благословил их идти и дал им на всю зиму руководителя, своего давнего ученика иеромонаха Алексея. Иноки двинулись в путь. Они шли "превеликими" лесами, высокими горами и глубокими долинами и на третий день достигли скита Кярнул, где были приняты с любовью. На другое утро начальник скита отвел им и келию каждому особую. Устав скита был по чину устава скитов Афонской горы: по воскресным и праздничным дням братия собиралась вместе на церковную

службу. По окончании литургии вместе трапезовали и до вечерни проводили время в духовной беседе, а после вечерни расходились по своим кельям, где каждый совершал свое правило в уединении.

Проживая в этом скиту, Платон и его товарищи приходили в назначенное время к иеромонаху Алексию, и тот иногда читал им что-нибудь из отеческих книг, разъясняя смысл прочитанного, иногда же просто беседовал с ними о различных духовных предметах. Это был муж кроткий, смиренный, братолюбивый, имевший дарование утешать своими словами самое скорбящее сердце. Иногда он ходил со своими учениками к пустыннику Онуфрию, жившему на горе, далеко от скита, в уединенной келье. Путь к нему шел прекрасным лесом, а его келья стояла на краю горы, откуда открывался чудный вид на окрестные долины, горы и ущелья, покрытые непроходимым лесом. Пониже его кельи струился источник чистой воды, куда он сходил по ступенькам черпать воду.

С отцом Алексием старец Онуфрий много беседовал о страстях душевных и телесных и о страшной и неотдышной мысленной брани с бесами, о их невообразимых кознях и ухищрениях. "И если бы, — говорил он, — не защищал своих людей Человеколюбец Христос, не спасся бы воистину никто из святых. Но кто припадает ко Христу с верою и любовью, со смирением и слезами, тому подаются неизреченные утешения, мир и радость, и любовь к Богу горячая. Свидетелями тому являются нелицемерные слезы от великой любви, самоукорение, смирение и постоянное благодарение Христу, так что от любви к Богу человек делается нечувствительным к благам мира сего". Слушая его, Платон все более и более разгорался любовью к пустынной жизни. Он начинал все глубже понимать монашеский путь, становился все серьезней и строже к себе. Под влиянием охватившего его чувства он уходил в уединенные места, падал на землю, бил себя в грудь и со слезами просил помощи у Христа, принося ему свои обеты. В своей келье он предавался усердной молитве и чтению отеческих книг, ежедневно испытывая свою совесть, скорбя о своих грехах и немощах и ежедневно полагая начало своего исправления перед Богом.

Уже приблизилось и лето, как вдруг пришло от старца Михаила приказание иеромонаху Алексею возвратиться к нему. Вместе с отцом Алексием ушли в Трейстены и некото-

рые из друзей Платона. Вскоре после этого начальником скита сделался брат старца Онуфрия Варфоломей. Варфоломей относился к братии очень заботливо и устроил для ее приема большую новую келию, куда братия часто собиралась для духовной беседы, а иногда и для общей трапезы. Весною Платон устроил себе маленький огород, насадил немного фасоли, бобов и луку. Но лук почти не уродился, бобы хорошо уродились, но их поели мыши, а фасоли Платон собрал одну коробку. Платон приобрел себе необходимые орудия для выделывания ложек и стал уже навывать этому рукоделию, но мало занимался им, не имея человека, который побуждал бы его к тому. Перезимовав в скиту и дождавшись лета, Платон с благословения начальника отправился в новое странствование. К сожалению, на этом месте обрываются собственноручные записки старца Паисия.

Судя по некоторым местам в письмах старца, видно, что он побывал в это время в обители Рождества Пресвятые Богородицы в Молдавии, а также и в Нямецком монастыре. К 1746 году в нем уже сложилось твердое решение переселиться на Афон. Что побудило его решиться на этот шаг? Он сам объясняет свое решение тем, что он опасался, как бы молдавские старцы не посвятили его против его воли в сан священника, ужасавший его своей высотой и ответственностью. Но нельзя не видеть в этом и действия промысла Божия Господу угодно было подвергнуть будущего великого старца тяжкому испытанию бедственной уединенной жизни на Афоне, и дабы он положил там начало и своему общежительному братству. В Молдавии сильно чувствовалось влияние Афона, здесь Платон впервые услышал Богослужение, совершаемое по Афонскому чину, встретил странников монахов, посещавших Святую Гору и много о ней рассказывавших. Все это с особенной силой привлекло его душу к Афону. Афонская гора с ее вековыми преданиями, с ее суровой и величественною природою, высокими подвижническими примерами и хранилищами святоотеческой письменности явилась для него привлекательным местом для нового периода его жизни. Принимая во внимание все сказанное, жизнеописатель старца говорит по поводу его переселения на Афон: "Кто может уразуметь пути Господни? И кто знает советы Его? Божественным Своим Промыслом Он взял его из отечества, провел его через многие страны, чтобы он там собрал себе духовную куплею многое богатство

духовное, и привел его, наконец, во Святую Гору Афонскую, чтобы и здесь продолжая куплю, он еще более увеличил свое духовное богатство, а потом дал бы его и всем ищущим у него духовного наставления. Господь сделал его подражателем преподобного Антония, подобно ему, малороссиянина. И как преподобный Антоний, странствуя, пришел во святую гору Афонскую, где принял и святой ангельский образ, и пожил там много лет, и сподобился великих дарований духовных, и был потом возвращен в свое отечество, чтобы и здесь насадить и умножить монашеское жительство, так и блаженный Паисий, обогатившись небесным богатством, возвратился туда, откуда вышел в Молдавию, да обновит обветшавший монашеский чин, да восстановит падшее общее житие и насадит в нем триблаженное послушание, просветив учением своим во тьме неведения сидящих, вразумит исправлением и новым переводом с греческого языка на свой отеческих и богословских книг".

Обратимся же теперь к рассмотрению этого важнейшего периода в жизни старца Паисия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**УЕДИНЕННАЯ ЖИЗНЬ СТАРЦА ПАИСИЯ
НА АФОНЕ И НАЧАЛО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО
БРАТСТВА**

(1746—1763)

Глава 1

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПЛАТОНА НА АФОН. ПРИРОДА АФОНА, ЕГО СКИТЫ И МОНАСТЫРИ. ПРОШЛОЕ АФОНА. ЗАСЛУГИ АФОНА В ДЕЛЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. БЕДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФОНА В ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

С переселением на Афон оканчивается для Платона период послушничества и начинается период одинокого самостоятельного подвига. Спутником Платона в его путешествии по Афону был иеромонах Трифон. Они отправились в путь с несколькими медными монетами в кармане, но бедность их не смущала. В Галаце они сели на корабль, который доставил их в Царьград, а оттуда они прибыли на Афон и 4 июля, накануне памяти преподобного Афанасия Афонского, вступили в его святую лавру.

Святой Афон! Как много исторических воспоминаний, мыслей и чувств вызывают в душе православного человека эти два слова! "Царственнойшая и божественная гора, превосходнейшая всех гор во вселенной", по выражению греческого императора Алексея Комнина, с древних времен привлекала к себе христианских подвижников и стала центром духовного просвещения на православном Востоке. Афонская гора составляет одну из трех ветвей так наз. Салоникского или Халкидинского полуострова. Длину Афонской горы определяют в 80 километров, ширину в разных местах от 12 до 20 километров. На южной оконечности горы возвышается, уносясь за облака, громадная вершина из белого мрамора. Это, собственно, и есть столь известная еще в языческой древности

гора Афон. От нее впоследствии и весь полуостров получил свое название. Высота вершины над уровнем моря по отвесной линии равна двум километрам. Почти вся гора за исключением южного пика покрыта роскошной растительностью. Здесь растут лимоны, апельсины, груши, орехи и каштаны и разводятся виноградники. Особенно хорошо возделан восточный склон Афона. Горные ручьи снабжают Афон прекрасною водою. Морской ветер умеряет летний зной. Снег выпадает редко и держится недолго. Птиц на Афоне мало. Зверей почти нет. При всей красоте Афона на нем лежит печать какой-то грусти и даже суровости. Громадные горы и глубокие пропасти поражают своим величием и делают самое путешествие по горе затруднительным. Особенно величественна и недоступна местность у главной вершины Афона, так что туда редко заходят и паломники. По мере подъема в гору климат изменяется, и на половине горы путник уже не встречает лимонных и апельсиновых деревьев, а по хребту горы растут уже сосна и ель. Вершина Афона совсем лишена растительности. Там нельзя найти и маленького кустика, и только краса Афона, так называемый "неувядаемый цветок" Божьей Матери, растет по этим заоблачным высям, разливая благоухание. Дивный вид открывается с вершины Афона. На западе величественный Олимп, на котором сиял своею святою жизнью преподобный Иоанникий Великий, красуется над Салоникским заливом; вдали синеют горы Македонии. А длинная цепь Афонского хребта тянется к перешейку в живописных волнах густой зелени. И вся гора в совокупности действительно представляется имеющей форму креста, как это заметил еще святой Афанасий Афонский. Верхушка Афона представляет небольшую площадку, почти всю занятую храмом во имя Преображения Господня. Длина храма вместе с притвором не более шести метров. Жутко стоять на этой головокружительной высоте, у края отвесной скалы, внизу которой далеко под ногами плещется безбрежное синее море. Вся гора усеяна, точно звездами, белеющими среди зелени многочисленными монастырями, скитами, пустынными кельями и коливами. Афонские скиты — те же монастыри, но находятся на землях других монастырей и от них зависят. Кельи — небольшие скиты или просто отдельные домики с церковью, принадлежащие монастырям, где живут небольшими группами монахи. Коливы — кельи без церкви.

Монашеская жизнь началась на Афоне с глубокой древности. Сама Царица Небесная освятила Афон своим посещением. В VII веке император Константин Погонат, ввиду постановления VI Вселенского собора о выселении монахов из городов в пустыни, предоставил во владение монахов весь Афон, как место очень удобное для монашеской жизни. Число иноков здесь быстро возрастало, в X веке там было уже 180 обитателей, а в XVI веке во всех монастырях было более 18 тысяч иноков, не считая скитских, о которых повествователь говорит: "Тех множество исчислить мы не можем, число их Бог весть". С первых времен своего возникновения монашеский Афон обособился в своеобразный мир, сохранивший в себе все оттенки времен Комнинов и Палеологов и как бы забытый на своем пустынном полуострове. Вглядываясь в этот своеобразный мир, видишь в нем много странного и любопытного: с одной стороны, строгость предания в канонах и обычаях, с другой — полная независимость, какую едва ли можно еще где-либо встретить. Верный своему назначению, Афон почти всегда был высшею школой монашества, хранителем чистоты веры и благочестия для всего православного Востока. Сюда приходили из всех православных стран учиться монашеской жизни и христианской мудрости. Впрочем, не одни монашеские подвиги, молитва, пост и самоусовершенствование составляли занятие афонитов. Почетное место в их жизни было отведено и книжным трудам, которые при условиях здешней жизни могли развиваться с особенным успехом. Афон стал центром всей учености христианской Византии. Появление на Афоне славянских монастырей дало толчок переводческой деятельности. Монахи отыскивали греческие рукописи, сличали их одну с другой, переводили на славянский язык, списывали во множестве экземпляров и снабжали ими не только афонские обитатели, но и Болгарию, Сербию, Молдавию, Валахию и Россию. Известный путешественник по христианскому Востоку Василий Григорович-Барский в половине XVIII века видел афонские библиотеки и удивлялся их богатству и редкости попадававшихся в них книг. Так в одном монастыре он видел "Многоценную и многую похвалы достойную псалтирь, юже глаголют тамошние иноки, яко есть псалтирь Златоустова, не вем, каковой ради вины, или яко стяжа ю в животе своем и употребляюще в чтении или яко своею рукою написа ю, неизвестно о сем, ибо никакогого

на листах о сем подписания или знамения нет". В настоящее время в библиотеках Афона хранится свыше 10 тысяч рукописей разнообразного содержания, относящихся к эпохам не только христианской, но и дохристианской... И эти рукописи еще недостаточно исследованы и изучены. Однако не во все времена духовное просвещение и подвижническая жизнь стояли на Афоне на одинаковой высоте.. Те годы, когда прибыл на Афон старец Паисий, были как раз временем упадка духовной жизни на Афоне. То же самое говорит и Григорович-Барский, который указывает и причину упадка — притеснения со стороны турок. Разоряемые турецкими властями, монастыри беднели и входили в неоплатные долги. Монахи расходились из своих обителей, и цветущие монастыри оставались на произвол судьбы. Особою причиною тяжелого положения иноков славянского племени было недружелюбное отношение к ним греков. Барский пишет, что греки довели наших соотечественников до того, что они вынуждены были "семо и овамо по горам скитаться, и от труда рук своих зело нужно и прискорбно питаться, от всех презираемы. Лиси язвины имут и птицы гнезда своя, россы же не имут, где главы приклонити на столь прекрасном, уединенном и иноческому житию весьма приличном месте".

Глава 2

**ПРИБЫТИЕ ПЛАТОНА В ПАНТОКРАТОР. ТЯЖЕЛАЯ
БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ. ЖИЗНЬ В УЕДИНЕНИИ.
НОВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ ВАСИЛИЕМ И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПАИСИЯ. ПОСТРИЖЕНИЕ
В МАНТИЮ. ПРИБЫТИЕ ВИССАРИОНА И ИХ
СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ. НОВЫЕ УЧЕНИКИ СТАРЦА.
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КЕЛЮ СВ. КОНСТАНТИНА.
РУКОПОЛОЖЕНИЕ ПАИСИЯ В САН СВЯЩЕННИКА.
УМНОЖЕНИЕ БРАТИИ. ПРИОБРЕТЕНИЕ КЕЛЬИ
СВ. ПРОРОКА ИЛЬИ И УСТРОЙСТВО В НЕЙ СКИТА.
КЛЕВЕТА НА ПАИСИЯ И ЕЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ**

Отдохнув несколько дней в лавре преподобного Афанасия, Платон и его спутник отправились в дальнейший путь на север к монастырю Пантократор, около которого проживали, как им было известно, иноки славянского племени. Путь к Пантократору трудный — гористый и каменистый. Вскоре по выходе из лавры от сильного зноя они вспотели, потные расположились на отдых в лесу на холодных камнях. Потом пили холодную воду и в один день схватили жестокую афонскую лихорадку. Больные пришли они в Пантократор, где и отыскивали своих братий. Те обрадовались землякам и, думая, что они заболели от плаванья по морю, не придали сперва значения их болезни, но когда узнали, что странники заболели на Афоне, то испугались, уверенные в их неизбежной смерти. Они стали растирать больных горячим спиртом и после долгих усилий едва оттерли Платона. Иеромонаха же Трифо-

на не могли спасти. Он скончался на третий день после своего прибытия в монастырь. Платона заставляли против воли принимать пищу и пить вино. От непривычки к вину его вырвало. Его снова заставили пить вино, и снова его вырвало. Это рвота была для него спасительна. Через несколько дней он совершенно оправился от болезни и поселился в одной из келий недалеко от братии.

Понемногу Платон стал знакомиться с соседними обителями. Он обходил окрестных монахов и пустынников, желая найти себе духовного наставника, сведущего в отеческих писаниях и живущего в безмолвии и нищете. Но такого наставника он не мог найти, и Платону пришлось жизнь в одиночестве. Тогда началось самое трудное время в жизни Платона. Это было время крайней нищеты и беспомощности, тяжелой внутренней борьбы и многих слез. Четыре года прожил Платон в таком положении, и эти годы превратили робкого и застенчивого юношу в опытного и сильного мужа. Платон проводил свое время в постоянном чтении и пении псалмов, в изучении Священного Писания и творений святых отцов и в сердечной молитве. Он старался укоренить в себе глубокое смирение, постоянное самоукорение, сокрушение сердца, обильные слезы, любовь к Богу и ближнему, память о смерти. Впоследствии он писал об этом времени: "Когда я пришел во святую гору из моего православного отечества, я находился в такой нищете, что не мог уплатить три гроша долгу пришедшим со мною братьям. При моей телесной немощи я поддерживал мое бедственное существование одними подаяниями. И если бы только святые отцы славянского племени, находившиеся на святой горе, не помогали мне, я никак не мог бы здесь существовать. Много раз зимою ходил я босиком и без рубашки, и такое мое существование продолжалось до четырех лет. Когда мне приходилось или от лавры, или от Хиландаря доползти до бедной моей кельи с подаяниями, или из лесу принести дрова, или сделать какое-нибудь другое тяжелое дело, тогда я по два и по три дня лежал, как расслабленный". Уходя из своей кельи, Платон никогда не запирал дверей, да и нужды не было, потому что у него в келье не было ничего кроме святоотеческих книг, которые он доставал в монастырях болгарских и сербских.

В начале 1750 года прибыл на Афон известный уже нам молдавский старец схимонах Василий. Прибытие на Афон

старца Василия имело для Платона большое значение. Старец объяснил ему опасность его уединенного безмолвия, и указал ему необходимость общежительного пути для новонаначально подвижника. "Все монашеское жительство, — говорил он, — разделяется на три вида: первый — общество, второй — именуемый царским, или средним путем, когда поселившись вдвоем или втроем имеют общее имущество, общую пищу и одежду, общий труд и рукоделие, общую заботу о средствах к существованию и, отвергая во всем свою волю, повинуются друг другу в страхе Божиим и любви. Третий вид — уединенное отшельничество, пригодное только для совершенных и святых мужей. В настоящее же время некоторые, вопреки писаниям отцов, изобрели себе четвертый вид или чин монашества: строят каждый свою келию, где вздумается, живут уединенно, предпочитая каждый свою волю и самостоятельно заботясь о средствах существования. По видимости они уподобляются отшельникам, а в действительности являются самочинниками, мешающими своему собственному спасению, ибо избрали путь жизни не по своей мере и росту. Кто со вниманием просмотрит книгу святого Григория Синаита, найдет, что называется там самочинием, именно это уединенное и необщительное самовольное проживание. Лучше, живя вместе с братом, познавать свою немощь и свою меру, каяться и молиться перед Господом и очищаться вседневною благодатию Христовой, нежели, нося в себе тщеславие и самомнение с лукавством, прикрывать их и питать уединенным жительством, которого и следа, по слову Лествичника, им нельзя видеть вследствие их страстности. И великий Варсонофий говорит, что преждевременное безмолвие бывает причиною высокоумия". По просьбе Платона старец постриг его в мантию с наречением ему имени Паисия.

Спустя три месяца после пострижения Паисия в мантию к нему пришел из Молдовлахии юный монах Виссарион. И стал со слезами просить его дать ему наставление для спасения души и указать ему опытного в духовной жизни руководителя. Глубоко вздохнув, Паисий заплакал и немного помолчав, молясь внутренне, сказал: "Брат, ты вынуждаешь меня говорить о печальных вещах, ты причиняешь боль моему скорбному сердцу. Я сам, как и ты, с великим усердием искал себе наставника и не нашел. От этого я испытывал, да и теперь испытываю великую скорбь. А потому, сочувствуя тебе, видя

тебя охваченным крайнею печалью, скажу тебе немного по силе моего слабого разума. Спасение души, о котором ты меня спрашиваешь, не может быть достигнуто без помощи истинного духовного наставника, который и сам понуждает себя жить по заповедям Божиим, согласно слову Господа: "Иже сотворит и научит сей велий наречется". И действительно, как можно вести кого-нибудь по тому пути, по которому сам не ходил? Нужно самому до крови бороться против всех страстей душевных и телесных, победить при помощи Христа похоть и гнев, исцелить смиренномудрием и молитвой разумное начало души от безумия и гордости, покорить сластолюбие, славолюбие и сребролюбие и все прочие злые страсти, имея в этой борьбе своим вождем и начальником Господа нашего Иисуса Христа по сказанному: когда изведен был Иисус в пустыню, постом, смирением, нищетою, бдением и молитвою и словами Священного Писания отразил сатану и этим дал победный венец на главу нашего естества, уча и подавая нам силу побеждать диавола. И тот, кто во всем этом со смирением и любовью последует своему Господу и примет от Него служение врачевать и другие души и наставлять их на заповеди Божии, тот вместе с тем получит от Господа за свое смирение силу побеждать все вышеупомянутые страсти. И когда он достигнет этого, когда по благодати Христовой просияет в нем такое дарование Духа Божия, тогда он в состоянии будет и своему ученику показать на деле без обмана все заповеди Христовы и все добродетели, особенно же главнейшие из них: смирение, кротость, нищету Христову, долготерпение во всем, милосердие сверх силы, горящую любовь к Богу и нелицемерную любовь к ближнему, от которой рождается истинное духовное рассуждение. такой истинный наставник научит и своего ученика за все заповеди Христовы полагать душу свою. И ученик, видя и слыша от своего наставника все вышесказанное и, последуя ему верою и любовью, может при помощи Божией, исполняя советы наставника, преуспеть в заповедях Христовых и получить спасение. Вот какого, брат мой, следовало бы нам найти наставника. Но, увы, мы живем в бедственное время, и эту бедственность предвидели Духом Святым наши Богоносные отцы и от жалости к нам для нашего утверждения предупредили нас о ней в своих писаниях. Так, божественный Симеон Новый Богослов говорит: "Мало таких, а особенно в наше время, которые бы

могли хорошо пасти, а особенно врачевать разумные души. Соблюдать пост и бдения, сохранять внешний вид благочестия иные еще могут, могут многие и словами с успехом поучать, но достигнуть того, чтобы смиренномудрием и всегдашним плачем отсечь свои страсти и стяжать главнейшие добродетели, таких очень мало". При этом преподобный Симеон ссылается и на святых отцов, сказавших: "Кто хочет отсечь страсти, плачем их отсекает, и кто хочет стяжать добродетели, плачем их стяжевает". Отсюда ясно, что тот монах, который не плачет повседневно, ни страстей своих не отсекает, ни добродетелей не приобретает, и не может быть причастником каких-либо дарований. Ибо иное есть добродетель, а иное дарование. Подобное же говорит и ближайший к нам отец, российское светило, преподобный Нил Сорский, который, внимательно изучив Божественные Писания и замечая современное бедственное положение вещей и человеческое нерадение, дает в предисловии своей книги такой совет ревнителям: "Необходимо с величайшим трудом искать знающего наставника, если же такового не окажется, то святые отцы повелевают нам поучаться от Божественного Писания и от учения Богоносных отец по слову самого Спасителя, сказавшего: "Испытайте Писания и в них обрящете живот вечный". И хотя преподобный Нил Сорский говорит это по отношению только к умной молитве, но нужда иметь искусного наставника не менее чувствуется и в деле борьбы со злыми страстями, и в исполнении заповедей Божиих. Итак, брат мой, из всего сказанного видно, что мы имеем крайнюю нужду со мною печалью и со многими слезами день и ночь поучаться в божественных и отеческих писаниях и, советуясь с единомысленными ревнителями и старейшими отцами, учиться выполнять заповеди Божии и подражать примеру святых отцов наших и только таким путем милостью Божией и собственными трудами мы можем достигнуть спасения". Виссарион упал к ногам Паисия и стал со слезами молить принять его к себе в ученики. Паисий был глубоко смущен этою просьбой. Он желал бы и сам сделаться учеником, если бы только мог найти для себя опытного руководителя. Три дня неотступно просил Виссарион Паисия позволить ему жить с ним. Тронутый, наконец, слезами и смирением Виссариона Паисий уступил и согласился принять его к себе, но не как ученика, а как друга, чтобы вместе идти средним путем, от-

крывая друг другу волю Божию, кому Бог подаст больше разумения в Священном Писании, побуждая друг друга к исполнению заповедей Божиих, и на все доброе, отсекая друг перед другом свою волю и рассуждение, повинувшись друг другу во всем душеполезном, имея одну душу и одно желание, имея общим все необходимое для существования. Исполнилось всегдашнее желание Паисия сожительствовать с единомысленным братом во взаимной любви и послушании. Наставником же и руководителем своим они имели Священное Писание и учения святых и богоносных отцов. Так они стали жить в глубоком мире, духом горя каждый день, полагая новое начало своему духовному возрастанию.

По прошествии четырех лет к ним стали присоединяться новые подвижники, желавшие жить под руководством Паисия. Паисий долго отказывался, указывая на то, что руководить другими есть дело совершенных и бесстрастных, а он и немощен, и страстен. Однако, побуждаемый их неотступными просьбами, а также и просьбами брата Виссариона, оказавшегося очень братолюбивым, Паисий уступил и против своей воли стал принимать сожителей, полагаясь на всемогущий Промысл Божий. Когда к нему присоединились Парфений или Кесарий, прежняя келья стала тесной для четверых и явилась надобность приобрести вторую келью, которая и была куплена недалеко от первой. Когда число братий достигло восьми, тогда решено было приобрести келью святого Константина с церковью, находившуюся на расстоянии двух брошенных камней от первой кельи.

Первые ученики Паисия были из Молдовлахии, и молитвенное правило совершалось у них по-волошки. Когда же перешли в келью святого Константина, стали приходить братья славянского племени, и собралось наконец всего двенадцать человек: семь волохов и пять славян. Тогда стали читать и петь правило в церкви на двух языках: по-волошки и по-славянски. Жизнь их была очень трудная. Об этом сам старец Паисий рассказывает так: "С наступлением зимы, не имея где преклонить головы, так как не было келий, мы начали сами строить при святом Константине пять келий, и кто может изобразить нашу нужду, которую мы терпели в течение четырех месяцев без обуви и без рубашек, почти всю зиму строя келии и таская землю и камень. К тому же еще, когда приходило воскресение или праздник, вместо отдыха нам прихо-

диось бегать по монастырям за подаянием чуть не голыми, в худых одеждах, дрожа от холода. Тогда ради великой нужды и безмерного труда много раз братия, придя вечером, падала как мертвая и засыпала, не евши. В такой нужде много раз и правило наше оставлялось и вместо повечерия я приказывал прочитывать только "Помилуй мя, Боже" и "Верую" и так и спать. Но и тогда мы не оставляли утреню, но по силе своей читали иногда три кафисмы, иногда же и больше. Вместо же часов Параклис Пресвятой Богородице, а иногда и часы читали. И, что еще скажу? Ради крайней нашей нужды хотели все рассыпаться, если бы милостивый Христос Господь не укрепил нас своей благодатью в смирении, в терпении, в любви к Богу и друг ко другу, по заповеди Христовой претерпевать и этим все наши трудности преодолевать".

С течением времени явилась крайняя нужда в священнике и духовнике. Согласившись между собою, братья стали умолять своего старца быть для них и священником, и духовником. Паисий и слышать об этом не хотел, говоря, что из-за этого он и из Молдовлахии ушел. Но чем больше он отказывался, тем больше братия со слезами его умоляла, падала к ногам его и приводила многие и основательные причины своего желания. Особенно они указывали ему на то, что, исповедуясь у других духовников, они получают от них советы, несогласные с теми, какие дает им старец, и от этого они весьма расстраиваются своими душами. К просьбам братии присоединились и некоторые старейшие отцы Святой Горы. Они уговаривали Паисия не отказываться, ибо это может вмениться ему в преслушание. Паисий покорился общему желанию и сказал со слезами: "Да будет воля Божия". Рукоположение Паисия состоялось в 1758 году, на 36 году его жизни.

Наконец, и в келье св. Константина стало тесно жить умножившейся братии. Тогда с общего совета и согласия отец Паисий выпросил у монастыря Пантократора ветхую и пустую келью святого пророка Божия Илии и приступил к устройению скита. При помощи некоторых жертвователей и собственноручным тяжелым трудом братия устроила церковь, ограду, трапезу, пекарню, поварню, странноприимницу и шестнадцать келий — все каменное. Провели и воду в скит. Отец Паисий предполагал не иметь в скиту более 15 братий, почему и число келий ограничил шестнадцатью. От келий святого Константина Ильинский скит находился на расстоя-

нии получаса ходьбы, а от монастыря Пантократора на часовом расстоянии. Ильинский скит удален от больших дорог. В нем царит постоянная тишина и безмолвие. Воздух здесь всегда свежий и здоровый. Почва земли и теплый климат дают полную возможность к разведению всех пород плодовых деревьев. Виноград дает обильный урожай, и церковные вина из него выходят очень хорошие. И старец, и братия надеялись совершенно успокоиться на новом месте своего жительства, но не то оказалось в действительности.

Слух о доброй жизни подвижников распространился по Святой Горе, и многие, приходя в скит и видя здесь во всем особенное благоустройство, скромное, благоговейное и со страхом Божиим предстояние братии в церкви, тихость чтения и пения, воздержанность в словах, благолепие церковных служб, вне же церкви рукоделие со смирением и молчанием, всегдашний искренний мир между братьями, взаимную любовь и отсечение своей воли, послушание старцу, соединенное с верою и любовью, а со стороны старца отеческое милосердие к своим духовным детям, в службах благорассмотрительное определение, в немощах душевных и во всяких нуждах телесных нелицемерное ко всем сострадание и любовь, сами начинали чувствовать желание присоединиться к братству. Они молили старца с горячими слезами не отталкивать их от себя, на что он, хотя и против воли, соглашался, и полагаясь на божественный промысл, даже радовался такой горячей ревности о спасении. А так как келий уже в скором времени не стало хватать для всех вновь поступающих братий, то иные, собравшись по двое и трое вместе, пристраивали себе келейки, как ласточки, внизу к каменной стене, счастливые уже тем, что старец не отстранял их от своего общества. Вся братия усердно занималась рукоделием, и сам старец трудился над изготовлением ложек, а ночи проводил в чтении и списывании святоотеческих книг, уделяя сну не более трех часов в сутки.

Так росло и крепло около старца Паисия иноческое братство и распространялось его доброе влияние и добрая слава по святой горе Афонской. Но одновременно с этим появлялись и враги старца, завидовавшие его славе или подозревавшие его в нарушении церковных правил. В числе таковых был проживавший в скиту Капсокаливе со своими учениками некоторый старец Афанасий из молдаван, муж благочестивый

и ревнитель веры, но недостаточно осведомленный об учении и образе жизни Паисия. Обвинения старца Афанасия, взводимые им на Паисия, заключались в следующем: Паисий нарушает и сокращает установленное Церковью для монахов молитвенное правило; неправильно толкует писания святого Григория Синаита, неправильно относится к своему духовному отцу, уподобляется римскому папе, который на словах признает заповеди Церкви, а делами их нарушает; устанавливает вместо церковного собственное молитвенное правило, не имеет смирения; доверчиво относится к рукописным греческим книгам, предпочитает философию покаянию и плачу, запрещает проклинать еретиков, заменяет церковное правило молитвою Иисусовою. Все эти обвинения старец Афанасий изложил в обширном послании, отправленном им Паисию. Он убеждает Паисия покаяться и не отделяться от общего обычая Святой Горы. Получив письмо Афанасия, Паисий прочитал его перед братией и затем показал его своему духовному отцу. Вместе со своим духовным отцом он пошел к старейшим соборным духовникам, которые, рассмотрев письмо Афанасия, повелели Паисию написать на него ответ и обличить несправедливые обвинения Афанасия; и если последний не сознает своей вины и не раскается в ней, они решили открыто обличить его на соборе всей Святой Горы.

Исполняя повеления духовников, старец Паисий написал в 14 главах ответ Афанасию, в котором опроверг все его обвинения. В своем письме Паисий между прочим писал следующее о чтении святоотеческих книг: "Прошу тебя, отче, оставь суетное и напрасное твое помышление не читать отеческих книг. Я похваляю ваше житие и ублажаю ваши подвиги, и получаю пользу от пребывания вашего. Но ко всем вашим подвигам необходим и разум, необходимо рассуждение, дабы не напрасен был весь ваш труд. Поэтому, если хочешь сам спастись и ученикам твоим показать путь царский, делание заповедей Христовых, ведущих к Царствию Небесному, то прилепись всюю твоею душою к чтению книжному. Оно с вопрошением опытных духовных отцов будет и тебе, и ученикам твоим неложным учителем, наставляя вас на путь спасения. Иначе спастись невозможно. Святой Иоанн Златоуст говорит: невозможно спастись никому, если он не будет часто наслаждаться духовным чтением. И святой Василий Великий говорит: старец да поучает братию по разуму Святого Писания, а

если не так, то он будет лжесвидетелем Божиим и святотатцем. И великий Анастасий Синаит говорит: во всем, что мы говорим и делаем, мы должны иметь удостоверение от Священного Писания, иначе обманываемые человеческими измышлениями, отпадем от истинного пути и впадем в пропасть гибели. И еще: нам необходимо со страхом и любовью поучаться Божественному Писанию и возбуждать себя и друг друга напоминанием слова Божия. Так учат нас и все святые, побуждая к прилежному и усердному книжному чтению. И не говори, отче, что достаточно одной или двух книг для наставления душевного. Ведь и пчела не от одного или двух, но от многих цветов мед собирает. Так и читающий книги святых отцов одною наставляется о вере или о правом мудровании, другою о безмолвии и молитве, иною в послушании и смирении и терпении, иною о самоукорении и о любви к Богу и ближнему и, сказать кратко, от многих святоотеческих книг научается человек житию евангельскому".

Объясняя сокращение своего молитвенного правила, старец Паисий рассказывает о крайней трудности своего первоначального жительства, когда он по два и по три дня лежал, как расслабленный, не будучи в состоянии выполнять установленное правило. "Все это я исповедывал отцу моему духовному и другим старым духовникам и говорил своему духовнику. Так как я по своей крайней немощи не могу держать своего правила, то помысл мне говорит: возвращусь в Россию. Духовник же, укрепляя меня, говорил: нет, чадо, не уходи от Святой Горы, где призвал тебя Бог, там и потерпи немного волю Божию. Правило же твое сколько можешь, столько и держи. Только всегда благодари Бога, и Господь тебя не оставит. И самое твое в немощи и нужде благодарение вменится тебе от Бога вместо всякого правила. И по его совету я держал мое малое правило и жил, радуясь и благодаря Бога в непомощи моей, молясь Его милосердию, дабы он укрепил меня до конца моей жизни пребывать на этой Святой Горе Афонской". И на все остальные обвинения Афанасия старец Паисий дал обстоятельные ответы. Ответ Паисия произвел сильное впечатление на Афанасия; он сознал свою неправоту, раскаялся и, придя к старцу, просил у него прощения. И установился между ними мир.

Глава 3

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПАИСИЕВА БРАТСТВА. ВИДЫ МОНАШЕСКОГО ПОДВИГА: ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО, СРЕДНИЙ ПУТЬ И ОБЩЕЖИТИЕ. ОСНОВАНИЯ ИСТИННОЙ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ: ПОСЛУШАНИЕ, НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ, БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭТИХ НАЧАЛ МОНАШЕСТВА В БРАТСТВЕ СТАРЦА ПАИСИЯ

Познакомимся подробнее со святоотеческими основами Паисиева братства на Афоне. Мы имеем возможность узнать их от самого старца Паисия из его письма к его другу и ученику иерею Димитрию, написанному в мае 1766 году. Он пишет: "Знай, возлюбленный мой друг, что Дух Святой через святых отцов распределил монашеское жительство на три чина: на отшельническое уединенное пребывание; на сожительство с одним или двумя единомысленными братьями и на общежитие. Отшельнический чин требует удаления от людей в пустыню с возложением всей заботы о душе своей и о пище, и об одежде, и о других телесных нуждах на единого только Бога. Его одного только отшельник должен иметь и помощником своим, и утешителем в своей борьбе и в своих немощах душевных и телесных, чуждаясь всякого утешения мира ради любви Божией. Сожительство с одним или двумя единомысленными братьями должно совершаться под руководством старца, опытного в Священном Писании и в духовной жизни, которому ученики обязаны полным послушанием и повиновением душою и телом. Общежитие же, которое, по слову

святого Василия Великого, начинается от совместного сожительства не менее, по примеру Спасителя и Его Апостолов, двенадцати братьев и может возрастать до многочисленного собрания, состоящего из людей даже различного племени, заключается в том, чтобы вся собравшаяся во имя Христово братия имела одну душу, одно сердце, одну мысль и одно желание работать вместе Христу через исполнение Его божественных заповедей, и друг друга тяготы носить, повинаясь друг другу в страхе Божиим, имея во главе своего общежития отца и наставника, настоятеля обители, опытного в объяснении Священного Писания, способного наставлять и словом, и делом. Сему наставнику братия обязана повиноваться, как самому Господу решительным и совершенным отсечением и умерщвлением своей воли и своего рассуждения, то есть, ни в чем не противясь его заповедям и учению, если они будут согласны с заповедями Божиими и учением святых отцов. Во всех этих трех видах монашеской жизни как установленных Духом Святым, многие святые отцы в совершенстве угодили Богу, просияли, как солнце, духовными дарованиями и оставили нам высокий пример для подражания. И о всех этих трех видах монашеского жительства мы имеем ясное свидетельство Священного Писания. Какой же из этих трех видов монашества нужно предпочесть остальным? Великий наставник монашеской жизни, преп. Иоанн Лествичник, дает совет исходящим из мира в монашество не уклоняться ни направо, ни налево, но идти царским путем. Он говорит, что уединенное пустынное жительство требует ангельской крепости, и новоначальный, особенно побеждаемый душевными страстями гнева и тщеславия, зависти и самомнения, да не дерзает видеть даже и следа пустынного пребывания, чтобы не впасть в иступление ума. В то же время преп. Иоанн Лествичник не советует вступать и в общежитие не потому, что оно бесполезно, но потому что оно требует особенно большого терпения. Всего же лучше идти царским путем, т. е. иметь пребывание с одним или двумя братьями под руководством старца. Такое жительство имеет то удобство, что оно не требует великого терпения, как общежитие, и является более отрадным, нежели пустынножительство. При таком среднем пути приходится повиноваться только старцу, да одному или двум сожителям братиям. В общежитии же нужно повиноваться не только отцу своему, но и всей братии до последнего человека

и терпеть от них досады, укоризны, поругания и разного рода искушения, быть прахом и пеплом под ногами всех и, подобно рабу купленному, всем служить со смиренномудрием и страхом Божиим, без ропота терпеть крайнюю нужду, свойственную общежитию, и скудость в пище и в одежде.

Смешение различных путей монашеской жизни и преждевременное обращение к пустынножительству неизбежно приводит к самым печальным последствиям. Отвергающий установленный Богом порядок и вместо того, чтобы воспитывать к себе, живя в общежитии, святое и блаженное послушание, через которое приобретает истинное смирение, приводящее к освобождению от страстей, устремляющийся в пустыню и избирающий себе безмолвное и уединенное жительство, подвергается за свою дерзость гневу Божию и, подобно неискусному воину, не научившись в общежитии, и не умея держать в своих руках духовное оружие, и осмелившись отойти от опытных воинов Христовых и наедине вступить в борьбу со своими врагами бесами, вместо победы попушением Божиим терпит поражение, падает перед своими врагами и вскоре бывает совершенно ими умерщвляем. Все это постигает его за то, что он нарушает тот Богопреданный порядок, который установил сам Иисус Христос Своею пречистою жизнью во плоти, и вместо того, чтобы со Христом страдать в общежитии, посягает в гордости своей сразу взойти на самый крест Христов, избрав себе пустыню прежде общежития. Поэтому он уже становится не пустынножителем, а самочинником, и в результате такого самочинного пустынножительства является не добро, а одна только диавольская прелесть. История монашества показывает, что от такого самочинного и бесчинного жительства великое множество иноков и в древние, и в нынешние времена погибли, будучи прельщены диаволом и помутившись умом; они сами себя уморили различными и страшными видами смерти, отчего да спасет нас всех Христос Спаситель своею благодатию.

Совершенно иною представляется жизнь тех, которые покорно и твердо идут установленным Богом порядком монашеской жизни. В основе этого порядка лежит утвержденное Богом истинное древо жизни, святое послушание. Питаясь плодами этого древа, немощные и новоначальные самоотверженным и совершенным отсечением своей воли и рассуждения убегают смерти и всякой прелесть диавольской, неизбежной

для самочинников. Общее жительство и святое в нем послушание, являющиеся корнем истинной монашеской жизни, установил на земле для людей Сам Христос Спаситель, показав им и живой пример такого общежития в лице Своем и Своих Двенадцати апостолов, во всем повиновавшихся Его божественным заповедям. Божественное послушание является главною добродетелью небесных сил ангельских. Оно же явилось основанием блаженной жизни первых людей в раю, и когда впоследствии оно было утрачено людьми, Сын Божий по крайнему своему человеколюбию и милосердию в Себе Самом возобновил и восстановил эту добродетель, будучи послушен своему Небесному Отцу даже до смерти, смерти же крестныя. Своим послушанием Он исцелил наше непослушание и открыл всем истинно в Него верующим и повинующимся Его заповедям двери небесного царствования.

Подражая примеру Господа в первенствующей Церкви, восемь тысяч христиан жили общежительно, не считая ничего своим, но все имея общим, и ради такого жития они сподобились приобрести и сердце и, душу едину. В таком же общежитии пребывали и древние преподобные отцы наши повсюду и в лаврах, и в монастырях, руководствуясь уставом, составленным устами Христовыми святым Василием Великим, и просияли паче солнца. Никакой другой образ жизни, помимо общежития, с блаженным послушанием не приносит человеку такого преуспевания, не избавляет его так скоро от всех душевных и телесных страстей благодаря смирению, которое рождается от блаженного послушания и приводит человека в его первобытное чистое состояние, обновляя в нем образ и подобие Божие, восстанавливая в нем дар Божий, полученный через святое крещение, а также сообщая ему другие дарования, которых за свое смирение становится причастным по благодати Божией истинный послушник, что он и сам душевным своим чувством может ощущать неоднократно. Общежительное пребывание братий, собравшихся во имя Христово, к какому бы народу или племени они ни принадлежали, соединяет их столь великою взаимною любовью, что все они становятся единым телом и членами друг друга, имея одну общую главу — Христа, горя любовью к Богу, к своему духовному отцу и друг к другу, имея все единомысленно одну и ту же цель — усердно исполнять и сохранять заповеди Божии, друг друга в этом поощряя, друг другу по-

винуюсь, друг друга тяготы нося, друг другу бывая господами и вместе с тем слугами. Во имя этой святой истинной и единомысленной любви они становятся подражателями жизни самого Господа, Его святых апостолов, повинуюсь во всем своему духовному отцу, исповедуя ему все тайны своего сердца, принимая его слова и заповеди как бы из уст самого Бога, свою волю и свое рассуждение, противные разуму отца своего, как нечистую одежду, презирая, проклиная и далеко от себя отбрасывая, избегая их, как прелести диавольской, страшась их, как геенны огненной, и постоянно моля Бога, чтобы Он Своею благодатию избавил их от этой тяготы и помог им всем сердцем обратиться к своему отцу, как дитя к матери, и следовать ему во всем, как овцы пастырю, и повиноваться ему, как произведение своему художнику, ни в чем не поступая по своему рассуждению. Это божественное послушание, будучи корнем и основанием всей монашеской жизни, теснейшим образом связано с общежитием, как душа бывает связана с телом и одно без другого не могут существовать. Послушание есть самая короткая лестница к небу, имеющая только одну ступень — отсечение своей воли, и вступивший на эту лестницу быстро восходит на небо. А кто отпадает от послушания, отпадает от Бога и от небес, как это ясно удостоверяют богоносные отцы наши"

Таковы те святоотеческие основания монашества, на которых старец Паисий основал свое общежительное братство. Они сводятся к полной нестяжательности и послушанию. В какой мере эти основания утвердились в его братстве, на это мы находим в том же письме старца Паисия следующий ответ: "В нашем братстве, — пишет он, — никто не имеет ничего собственного до такой степени, что никому из братии даже и в ум не приходит приобрести что-нибудь лично для себя, ибо они убеждены, что это путь Иуды-предателя. Всякий, принимаемый в братство, обязан и имущество свое, если у него окажется таковое, и все свои вещи, не исключая и самых мелких, положить к ногам старца и братии, передать их Господу, а вместе с ними и себя самого с душою и телом отдать в святое послушание даже до смерти; без этого условия никто не может поступить в братство. Вторым необходимым для поступления в братство условием является отсечение собственной воли и рассуждения и строгое соблюдение во всем благоразумного послушания. Твердо сохраняя эти два основные положения

своего общежития, мы стараемся точно соблюдать и все прочие уставы общежития. Возлюбив Господа и ради любви к Нему ни во что вменив все блага мира, братия все покинула и, взяв крест свой, последовала Господу. Они стараются нести тяготы друг друга, иметь одну душу и сердце, друг друга побуждать к добрым делам, друг друга превосходить верою и любовью к своему старцу. Видя это, я радуюсь душою и со слезами благодарю Бога, что Он сподобил меня видеть таких рабов своих, и жить вместе с ними, и утешаться их лицеизрением. Правда, не все в нашем общежитии достигли одинаковой меры духовного возраста, но ведь это иначе и быть не может; одни, и таковых большинство, умертвили свою волю и рассуждение, повинаясь во всем мне и братии, терпеливо перенося и обиды, и укоризны, и разного рода искушения, и притом с такою радостью, как будто они удостоились великой милости Божией. Они исполнены постоянного внутреннего в глубине своего сердца самоукорения и считают себя хуже всех и недостойнее всех. Другие, и таких тоже не мало, падают и встают, согрешают и каются, и хотя с трудом претерпевают укоризны и искушения, но усиливают, не отставая от первых, и усердно со слезами молят Бога о помощи. Наконец, есть и такие, и их не много, которые еще совсем не могут вкушать твердую пищу, т. е. терпеливо переносить укоризны и искушения. Они нуждаются в том, чтобы их питали молоком милости человеколюбия и снисхождения, пока они не придут в надлежащий духовный возраст терпения. Свои слабости и недостатки они стараются восполнить своим искренним желанием спасения и постоянным самоукорением. Несмотря на различие своего духовного возраста, все братья одинаково проникнуты желанием твердо держаться заповедей Божиих, будучи взаимно связаны неразрывным союзом любви Божией. Ради этой любви, ради своего вечного спасения они великодушно с благодарностью к Богу терпят постоянную скудость во всем, возлагая всю свою надежду на единого Спасителя Бога".

Такое высокое настроение Паисиева братства было бы невозможно, если бы он сам не подавал ему примера и не одушевлял своею безграничною любовью. "Непрестанную скорбь и болезнь душевную имею, — пишет он в том же письме, — с каким лицом предстану Страшному Судии на его страшном судилище и воздам слово о стольких душах братии,

предавших себя в послушание мне, немогущему даже и об одной своей окаянной душе дать ответа, видящему во всем свою душевную слабость и немощь, немогущему ни в одном добром деле послужить для братии примером, как того требует моя должность. Только после Бога и Богородицы я, хотя и недостойный, имею несомненную надежду на спасение по молитвам братий, со мною живущих, и не отчаиваюсь, что и на мою душу изольется милосердие Божие. А если и нет, и праведным судом Божиим по своим злым делам я буду осужден на вечную муку, да будет благословен Бог, ибо я достоин этого за мое нерадение о Его божественных заповедях. Только об одном я молю всегда Его благоутробие, чтобы Он по милости Своей за тот мой небольшой труд, какой я когда-нибудь имел и имею о собранных во имя Его братиях, хотя бы той Своей милости меня удостоил, чтобы я сподобился, как богатый Лазаря на лоне Авраама, увидеть моих чад духовных, истинных рабов и страдальцев Христовых в Его Небесном Царстве. И этого мне было бы достаточно вместо всякой награды".

Глава 4

КНИЖНЫЕ ТРУДЫ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ.
ПРИЧИНА, ПОБУДИВШАЯ ЕГО С ОСОБЕННЫМ
УСЕРДИЕМ ЗАНИМАТЬСЯ ИЗУЧЕНИЕМ
СВЯТООТЕЧЕСКИХ КНИГ. СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
ОТЕЧЕСКИХ КНИГ НА СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ.
НЕДОСТАТКИ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ
СВЯТООТЕЧЕСКИХ КНИГ. ИСКАНИЕ И ОБРЕТЕНИЕ
ГРЕЧЕСКИХ ПОДЛИННИКОВ И НАЧАЛО ИХ
ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В
МОНАСТЫРЬ СИМОПЕТРУ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ
ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ НА АФОНЕ И
РЕШЕНИЕ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ СО ВСЕМ БРАТСТВОМ
В МОЛДОВЛАХИЮ.

В своем учении о монашеской жизни и устройстве монашеского братства старец Паисий руководствовался писаниями святых отцов Церкви. Но сначала он долго и безуспешно искал для себя живого руководителя-старца. "Когда я ушел из мира, — рассказывает он, — с горячею ревностью усердно работать Богу в монашестве, я не сподобился в начале моего монашества даже следа от кого-нибудь увидеть здоровое и правильное рассуждение, наставление и совет, согласный с учением святых отцов о том, с чего и как мне, неопытному и новонаначальному, начинать мое бедное монашество. Поселившись в одном пустынном монастыре, где по милости Божией я удостоился получить и начало монашеского звания, я не услышал там ни от кого должного разъяснения, что такое

послушание, в каком смысле и с какой целью оно установлено и какую оно включает в себе пользу для послушника. Ни начальник монастыря, ни мой восприемник и старец никакого мне по этому поводу не дали наставления. Постригши меня без всякого предварительного испытания, они предоставили мне жить без всякого духовного руководства. Восприемный мой отец, прожив в монастыре после моего пострижения одну только неделю, ушел неизвестно куда, сказав мне на прощание: "Брат, ты ученый, как тебя Бог научит, так и живи". Оставшись, как овца без пастыря, я начал скитаться там и сям, стремясь найти душе своей пользу, покой и вразумление, и не находил, за исключением блаженных старцев Василия и Михаила, от которых я получил и монашеское наставление, и великую духовную пользу, но с которыми не мог остаться, опасаясь рукоположения во священство. Так я достиг, наконец, тихого и небурного пристанища Святой Горы, надеясь хотя здесь получить некоторую отраду для души своей. Но и здесь я нашел немного братии нашего русского племени, знающих Священное Писание, т. е. грамотных. Не отыскав желаемого душе моей руководства, я поселился на некоторое время в уединенной келии и, положившись на волю Божию, стал читать понемногу отеческие книги, получая их от своих благодетелей, сербских и болгарских монастырей, и читал эти книги с большим вниманием. Читая эти книги, я как в зеркале увидел, с чего именно мне надлежало начинать мое бедное монашество, я понял, какой великой благодати Божией я был лишен, не находясь в послушании у опытного духовного наставника и не слыша ни от кого наставления об этом предмете; я понял, что мое бедное так называемое безмолвие — не моей меры, что это есть дело совершенных и бесстрастных. Недоумевая, что делать и кому предать себя в послушание, я скорбел и плакал, как дитя плачет по умершей матери".

С этого времени старец Паисий с особенным усердием стал изучать святоотеческую письменность. Правда, он и раньше еще, в раннем детстве, любил читать отеческие книги, но тогда он читал их, не углубляясь в подробности и тонкости их смысла и довольствуясь тем их пониманием, какое непосредственно открывалось его познанию и чувству. Теперь же при более тщательном и постоянном изучении отеческих книг, ища в них не только назидания для себя, но и указания, как строить монашескую жизнь, он заметил в славянских перево-

дах многие погрешности, требовавшие проверки и исправления. И тогда пред ним открылась новая и важная задача заняться пересмотром славянского текста святоотеческих книг и по возможности исправить его, очистив от темных и неясных мест. Вот как он сам рассказывает о начале своих книжных исправлений. "Когда я еще жил на святой горе Афонской, — пишет старец настоятелю Софрониевой пустыни архимандриту Феодосию, — то, зная хорошо из учения и заповедей Богоносных отцов наших, что руководителю братии не следует наставлять и учить по своему единоличному разуму и рассуждению, но нужно держаться истинного и правильного смысла Божественного Писания, как учат Божественные отцы, вселенские учителя, а также учителя и наставники монашеской жизни, просвещенные благодатию Святого Духа, зная при том и свое малоумие и боясь, как бы вследствие моего неискусства я и сам не упал, как слепец, в яму и других туда не ввергнул, я и решил принять за непоколебимое основание всякого истинного и правильного наставления Божественное Писание Ветхого и Нового Завета и его истинное толкование благодатию Святого Духа, т. е. учение Богоносных отцов наших, вселенских учителей и наставников монашеской жизни, и все апостольские соборные и святых отец правила, каковые содержит святая соборная и апостольская восточная церковь, а также и все заповеди и уставы ее. Все это я принял как руководство для себя и для братии, чтобы и я сам, и братия, живущие со мною, пользуясь всем этим при содействии и вразумлении Божественной благодати, не отступили ни в чем от здравого и чистого соборного разума святой православной Церкви. И прежде всего я начал прилежно с помощью Божией приобретать с большим трудом и издержками святоотеческие книги, учащие о послушании и трезвении, о внимании и молитве. Одни из них я переписывал своими руками, другие покупал за деньги, которые добывал собственным трудом для необходимых нужд наших, ограничивая себя постоянно и в пище, и в одежде. Мы покупали вышеупомянутые святоотеческие книги, писанные славянским языком, и смотрели на них, как на небесное сокровище, свыше нам от Бога посланное. Когда же я читал их усердно в продолжение многих лет, я заметил, что в весьма многих местах в них оказывается непонятная неясность, в других же местах не замечается даже грамматического смысла, хотя я читал и перечитывал их мно-

гократно с большим старанием и рассмотрением, тогда как одному только Богу известно, какая печаль наполнила мою душу, и недоумевая, что делать, я подумал, что славянские отеческие книги можно хотя отчасти исправить по другим славянским же книгам. Я стал своею рукою списывать книгу святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, и св. Филофея Синаита, и св. Феодора Эдесского с четырех списков, надеясь, согласовав эти списки, найти в них какой-либо грамматический смысл. Но весь мой труд оказался напрасным, потому что и в полученном мною соединении четырех списков я не мог найти смысла. Книгу святого Исаака Сирина я в течение шести недель день и ночь исправлял по другому списку, который, как мне было сказано, во всем был сходен с греческим подлинником, но и этот мой труд пропал даром. Со временем я понял, что свою лучшую книгу я испортил, исправляя ее по худшей. После этих горьких опытов я увидел, что взял на себя напрасный труд, исправляя славянские книги по славянским же. Тогда я стал старательно расследовать, отчего происходит такая неясность и такой недостаток грамматического смысла в славянских книгах, и пришел к тому заключению, что на это имеются две причины. Первая причина состоит в неискусстве древних переводчиков книг с эллино-греческого языка на славянский, а вторая в неискусстве и небрежности плохих переписчиков. Убедившись в этом, я потерял всякую надежду найти в славянских переводах правильный и истинный смысл, какой заключается в эллино-греческих подлинниках. Проведя немало лет на Афоне и освоившись с простым греческим языком, я задался мыслью отыскать эллино-греческие отеческие книги и по ним произвести исправление славянских переводов. Я искал во многих местах и неоднократно, но не мог найти. Я ходил в великий Лаврский скит святой Анны и в Капсокаливу, и в Ватопедский скит святого Димитрия и другие лавры и монастыри, повсюду расспрашивая знающих людей, опытных и престарелых духовников и благочестивых иноков, и нигде мне не удалось найти ни одной подобной книги, и от всех я получал один и тот же ответ, что они не только не знают этих книг, но даже и имен их составителей не слышали. Слушая эти ответы, я впал в совершенное недоумение и изумлялся, как же это в таком святом месте, где жили многие и великие святые, я не только не могу найти желаемых мне отеческих книг, но даже и имен их писателей ни от кого

не слышу И от этого я впал в глубокую печаль. Однако я все-таки не терял надежды на Бога и молил Его, чтобы Он как всемогущий "ими же вестъ судьбами" помог мне найти иско-мое сокровище. И милосердный Бог не отверг моего пламен-ного моления и помог мне. Мне удалось, наконец, отыскать желаемые книги, а некоторую часть их даже приобрести в собственность. Произошло это следующим образом. Однажды я шел с двумя братьями из святой и великой Лавры свя-того Афанасия к великому лаврскому скиту святой Анны и поравнялся с высоким холмом святого пророка Илии, равным по высоте третьей части главной вершины святого Афона. Под этим холмом на возвышенности находится скит святого Василия Великого, основанный недавно иноками, вышед-шими из Кесарии Каппадокийской. Скит расположен в бес-плоднейшей местности, где нет ни одного источника воды, и потому в скиту не растут ни виноград, ни маслины, ни смоквы, и братия одною только дождевою водою удовлетво-ряет свои нужды. Пришло нам желание зайти в этот скит, частью для поклонения, частью же для осмотра места, так как мы в этом скиту еще не бывали. Когда мы вошли в скит и сели около церкви, увидел нас один инок и радушно пригласил в свою келью, и пошел приготовить нам чего-нибудь поесть, чтобы подкрепить наши силы после трудного пути. Посмотрев на столик, стоявший у окна, я заметил лежавшую на нем раскрытую книгу, которую монах, как видно, переписывал. Я заглянул в книгу и увидел, что это была книга святого Петра Дамаскина. Невыразимая радость охватила мою душу. Я почувствовал, что нашел на земле небесное сокровище. Когда инок вошел в комнату, я спросил его, каким образом такая драгоценная книга оказалась в его келье? Он ответил мне, что у него имеется еще и другая книга того же святого. На мои дальнейшие расспросы инок сказал, что у них в скиту кроме названных книг можно найти еще книги святого Антония Великого, святого Григория Синаита, святого Филофея, свя-того Исихия, святого Диодоха, святого Фалассия, святого Симеона Нового Богослова "Слово о молитве", святого Ни-кифора монаха "Слово о молитве", святого Исаии и другие подобные книги. Когда я спросил его, почему я, столь долгое время разыскивавший эти книги, нигде не находил их, он от-ветил мне, что причина заключается в том, что эти книги на-писаны на самом чистом эллино-греческом языке, которого

теперь, кроме ученых людей, едва ли кто-либо их греков и понимает, а потому и книги эти пришли почти в совершенное забвение. Живущие же в этом скиту иноки, находясь еще на своей родине в Кесарии Каппадокийской, слышали об этих книгах и, прийдя во святую гору, научились здесь не только простому, но и древнему греческому языку и, отыскав в некоторых монастырях эти книги, переписывают их, читают и стараются по мере сил последовать их учению. Услышав это и чрезвычайно обрадовавшись, я стал усердно просить брата переписать и для меня эти книги, обещая заплатить ему какую угодно цену за его труд. Но инок, будучи обременен перепискою, отказался и повел меня к другому иноку, тоже занимавшемуся перепиской. Я стал усердно просить и этого брата переписать для меня книги, обещая дать ему тройную цену. Он же, видя мое горячее желание иметь книги, отказался от тройной платы и обещал мне за обычную цену переписать некоторую часть книги, сколько будет в состоянии и сколько Бог "подаст ему руку".

Таким образом старец Паисий получил, наконец, то сокровище, которого так долго искал и мог приступить к исправлению славянских переводов по их древним греческим подлинникам. Это случилось незадолго (всего за два года) до отбытия старца со Святой Горы в Молдовлахию. Инок, взявшийся переписывать для старца святоотеческие книги, успел приготовить ему к этому времени только часть обещанных книг, и старец, приняв эти книги как великую святыню и дар Божий, увез их с собою в Молдовлахию, чтобы там воспользоваться ими как для проверки славянских переводов, так и для самостоятельного перевода их с греческого языка. Об этих трудах старца мы скажем впоследствии, когда перейдем к описанию молдавского периода его жизни.

Между тем число братий в Ильинском скиту продолжало возрастать и уже превысило 50 человек. Старец Паисий не знал, что делать, помещения не хватало и для своих братий, а между тем к нему просились все новые и новые ученики. Напрасно он указывал им на недостаток места и на материальную скудость, ничто не помогало. Чем более он с кротостью отсылал их от себя, тем более они с горькими слезами умоляли его не отталкивать их. Уступая их слезам, он принимал их, возлагая всю свою надежду на Бога. Замечая трудное положение старца, некоторые уважаемые афонские иноки, в том чис-

ле и патриарх Серафим, советовали ему перейти в более просторный монастырь Симопетру, который в это время был никем не занят, так как братия покинула его вследствие задолженности. Паисий подал прошение собору Святой Горы, который разрешил ему перейти в Симопетру. Старец перешел, взяв с собою половину братии. Но он прожил на новом месте только три месяца. Турецкие заимодавцы, узнав, что в монастыре появились монахи, тотчас же пришли требовать свой долг и насильно взяли у старца 700 левов. Испугавшись других заимодавцев, старец поспешил покинуть Симопетру и вернулся в Ильинский скит.

Положение братии стало еще тяжелее, так как не предвиделось никакого выхода из материальных затруднений. Теснота помещения, скудость средств, постоянное опасение непосильных налогов, а с другой стороны, невозможность отказывать в приеме новым братиям, желавшим проводить монашескую жизнь под руководством опытного старца, побуждали старца искать нового местопребывания. Но куда же он мог переселиться со своим многолюдным братством? На Афоне подходящего места не было. Надо было подумать о какой-либо другой стране, и такой страной могла быть одна только Молдовлахия. Эта страна уже давно был знакома старцу Паисию. С нею у него были прочные духовные связи, половина его братии была из Молдовлахии, там процветали и православная вера, и монашеская жизнь, там были благочестивые правители как духовные, так и светские, которые, несомненно, знали о старце Паисии, относились к нему с расположением и уважением и могли предоставить ему и его братству вполне подходящее убежище. Там его общежительное братство могло вполне спокойно существовать и развиваться.

После долгих размышлений, а может быть и предварительных сношений с влиятельными лицами Молдовлахии, старец и братия решили покинуть Святую Гору и переселиться в благословенную Молдовлахийскую землю. Сам старец в своем письме к иерею Димитрию так говорит о причине своего переселения в Молдовлахию: "Житию во святой Афонской горе самое то место, весьма жестокое и трудное, не способствовало, так как там даже двое или трое, живя вместе, едва могут кровавым потом и большим трудом удовлетворить свои телесные нужды, а тем более такое множество. Кроме того, мы опасались и турецких властей, чтобы они не нало-

жили на наше бедное общество даней, подобных тем, какие платят прочие святогорские монастыри, что, как я слышал от многих, и должно было исполниться. По всем этим причинам и по многим другим, о которых я уже писал тебе, мы боялись, как бы нас не постигло крайнее разорение, достойное многого плача и рыдания, и не пришел бы конец нашему жительству, созданному с немалым трудом и потом. Поэтому, положившись на всемогущего Бога, на всяком месте своего владычества прославляемого, мы и переселились все вместе из Святой Горы в православную молдовлахийскую землю".

Семнадцатилетние подвиги старца Паисия на Афоне не прошли бесплодно для афонитов. Созданный старцем Ильинский скит явился основанием нынешнего благоустроенного Свято-Ильинского скита и заветы старца Паисия нашли свое осуществление в жизни и деятельности позднейших святогорских старцев. Переселением старца Паисия в Молдовлахию заканчивается третий период в жизни старца. Ему в это время исполнился сорок один год. Он выполнил первую половину своего жизненного подвига, собрал большое духовное внутреннее богатство, укрепил и умножил его самостоятельным подвигом, молитвою и чтением святоотеческих книг, достиг высокой духовной зрелости, так что мог стать руководителем и других в духовной жизни, что он и показал устройением своего братского общежития на Афоне. Теперь ему предстояло выполнить вторую половину своего жизненного дела — поделиться с другими собранным им духовным богатством, распространить и утвердить основанное им монашеское общежитие и своим примером и влиянием обновить и углубить духовную жизнь православного монашества. Эту вторую половину своего жизненного дела старец выполнил в последний период своей жизни, который можно назвать периодом "учительства", или "старчества" и который продолжался до самой его кончины. К рассмотрению этого последнего периода жизни старца Паисия мы теперь и переходим.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАСЦВЕТ ПАИСИЕВА БРАТСТВА В МОЛДАВИИ: ДРАГОМИРНА, СЕКУЛ, НЯМЕЦ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ И КОНЧИНА СТАРЦА

(1763—1794)

"У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее .. и каждому давалось, в чем кто имел нужду"

(Деян. 4, 32, 35)

Глава 1

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В МОЛДАВИЮ. УСТРОЙСТВО
БРАТСТВА В ДРАГОМИРНЕ. УСТАВ БРАТСТВА.
ПОСТРИЖЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ В СХИМУ.
ПОРЯДОК БОГОСЛУЖЕНИЙ. ПОРЯДОК
ПОСЛУШАНИЙ. КЕЛЕЙНАЯ ЖИЗНЬ БРАТИИ.
ПОПЕЧЕНИЕ СТАРЦА О БОЛЬНЫХ. КНИЖНЫЕ
ЗАНЯТИЯ СТАРЦА: ИСПРАВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ
КНИГ ПО ГРЕЧЕСКИМ ПОДЛИННИКАМ. ЗИМНИЕ
ЗАНЯТИЯ СТАРЦА С БРАТСТВОМ. БЕСЕДЫ
И УВЕЩАНИЯ СТАРЦА. КОНЧИНА О. ВИССАРИОНА

Переселение старца Паисия в Молдовлахию оказалось очень полезным для его дела. Если бы старец продолжал жить на Афоне, то, во-первых, прекратился бы рост его братства за недостатком помещения и средств к существованию и, во-вторых, оно не могло бы иметь такого широкого влияния на духовную жизнь православного монашества в Молдавии и в России. Жизнь Паисиева братства на Афоне была подобна жизни деревца в небольшом и тесном питомнике. Деревцо выросло уже настолько, что ему не хватало пищи в его помещении. Оно нуждалось в пересадке в более просторное и удобное для него место. Это место оно и нашло для себя в Молдовлахии. Конечно, перемена места должна была вызвать некоторое расстройство в жизни братства, но это расстройство было временное, и жизнь братства скоро его преодолела и развернулась с наибольшей силой и полнотой.

Приготовившись к отъезду, старец Паисий нанял два корабля и в одном из них поместился сам со славянскою братией, а в другом поместил отца Виссариона с молдавскою братией и двинулся в путь. Всего на обоих кораблях было 64 человека. Путники благополучно достигли Царьграда, а затем и Голаца, откуда 17 лет тому назад старец отправился на Афон. В Молдовлахии старец и братия сначала были помещены в скиту Варзарешти, а затем им был предоставлен монастырь Святого Духа, именуемый Драгомирна в Буковине, со всеми его угодьями, причем воевода Григорий особою грамотою освободил монастырь от всяких даней. Предоставленный старцу монастырь оказался в довольно жалком состоянии. Келий в нем оказалось всего пять, трапезная была без крыши, нашлось немного книг, а на скотном дворе было всего только шесть волов. Но монастырь занимал обширное пространство, был расположен в уединенном и безмолвном месте и имел полную возможность постепенно прийти в благоустроенный вид. Поэтому и старец, и братия были очень довольны предоставленным им местом. В скором времени в монастырь стали поступать щедрые пожертвования от многих благотворителей, пожелавших оказать помощь старцу. Благочестивый воевода построил два ряда новых келий и архондрик. Примеру воеводы последовали бояре: одни жертвовали рабочий скот, другие коров и овец, иные присылали виноград, вино, пшеницу, обувь и одежду. Это общее сочувствие и щедрая помощь глубоко трогали старца и братию и они с радостными слезами благодарили Бога за полученную милость.

Драгомирнский монастырь Святого Духа находится близ города Сочавы и пограничного между Буковиной и Молдавией селения Ицканы и расположен в ущельи Карпатских гор. С внешней стороны он представляет собой настоящую крепость и окружен оградой с башнями, так что мог служить жителям города Сочавы убежищем при нападении запорожских казаков и татарских орд. Время основания монастыря, как и имя его первого строителя, точно неизвестны; обыкновенно думают, что он был основан в 1602 году радоуцким епископом Анастасием Крымкой. Но это не так. Когда по присоединении Буковины к Австрии в конце XVIII века последовало распоряжение австрийского правительства об отобрании недвижимых монастырских имений в Епархиальный фонд и была назначена особая комиссия для приведения их в известность,

были открыты две жалованные грамоты молдавского воеводы Петра VII Хромого от 28 марта и 21 октября 1584 года, которыми Драгомирне предоставлялась в вечное и неотъемлемое владение пахотная земля близ селения Костина в Соцавском округе. Из этого видно, что монастырь уже существовал в конце XVI века. Может быть, затем он пришел в упадок и был снова восстановлен Анастасием Крымкой. Во всяком случае, участие этого епископа в благоустройстве этого монастыря несомненно. В 1602 году он построил в монастыре храм в честь Сошествия Святого Духа, а на одной из башен над монастырскими воротами соорудил церковь во имя святителя Николая и в монастырском саду поставил церковь во имя святых пророков Еноха и Илии и святого апостола Иоанна Богослова.

Поселившись в Драгомирне, старец Паисий в скором времени представил молдавскому митрополиту и его синоду сведения о возникновении своего братства и его устав.

(1). Первый устав и чин наш, неотступно нами соблюдаемый, ни одному из братий никоим образом никакого движимого и недвижимого имущества и ни малейшей вещи не иметь и не именовать своей, но все иметь общее. Ради же порядка настоятель, усматривая нужду каждого брата в пище, одежде и прочем, должен, как отец, заботящийся о детях, давать каждому необходимое, не по самочинному избранию брата, а по послушанию. От такого основания в общежительных братиях возрастает искренняя любовь к Богу и ближнему, кротость, смирение, мир, единомыслие и отсечение воли. Послушание проходится братиею не ради какого-либо временного стяжания, не ради славы, чести и покоя телесного и не ради какого-либо иного человеческого соображения, но единого ради своего спасения. И от этого является в них сердце и душа единая, а мирская зависть, ненависть, гордость, вражда и прочие злобы не имеют где голову подклонить. От особого же в общежитии имения рождаются всякая злоба и всякое нарушение заповедей Божиих. Придавая первое значение этому правилу, каждому вновь поступающему брату от Священного Писания открываем, что он никоим образом никакого особого имения не должен иметь до последнего своего издыхания. Все братии единодушно повинуются этому правилу.

(2) Второй чин, на котором, как думаем, все монашеское житие висит, состоит в том, чтобы стяжать послушание, т е

всякую свою волю и рассуждение и самочиние оплевавши и иже повергши, волю и рассуждение и заповеди отца своего, согласные со Священным Писанием, всеусердно стараться исполнять, и братии, как самому Господу, а не людям, со страхом Божиим и со смирением до смерти послужить

(3) Каков должен быть настоятель? Он должен изучить Священное Писание и учение духоносных отцов и кроме их свидетельств ничего от себя не приносить братии, ни учения, ни заповеди, но часто наставлять и открывать волю Божию. Руководствоваться Писанием в назначении послушаний, помня, что Слово Божие и ему и братии есть наставник и путеводитель ко спасению. Должен быть примером смиренномудрия и во всем согласного и единомысленного союза любви духовной. Не сам собою всякую вещь без совета начинать и творить, но собирая искуснейших в духовном рассуждении братьев, с их советом, испытывая и Писания, начинать и творить. Если же случится дело, которое и пред всем собором надо объявить, то и весь собор собравши, с общего ведения и рассмотрения начинать и творить. И тогда между братией будет мир и единомыслие и союз любви нерешимый.

(4). Богослужения. Правило соборное, вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы и Божественную Литургию, также на все Господские, Богородичные и великих святых праздники всенощные бдения с чтениями, на меньшие же праздники полиелей и славословие с чтениями, и прочий весь церковный чин и последование по соборному уставу, как во святой горе Афонской привыкли, должно всегда выполнять в нашей обители неуклонно, без торопливости в свое время. На службе же ктитория и благодетели святой обители по чину и уставу святой Церкви должны поминаться живые и умершие. Начальник же и все братия должны всегда на соборном правиле церковном всякий по чину своему в мантиях, рясах и клобуках быть; и никогда этого не оставлять, за исключением недуга или послушания. А если бы кто из братии не оказался на церковном правиле, настоятелю должно в трапезе пред всей братией об этом произвести допрос, и если не укажет вины благовословенные, должен настоятель дать такому брату подобающий канон в течение всей трапезы, или неядение в тот день, при обычном своем духовном словесном вразумлении.

(5). В трапезу должно собираться настоятелю и братии всякий день, наблюдая о разрешении и неразрешении общий

устав Церковный. На трапезе братии по своему чину быть в мантиях, рясах и клобуках, с великим и крайним молчанием и страхом Божиим, внимая чтению, которое должно быть каждый день в трапезе из житий святых и отеческих и учительных книг по уставу Церкви. Во все же недели и в Господние великие праздники и празднуемых святых, а, если возможно, то и на каждый день, должно непременно Панагии быть. И весь чин трапезы в нашем общежитии должен быть по чину Святой Горы. И никоим образом по келиям не есть ни настоятелю, ни братиям, кроме недуга или крайней старости. Пища для всех должна быть общая, только больные желудком, по учению святых отец и по рассуждению настоятеля, могут иметь особую полезную им пищу. Однако, и ту они должны вкушать в трапезе, а не в келии.

(6). В келиях братии должны сидеть со страхом Божиим, по преданию святых отец, более всякого подвига предпочитая умную молитву, как любовь Божию и источник добродетелей, в сердце умом совершаемую, как многие богоносные отцы о ней учат. Кроме молитвы иметь пение псалмов, умеренное чтение Ветхого и Нового Завета, учительных и отеческих книг. Кроме того, иметь и в келии, и на всяком месте, и во всяком деле память смерти и грехов своих, страшного суда Божиего и муки вечные и Царствия Небесного, и самоукоренения, и упражняться в назначенном от настоятеля рукоделии или художестве. Праздным же отнюдь не быть, ибо праздность всякому злу научает. Безвременного же из келии исхождения и бесед бесполезных, как яда, бегать и отвращаться. Какие же отцы учат об умной молитве? Святой Иоанн Златоуст, святой Каллист Второй, патриарх Цареградский, святой Симеон, митрополит Солунский, святой Диодок, епископ Фотикийский, святой Исихий Иерусалимский, святой Нил Синайский, святой Иоанн Лествичник, святой Максим Исповедник, святой Петр Дамаскин, святой Симеон Новый Богослов, святой Григорий Синаит — все эти и другие святые отцы учат об умной молитве.

(7). Настоятелю следует ради искуса смиренномудрия и послушания и отсечения во всем своей воли и рассуждения, что есть лестница, возводящая послушников к Царству Небесному, посылать в поварню, пекарню, келарню, трапезу и на все внутри монастыря послушания братию. Братия же, взирая на подвигоположника Христа, показавшего подвиг послушания

и смирения, не должны отказываться и от самого якобы последнего послушания, веруя, что оно приведет к Царству Небесному, если со смирением и страхом Божиим послужат братии и не как людям, а как Господу.

(8). Настоятель должен иметь ко всем братьям равную любовь; также должен заботливо наблюдать, чтобы и братия имели между собою истинную и нелицемерную любовь, как знамение ученичества Христова. Частную же любовь и особое содружество, как источник зависти и разорительное для истинной любви, всяким образом искоренять. Все немощи и падения чад своих должен настоятель отчески носить долго-терпеливо, в надежде их исправления и истинного покаяния и исправлять их духом кротости, наставляя словом на полезное. А от общества их не удалять, особенно если от этого нет вреда прочим. Самочинно же живущих, своей воле и рассуждению последующих, отвергающих благое иго послушания и этим причиняющих вред прочим, ни в коем случае не терпеть. Но после достаточного наставления и вразумления наедине, при двух или трех братиях и перед собором, отделять и изгонять из братства, хотя бы со многими слезами и с сожалением и болезнью душевной, чтобы и другие не заразились их пагубною болезнью. Пришедших же в чувство и обратившихся к покаянию с радостью опять принимать и всякую милость и сострадание им оказывать и прощать их согрешения, веселясь со всею братией о их обращении.

(9). Настоятель должен иметь для управления угодьями и рабами монастырскими и всеми внешними делами монастырскими брата искусного, который мог бы, не нарушая заповеди Божией, без разорения душевного хорошо управлять этими внешними делами, чтобы самому, будучи свободным, с большим удобством заботиться о душевном спасении братии и о всяком церковном и общежительном благочинии. Так же и в духовном о брате попечении нужно иметь помощника-брата, искусного в разуме, которого во время своих отлучек оставлять при братии ради духовного окормления. Имея намерение отправиться куда-либо, настоятель должен собрать звоном весь собор братии в церковь и, приложившись к святым иконам и взяв от иерея молитву на путешествие, объявить всему собору свое намерение и просить его смиренно, да молятся о нем к Богу, чтобы здраво и благополучно ему возвратиться. И, испросив прощения у всех и преподав благословение,

отойти в путь свой. Возвратившись же из путешествия, не прямо идти в келию, но собравши всю братию, идти сначала в церковь и воздавши благодарение Богу, благодарить и братию за их молитвы и объяснивши братии милость Божию, показанную об общей братства пользы, ради которой было предпринято путешествие, отходить в свою келию.

(10). О принятии братии в иночество, о больнице, о мастерствах и странноприимнице. Приводимого Богом брата от мира во иночество настоятель должен сперва наедине испытать и объяснить ему от Писания силу иноческого общего жития, по Богу послушания и отсечения до смерти своей воли и рассуждения.

Заметив в нем истинное, а не притворное желание иночества и ревность Божественную, тогда и перед всем собором братии, снова открывши ему силу общего жития и послушания, принять его в общее житие. И не тотчас постригать его в иночество, но через установленное правилами время: иного три года, иного шесть месяцев держать в мирской одежде, смотря на плод послушания и отсечения своей воли. Постригать же во иночество оваго в рясу, оваго же в мантию и присоединять к братии. Если же, продержав кого-либо на испытании установленное время, настоятель не усмотрит в нем истинного повиновения и отсечения своей воли и через три года, такового не постригать, но отпускать в мир, чтобы не было от него соблазна общему житию.

(11). Если поступающий из мира во иночество принесет с собою в монастырь какое-либо имущество, то настоятель должен это имущество хранить в целости в монастырской сокровищнице до пострига. По постриге же может обратить его на общие монастырские нужды. Если же брат до пострига захочет уйти из монастыря в мир или какую-нибудь другую обитель, тогда все имущество его, принесенное им в обитель, надо возвратить ему в целости, чтобы не было ни брату, ни обители никакого смущения.

(12). Внутри обители должна быть непременно устроена больница, чтобы заболевшая братия имели о себе особенное попечение в пище, питии и во всяком упокоении. В ней должен быть поставлен искусный брат, могущий послужить больным в разуме духовном, а если бы нашелся хотя бы отчасти знающий искусство врачебное, то и таковой должен быть там поставлен.

(13). Должен настоятель заботиться и о том, чтобы в монастыре были различные мастерства, а в особенности необходимые для человеческого общежития, и на них определять братию, а неумеющих — обучать, чтобы таким образом самим братьям, проходящим на общую пользу различные мастерства, все общество братии могло без хлопот удовлетворяться в своих нуждах и не было бы надобности ради них выходить в мир и избежать от того душевного вреда.

(14). Должны быть устроены две странноприимницы: одна внутри монастыря для приходящих в обитель духовных и мирских лиц, другая же вне монастыря: да приходящие во обитель найдут успокоение и себе самим внутри монастыря и скотам своим вне монастыря. И над этими службами настоятель должен поставить искусных братий, которые могли бы в разуме духовном послужить братии, и настоятель должен как к духовной своей братии иметь духовную любовь, так и ко всем в обитель приходящим нищим, больным, неимущим, где главы подклонити, такую же любовь показывать, принимать с любовью одного в странноприимнице, другого в больнице и заботиться посильно об их телесных нуждах и, напутствовав их всем необходимым, с миром отпускать. Все эти и другие общежительные уставы как во святой горе Афонской по силе нашей сохраняли, так и здесь насколько возможно сохраняем только еще странноприимниц готовых не имеем и достаточного количества келий для братии, так что живем в великой тесноте. Но надеемся, что Господь подаст нам все необходимое, дабы всякий брат, после трудов церковного правила и различного послушания, ради умного делания и телесного подвига, так же и упокоения имел бы свою особую келейку, как тихое и небурное пристанище, отчего может быть лучшее духовное устройство и успевание в братии.

(15). Молим Ваше Преосвященство, да будет возбранен вход в обитель женскому полу, за исключением крайней нужды во время войны и бегства. Также и скит, созданный во имя Святого Еноха, Илии и Иоанна Богослова да не будет никогда отделен от монастыря. Да будут в нем братия из монастыря от настоятеля и от всего собора добре чин и уставы общежительные блюдушие определены, и все необходимое к жизни получают от общины. Страннии же иноки и свое особое стяжание имуще никоим образом там да не будут. И по определению собора пусть там совершают и правила церковные и

Божественную литургию ради поминовения ктиторов и благодетелей.

(16). Заключает в себе правило о переселении в село монастырских рабов и об устройении там для них церкви и мирского иерея, дабы монастырь остался без всякого смущения.

(17). О порядке избрания настоятелей. Да не будет по смерти одного настоятеля другой присылаем со стороны. Но по согласному и единомысленному всего собора избранию и по совету умирающего настоятеля и по благословению преосвященного митрополита должен быть таковой избран от общества братий, который бы всех превосходил разумом духовным, знанием Священного Писания и общежительного устава, также послушанием, отсечением своей воли, любовью, кротостью, смирением и всеми добродетелями, могущий словом и делом подать братии добрый пример, саном священства почтенный. И так как наше общество состоит из трех наречий, то должен он хорошо знать три языка: греческий, славянский и молдавский или хотя бы два — славянский и молдавский. Если же какой начальник будет поставлен со стороны, а не от собора братии, самым делом не стяжавший совершенного послушания и отсечения своей воли и рассуждения, не прошедший в общежитии терпения укоризны и бесчестия, силы Писания и общежительных уставов не ведущий, еще же и имеющий свое особое имущество и не с тою целью принявший начальство, чтобы положить душу свою за братию, но только чтобы себя упокоить и увеличить свое имение, как таковой может хорошо управлять стадом овец Христовых? Да и собор братий как покорится такому наставнику? И если бы когда-либо что-нибудь подобное и совершилось, без соборного избрания начальник над братией поставлен был, то иное от этого не воспоследует, как только всеконечное и совершенное расточение братии и разорение общему житию. Разве только никоим образом во всем соборе братии не найдется такого, который мог бы и словом, и делом, и примером вести братию ко спасению. Но и тогда со стороны взятый по такой крайней нужде должен быть поставлен с добровольным произволением всей братии, дав обещание Богу пред всею братией до самой смерти своей не иметь и не приобретать никакой своей собственности и вместе с братиею иметь общими все нужды. При таком только условии может не быть запустения общему житию.

(18). Монастырь сей нигде же никогда да поклонен будет, яко же о сем страшную клятву блаженной памяти ктитора святые обители сия обретохом: Зане же от сего всеконечное общему житию было бы разорение. Не поклонен же нигде монастырь сущий может благодатию Божией и общее в нем братии житие неразоримо и непоколебимо пребыти.

Представленный старцем Паисием устав братства был одобрен и утвержден высшею молдавскою церковною властью. Старец и братия могли начать спокойно устраивать свою жизнь на новом месте. Вскоре по переселении старца Паисия в Драгомирну произошло его пострижение в схиму. О прибытии старца в Драгомирну узнал его давний друг и наставник иеромонах Алексей, проживавший в Поляно-Мерульском скиту в Валахии у старца Василия. Он пришел в Драгомирну и прожил у старца всю зиму. По просьбе Паисия иеромонах Алексей облек его в схиму, сохранив ему прежнее имя Паисия. Это событие доставило радость всему братству. Отец Алексей прожил в Драгомирне до Пасхи 1764 года и ушел обратно в свой скит, провожаемый с большим сожалением и старцем, и братией, так как он привлек к себе все сердца своею необыкновенною добротою. По смерти схимонаха Василия Алексей был начальником и старцем в своем скиту.

Устраивая свою жизнь в Драгомирне, старец Паисий прежде всего обратил внимание на порядок богослужения, который во всяком церковном обществе составляет его основание. Богослужение в Драгомирне совершалось строго по чину Святой Горы. На правом клиросе пели по-славянски, на левом по-молдавски. Устав общежития соблюдался так же строго. Никто из братии не смел и дерзнуть назвать какую-нибудь вещь моею или твоею, но должен был считать все от Бога посылаемое общим достоянием братства, получая все необходимое для себя от старца. Трапеза всем подавалась общая, кроме больных и престарелых или слабых. Все послушания внутри монастыря — в поварне, в пекарне и т. д. выполняли сами братья. Они же сами исполняли и разные мастерства: сапожное, столярное, слесарное, портняжное и др. Каждый совершал свое послушание охотно и усердно, добросовестно ради Бога по силе своей. Ослушанию, самочинию, противоречию в братстве не было места. Братия сами работали и на огородах, и в поле и смотрели за скотом. Во время работы на устах должно было быть молчание, а в сердце тай-

ная молитва. Сам старец нередко выходил с братией на общее послушание и работал вместе с прочими, подавая пример. Во время уборки хлеба братия проводили иногда по несколько дней в поле. Ради правила церковного и других церковных нужд вместе с братьями отправлялся в степь и духовник, имея при себе и Божественные Тайны. Нередко старец призывал и врача, а иногда приезжал и сам и проводил с братией в степи по три и по четыре дня, и это было для братии величайшим праздником. Старец благославлял их труды, радовался их усердию и беседовал с ними. Когда старец уезжал, братия с любовью провожали его, просили благословения и молитв, целовали его руки и возвращались на работу, радуясь тому, что повидали своего старца и послушали его бесед и наставлений. Когда старец не мог лично навестить жнецов, он посылал им письменное приветствие. Учил их, как они должны относиться друг к другу, беречь и любить друг друга. Он писал им: "Берегите себя от зависти. Где зависть, там нет Духа Божия; удерживайте язык, чтобы он не говорил пустых слов. Кто бережет язык, оберегает душу от скорби. От языка жизнь и смерть. Старшие должны учить младших, неопытных. Во всех должно быть смирение, доброта и любовь. Нужно укреплять себя страхом Божиим, памятью смерти и вечных мук. Каждый день нужно исповедывать помыслы старцу. Молитву Иисусову повторять постоянно. Приносите Богу жертву чистую, непорочную, благоуханную по вашему христианскому обету. Приносите ваши труды и ваш кровавый пот, как жертву всесожжения; загар от солнца да будет вам, как терпение мучеников". В заключение письма старец молит Господа сохранить труждающихся от всякого зла духовного и телесного и покрыть их от всех козней диавола. Такие письма, проникнутые любовью и заботливостью, ободряли и ~~обод~~оушевляли братию и делали для нее легким и радостным тяжелый и утомительный труд.

В келейной жизни старец требовал от каждого брата, чтобы он проходил свое звание с полным сознанием и усердием, был монахом не по одежде только, но и по духу. Он требовал, чтобы братия в келиях читала писания святых отцов, творила умную молитву и по силе полагала частые поклоны со слезами. Каждый вечер братья, особенно новоначальные, приходили к своим старцам и исповедывали им свои помыслы. Исповедание помыслов старец считал основанием духовной

жизни и видел в нем надежду спасения для души, искренно кающейся в грехах. Если между братьями случалось недоразумение, то непременно в тот же день должно было последовать и примирение по слову Писания, "солнце да не зайдет во гневе вашем". А если бы кто-нибудь из братии до такой степени ожесточился, что не захотел бы и мириться, такого старец отлучал, запрещая ему даже и на порог церковный становиться и молитву "Отче наш" читать, пока не смирится. На послушание вне монастыря старец посылал таких братий, от которых не было бы никакого соблазна мирским и для собственной души которых не было бы вреда. А если бы при исполнении дела оказалось необходимым нарушить какую-нибудь заповедь, то старец повелевал оставить это дело, говоря, что лучше пусть погибнет дело, нежели будет нарушена заповедь Божия и мы подпадем вечному осуждению. Больные, слабые, престарелые помещались в больницы и поручались попечению брата Онория, знавшего немного врачебное искусство и отличавшегося любвеобильным сердцем и умением утешить всякого страдальца духовною беседою. Старец очень любил и ценил Онория. Ему одному было только предоставлено для нужд больных самому брать в келии старца столько денег, сколько ему было нужно. Онорий, со своей стороны, был всецело предан старцу и по кончине его только на один год пережил его. Мало-помалу устроили в монастыре теплую церковь, поставили кельи, архондарик и пр.

Старец по целым дням был занят с братией, двери его келии не закрывались иногда до 9 часов вечера. Одни уходили, другие приходили по делам духовным или хозяйственным. Одних он утешал, с другими радовался, но никогда не огорчали его неудачи хозяйственные — он скорбел только о бедах духовных. "Тридцать лет прожил я при нем, — говорит его жизнеописатель, — и не видел его скорбящим о материальных нуждах. Он только тогда сильно скорбел, когда видел нарушение заповедей Божиих". При своих постоянных заботах о братстве старец Паисий находил время и для своих любимых литературных занятий. Им он посвящал ночи. Запасшись на Афоне святоотеческими книгами на древнегреческом языке, старец по ним проверял и исправлял в Драгомирне славянские переводы. О своих книжных занятиях в это время он подробно рассказывает в письме к архимандриту Феодосию. "Когда мы поселились в святой обители Драгомирнской, я стал вся-

чески раздумывать о том, как бы мне приступить к исправлению славянских отеческих книг, а еще лучше к новому переводу святоотеческих писаний с древнегреческого языка, однако встретил немало препятствий к этому делу. Первое препятствие заключалось в том, что переводчик книг непременно должен быть вполне сведущим человеком и не только в грамматике, правописании и в особенностях того и другого языка, но также и в более высоких науках, как-то: риторике и философии, да, наконец, и самого богословия должен, так сказать, не перстом коснуться. Я же хотя и провел в юности моей четыре года в киевских училищах, но научился там только отчасти грамматике латинского языка, дальнейшему же моему учению помешало желание монашества. Однако и те небольшие сведения, которые я приобрел в то время, с течением лет были почти утрачены мною, так что я боялся и трепетал начать столь великое дело исправления или перевода святоотеческих книг с такими слабыми познаниями. Вторым препятствием было мое неискусство в орфографии, т е в правописании. Кто же, будучи неискusным в правописании, осмеливается писать священные книги, тот, по моему мнению, хотя сердцем и верует в правду и устами исповедует во спасение, но рукою своею вследствие своего неискусства совершает хулу. Вот почему и я, будучи тогда еще неискusным в правописании, ужасался приступить к такому великому делу. Третье препятствие состояло в том, что у меня не было необходимых лексиконов. Переводить же книги без лексиконов — это все равно, что заниматься каким-либо ремеслом, не имея необходимых для того инструментов. Четвертым препятствием было то, что я знал тогда очень мало древнегреческих слов, настоящим же образом совсем не владел этим языком. Пятое препятствие заключалось в том, что язык древнегреческий превосходит все остальные языки вселенной мудростью, красотой, глубиной, обилием и богатством речений, так что и сами природные греки, в совершенстве образованные, едва могут постигать глубину его. Как же я, будучи столь малосведущим, мог осмелиться приступить к делу исправления или перевода книг с такого премудрейшего языка? Шестым препятствием было то, что и наш преславный славянский язык, который, по моему мнению, превосходит многие языки своею красотою, глубиною и обилием речений и ближе всех подходит к древнегреческому языку, я знал также в недостаточной

степени. Принимая во внимание все эти обстоятельства, а также и то, что я был слишком обременен бесчисленными духовными и телесными внутренними и внешними различными попечениями, я почти потерял надежду когда-нибудь начать привлекавшее меня дело. Но, видя в нашем братстве великий голод слова Божия, от которого совершенно изнемогали души братии вместе с моею собственной душой, и возложив всю свою надежду на Господа, умудряющего слепцов, я решился, полагаясь на молитвы братии, приступить, наконец, к этому делу с большою осторожностью. Сознывая, что начинаемое мною дело исправления и новый перевод святоотеческих книг я не в состоянии буду сразу же выполнить в таком совершенстве, чтобы мои исправления и переводы могли быть немедленно переданы в другие монастыри для переписывания или для напечатания, и что может оказаться нужда в их вторичном рассмотрении и исправлении, видя как в зеркале, что не однажды, а еще много раз по мере приобретения необходимых лексиконов и моего усовершенствования в познании как древнегреческого, так и славянского языка явится нужда снова внимательно пересмотреть исправленные книги и подвергнуть их новому исправлению или мне самому, если Бог продлит век, или по смерти моей другим искусным в этом деле братьям, я положил в душе своей твердое решение, чтобы мой труд как несовершенный во всех отношениях неисходно оставался в одном только нашем братстве до тех пор, пока при помощи Божией не исправится окончательно. Свою работу я начал следующим образом: ввиду недостатка лексиконов, а также и моей неопытности, я принял за руководящую нить для себя перевод отеческих книг с древнегреческого языка на молдавский, сделанный нашими возлюбленными братьями иеромонахом Макарием и Даскалом Иларионом, людьми учеными и опытными в переводе книг. Часть же этого перевода была сделана братом Макарием еще на святой горе Афонской, а часть в Драгомирне, а также и отец Иларион трудился над своим переводом в нашем братстве. Приняв их перевод по всем соображениям за несомненно правильный, я начал, руководствуясь их переводом и следя по древнегреческому подлиннику, исправлять славянские книги. Таким способом я исправил следующие святоотеческие книги: Исихия, Диадокха, Макария, вторую, Филофея, Нила о молитве, Фалассия, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова "Слово о внима-

нии и молитве", Кассиана Римлянина "О восьми помыслах" и другие, крепко держась, как слепец за тын, вышеупомянутого молдавского перевода, и таким образом закончил первое исправление названных книг. Спустя некоторое время, когда я понемногу стал приходить в лучшее познание своего дела, я заметил в моих первых исправлениях очень много ошибок. Тогда я вторично исправил некоторые из этих книг. Спустя еще немного времени, заметив в книгах новые погрешности, я в третий раз исправил. Впрочем, некоторые книги так и остались только при первом исправлении, потому что у меня не было времени исправить их вторично. Нужно, однако, сказать, что и исправленные мною книги далеки были от настоящего совершенства, так как и те самые древнегреческие книги, которые переписывались для нас на Афоне, оказались во многих местах не совсем правильными. Исправляя старые славянские книги и не имея еще в своем распоряжении ни одного лексикона, я все-таки вновь перевел с тех же древнегреческих книг писания святых: Антония Великого, Исаии Отшельника и Петра Дамаскина, вторую книгу, но эти переводы вследствие моего тогдашнего неумения заключают в себе столько ошибок, что мне и подумать об этом страшно, исправить же их как следует при отсутствии правильных древнегреческих книг нет никакой возможности. Книгу святого Федора Студита, вследствие крайней нужды в ней, я тогда же перевел с обыкновенного греческого языка, не удостоившись даже и до настоящего времени увидеть ее на древнегреческом языке. Впрочем, и в этом моем переводе по указанным причинам имеется очень много ошибок. Книгу святого Исаака Сирина древнего славянского перевода я целый год исправлял, проверяя ее то по древнегреческому печатному тексту, то по молдавскому переводу. Но, к прискорбию моему, вижу, что и эта книга далека от совершенства и что, если только Господь по своему милосердию продлит мне жизнь и даст мне, почти уже слепому, необходимое зрение, мне придется снова потрудиться над ее исправлением".

В другом месте старец Паисий рассказывает еще следующие подробности своих исправлений славянского текста этой книги: "Когда я проживал в небольшом еще числе братии на Афоне, была у меня книга святого Исаака Сирина, часть которой я переписывал еще в юности моей в Киево-Печерской Лавре, а dokonчил ее для меня по моей просьбе один ревни-

тель на Афоне Книга эта и до сих пор находится у меня. Читая эту книгу на Афоне много раз и со вниманием, я во многих местах не мог находить в ней смысла... Я отмечал такие места особыми знаками на полях, надеясь со временем, найдя лучшую книгу, исправить их. Спустя некоторое время я встретил одного иеромонаха, у которого оказалась книга святого Исаака, будто бы во всем сходная с болгарскою книгою, писанная более чем за четыреста лет до того и сходная будто бы с греческою книгою. Поверив такому заявлению и желая исправить свою книгу, я выпросил у иеромонаха его книгу, шесть недель день и ночь исправлял по ней свою книгу, но оказалось, что неясные места в моей книге так и остались по-прежнему неясными, ибо они оказались и в данной мне книге написанными точно так же, как и в моей. Желание мое достать книгу святого Исаака на древнегреческом языке оставалось неисполненным и во время пребывания моего на Афоне, и в первые года моего жительства в Драгомирне. По прошествии многих лет, когда я потерял уже почти всякую надежду приобрести эту книгу, всемогущий Бог своею благодатию побудил Иерусалимского патриарха Ефрема отпечатать эту книгу, и патриарх поручил это дело премудрейшему иеродидаскалу Никифору, впоследствии архиепископу Астраханскому, а тогда проживавшему в Царьграде. Узнав об этом, один брат из нашего общежития, бывший тогда в Царьграде, стал умолять и святейшего патриарха Ефрема и иеродидаскала Никифора, чтобы они, когда эта книга выйдет из печати, благоволили прислать ее мне в Драгомирну. По благословению патриарха отец Никифор сообщил брату нашему: "Как только книга будет напечатана, я немедленно пришлю ее вашему старцу в знак моей любви к нему". Все это было в 1768 году. Когда брат наш, возвратившись в обитель, рассказал об этом, душа моя наполнилась величайшею радостью и я с надеждою ждал исполнения обещания... В 1770 году в пост Рождества Христова иеродидаскал Никифор исполнил свое обещание и прислал мне бесценный дар, печатную эллино-греческую книгу святого Исаака Сирина, которую я принял с невыразимою радостью и, со слезами возблагодарив Бога, исполнившего мое давнишнее желание, немедленно же стал читать свою славянскую книгу, сличая ее до слова с печатною эллино-греческою с целью произвести в славянской книге исправление тех мест, в которых не оказывалось грамматиче-

ского смысла, но вовсе не с целью нового перевода книги. Ибо тогда я не имел еще достаточных познаний в эллино-греческом языке, а также и необходимых книг. И потому тогдашний мой труд никак не может быть назван переводом, но только некоторым исправлением славянской книги... Когда же эллино-греческая книга святого Исаака была переведена на молдавский язык, тогда я, сравнив этот перевод с моею славянскою книгою, сделал в славянской и еще некоторые необходимые исправления. А так как славянская книга в некоторых частях оказалась более богатой словами, нежели греческая, и эти слова, по моему соображению, действительно принадлежали святому Исааку, то я их и не исключил из славянской книги, но только отметил. Весь этот мой труд исправления славянской книги святого Исаака начался в 1770 году и окончился в 1771 году".

Что касается Паисиева перевода книги святого Исаака с греческого языка на славянский, то этот перевод относится уже к 1787 году, когда старец жил уже в Нямецком монастыре, и об этом переводе мы будем говорить в другом месте. В 1774 году пришел со святой горы в Драгомирну один греческий монах по имени Констанций и принес с собою эллино-греческую книгу, написанную его рукою и заключающую в себе множество отеческих книг. В ней оказались и такие книги, которых старец Паисий до тех пор еще не видел на славянском языке. По усердной просьбе Паисия монах переписал для него эти книги. Но так как он был совершенно чужд грамматических познаний, то он и в свою книгу, и в свой список внес бесчисленное множество ошибок "так что, поистине, получилось золото святых словес валяющимся в грязи безграмотности, от которой даже люди хорошо образованные, не имея в своих руках достоверных греческих подлинников, едва ли могут это золото очистить".

Из книг, переписанных монахом Констанцием, старец перевел на славянский язык святого Марка и святого Никиту Стифата 300 глав. Из тех же книг монаха Констанция он перевел еще книгу святого Феодора Эдесского. Но все эти книги не только не пригодны к печатанию, но даже и к переписыванию на стороне, ибо нуждаются в предварительном тщательном исправлении по достоверным подлинникам. Далее старец Паисий пишет: "Что же я скажу о книге святого Каллиста, патриарха Цареградского, и преподобного Игнатия, о кото-

рой свидетельствует блаженный Симеон, архиепископ Солунский? Я сильно желал хотя бы только увидеть при жизни эту книгу, но Господь устроил так, что я не только увидел ее, но даже успел и перевести ее на славянский язык. Но и эта книга, хотя оказалась и лучшего правописания сравнительно с другими, не свободна от таких порешностей, что даже сам наш искуснейший переводчик греческих книг на молдавский язык отец Иларион не мог отыскать в некоторых местах настоящего смысла и должен был перевести так, как ему казалось правильным. Его мнению следовал и я в своем переводе. Вот почему и эту книгу затруднительно печатать и распространять где-либо на стороне. Тоже самое должен я сказать и о второй книге святого Каллиста, именуемого Катафигиот: хотя я перевел ее на славянский язык, но и она не чужда многих погрешностей. Житие святого Григория Синаита, писанное учеником его святейшим Каллистом, патриархом Цареградским, было принесено схимонахом Саввою со Святой Горы нашему общему отцу и старцу Василию, а мы, воспользовавшись этим, переписали его для себя. Книгу же святого Максима Исповедника мы имели только одну — четыреста глав о любви, московской печати, и кроме нее его слово постническое по вопросу и ответу, переписанное мною еще в юности в нашем отечестве с многочисленными ошибками и пропусками. Эллино-греческого же текста ее я и до сих пор не видел, несмотря на все желание. Книги святого Нила Сорского на греческом языке совсем нет, а есть только на славянском, и я еще в юности моей переписал ее с бесчисленными орфографическими погрешностями и до сих пор не имею времени ее исправить". Таков собственный рассказ старца Паисия о его книжных занятиях в Драгомирне.

Из этого рассказа видно, что и здесь, как и на Афоне, старец занимался преимущественно исправлением славянских переводов, но в то время, как на Афоне он исправлял по славянским спискам, в Драгомирне он исправлял их по греческим подлинникам. Здесь же в Драгомирне началась и переводческая деятельность старца, достигшая своего полного развития уже в Нямецком монастыре. Трудясь над исправлением и переводом святоотеческих книг, старец Паисий делился результатами своих занятий со своею братией, и для этого в его обители был установлен такой порядок: когда наступало зимнее время и вся братия собирались от внешних послушаний в

монастырь и приходил пост Рождества Христова, тогда старец, пользуясь исправленными книгами, начинал вести с братией беседы и это продолжалось от начала Рождественского поста до Лазаревой субботы. Каждый день за исключением воскресных и праздничных дней братии собирались вечером в трапезу, зажигались свечи, приходил старец и, сидя на обычном своем месте, читал или книгу святого Василия Великого, или святого Иоанна Лествичника, или святого Дорофея, или святого Феодора Студита, или святого Симеона Нового Богослова, или кого-нибудь другого из богоносных отцов. Один вечер чтение и поучение велось на славянском языке, другой на молдавском. Когда чтение шло на славянском языке, молдаване в это время читали повечерие и наоборот. Читая книги, старец тотчас же и объяснял читаемое, приводя места из Священного Писания и из отеческих книг.

Вот образец его беседы: "Братие и отцы, сокрушенным сердцем подобает нам творить попечение, как учат божественные отцы, ибо Иоанн Лествичник говорит: если мы и высокую жизнь проходим, а сердца болезненного не приобретаем, то все это притворно и суетно. И Григорий Синаит говорит: болезнь сердечная и смирение и труд послушания по силе каждого с правотою сердца совершает дело истины. И он же снова: всякое делание телесное и духовное, не имеющее сердечного труда, никогда не принесет плода совершающему его, ибо Царство Божие усилием берется и употребляющие усилие достигают его, как сказал Господь. Ибо хотя бы кто-нибудь безболезненно многие годы трудился или трудится, но не заботится с горячим усердием сердца совершать труды покаяния, бывает чужд чистоты и не причастен Духу Святому. И еще: кто трудится с небрежностью и ленью, то хотя бы он, казалось, и много работает, никакого плода не получит, ибо идущие не болезненным путем впадают от уныния в бесполезные попечения и помрачаются. То же самое говорит и Симеон Новый Богослов: кто не подражает Христовым Страстям покаянием, слезами, смирением, послушанием и терпением, особенно же нищетою и скорбями, поношением и поруганием, и не бывает причастником Его позорной смерти, тот не может быть и сопричастником Его духовного здесь воскресения и не может получить благодати Святого Духа, ибо божественный Павел говорит: если с Ним страдаем, то с Ним и прославимся. Если же стыдимся подражать Его стра-

даниям, какие Он претерпел за нас, и живет в нас земное мудрование плоти избегать этих страданий, явно, что и славе Его мы не можем быть причастниками. Ибо без покаяния и слез, как мы сказали, ничто из сказанного не может быть и не будет ни в нас самих, ни в других. Он же в другом месте говорит: никто не может доказать от Божественного Писания, что без слез и всегдашнего умиления мог очиститься от страстей и чтобы кто-нибудь из людей мог достигнуть святости или получить Духа Святого, или увидеть Бога, или почувствовать Его внутри себя в своем сердце без предварительного покаяния и умиления, ибо только по мере слез печали и покаяния, все это производит божественный огонь умиления. И снова говорит: берегитесь, чтобы вам не лишиться иметь в себе Христа и чтобы вы не отошли с пустыми руками из этой жизни и тогда восплачете и возрыдаете". Приводя эти слова святых отцов, старец со слезами убеждал братию исполнять заповеди Христовы и приобретать себе сердце сокрушенное и смиренное. Все его наставления, все заботы, вся болезнь сердца были направлены к тому, чтобы все братии с полным единодушием, всем сердцем и всю душою хранили заповеди Божии и не проводили бесплодно и в нерадении время, данное Богом для покаяния. Он убеждал братию усердно заниматься чтением святоотеческих книг и строго хранить заповеди Христовы, без чего и самое их общежитие не может устоять. Он говорил: "Пусть никто из вас не говорит, что невозможно каждый день плакать, ибо говорящие так говорят вместе с тем, что невозможно каждый день и каяться. Прежде всего вам следует с несомненною твердою верою и теплою любовью приступить к Господу и решительно отречься от мира сего со всеми его красотами и сладостями, от своей воли и от своего рассуждения и быть нищими духом и телом. И тогда благодать Христовой возжжется в совершенных душах святая ревность. С течением же времени и по мере труда подадутся слезы и плач, и малая надежда во утешение души. Явится алчба и жажда правды, т. е. пламенное усердие поступать во всем по заповедям Его, достигать смирения и терпения, милосердия и любви ко всем, наиболее же к скорбящим, больным, злостраждущим и престарелым и все это плоды Духа по слову божественного апостола. Явится усердие носить немощи ближнего, полагать душу свою за брата, претерпевать искушения разного рода, обиды, поношение и укоризны, прощать

от всей души друг другу всякие огорчения, любить врагов, благословлять проклинающих вас, добро творить ненавидящим вас, молиться за обижающих вас и гонящих вас, как того требует Христос. Ко всему тому мужественно с благодарностью терпеть разного рода телесные скорби, немощи, болезни любые и горькие, временные страдания ради вечного спасения души своей. таким образом вы достигнете в мужа совершенна, в меру духовного возраста Христова. И если твердо пребудете в таких трудах, то устоит и братство ваше, пока угодно будет Господу. Если же отступите от внимания себе и от чтения отеческих книг, то отпадете и от мира Христова и от любви Его и от исполнения заповедей Его и тогда водворятся среди вас беспорядок, суета, неустройство, душевное смущение, колебание и безнадёжие, ропот друг на друга и взаимные осуждения и за умножение всего этого иссякнет любовь многих, а может быть, даже и всех. И тогда разорится собор ваш сначала душевно, а потом и телесно".

Ежедневное чтение старцем святоотеческих книг и его беседы имели огромное воспитательное значение для братии. Впоследствии, когда жизнь братства стала приходить в упадок, братья сами признавались, что одною из важных причин этого упадка было прекращение ежедневных бесед старца. Старец имел такой дар убеждения, что и самого печального мог утешить своими словами и самого унылого мог одушевить. А где нужно было, обличал, запрещал, умолял, отлучал, долго терпел и при безуспешности отсылал от себя. И только самых ожесточенных и самочинных запрещал, угрожая им гневом Божиим. Никто не уходил от него неисцеленным и каждый день все готовы были стоять перед ним, чтобы только насладиться его беседою. Как-то один из братии сказал старцу: "Отче, помысл мне говорит, что вы имеете ненависть ко мне, так как часто с гневом укоряете меня при братиях". Старец ответил: "Возлюбленный брат, гневаться и раздражаться чуждо евангельской жизни. Если Божественное Евангелие повелевает и врагов любить, и добро им творить, то как же я могу ненавидеть чад моих духовных? А если я с гневом укоряю вас, то да подаст и вам Господь иметь такой гнев; я поножусь себя казаться гневающимся, хотя благодатию Божией никогда гнева и ненависти не имею". Брат со слезами упал к ногам старца, прося прощения. Старец часто говорил братии: "Я не хочу, что бы кто-нибудь из вас боялся меня, как грозно-

го властелина, но чтобы вы любили меня как отца, подобно как и я люблю вас как детей моих духовных".

По установлению старца каждый духовник сообщал старцу о всяком брате, которого сам не мог умиротворить, так же и о причине его смущения. И когда такой скорбный брат войдет, бывало, в келью старца, то старец уже видел, с чем он приходит, и, подав брату благословение, прежде чем тот скажет что-нибудь, сам начинал с ним беседу и своими сладостными и утешительными словами отвлекал его мысли от случившихся ему скорбей. Беседу свою старец вел, применяясь к положению, к нраву, к разуму и к послушанию брата. С более разумными имел обыкновение говорить о высоких предметах, поясняя свои слова Священным Писанием, и до такой степени удивлял и утешал брата, что тот готов был от духовной радости ни во что вменить все, всю славу, радости и скорби мира. С более же простыми братьями старец говорил проще, приводя им примеры или от их мастерства, или от послушания и своими словами приводил их в такое чувство, что они готовы были укорять и себя, и самую скорбь свою, ради которой пришли к старцу. Слушая слова старца, братья вникали внутрь самих себя и забывали о причине, приведшей их к старцу и, приняв благословение, уходили от него, радуясь и благодаря Бога. Не один раз старец говорил братии, что когда он видит чад своих духовных, подвижающихся и ревнующих о сохранении заповедей Божиих и со смирением проходящих святое послушание, то он испытывает такую неизъяснимую радость, что большей радости не желает иметь даже и в Царствии Небесном. Когда же видит их нерадящими о заповедях Божиих, ходящих без страха Божия и презирающих святое послушание, тогда его душу охватывает такая скорбь, что и во аде большей быть не может. Однажды приходит к старцу один брат и говорит, что очень пристают к нему помыслы. Старец, улыбнувшись, сказал: "Почему вы такие глупые? Делайте так, как я делаю: я с вами весь день спорюся, а с иными и плачу, с иными радуюсь и другие дела делаю. Когда же выгоню вас всех из кельи, то вместе с вами выгоню и все помыслы. Тогда возьму в руки книгу и ничего не слышу, как будто в Иорданской пустыне безмолвствую".

Говоря о том, что слово старца было сильно и действительно, жизнеописатель объясняет это тем, что старец с детства исполнял все заповеди Божии. Он читал священные книги с ве-

личайшим вниманием, от внимания рождалось разумение, от разумения желание, от желания ревность. Однажды прочитанное навсегда оставалось в его памяти. Как-то у старца в келии шла беседа о книгах. В беседе принимал участие один брат, знавший древний греческий язык. Спрошенный, как нужно перевести такую-то греческую фразу, он отвечал: "Объяснял нам ее наш учитель, но я не могу сейчас вспомнить". Услышав это, старец с улыбкой сказал: "А я, если прочту что-нибудь однажды, до смерти не забуду".

Чувствуя себя со всех сторон охваченными любовью и попечением старца, слушая его беседы, братия все более и более преуспевали в любви к Богу и в терпении Христовом, хотя и не все в одинаковой мере. Старец радовался и побуждал еще к большему усердию, говоря: "Не унывайте, чада, ибо ныне время благоприятное, ныне день спасения". Тогда, по словам жизнеописателя, жизнь в Драгомирне представлялась как бы земным раем. Люди, отвергнув ради любви Божией свою волю, стали мертвыми для мира сего. Тайные же их подвиги, сокрушение сердца, глубокое смирение, страх Божий, внимание и молчание и непрестанную молитву в сердце невозможно и передать словами, и на них исполнялись слова преподобного Исаака: "Господу приятно собрание смиренных, как собрание серафимов". Существовавший в братстве старца Паисия взгляд на существо монашеского подвига нашел свое выражение в "Поучении на пострижение монашеского чина", приписываемом некоторыми самому старцу. (Сбор. № 485. Рукоп. Academia Romana. См. в приложении 2-м.)

Эта тихая, мирная и радостная жизнь братии в Драгомирне омрачилась одним горестным событием.

Около 1766 года скончался отец Виссарион, первый ученик старца Паисия на Афоне и его единоклубный друг и ближайший помощник. Горько оплакав умершего, старец установил ежегодно совершать память его и поставлять всей братии поминальную трапезу, что и соблюдалось до самой кончины старца. В первые же годы пребывания в Драгомирне старцу Паисию пришлось выступить на защиту Иисусовой молитвы, то есть внутреннего сердечного молитвенного пребывания со Христом как главнейшего средства одоления злых помыслов и достижения чистоты сердца. На Украине в Мошенских горах появился некоторый монах, отрицавший умную молитву как ересь и прелесть. Этот монах приобрел такое влияние на

свою братию, что некоторые, наслушавшись его речей, собрали отеческие книги, учившие об умной молитве, и, привязав к ним камни, потопили в реке. Узнав об этом, старец Паисий написал в 6 главах сочинение об умной молитве, которое и послал заблуждающимся инокам. Это сочинение будет воспроизведено дальше.

Глава 2

УЧЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ ОБ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ, УМОМ В СЕРДЦЕ СОВЕРШАЕМОЙ

"Сладостна бывающая в сердце чистая и
постоянная память об Иисусе и происхо-
дящее от нее неизреченное просвещение"

Св Марк, митр Ефесский

Учение старца Паисия об Иисусовой молитве, как и его учение о монашестве, тесно связано с учением об этом предмете его учителя и друга схимонаха Василия. Поэтому мы сначала вкратце передадим учение об Иисусовой молитве старца Василия, изложенное им в предисловиях на книги святого Григория Синаита, блаженного Филофея Синайского и блаженного Исихия Иерусалимского.

Свое предисловие на книгу святого Григория старец Василий начинает указанием неправильности мнения тех, которые думают будто бы умное делание прилично одним только совершенным, достигшим бесстрастия и святости. Думающие так ограничивают свое моление одним только внешним исполнением псалмопения, тропарей и канонов, не понимая того, что такое внешнее моление назначено нам святыми отцами только как временное ввиду немощи и младенчества нашего ума с тем, чтобы мы, постепенно совершенствуясь, восходили на ступень умного делания и ни в каком случае не оставались при одном только внешнем молении. По словам святого Григория, только одним младенцам свойственно,

совершая устами внешнее моление, думать, что они совершают что-то великое, и утешаясь количеством читаемого, вырастить в себе внутреннего фарисея. По словам святого Симеона Нового Богослова, тот, кто ограничивается внешним деланием молитвы, не может достигнуть внутреннего мира и преуспеть в добродетели, ибо он подобен ведущему борьбу со своими врагами в ночной темноте; он слышит голоса врагов, получает раны от них, но не видит ясно, кто они, откуда они пришли, как и для чего они борются с ним. По словам святого Исаака Сирина и преподобного Нила Сорского, если бы кто-нибудь захотел помимо умной молитвы одним только внешним молением и внешними чувствами отразить прилог вражий и противостать какой-либо страсти или лукавому помыслу, тот скоро оказался бы много раз побежденным: ибо бесы, одолевая его в борьбе и снова добровольно ему покоряясь, как бы им побеждаемые, издеваются над ним и располагают его к тщеславию и самонадеянности, провозглашая его учителем и пастырем овец. Из сказанного можно видеть силу и меру как умной молитвы, так и внешнего моления. Не следует думать, будто святые отцы, удерживая нас от неумеренного внешнего моления и обращая к умной молитве, уничтожают этим внешнюю молитву. Да не будет! Ибо все священнодействия Церкви установлены в ней Святым Духом и все они отображают в себе тайну воплощения Бога Слова. И нет ничего в церковных обрядах человеческого, но все есть дело Божией благодати, не возрастающее от наших достоинств и не умаляющееся от наших грехов. Но мы говорим сейчас не об уставах святой Церкви, а об особом правиле и жительстве каждого из монахов, т. е. об умной молитве как таком делании, которое усердием и сердечною правотою, а не одними только словами, произносимыми без внимания устами и языком, обычно привлекает благодать Святого Духа. И этим умным деланием может разумно заниматься не только совершенный, но и всякий новоначальный и страстный, блюдя сердце. И потому святой Григорий Синаит, более всех и до тонкости рассмотревший и обсудивший живущую в нем благодать Святого Духа жития и писания и духовные подвиги всех святых, заповедует иметь все старание об умной молитве.

Также и святой Симеон Солунский заповедует и советует и архиереям, и священникам, и монахам, и мирянам на всякое время и на всякий час произносить эту священную молитву и

как бы дышать ею, ибо нет более крепкого оружия ни на земле, ни на небе, говорит он вместе со святым апостолом, как имя Иисуса Христа. Знай и то, добрый труженик этого священного делания, что не только в пустыне или в уединенном отшельничестве были учителя и многочисленные делатели этого священнодействия, но и в самых великих лаврах и даже в городах. Например, святейший патриарх Фотий, возведенный на патриаршество из сенаторского звания и не будучи монахом, уже на своем высоком посту обучился умному деланию и до такой степени преуспел в нем, что, по словам святого Симеона Солунского, лицо его сияло благодатию Святого Духа, как у второго Моисея. По словам того же святого Симеона, патриарх Фотий написал и замечательную книгу об умном делании. Он же говорит, что и святой Иоанн Златоуст, и святые Игнатий и Каллист, будучи патриархами того же Царьграда, написали свои книги об этом внутреннем делании.

Итак, если ты, возражая против умной молитвы, скажешь, что ты не пустынножитель, чтобы тебе заниматься этим деланием, то тебя обличат патриарх Каллист, который обучился умному деланию, проходя поварскую службу в великой лавре Афонской, и патриарх Фотий, который будучи уже патриархом, обучился искусству сердечного внимания. Если ты ленишься заниматься умным трезвением, ссылаясь на послушания, то ты особенно заслуживаешь порицания, ибо, по словам святого Григория Синаита, ни пустыня, ни уединение не бывают настолько полезны при этом делании, как разумное послушание. Если ты скажешь, что не имеешь учителя, который научил бы тебя этому деланию, сам Господь повелевает тебе учиться из Священного Писания, говоря: "Испытайте Писания и в них обрящете живот вечный". Если ты смущаешься, не находя безмолвного места, тебя опровергает святой Петр Дамаскин, который говорит: "В том состоит начало спасения человека, чтобы оставить свои хотения и разумения и исполнять Божии хотения и разумения, и тогда во всем мире не найдется такой вещи или места, которые могли бы воспрепятствовать спасению". Если тебя смущают слова святого Григория Синаита, много говорящего о прелести, бывающей при этом делании, то сам же этот святой отец и исправляет тебя, говоря: "Мы не должны ни бояться, ни сомневаться, призывая Бога. Ибо, если некоторые и совратились, повредившись умом, знай, что они потердели это от самочиния и высоко-

мудрия. Если же кто в повиновении с вопрошением и смиренномудрием ищет Бога, никогда не потерпит вреда благодатию Христовой. Ибо праведно и непорочно живущему и избегающему самоугодия и высокоумрия не может причинить зла, по словам святых отцов, весь бесовский полк, хотя бы и воздвиг на него бесчисленные искушения. Только самонадеянно, самосоветно поступавшие впадают в прелесть. Те же, кто претыкаясь о камень Священного Писания, из опасения прелести уклоняются от умного делания, превращают белое в черное и черное в белое. Ибо не для запрещения умного делания учат нас святые отцы о причинах бывающей прелести, но для предохранения нас от прелести. Как и святой Григорий Синаит, повелевая обучающимся молитве не бояться и не сомневаться, указывает и причины прелести самочиние и высокоумие. Желая, чтобы мы не получили от них вреда, святые отцы повелевают изучать Священное Писание и им руководствоваться, имея брат брата добрым советником, по слову Петра Дамаскина. Если ты страшишься приступить к умному деланию из благоговения и в простоте сердца, и я вместе с тобою готов утрашиться. Но не следует бояться пустых басней по пословице "Волка бояться — в лес не ходить". И Бога следует бояться, но не бежать от Него и не отрекаться от Него.

Немалым препятствием к деланию умной молитвы является для некоторых их телесная немощь. Не будучи в состоянии понести труды и посты, какие несли святые, они думают, что без этого им невозможно начать умное делание. Исправляя их ошибку, святой Василий Великий учит. "Воздержание определяется каждому по его телесной силе" и, я думаю, не безопасно, разрушив безмерным воздержанием силу тела, сделать его бездейственным и не способным к добрым делам. Если бы хорошо было для нас быть расслабленными телом и лежать как бы мертвыми, едва дышущими, то Бог таковыми бы нас и сотворил. Если же Он не сотворил нас такими, то согрешают те, кто прекрасное Божие создание не сохраняют таким, каким оно создано. Об одном только должен заботиться подвижник, не скрывается ли в душе его зло разлечения, не ослабело ли трезвение и усердное обращение мысли к Богу, не омрачилось ли в нем духовное освящение и от него происходящее просвещение души. Ибо, если все упомянутое доброе в нем возрастает, то не будет времени восстать в нем телесным

страстям, когда душа его занята небесным и не оставляет телу времени для возбуждения страстей. При таком устроении души принимающий пищу ничем не различается от непринимającego. И он выполнил не только пост, но и совершенное неядение и имеет похвалу за свое особенное попечение о теле: ибо умеренное жительство не вызывает распаления похоти. Согласно с этим и святой Исаак говорит: "Если понудишь слабое тело выше силы его, двойное смущение наносишь душе". И святой Иоанн Лествичник говорит: "Я видел эту враждебницу (утробу) упокоиваемой и бодрость уму подающей". И в другом месте: "Я видел ее, истаиваемую постом и возбуждающую похоть, дабы мы надеялись не на себя, а на Бога Живого". Так учит и история, которую вспоминает преподобный Никон: уже в наши времена был найден в пустыне один старец, который тридцать лет не видел ни одного человека, хлеба не ел, питаясь одними корнями, и он признался, что все эти годы он был борим блудным бесом. И отцы решили, что не гордость и не пища были причиною этой блудной брани, а то, что старец не был научен умному трезвению и противоборству вражиим прилогам. Потому то и говорит святой Максим Исповедник: "Дай телу по силе его и весь твой подвиг обрати на умное делание". И святой Диадокх: "Пост имеет похвалу сам по себе, а не по Богу: его цель приводит желающих в целомудрие". И потому не подобает о нем высокоумствовывать подвижникам богочестия, но в вере Божией ожидать исхода нашего устроения. Ни в каком искусстве художники не судят по инструменту о результате работы, но ожидают окончания работы и по нему судят об искусстве. Имея такое установление о пище, не возлагая всю свою надежду на один пост, но в меру и по силе твоей постясь, стремись к умному деланию. Таким образом, ты и гордости можешь избежать, и не будешь гнушаться добрых Божиих творений, воздавая Богу за все хвалу.

Умная молитва есть могущественное оружие, которым подвижник побеждает невидимых врагов своих. Одни из святых отцов дают правила монашествующим вместе с деланием заповедей Христовых совершать продолжительное псалмопение, каноны и тропари. Другие отцы, изучив тончайшее делание духовного разума, находят недостаточным для новоначальных пребывать в одном только телесном обучении, но, преподавая им вместе с исполнением заповедей Христовых

умеренное пение и чтение, устанавливают, вместо длительно-го псалмопения и канонов, делание умной молитвы, добавляя при этом, что если Дух Святой посетит действием сердечной молитвы, тогда, ни мало не сомневаясь, оставлять внешнее правило, ибо восполняет его внутренняя молитва. Третьи, имея большой опыт и познания житий и писаний святых, особенно же будучи просвещены действием и премудростью Святого Духа, устанавливают для новоначальных общее, а не частичное обучение деланию умной молитвы, разделяя его на два вида — делательную и зрительную. Эти отцы повелевают иметь всю заботу об умном делании, отдавая пению немного времени только в часы уныния, ибо, по их словам, церковные службы и песнопения преданы всем вообще христианам, а не тем, которые хотят безмолвствовать. Впрочем, и путем длительных псалмопений и чтением канонов и тропарей можно придти в преуспеяние, хотя и очень медленно и с большими трудностями, вторым же путем удобнее и легче, а третьим всего скорее, и при том с отрадою и частым присещением Святого Духа, утверждающим и успокаивающим сердце, особенно при усердном старании и добром желании. Поскольку святая умная молитва срастворяется с соблюдением заповедей Божиих и изгоняет бесов и страсти, постольку, наоборот, небрегающий о заповедях и не заботящийся об умной молитве, но занимающийся одним только пением, бывает влачим страстями.

Преступление заповедей Господних во всех одинаково усматривается, но проявляется многообразно: напр, кто-нибудь положит себе за правило не преступать заповедь, не отдаваться страсти, но по некоторому обстоятельству или смущению или козни врага случится ему кого-нибудь оскорбить, или осудить, или разгневаться, или победиться тщеславием, или спорить и оправдываться, или празднословить, или солгать, или объесться, или опиться, или скверное подумать, или что-нибудь подобное совершить. Чувствуя себя виноватым перед Богом, он тотчас же начинает укорять себя и с покаянием припадать перед Богом умною молитвою от сердца, да простит его Бог и подаст ему помощь не впадать больше в такие согрешения. И, таким образом, он полагает начало соблюдению заповедей и хранению своего сердца от злых прилогов в молитве, боясь и трепеща, чтобы из-за них не потерять Царствия Небесного. Другой же живет просто, нерадя о

том, падает ли он, или стоит, и думая, что в настоящие времена нет людей, хранящих заповеди и боящихся преступить их, и что всякий волей или неволей погрешает перед Богом и бывает виновен в тех или иных тонких грехах и страстях: и потому он не хочет и беречься от них, считая это вещь невозможной. Считая себя ответственным лишь за прелюбодеяние и блуд, убийство и кражу, отраву и тому подобные смертные грехи и воздерживаясь от них, он мнит себя стоящим. К такому относятся слова отцов: лучше падающий и восстающий, нежели стоящий и не кающийся. Нужно удивляться, как оба эти человека, повинные в одних и тех же всечастных грехах, являются различными перед Богом, да, думаю, и перед духовными людьми. Один совсем не знает падения и восстания, хотя им и владеют страсти; другой же падает и восстает, побеждается и побеждает, подвизается и трудится, не хочет отвечать злом за зло, но не удерживается вследствие привычки, старается не сказать чего-нибудь злого, скорбит, когда получает обиду, однако укоряет себя за то, что скорбит, и кается в этом, или, если и не скорбит о полученной обиде, то и не радуется. Все находящиеся в таком устройении суть противящиеся страсти, не хотят покоряться ей, скорбят и борются. Отцы же сказали, что всякая вещь, которой не хочет душа, маловременна.

Хочу еще сказать об искореняющих страсти. Есть такие, которые радуются, когда получают обиду, но потому, что надеются иметь награду. Таковой и принадлежит к искореняющим страсти, но не с разумом. Другой радуется, получая обиду, и считает, что он и должен был ее получить, ибо сам подал к тому повод. Таковой с разумом искореняет страсть. Есть наконец, и такой, который не только радуется, будучи обижаем, и считает себя самого виновным, но еще и скорбит о смущении своего обидчика. Да введет нас Бог в такое устройство души! Для более ясного познания того и другого жительства скажем еще так: первый, подчиняя себя закону, исполняет только свое пение, второй же понуждает себя к умному деланию, имеет всегда с собою имя Иисуса Христа для истребления врага и страстей. Тот радуется, если только окончит пение. Этот же благодарит Бога, если в тишине, не возмущаясь злыми помыслами, творит молитву. Тому желательно количество, этому — качество. У того, спешащего исполнить количество пения, скоро создается радостное самомнение, полага-

ясь на которое, он питает и растит в себе внутреннего фарисея, если не внимает себе. У этого, дорожащего качеством молитвы, бывает познание своей немощи и помощи Божией. Молясь, или лучше сказать, призывая Господа Иисуса на прилоги вражий, на страсти и на злые помыслы, он видит их погибель от страшного имени Христова и понимает Божию силу и помощь. С другой стороны, насилуемый и смущаемый злыми помыслами, познает свою немощь, ибо не может противостать им одними только своими силами. И в этом состоит все его правило и вся жизнь. И хотя враг может и ему внушать радостное самомнение и фарисейские мысли, однако он встречает в этом подвижнике готовность призывать Христа на все злые помыслы и, таким образом, не достигает успеха в своих кознях. Но скажет кто-нибудь, что и первому возможно призывать Христа на вражий прилог. Да, возможно, но каждый по опыту знает, что в настоящее время у делателей внешнего правила нет обычая обучаться молитве на злые помыслы. Таковые особенно не хотят принимать слова произносимого или пишемого о внутреннем внимании, в коем заключается наука моления на злые помыслы. И не только не принимают, но и противятся, и учителей своих выставляя, утверждают, будто бы новоначальным не положено святыми отцами умное делание, а только одно псалмопение, тропари и каноны, устами и языком произносимые. И хотя они говорят и учат это неправильно, однако все их слушают, ибо такое моление не требует обучения или отречения от мирских похотей, но всякий, стоит только ему захотеть, может так молиться, монах ли или мирянин. Священное же умное делание, будучи славным и богоугодным искусством из искусств и требуя не только отречения от мира с его похотями, но еще и многого наставления и обучения, не находит исполнителей среди монахов. При всем том следует опасаться правых и левых уклонений, т. е. отчаяния и самонадеянности. Замечая, что у обучающихся умному деланию бывают по случаю, а не намеренно, невольные падения, называемые отцами повседневными грехами, не должно приходить от этого в сомнение, ибо по мере всякого бывает и преуспеяния, и ниспадения от доброго к противоположному. С другой стороны, слыша о великой милости Божией к нам грешным, мы не должны быть самонадеянными и бесстрашно приступать без великого смирения и посильного исполнения заповедей к этому умному священно-

действию Созная, что и самонадеянность, и отчаяние внушаются врагом, бегать крепко и того, и другого.

И, таким образом, со многим рассмотрением Священного Писания и пользуясь советом искусных, во смирении обучаться этому деланию. Святые отцы, которые учат одними заповедями Христовыми побеждать страсти и очищать сердце от злых помыслов, указывают подвижникам иметь два крепчайших оружия — страх Божий и память вездеприсутствия Божия, по сказанному: "Страхом Господним всяк уклоняется от зла", и: "Предзрех Господа предо мною выну... да не подвижуся", предлагают кроме того иметь память смерти и геенны и еще чтение Святых Писаний. Все это хорошо для хороших и благоговейных мужей; у нечувственных же и окамененных, хотя бы и сама геенна или Сам Бог видимым образом открылись, никакого не явится от этого страха. Притом же и сам ум в новоначальных монахах скоро притупляется к памяти таких вещей и бежит от них, как пчела от курения дыма. Но хотя указанная память и бывает добра и полезна в час брани, духовнейшие и искуснейшие отцы сверх этого добра указали и еще большее и несравненное добро, могущее помогать даже и весьма слабым.

Первое средство можно сравнить с тем, когда мелют в жерновах своими руками и своею собственною силой, а это последнее средство, когда мелют на мельнице водою и различными приспособлениями. Как вода сама собою движет колеса и камень, так и пресладкое имя Иисуса, вместе с памятью о Боге, всецело живущем в Иисусе, подвигает ум в молитву, о чем великий в богословии Исихий говорит: "Душа благодетельствуемая и улаждаемая Иисусом с радостью и любовью и исповеданием воссылает хвалу Благодателю, благодаря и призывая Его с веселием", и в другом месте: "Как невозможно проводить эту жизнь без пищи и питья, так невозможно без умного хранения душе достигнуть чего-либо духовного и угодного Богу или освободить свой ум от греха, хотя бы кто и принуждал себя не грешить из-за страха мук". И еще: "Проникшие в наше сердца помыслы, если мы их не хотим и крепимся и противостоим, может изгонять молитва Иисусова, произносимая из глубины сердца". Первым из указанных выше средств, без умного делания, хотя и достигается преуспеяние, однако очень медленно и с трудом. Вторым же средством скоро и легко приближается делатель к Богу. Ибо

там бывает одно только внешнее моление и поучение, и делание заповедей, здесь же и то, и другое, и внешнее, и внутреннее хранение. Когда новоначальный монах, по отречении его от мира и действия грехов великих и смертных, положит пред Богом обещание воздерживаться не только от малых грехов, повседневных и простительных, но и от действия самих страстей и злых помыслов, и, войдя внутрь к сердцу умом своим, начнет призывать на всякую брань и на всякий злой помысл Господа Иисуса или, если по немощи своей уступит прилогу вражю и нарушит заповеди Господни, припадет к Господу с сердечной молитвою, каясь, осуждая себя, и в этом устроении пребудет до своей кончины, падая и восставая, побеждаясь и побеждая, день и ночь прося отмщения от соперника своего, то не будет ли существовать для него надежда на спасение? Ибо, как показывает опыт, невозможно даже и самым великим мужам вполне уберечься от повседневных грехов, сущих не к смерти, источником которых бывают слова, мысль, неведение, забвение, неволя, воля, случай, и которые прощаются вседневною благодатию Христовой, по словам святого Кассиана. Если кто, малодушествуя, скажет, что святой Кассиан под очищающимися благодатию Христовой от вседневных грехов разумеет одних святых, а не новоначальных и страстных, пусть будет место и такому мнению, но ты, главным образом, принимай во внимание суждение и решение о таких вещах святых писаний, по которым всякий новоначальный и страстный осуждается этими повседневными грехами, и снова может получить прощение благодатию Христовой, как и все святые всечасным покаянием и исповеданием Богу. Ибо, как говорит святой Дорофей, есть служащий страсти и есть сопротивляющийся страсти. Служащий страсти, когда услышит одно слово, теряет покой, или говорит пять слов или десять в ответ на одно слово и враждует, и смущается, и даже потом, когда уже успокоится от волнения, не перестает злобствовать на сказавшего ему то слово, и печалится о том, что не сказал ему больше, нежели сказал, и придумывает слова, еще более злые, чтобы сказать ему, и постоянно говорит: почему я не сказал ему так? скажу ему еще так-то, и все время гневается. Это одно устроение, когда злое состояние является обычным. Другой, когда услышит слово, также теряет спокойствие и также говорит в ответ и пять, и десять слов и скорбит, что не сказал еще трех слов более

обидных, и печалится, и помнит зло, но проходит немного дней, и он умиротворяется; иной неделю остается в подобном состоянии, а иной через день утихает, а иной обижает, враждует, смущается, смущает и тотчас же утихает. Вот сколько бывает различных устроений, и все они подлежат суду, пока остаются в силе. Поэтому можно судить и о всех других случаях, почему страстный не может очиститься благодатию Христовой от повседневных грехов, кажущихся малыми.

Рассмотрим теперь, когда подобные же грехи бывают простительны новоначальным и страстным. Тот же святой Дорофей говорит: бывает, что кто-нибудь, услышав слово, скорбит в себе, но не о том, что получил неприятность, но о том, что не перетерпел. Этот находится в устроении сопротивляющегося страсти. Другой борется и трудится и побеждается страстью. Иной не хочет отвечать злом на зло, но увлекается привычкою. Иной старается не сказать ничего злого, но скорбит, что получил огорчение, и упрекает себя за то, что скорбит, и кается в этом. Иной же не скорбит, что получил огорчение, но и не радуется. Все они суть сопротивляющиеся страсти: они не хотят служить страсти и скорбят, и подвизаются. Таковые хотя и страстные, но благодатию Христовой могут получить прощение всedневных грехов, не с намерением, но невольно совершаемых, о которых Господь заповедал святому Петру до седмижды семидесяти раз прощать в день. Это же самое говорит и святой Анастасий Синаит: "Мы так рассуждаем и думаем о принимающих святыне Тайны Тела и Крови Господних, что если они имеют некоторые малые и простительные грехи, как-то: погрешают языком, слухом, оком или тщеславием, или печалию, или раздражительностью, или чем-нибудь другим подобным, но осуждают себя и исповедуют свой грех Богу, и таким образом, принимают святыне Тайны, таковое принятие бывает им во очищение грехов их. Так как в начале было нами сказано о благоискусном преодолении страстей умною молитвою и заповедями, покажем теперь яснее и самый ход умного сражения со страстями. Находит ли на нас прилог вражий какой-либо страстию или злым помыслом, делатель молитвы призывает на них Христа, и погибает диавол со своим прилогом. Падет ли по немощи мыслию или словом, или раздражительностью, или плотским пожеланием, молит. Христа, исповедуясь Ему и каюсь. Объят ли бывает унынием и печалью, стесняющими ему ум и сердце,

хватается за память смерти и геенны и вездеприсутствия Божия и, немного при помощи их потрудившись, призывает Христа. Затем, обретши мир от борьбы, снова молит Христа быть милостивым к нему за его грехи вольные и невольные. И, одним словом, в час брани и мира душевного прибегает он ко Христу, и бывает ему Христос вся во всех, как в добрых, так и в злых обстоятельствах. И не увлекается таковой самомнением, будто бы он выполняет что-либо, молясь или угождая Богу. Ибо иной есть смысл внешнего моления, иной же сего внутреннего: тот, исполняя количество пения, уповает этим угодить Богу; оставляя же его, осуждает себя. А этот, будучи укоряем совестью в повсечасных грехах и терпя нападение вражиих прилогов, всегда вопиет ко Христу, держа в уме своем слова: "Если и на всю лестницу совершенства взойдешь, о прощении грехов молись" И опять: "Хочу лучше пять слов сказать умом моим, нежели десять тысяч языком", и таким образом без всякого сомнения выполняет указанное святым Дорофеем сопротивление страстям.

Если же кто скажет, что можно и без умного делания очиститься от грехов благодатию Христовой через покаяние, тому отвечаем так: поставь с одной стороны заповеди Христовы, с другой же всегдашнюю молитву. и остави нам долги наши. Дай мне и истинную решимость не нарушать ни одной заповеди, т. е. не похотствовать, не гневаться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить врагов, добротворить ненавидящим, молиться за обижающих, уклоняться от сластолюбия, сребролюбия и блудных помыслов, печали, тщеславия, презорства — одним словом, всех грехов и злых помыслов. И с такою решимостью приступи к обучению умному деланию и замечай внимательно, сколько раз в день, вопреки своей решимости, ты нарушишь заповеди и какими грехами, страстями и злыми помыслами уязвишься. Поревнуй той вдовице, которая умоляла судью день и ночь, и начини вопить ко Христу ежечасно за всякую заповедь, которую нарушишь, и за всякую страсть, за всякий злой помысл, которым будешь побежден. Присоедини к этому доброго советника — Святое Писание, и, проведя так немало времени, приди и научи меня, что ты увидишь в душе своей. Едва ли и сам ты не признаешь, что невозможно уместиться всему этому во внешнем молении, но только в умном делании. Ибо оно научает своего ревнителя всем этим тайнам и удостоверяет душу

его, что оставляя многое псалмопение, каноны и тропари и обращая всю свою заботу на умную молитву, он не только не погубляет своего правила, но еще и умножает его. Как у ветховетного закона сила и хотение были в том, чтобы всех приводить ко Христу, хотя этим, казалось, и умалялся самый закон, так и многое пение отсылает делателя к умной молитве, а не распространяется на всю монашескую жизнь. Ибо и самый опыт научает такового, когда он, молясь, замечает как бы некоторое преграждение между ним и Богом, как бы медную стену, по пророку, не позволяющую уму ясно взирать к Богу в молитве, или внимать сердцу, в котором заключены все душевные силы и источник помыслов как добрых, так и злых.

Умное делание, несомненно, требует страха и трепета, сокрушения и смирения, и многого испытания Священного Писания, и советования с единомышленными братьями, но ни в каком случае не бежания и отрицания, а также и не дерзости, и не самочиния. Дерзкий и самонадеянный, стремясь к тому, что выше его достоинства и устройства, с гордостью поспешает к зрительной молитве. Охваченный тщеславною мечтою взойти на высокую степень, проникнутый сатанинским, а не истинным желанием, таковой легко уловляется диавольскими сетями. И что нам порываться к высокому преуспеянию в умной и священной молитве, которого, по святому Исааку, едва удостоивается один из десяти тысяч? Довольно, вполне довольно для нас, страстных и немощных, увидеть хотя след умного безмолвия, т. е. делательную умную молитву, которою прогоняются от сердца прилоги врагии и злые помыслы, в чем и состоит дело новоначальных и страстных монахов, через которое можно достигнуть, если Бог захочет, и зрительной или духовной молитвы. И не следует нам унывать от того, что немногие удостоиваются зрительной молитвы, ибо у Бога нет неправды. Только не будем лениться идти путем, ведущим к этой священной молитве, т. е. делательною умною молитвою будем сопротивляться прилогам и злым помыслам. Идя этим путем святых, мы удостоимся и жребия их, хотя и не здесь на земле, как говорят святой Исаак и многие другие святые.

Умная молитва сопровождается различными телесными ощущениями, среди которых нужно отличать правильные от неправильных, благодатные от естественных и от происходящих от прелести. Ужаса и удивления достойно, говорит старец Василий, как некоторые, зная Священное Писание, не

вникают в него. Другие же, и не зная и не спрашивая опытных, осмеливаются, полагаясь на собственный разум, приступать к умному вниманию и при этом говорят, что внимание и молитву нужно совершать в желательной области: это, говорят они, есть область чрева и сердца. Такова первая и самопроизвольная прелесть. не только молитвы и внимания не следует совершать в этой области, но и самую ту теплоту, которая происходит в час молитвы из похотной области в сердце, ни в каком случае не нужно принимать.

По слову святого Григория Синаита, нужен немалый труд, чтобы ясно постигнуть и сохранить себя в чистоте от того, что противно благодати, ибо диавол имеет обыкновение показывать новоначальным свою прелесть под видом истины, представляя им зло, как нечто духовное, показывая мечтательно одно вместо другого по своему произволу, вместо теплоты, возбуждая свое жжение, и вместо веселия, доставляя бессмысленную радость и чувственную сладость. Впрочем, делателю умной молитвы полезно знать и то, что жжение или теплота иногда поднимается от чресл к сердцу и сама собою, естественным образом, если не сопровождается блудными помыслами. И это, по словам святейшего патриарха Каллиста, происходит не от прелести, но от естества. Если же кто-нибудь посчитает эту естественную теплоту за благодатную, то это уже будет, несомненно, прелесть. Поэтому подвизающийся должен не останавливать на ней своего внимания, но отгонять ее. Иногда же диавол, соединив свое жжение с нашею похотью, увлекает ум в блудные помыслы. И это есть несомненная прелесть. Если же тело все разогревается, а ум остается чистым и бесстрастным и как бы прикрепленным и погруженным в глубине сердца, начиная и оканчивая молитву в сердце, это есть, несомненно, от благодати, а не от прелести.

В другом месте старец Василий говорит о телесных ощущениях при умной молитве следующее: прежде всего, по словам святейшего патриарха Каллиста, приходит теплота от почек, как бы опоясующая их, и она кажется прелестью, но это не так: теплота эта не от прелести, но от естества, и есть следствие молитвенного подвига. Если же кто считает эту теплоту от благодати, а не от естества, то это несомненная прелесть. Но какова бы ни была эта теплота, подвизающийся должен не принимать ее, но отвергать. Приходит и другая теплота — от сердца, и если при этом ум впадает в блудные

помыслы, это есть несомненная прелесть; если же тело все от сердца разогревается, а ум остается чистым и бесстрастным и как бы прикрепленным во внутреннейшей глубине сердца, то это есть несомненно от благодати, а не от прелести. Зная все это, необходимо с самого начала приучать свой ум в час молитвы стоять сверху сердца и смотреть в глубине его, а не на половине сбоку и не на конце внизу. Следует это делать потому, что когда ум стоит сверх сердца и внутри его совершает молитву, тогда он, как царь, сидя на высоте, свободно наблюдает плещущие внизу злые помыслы и разбивает их, как вторых вавилонских младенцев о камень имени Христова. При этом, будучи значительно удален от чресл, он может легко избежать похотного жжения, ставшего присущим нашей природе через преступление Адама. Если же кто собирает внимание к молитве на половине сердца, тогда или по оскудению сердечной теплоты или вследствие ослабления ума и притупления внимания от частого совершения молитвы, или же под влиянием возбуждаемой от врага брани, ум сам собою ниспадает к чреслам и против воли смешивается с похотною теплотою. Некоторые по крайней своей нерассудительности или, лучше сказать, по неведению, начинают творить молитву снизу на конце сердца при чреслах, и, таким образом, касаясь умом своим частию сердца, частию чресл, сами призывают к себе прелесть, как заклинатель змею. Другие же, страдая совершенно неразумием, не знают даже самого места сердечного и думая, что оно находится посреди чрева, дерзают там творить умом молитву — горе их обольщению!

Так же следует различать и теплоту в молитве, какая есть естественный дар, излианный в сердце, как миро благоуханное через святое крещение, и какая приходит к нам от прародительского преступления, и какая возбуждается диаволом. Первая в одном только сердце с молитвою начинается и в сердце же заканчивает молитву, подавая душе успокоение и духовные плоды. Вторая от почек имеет начало и к почкам оканчивает молитву, причиняя душе жесткость, студеность и смущение. Третья, возникнув от смешения с похотным жжением, распяляет члены и сердце блудным сладострастием, пленяет ум скверными помыслами и влечет к телесному совокуплению. Внимательный все это скоро распознает и заметит: время, опыт и чувство все ему сделают ясным. Священное Писание говорит: "Господи, не доброе ли семя сеял еси? откуда убо

возрастоша плевелы?" Невозможно не вкрадываться злу в доброе: так и со священным умным деланием сплетается прелесть, как плющ с деревом. Возникает прелесть от самомнения и самочиния и врачеством для нее служат смирение, исследование писаний и духовный совет, но не уклонение от обучения умному деланию. Ибо, по словам святого Григория Синаита, мы не должны ни бояться, ни сомневаться, призывая Бога, ибо если некоторые и сбились с пути, повредившись умом, знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумия. Причина же высокоумию, с одной стороны, безрассудный и безмерный поэт, когда посягающий думает, что он совершает добродетель, а не ради целомудрия постится, с другой стороны — уединенное жительство. Устраняя первую причину, святой Дорофей говорит: "Безмолвствующий должен всегда держаться царского пути, ибо неумеренность во всем легко сопровождается самомнением, за которым следует прелесть". Уничтожая же вторую, говорит: "Только сильным и совершенным подобает единоборствовать с бесами и извлекать на них меч, который есть слово Божие".

Самый способ и действие прелести состоят, во-первых, во враждем приобщении в похоти внутренних чресл, и, во-вторых: в призраках и мечтании ума. Предостерегая от первого, святой отец говорит: хотя враг и преобразует естественное движение чресл, как бы в духовное, вместо духовной теплоты, возбуждая свое жжение, и вместо веселия, принося бессмысленную радость и заставляя принимать свою прелесть за действие благодати, но время, опыт и чувство изобличают его обман. Указывая на вторую опасность, святой отец учит так: ты же, когда безмолвствуешь, ни в каком случае не принимай, если что-нибудь видишь чувственно или умно, внутри или вне себя: образ ли Христов или ангелов, или святого, или свет, или огонь и прочее. Здесь снова оживет возражатель и обвинит в прелести умное делание. Ибо они думают, что прелесть не примешивается внешнему пению. Однако да будет известно, что во всем: в пении ли, в молитве ли, прелесть имеет одинаковое место при неискusstве делателей, как говорит святой Иоанн Лествичник: "Испытаем и посмотрим, и измерим, какая нам в пении сладость прибывает от блудного беса и какая от живущей в нас благодати и силы". И в другом месте: "Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, как бы она не оказалась растворенною горькими отравками". Итак, ты ви-

дишь, что прелесть может одинаково постигнуть как поющих, так и проходящих молитву: но так как не знающие умного делания имеют одно только опасение, как бы им выполнить песненное правило, о злых же помыслах и похотном кипении они не доискиваются, то они и не знают, когда похотная часть сама вскипает и когда возбуждается вражим приобщением, и как всего этого избежать. Они сражения слышат и раны получают, но кто их враги, и ради чего они воюют, этого не ведают. Познав из сказанного, что не умное делание бывает причиною прелести, но одно только наше самочиние и высокоумие, не следует нам убегать умной молитвы: ибо она не только не вводит нас в прелесть, но, напротив, открывает нам умные очи к ее познанию и уразумению, чего мы никогда не могли бы достигнуть, если бы не обучались этому священному умному деланию, хотя бы кто был и великий постник и безмолвник.

Ознакомившись с учением об умной молитве старца Василия, обратимся теперь к учению о том же предмете старца Паисия Величковского. Как было уже сказано, старец Паисий вынужден был выступить со своим сочинением ради предостережения своих братьев от распространившихся в то время нападков на умную молитву, хотя и сознавал, что поставленная им себе задача превосходит силу его разума.

"Дошел до меня слух, — пишет он, — что некоторые лица монашеского звания, основываясь лишь на песке собственного суетумудрия, осмеливаются хулить божественную Иисусову молитву, умом в сердце священнодействуемую. Вооружает их на это, смею сказать, враг, чтобы их языками, как собственным орудием, опорочить это божественное дело и слепотою их разума омрачить это духовное солнце. Опасаясь, как бы кто-нибудь, слушая их басни, не впал бы в подобную им хулу и не погрешил бы перед Богом, похулив учение столь многих богоносных отцов, учащих об этой божественной молитве и будучи притом не в состоянии равнодушно слушать дерзкие слова на это пренепорочное делание, а также убеждаемый усиленными просьбами ревнителей этой молитвы, я задумал, призвав на помощь сладчайшего моего Господа Иисуса, написать в опровержение ложного умствования пустословов и в утверждение богоизбранного стада, собравшегося в нашей обители, несколько слов об умной божественной молитве на основании учения святых отцов для твердого, непоколеби-

мого и несомненного в ней удостоверения. И так я, прах и пепел, преклонив мысленные колена сердца моего пред неприступным величием Божественной славы Твоей, молю тебя, единородный Сыне и Слове Божий, просветивший слепорожденного, просвети и мой омраченный ум, даруй душе моей Твою благодать, да будет сей мой труд во славу имени Твоего и в пользу тем, кто хочет через умное делание молитвы духом прилепляться Тебе и всегда носить в сердце своем Тебя, а также и во исправление тех, кто по крайнему своему невежеству дерзнули похулить это божественное делание!" Далее следует изложение учения об умной молитве в шести главах.

В главе первой старец пишет о том, что умная молитва есть делание древних святых отцов и защищает ее против хулителей этой священной молитвы. Да будет известно, что это божественное делание было постоянным занятием древних богоносных отцов наших и просияло, как солнце, во многих местах пустынных и в общежительных монастырях: Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе, в Иерусалиме и окружающих его монастырях — словом, на всем Востоке и в Царьграде, в последние же времена и в Великой России. Этим умным деланием священной молитвы многие из богоносных отцов наших, воспламенившись серафимским огнем к Богу и ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих и удостоились стать избранными сосудами Святого Духа. Многие из них, побуждаемые сокровенным божественным вдохновением, написали об этой божественной молитве, в согласии с Божественным Писанием Ветхого и Нового Завета, книги святых своих учений, исполненные премудрости Святого Духа. И они это сделали по особому Божьему промыслу, чтобы как-нибудь в последующие времена не пришло в забвение это божественное дело. Но из написанных ими книг многие, Божиим за грехи наши пощением, истреблены сарацинами, овладевшими греческим царством, другие же милостью Божией сохраняются и до нашего времени. На это божественное умное делание и хранение сердечного рая никто из правоверующих не дерзал когда-либо произнести хулу, но всегда все относились к нему с великим почтением и крайним благоговением, как к вещи, исполненной великой духовной пользы.

Начальник же злобы и противник всякому доброму делу диавол, видя, как в особенности через это умное делание мо-

литвы монашеский чин, избирая благую часть, неотторжную любовью сидит у ног Иисусовых, в совершенстве преуспевая в Его божественных заповедях, начал употреблять все усилия, чтобы опорочить и похулить это спасительное дело, и, если только возможно, совершенно уничтожить его с лица земли: он стремился этого достигнуть то путем истребления книг, то посредством примешивания к чистой и небесной пшенице душетленных плевел, благодаря чему люди, не имеющие рассуждения, видя тех, кто самочинно коснулся этого делания и по возношению своему пожал терние вместо пшеницы, а вместо спасения нашел гибель, произносят хулу на это святое дело. Не довольствуясь сказанным, диавол отыскал в италийских странах калабрийского змия, гордостью своею во всем подобного диаволу, еретика Варлаама, и вселившись в него со всею своею силою, побудил его хулить и нашу православную веру, и эту священную умную молитву. Смотрите же, други, держающие хулить умную молитву, не становитесь ли и вы соучастниками этого еретика и его единомышленников? Уже ли не трепещете душою подпасть, подобно им, церковной анафеме и быть отчужденными от Бога? Какая, в самом деле, законная причина имеется у вас хулить эту пренепорочную и триблаженную вещь? Я никак не могу понять. Кажется ли вам бесполезным призывание имени Иисусова? Но и спастись ни о ком ином невозможно, как только о имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум ли человеческий, которым совершается молитва, порочен? Но и это невозможно: ибо Бог создал человека по образу Своему и подобию; образ же Божий и подобие находятся в душе человеческой, которая как создание Божие, чиста и непорочна: а потому и ум, это главнейшее чувство душевное, подобное зрению в теле, также непорочен. Но, может быть, хулы заслуживает сердце, на котором, как на жертвеннике, ум священнодействует Богу тайную жертву молитвы? Также нет. Ибо и сердце есть создание Божие, и как все тело человеческое зело добро есть. Итак, если призывание имени Иисусова спасительно, а ум и сердце человека суть творения рук Божиих, то какой же порок человеку от глубины сердца умом воссылать сладчайшему Иисусу молитву и просить у Него милости? Или, может быть, вы за то хулите и отвергаете умную молитву, что Бог, по вашему мнению, не слышит тайную, в сердце совершаемую молитву, а только ту слышит, которая устами произносится? Но эта хула на Бога:

Бог сердцеведец и самые тончайшие помыслы, бываемые в сердце, или еще только имеющие появиться, Он в точности знает и все знает, как Бог и Всеведец. Он и сам ищет от нас такой тайной, из глубины сердца воссылаемой молитвы, как жертвы чистой и непорочной, заповедуя: "Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве" (Мф. 6, 6).

Эти слова Господа святой Иоанн Златоуст, Христовы уста, светило всемирное, вселенский учитель, в 19-ой беседе на Евангелие от Матфея, по данной ему Духом Святым премудрости, относит не к той молитве, которая только устами и языком произносится, но к самой тайной, безгласной, от глубины сердца воссылаемой молитве, которую он начнет совершать не телесным только образом, не только произношением уст, но усерднейшим произволением, со всякою тихостью и сокрушением духа, со слезами внутренними и болезнью душевною, с затворением мысленных дверей. И приводит от божественного Писания во свидетельство об этой тайной молитве — Боговидца Моисея и святую Анну и праведного Авеля, говоря так: "Но болезнуешь ли душою? Не можешь и не вопить, ибо весьма болезнующему свойственно так молиться и так просить, как я сказал. Ибо и Моисей, болезнуя, так молился, и болезнь его была услышана, почему и сказал ему Бог: что вопиеша ко мне? И Анна, хотя и голоса ее не было слышно, достигла всего, чего хотела, так как сердце ее вопияло. И Авель не молча ли и не по кончине ли своей молился? И кровь его издавала глас, сильнейший трубы. Стени и ты так же, как Моисей, не возбраняю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не ризы, из глубины призови Бога. "Из глубины, — сказал он, — возвах к Тебе, Господи!" От низу, от сердца возвыси голос; сделай таинством твою молитву. И в другом месте: "Ты не людям молишься, но Богу вездесущему и слышащему прежде, нежели ты скажешь, и знающему прежде, нежели ты подумаешь: если так молишься, великую получишь награду". И еще: "Он, будучи невидим, хочет, чтобы и молитва твоя была таковая же".

Видите, други, что по свидетельству непреодолимого столпа православия, существует и иная, кроме произносимой устами, тайная, невидимая, безгласная, из глубины сердца возносимая к Богу молитва, которую, как жертву чистую, как

аромат благоухания духовного, принимает Господь, радуется ей и веселится, видя ум, который наиболее должен быть посвящен Богу, соединяемым с Ним молитвою. Зачем же вы на эту молитву вооружили хулою свой язык, понося, злословя, ненавидя, издеваясь, отвергая и отвращаясь ее, как самой скверной вещи и, вкратце сказать, даже не желая слышать о ней? Ужас и трепет схватывают меня при виде такого безумного вашего начинания! Но я и еще спрошу вас. не за то ли вы хулите эту спасительнейшую молитву, что, может быть, вам случилось видеть или вы слышали, что кто-нибудь из делателей этой молитвы повредился умом или принял за истину какой-либо обман, или потерпел какой-либо душевный вред, и вам подумалось, что причиною всего этого была умная молитва? Но нет! нет! Священная умная молитва, действующая благодатию Божией, очищает человека от всех страстей, побуждает его к усерднейшему хранению заповедей Божиих и сохраняет его невредимым от всех стрел вражиих и прелести.

Если же кто осмелится проходить эту молитву самочинно, не по силе учения святых отцов, без вопрошения и совета искусных, будучи к тому же надменен, страстен и немощен, живя без послушания и повиновения, да еще и проводя уединенное и пустынное житие, которого и следа за свое самочиние не достоин видеть, такой воистину, и я утверждаю, легко впадает во все сети и прелести диавола. Что же? Неужели эта молитва является причиною прелести? Да не будет! Если же вы за это порочите умную молитву, то вы должны порочить и нож, если бы какому-нибудь малому ребенку случилось, играя этим ножом, по неразумию своему причинить себе рану. Тогда нужно и воинам запретить носить меч воинский, если бы случилось какому-нибудь безумному воину заколоть себя мечом. Но как ни нож, ни меч нельзя считать виновниками причиняемого ими вреда, так и меч духовный, священная и умная молитва неповинна ни в чем дурном; виновны же самочиние и гордость самочинников, вследствие которых они впадают в бесовскую прелесть и подвергаются всякому душевному вреду.

Впрочем, зачем я так долго расспрашиваю вас о причине вашей хулы на эту священную молитву? Я знаю, о други, хорошо знаю самую существенную причину вашей хулы: во-первых, ваше не по заповеди Христовой, без испытания, чтение Священных Писаний; во-вторых, недоверие к учению

святых отец наших, учащих об этой божественной молитве; в-третьих, крайнее ваше невежество, может быть, никогда даже не видевших писаний о ней богоносных отец наших или, по крайней мере, совсем неразумющих силы их богомудрых слов — вот в чем заключается существенная причина вашего зломудрия. Если бы вы со страхом Божиим и полным вниманием, с несомненною верою, с трудолюбивым испытанием и смиренномудрием прочитали отеческие книги, содержащие в себе весь разум жития евангельского и необходимые монахам к пользе душевной и исправлению, к истинному здоровому и смиренномудрому образу мыслей, то никогда бы не попустил вам Господь впасть в таковую глубину злохуления. Но Он воспламенил бы вас своею благодатию через это делание к неизреченной любви Своей, так что вы вместе с апостолом готовы были бы воскликнуть: кто нас отлучит от любви Христовой? (Рим. 8, 35). И вы не только не произносили бы на нее хулы, но готовы были бы и душу свою за нее положить, ощутив самым делом и опытом происходящую от этого умного внимания неизреченную душам своим пользу. Для избавления вас и всех сомневающихся от великого душевного вреда, я не нахожу более подходящего врачевания, как указать вам, насколько Господь поможет мне в этом, как святые богоносные отцы наши, основываясь на недвижимом камне Священного Писания, учат об этой всесвященной молитве, умом в сердце тайно совершаемой. Да и сами вы, когда ясно и наглядно видите истину учения святых отец, при помощи благодати Божией коснувшейся душ ваших, исцелитесь от вашего духовного недуга, принесете Богу искреннее покаяние в своем заблуждении и сподобитесь милости Его и совершенного прощения вашего прегрешения.

Во второй главе старец Паисий объясняет, откуда умная Иисусова молитва ведет свое начало, и какие свидетельства Священного Писания приводят о ней богоносные отцы. Да будет известно, что по писаниям святых отцов существуют две умных молитвы. Одна для новоначальных, соответствующая деянию, другая для совершенных, соответствующая видению: первая есть начало, вторая конец, ибо деяние есть восхождение к видению. Должно знать, что, по святому Григорию Синаиту, существует восемь первых видений, перечисляя которые, он говорит так: "Мы считаем восемь первых видений: первое — о Боге, безвидное и безначальное, несозданное,

причина всего, Троичное Единство и превыше существенное Божество; второе — умных сил порядок и устройство; третье — существующего состав; четвертое — смотрительное снисхождение слова; пятое — всемирное воскресение; шестое — страшное и второе Христово пришествие; седьмое — вечную муку; восьмое — Царство Небесное, неимущее конца". Поста-раюсь теперь по мере моего слабого разума объяснить, в какой силе нужно понимать деяние и видение. Да будет известно (говорю это подобным мне, самым простым инокам), что весь монашеский подвиг, которым кто-либо при помощи Божией подвигается на любовь к Богу и ближнему, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божии и отеческие заповеди, на совершенное по Богу повиновение душою и телом, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусерд-ное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение в молитве, на плач и о смерти размышле-ние, весь таковой подвиг, пока еще ум управляется человече-ским самовластием и произволением, насколько известно, называется деянием, видением же ни в каком случае не назы-вается

А если бы где-нибудь умный подвиг молитвы в писаниях святых отцов и назывался зрением, то это лишь по просторе-чию, подобно тому как и ум, будучи оком души, называется зрением. Когда же при помощи Божией вышеуказанным по-двигом, особенно же глубочайшим смирением очистит чело-век свою душу и сердце от скверных душевных и телесных страстей, тогда благодать Божия, общая мать всех, взявши очищенный ею ум, как младенца, за руку, возводит его как бы по ступеням на упомянутые духовные видения, открывая уму, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые уму божественные тайны, и это по справедливости называется истинное духовное видение: это есть зрительная или, по свя-тому Исааку, чистая молитва, от нее же ужас и видение. Но войти в эти видения невозможно никому самовластно, произ-вольным подвигом, если не посетит его Бог и не введет в них Своею благодатию. Если же кто дерзнет восходить на тако-вые видения помимо света благодати Божией, тот, по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, будучи прельщаем мечтательным духом.

Предложив это рассуждение о деятельной и зрительной молитве, время уже теперь показать, откуда божественная

умная молитва имеет свое начало. Да будет известно, что по неложному свидетельству богомудрого отца нашего Нила, постника Синайского, еще в раю самим Богом дана была первозданному человеку умная, подобающая совершенным, божественная молитва. Святой Нил говорит так: "Помолившись, как должно, ожидай того, что не должно, и стань мужественно, храня плод свой. На это ты был назначен с самого начала: возделывать и хранить. И потому, возделав, не оставляй возделанного без хранения: если же ты этого не сделаешь, то ты не получишь никакой пользы от молитвы". Толкуя эти слова, российское светило преподобный Нил, пустынный Сорский, просиявший, как солнце, в великой России умным делом молитвы, говорит так: "Эти слова святой привел из Ветхого Завета — возделывать и хранить; ибо говорит Писание: сотворил Бог Адама и поселил его в раю возделывать и хранить рай. Под возделыванием святой Нил Синайский понимает молитву. под хранением необходимое после молитвы солюдение от злых помыслов". То же самое говорит и преподобный Дорофей, что первозданный человек, поселенный Богом в раю, пребывал в молитве. Из этих свидетельств видно, что Бог, создав человека по образу Своему и по подобию, ввел его в рай сладости возделывать сады бессмертные, т. е. мысли божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные, как пишет святой Григорий Богослов. Это есть ничто иное, как то, что первому человеку, как чистому душою и сердцем, было назначено пребывать в зрительной, единым умом священнодействуемой, благодатной молитве, т. е. в сладчайшем видении Бога и мужественно оберегать ее, как райское делание, как зеницу ока, чтобы она никогда не отошла от души и сердца.

Но несравненно большую получила эта молитва славу, когда всех святейшая, честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во святая святых и взошедши умною молитвой на крайнюю высоту боговидения, сподобилась быть пространным селением невместимого всею тварью Божия Слова, как свидетельствует об этом непреодолимый столп православия, святой Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский в своем "Слове на Вход во храм Пресвятыя Богородицы". Он говорит, что Пресвятая Дева, пребывая во святая святых и уразумевши из Священного Писания о погибающем ради своего преслу-

шания роде человеческом и исполнившись к нему крайнего милосердия, восприяла умную молитву к Богу о скорейшем помиловании и спасении рода человеческого. Вот его собственные слова, достойные ангельского разума: "Когда Богоотроковица услышала и увидела все происходящее, исполнившись милосердия к роду человеческому и изыскивая способ исцеления и врачевства, равносильного такому страданию, она нашла нужным тотчас же всем умом обратиться к Богу, восприявши о нас молитву, чтобы понудить Непонуждаемого и привлечь Его к нам, дабы Он сам разрушил осуждение и связал с собою создание, исцелив немощное". И ниже: "Не усматривая же из всего существующего ничего лучше этой молитвы подходящего для человека, устремляясь к молению крепко со всем старанием, Дева обретает священное безмолвие, как самое необходимое молитвенникам для собеседования. Всякая иная добродетель есть как бы врачевание в применении к душевным недугам и от малодушия укоренившимся лукавым страстям; боговидение же есть плод здравствующей души, как некоторое конечное совершенство. Поэтому человек боготворится не от словес и не от видимых действий предусмотрительной умеренности, ибо все это и земленно, и низменно, и человеческо; но от пребывания в безмолвии, благодаря которому мы отрешаемся и освобождаемся от земного и восходим к Богу и, пребывая на высоте безмолвного жития, ночью и днем терпеливо подвизаясь в молитвах и молениях, приближаемся некоторым образом и приступаем к неприступному и блаженному Естеству. И, таким образом, терпеливо творя молитву, срастворившуюся неизъяснимо сущему выше ума и чувства Свету, мы видим в себе как в зеркале Бога, очистивши сердце священным безмолвием". И ниже: "Вот почему Пречистая, отрекшись от житейского пребывания и молвы, удалилась от людей и предпочла жизнь всем невидимую и необщительную, пребывая в невходных. Здесь, отрешившись от всех вещественных уз, отказавшись от всякого общения и любви ко всему и превзойдя снисхождение к собственному телу, Она собрала ум к одному с Ним соображению и пребыванию, и вниманию, и к непрестанной божественной молитве и через нее, сама в себе бывши и устроившись превыше многообразного мятежа и помышлений, она открыла новый и неизреченный путь на небо, который есть, скажу так, — мысленное молчание. Прилежа ему и внимая

умом, она перелетает все создания и твари, лучше, нежели Моисей, зрит славу Божию, созерцает божественную благодать, ни в какой мере не подлежащую силе чувства, а также душ и умов нескверных благорадостное и священное видение, ставши причастницей которого, Она является светлым облаком живой воды, зарею мысленного дня и огнеобразною колесницею Слова".

Из этих слов святого Григория Паламы видно, что Пресвятая Дева, пребывая во святая святых, взошла умною молитвою на крайнюю высоту боговидения и сама собою явила пример осмотрительного по внутреннему человеку жителства — отречением от мира во имя мира, священным безмолвием ума, мысленным молчанием к непрестанной божественной молитве и вниманию ума сосредоточением и восхождением через деяние к боговидению, дабы, взирая на нее, отречшиеся от мира усердно подвизались в указанных умных трудах и потах, стараясь по мере сил Ее молитвами быть Ее подражателями. И кто может достойным образом восхвалить божественную умную молитву, делательницей которой была сама Божия Матерь, наставляемая руководством Святого Духа!

Однако, во утверждение и несомненное удостоверение всех сомневающихся настало время показать, какие свидетельства Священного Писания приводят о ней богоносные отцы, писавшие по просвещению божественной благодати. Божественная умная молитва имеет непоколебимое основание прежде всего в словах Господа Иисуса: "Ты же, егда молишия, вниди в клеть свою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, той воздаст тебе яве". Эти слова, как уже было сказано, святой Иоанн Златоуст толкует о безгласной, тайной, из глубины сердца воссылаемой молитве. Огненный же столп, огненные уста Святого Духа, око церковное святой Василий Великий, толкуя слова Священного Писания: "Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих", прекрасно поучает об умных устах и об умном действии, т. е. об умной молитве. Его слова об этом привожу в точности: "Выну хвала Его во устех моих". Думается, невозможно то, что говорит пророк: каким образом хваление Божие может быть всегда во устах человеческих? Когда человек ведет обычную житейскую беседу, он не имеет во устах хвалу Божию; когда спит, молчит,

конечно; когда ест и пьет, как уста его совершают хвалу? На это отвечаем, что есть умные уста внутреннейшего человека, посредством которых человек становится причастником жизненного слова Божия, которое есть хлеб, сшедый с небес. Об этих устах говорит пророк: "Уста моя отверзох и привлекох дух". Эти уста и Господь призывает нас иметь отверстыми ко приятию пищи истинной: "Расшири, — говорит Он, — уста твоя и исполню я". Может однажды начертанная и запечатленная в разуме души мысль о Боге именоваться хвалою, от Бога всегда пребывающей в душе. Может, по апостольскому слову, старательный все творить во славу Божию. Ибо всякое делание и всякое слово, и всякое действие умное имеет силу хваления. Праведник — ест ли он или пьет, или иное что делает, все во славу Божию делает: у него даже и спящего сердце бдит". Из этих слов святого Василия ясно, что кроме уст телесных существуют еще и умные уста и умное действие и хваление, мысленно во внутреннем человеке совершаемое.

Блаженству же соименный, египетское, лучше же сказать, вселенское солнце, ярче солнца просиявший дарованиями Святого Духа великий Макарий в своих словах об этой молитве говорит так: "Христианин должен всегда иметь память о Боге, ибо написано: "Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца", чтобы он не только тогда, когда входит в молитвенный дом, любил Господа, но и тогда, когда ходит, беседует, ест и пьет, имел память о Боге и любовь, и желание; ибо сказано: "Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше" (Мф. 6, 21). Преподобный же и богоносный древний отец, святой Исаия Постник, о сокровенном поучении, т. е. об Иисусовой молитве, мыслью в сердце совершаемой, приводит во свидетельство следующие слова Божественного Писания: "Согрея сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь" (Пс. 38, 4) Преподобный Симеон, просиявший в царствующем граде, как солнце, умною молитвою и неизреченными дарованиями Пресвятого Духа и за это получивший от всей церкви наименование Нового Богослова, в своем Слове о трех образах молитвы пишет следующее: "Святые отцы наши, слыша слова Господа, яко от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы и та суть скверняющая человека (Мф. 15, 19), учившего очищать внутреннее сткляницы, да и внешнее будет чисто (Мф. 23, 26), оставивши мысль о всяком ином делании,

подвизались в этом хранении сердца они и всякое иное делание без труда соблюдут, без него же никакая добродетель удержаться не может". Эти слова преподобного ясно показывают, что вышеупомянутые слова Господа божественные отцы признавали свидетельством и основанием хранения сердца, т. е. мысленного призывания Иисуса. Тот же преподобный во свидетельство божественной умной молитвы приводит еще и иные слова Священного Писания: "Веселися, юноше, во юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен и остави ярость от сердца твоего" (Ек. 11, 9, 10); и: "Аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави" (Ек. 10, 4).

И апостол Петр говорит: "Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити" (1 Петр. 5, 8). И апостол Павел, очевидно, о сердечном хранении пишет ефесянам: "Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко влаstem и к миродержителем тмы века сего" (Еф. 6, 12). Преподобный Исихий, пресвитер, богослов и учитель Иерусалимской церкви, написавший книгу в 200 глав о мысленном призывании в сердце Иисуса, т. е. об умной молитве, приводит следующие о ней свидетельства Божественного Писания: "Блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят" (Мф. 5, 8) и опять. "Внемли себе, да не будет слово тайно в сердца твоем беззакония" (Втор. 15, 9). И апостол говорит: "Непрестанно молитесь" (1 Сол. 5, 17), и сам Господь говорит: "Без Мене не можете творити ничесоже... Иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног". Божественный и богоносный отец наш Иоанн Лествичник об этой священной молитве и истинном безмолвии ума приводит из Священного Писания следующие свидетельства: "Великий великие и совершенные молитвы делатель сказал. хочу пять словес умом моим рещи" и проч. и опять: "Аз сплю, сердце же мое бдит" (Песнь Песней 5, 2); и снова: "Возвах всем сердцем моим" (Пс. 118, 145). Богоносный отец наш Филофей, игумен обители Купины Пресвятые Богородицы на Синае, составивший о хранении сердца небольшую книжицу бесценных жемчужин божественной премудрости, в непоколебимое основание своего учения полагает слова Священного Писания: "Воутрия избивах вся грешные земли" (Пс. 100, 8) и: "Царствие Божие внутрь вас есть" (Лук. 17, 21) и "Уподобися Царствие Небесное зерну горчицу и бисеру, и квасу"; и опять: "Всяким хранением соблюдай твое сердце" (Прем. 4, 23) и опять: "Соуслаждаюся бо закону

Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон .. противу воююще закону ума моего и пленяюще мя" (Рим. 7, 22—23) Божественный отец наш Диадокх, епископ Фотикийский, в своем слове об умной Иисусовой молитве дает следующие основания из Священного Писания: "Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым" (1 Кор. 12, 3) и из притчи евангельской о купце, ищущем доброго бисера, заключает о молитве: "Сей есть бисер многоценный, который ценою всего своего имени может приобрести человек и иметь неизреченную об его обретении радость". Преподобный отец наш Никифор Постник в своем слове о хранении сердца уподобляет это божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу, скрытому на поле, и называет его "горящим светильником".

Божественный и богоносный отец наш Григорий Синаит деланием этой молитвы во святой Афонской горе и других местах достигший высшего боговидения, составивший божественную премудростию троичные песни, которые по всему миру еженедельно поются, сложивший также и канон животворящему кресту, приводит об этой божественной молитве следующие удостоверения из Божественного Писания: "Поминай Господа твоего выну" (Втор. 18) и опять: "В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя" (Ек. 11, 6), и опять: "Аще бо молюся языком, дух мой молится, ум же мой без плода есть (1 Кор. 1, 1); помолюся убо усты, помолюся и умом", и: "Хощу рещи пять словес умом" и проч. Свидетелем он приводит Иоанна Лествичника, также относящего эти слова к умной молитве. Апостольским стопам последователь, непреодолимый столп православной веры, разорвавший на Флорентийском соборище, как паутинную сеть, духовоборные ереси латинян огненным мечом духа и истинною православных догматов, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший митрополит Эфесский Марк пишет о божественной Иисусовой молитве: "Подобало бы по заповеди непрестанно молиться, и духом и истинною поклонение Богу возносить; но расположение житейским помыслам и тяжесть попечения о теле отводит и отстраняет многих от Царствия Божия, внутри нас сущего, и препятствует пребывать у умного жертвенника, принося от себя Богу духовные и словесные жертвы по божественному апостолу, сказавшему, что мы храм Бога, живущего в нас, и что Дух Его божественный живет в нас. И

нет ничего удивительного, если это обычно бывает со многими, живущими по плоти, когда мы видим и некоторых отречшихся от мира монахов, мысленно обуреваемых действиями страстей, подвергающихся вследствие этого великому смущению, омрачающему разумную часть души, и потому немогущих достигнуть при всем их желании истинной молитвы Сладостна бывающая в сердце чистая и постоянная память об Иисусе и происходящее от нее неизреченное просвещение". Преподобный отец наш российский, святой Нил Сорский, составивший книгу о мысленном хранении сердца, пользуется следующими словами Священного Писания: "От сердца исходят помышления злая и сквернят человека" (Мф. 15, 19). "Духом и истиною подобает Отцу кланяться", и проч. Другое светило российское, святитель Христов Димитрий, митрополит Ростовский, составивший слово о внутреннем мысленном делании молитвы, приводит следующие места Священного Писания: "Тебе рече сердце мое: Господа взыщу; взыска тебе лице мое, лица твоего Господи, взыщу" и опять: "Имже образом желает елень на источники водные, сие желает душа моя к тебе, Боже" и опять: "Всякою молитвою и молением молящегося на всякое время духом". Все эти слова он, вместе со святым Иоанном Лествичником и Григорием Синаитом и преподобным Нилом Сорским, относит к умной молитве. Так же и устав церковный, излагая церковные правила о поклонах и о молитве, приводит об этой божественной молитве следующие слова Божественного Писания: "Дух (есть) Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться" (Ин. 4, 24). Приводит также и свидетельство святых отцов в той части их учения, которая относится к умной молитве, и после этого говорит: "Здесь мы заканчиваем слово о святой и священной, и приснопамятной умной молитве" и далее переходит ко святой для всех единой молитве, указанной церковным чиноположением. Таким образом благодатию Божиею нами показано, что богоносные отцы, умудряемые Святым Духом, основание своего учения о мысленном священнодействии тайно совершаемой по внутреннему человеку молитвы утверждают на недвижимом камне Божественного Писания Нового и Ветхого Завета, откуда, как из неисчерпаемого источника, заимствуют многочисленные свидетельства.

В третьей главе своего послания об умной молитве старец Паисий говорит, что эта молитва есть духовное *художество*.

"Да будет известно, что божественные отцы называют это священное мысленное делание молитвы художеством. Так святой Иоанн Лествичник в слове 23 о безмолвии говорит: "Если ты опытно научился этому художеству, то ты знаешь, о чем я говорю. Сидя на высоте, наблюдай, если умеешь: и тогда увидишь, как и когда, и откуда, и сколько, и какие тати идут украсть гроздя. Утомившись, этот страж, вставши, помолится, потом снова садится и мужественно продолжает первое делание". Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, об этой же священной молитве говорит: "Трезвение есть художество духовное, совершенно избавляющее человека при помощи Божией от страстных помышлений и слов, и от лукавых дел". Святой Никифор Постник о том же говорит: "Придите, и я открою вам художество, или лучше науку вечной небесной жизни, вводящую своего деятеля без труда и пота в пристанище бесстрастия". Художеством эту святую молитву вышеупомянутые отцы называют, думаю, потому, что как художеству не может человек сам собою научиться без художника, так и этому мысленному деланию молитвы без искусного наставника навыкнуть невозможно. Усвоение его, по святому Никифору, большинству и даже всем приходит от учения; редкие же получают от Бога без учения, болезненностью делания и теплотою веры.

В четвертой главе послания говорится о том, какую подготовку должен иметь тот, кто хочет проходить это божественное делание. Поскольку эта божественная молитва выше всякого другого монашеского подвига и есть завершение всех трудов, источник добродетели, тончайшее и скрытое во глубине сердца делание ума, постольку невидимый враг нашего спасения распространяет на нее невидимые, тонкие и едва постижимые человеческому уму сети разнообразных своих обольщений и мечтаний. Поэтому желающий научиться этому божественному деланию должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя в полное послушание человеку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его божественных заповедей, опытному в этом мысленном подвиге, могущему показать своему ученику правильный путь ко спасению. Смирением, рождающимся от послушания, таковой возможен избежать всех обольщений и сетей диавольских и всегда упражняться в этом мысленном делании тихо, безмолвно, без всякого вреда и с великим успехом для души своей. Если же, и пре-

дав себя в послушание, он не нашел бы в своем отце, самим делом и опытом искусного в этой божественной молитве, наставника, ибо в настоящее время совершенно оскудели опытные наставники этого делания, то все-таки он не должен приходить в отчаяние, но продолжая пребывать в истинном по заповедям Божиим послушании со смирением и страхом Божиим, а не в самочинном и своевольном без послушания жительстве, за которым обычно следует обольщение, и, возложив всю надежду на Бога, вместе с отцом своим повиноваться учению преподобных отец наших, тонкочастно научающихся этому божественному деланию и от них учиться этой молитве. И во всяком случае благодать Божия поспешит и наставит молитвами святых отец научиться, без всякого сомнения, этому божественному делу.

В пятой главе содержится учение о том, что такое эта священная молитва по своему качеству и действию. Святой Иоанн Лествичник в слове 28 о молитве говорит: "Молитва есть по своему качеству сопребывание и соединение человека и Бога: по действию же утверждение мира, примирение с Богом, мать и вместе дочь слез, умиловление грехов, мост, проводящий через искушения, ограждение от скорбей, сокрушение браней, дело ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетели, причина дарований, тайное преуспевание, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, доказательство надежды, освобождение от печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, ослабление ярости, зеркало преуспевания, показание меры, обнаружение состояния, показатель будущего, печать славы. Молитва есть воистину для молящегося и судилище, и самый суд, и престол суда Господня прежде будущего Престола" Святой же Григорий Синаит в главе 113 пишет: "Молитва есть в новоначальных как бы огонь веселия, издаваемый сердцем; в совершенных же, как свет, благоухая, действующий" и в другом месте: "Молитва есть проповедание апостолов, действие веры или, лучше, непосредственная вера, уповаемых явление, осуществляемая любовь, ангельское движение, сила бесплотных, их дело и веселие, благовествование Божие, откровение сердца, надежда спасения, знамение освящения, образование святости, познание Бога, явление крещения, обручение Духа Святого, радование Иисусово, веселие души, милость Божия, знамение примирения, Христова печать, луч

мысленного солнца, утренняя звезда сердец, утверждение христианства, явление примирения Божия, благодать Божия, премудрость Божия или, лучше, начало самопремудрости, явление Божие, монахов дело, безмолвствующих жительство, лучше же, источник безмолвия, печать ангельского жительства".

Блаженный Макарий Великий говорит о молитве: "Глава всякого доброго старания и вершина всех деланий есть терпеть в молитве, посредством которой мы всегда можем прощением от Бога приобрести и прочие добродетели, через молитву в сподобляющихся бывает приобщение святости Божией и духовного действия, и соединение ума, устремленного к Господу, неизреченною с Ним любовью. Кто всегда понуждает себя с терпением пребывать в молитве, возгорается к Богу божественным усердием и пламенным желанием от духовной любви и, по мере своей, приемлет благодать духовного освятительного совершенства" (Беседа 40, гл. 2). Святой Симеон, архиепископ Фессалоникский, об этой же священной молитве говорит: "Сия божественная молитва Спаса нашего призывание. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, и молитва есть, и моление, и исповедание веры, и подательница Святого Духа и даровательница божественных даров, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисуса Христова, и источник духовных мыслей и помыслов божественных, и избавление грехов, и врачевание души и тел, и подательница божественного просвещения, и источник милости Божией, и даровательница смиренным откровений и тайн Божиих, и самое спасение, т. к. носит в себе спасительное имя Бога нашего: каковое имя и есть нареченное на нас имя Иисуса Христа Сына Божия" (гл. 296). Так же и прочие богоносные отцы, говоря об этой святой молитве, свидетельствуют об ее действии и о неизреченной, происходящей от нее пользе и о преуспевании через нее в божественных дарованиях Святого Духа.

Кто же, видя, как эта священнейшая молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не воспламенится ревностью Божией ко всегдашнему деланию этой молитвы, чтобы ею всегда сберегать в душе и сердце всесладчайшего Иисуса и непрестанно поминать в себе Его вседражайшее имя, неизреченно воспламеняясь ею любить Его? Только тот не почувствует горячего желания при-

ступить к этому мысленному деланию мысленной молитвы, кто охвачен пристрастием помыслов к житейскому, связан узами попечений о теле, отводящими и отдаляющими многих от Царствия Божия, внутри нас сущего, кто самым делом и опытом не вкусил душевную гортанию неизреченной божественной сладости этого всеполезнейшего делания, кто не уразумел, какую сокровенную духовную пользу заключает внутри себя эта вещь. Хотящие же быть соединенными любовью со сладчайшим Иисусом, оплевав все красоты мира сего и все наслаждения его, и покой телесный, не захотят иметь в жизни этой ничего иного, как только постоянно упражняться в райском делании этой молитвы.

В последней шестой главе своего послания старец Паисий пишет о некоторых внешних приемах обучения этой молитве для новоначальных. Прежде чем излагать его наставления мы вместо предисловия приведем по этому поводу краткую заметку одного из современных нам подвижников, который пишет следующее: "Цель умной молитвы есть единение с Богом, который есть Дух, и единение с которым поэтому может быть только духовным. Что касается внешних приемов, употребляемых некоторыми подвижниками при упражнении в этой молитве, то, безусловно, они имеют второстепенное значение. У несовершенных душа человека соотнобразуется с телом, говорят отцы. Поэтому безмолвию души должно предшествовать безмолвие тела, т. е. благочиние его, как говорит Иоанн Лествичник. И для собранности ума, необходимой для молитвы, тоже могут быть подходящими некоторые внешние условия обитания и даже положения тела. Но было бы заблуждением думать, что от внешних условий и приемов может зависеть подвиг возрастания в духовной молитве. Одно несомненно, что раз сущность молитвы состоит в том, чтобы молиться умом в сердце, то сообразно с этим и ум наш должен быть направлен в сердце. А все остальное имеет второстепенное значение. Поэтому в русском Добротолюбии все упоминания о внешних приемах опущены" (Арх. Феофан Полтавский). После этого предварительного замечания обратимся к посланию старца Паисия. Он пишет: "Так как в древние времена делание умной молитвы процветало во многих местах, где имели свое пребывание святые отцы, и много тогда было учителей этому духовному деланию, то пища о нем, они говорили только о преисходящей от него духовной пользе, не имея

нужды писать о самом способе этого делания, приличествующем новоначальным. Когда же увидели, что истинные и далекие от оболыщения наставники этого делания стали умаляться, то побуждаемые Духом Божиим, дабы истинное учение о начале этой молитвы не оскудело, описали и самое начало, и способ, как нужно обучаться этой молитве новоначальным и входить умом в сердечные страны, и необманчиво совершать там умом молитву

Святой Симеон Новый Богослов о начале этого делания говорит так: "Истинное и необманчивое внимание и молитва состоит в том, чтобы уму во время молитвы блюсти сердце и внутри его всегда обращаться и из глубины его воссылать моление Господу. Вкусив здесь, яко благ Господь, ум уже не удаляется из обители сердца и вместе с апостолом говорит: "Добро есть нам zde быти", и всегда обозревая тамошние места, изгоняет всеваемые врагом помыслы". Далее он говорит о том же еще яснее: "Седши в безмолвной келии в каком-либо уединенном углу, со вниманием твори то, что скажу тебе: затвори дверь, отвлеки ум твой от всякой суеты, прижми к груди твою бороду, направляя вместе с умом и чувственное око. Замедли дыхание, чтобы дышать не слишком свободно. И попытайся мысленно найти внутри в груди место сердечное, где естественно любят иметь свое пребывание все силы душевные, и прежде всего ты найдешь там тьму и грубость неослабную. Когда же ты будешь продолжать и будешь совершать это дело и ночь, и день, ты обретешь, о чудо! постоянное веселие. Ибо как только ум найдет место 'сердечное, тотчас видит то, чего никогда не видал: видит он посреди сердца воздух и себя всего светлым и исполненным рассуждения. И с тех пор, откуда бы ни возник помысл, прежде, чем он перейдет в дело или сделается идолом, призыванием Иисуса Христа он отгоняет его и истребляет. Отсюда ум, имея злобу на бесов, воздвигает на них естественный гнев и, гоня их, низлагает мысленных противников. Многому и другому научишься с помощью Божией блюдением ума, держа Иисуса в сердце" ("Слово о трех образах внимания и молитвы").

Преподобный Никифор Постник, еще яснее научая о входе умом в сердце, говорит так: "Прежде всего да будет твоя жизнь безмолвною, свободною от попечений и со всеми мирною. Затем, войдя в келию твою, затворись и седши в одном из углов, сделай, как я говорю тебе: ты знаешь, что при дыха-

нии мы вдыхаем в себя воздух; выдыхаем же его не ради чего-нибудь иного, но ради сердца, ибо сердце есть причина жизни и теплоты тела. Сердце привлекает воздух, чтобы дыханием выделить свою теплоту, для себя же получить свежий воздух. Орудием же такой деятельности является легкое, которое, будучи от Создателя создано пористым, постоянно, как мех, вводит и выводит окружающий воздух. Таким образом, сердце выполняет неизменно то назначение, ради которого оно и устроено для благосостояния организма. Итак, ты сядь и, собрав ум твой, веди его тем путем, которым воздух идет к сердцу, и понудь его сойти в сердце вместе со вдыхаемым воздухом. Когда же он войдет туда, то последующее будет не невесело и не нерадостно". Далее он пишет: "Поэтому, брат, приучи ум нескоро оттуда исходить: ибо вначале он очень унывает от внутреннего затвора и тесноты. Когда же привыкнет, то уже не хочет оставаться в внешних блужданиях: Царствие Небесное внутри нас есть. Когда мы его там рассматриваем и взыскуем его чистою молитвою, то все внешнее представляется нам мерзким и ненавистным. Итак, если ты сразу, как сказано, войдешь умом в сердечное место, которое я тебе показал, воздай благодарение Богу и прославь Его, и радуйся, и всегда держись этого делания, и оно научит тебя тому, чего ты не знаешь. Следует же тебе и это знать, что, когда ум твой будет там находиться, он не должен оставаться молчащим и праздным, но должен иметь своим постоянным делом и поучением молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, и никогда не должен прекращать это занятие. Оно удерживает ум от возношения, делает его недоступным и неуловимым для козней вражних, и возводит его к любви Божией, и к повседневному божественному желанию. Если же, потрудившись много, не сможешь войти в страны сердца, сделай, как я скажу тебе, и при Божией помощи ты обретешь искомое. Знаешь ли ты, что разумное начало каждого человека находится в груди его? Здесь именно, даже при молчании уст, мы и говорим, и рассуждаем, и молитвы совершаем, и многое иное. Этому-то разумному началу, устранив от него всякий помысл (можешь, если хочешь), дай говорить: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя" и понудь себя одно это, вместо всякой иной мысли, всегда внутри вопиять. Если ты продержишься этого порядка некоторое время, откроется тебе сердечный вход, как мы тебе написали,

вне всякого сомнения, как и мы сами опытом узнали. Приидет к тебе вместе со многожеланным и сладким вниманием и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и пр."

Божественный Григорий Синаит, уча также, как следует умом совершать в сердце призывание имени Господа, говорит: "Сидя с утра на седалище в одну четверть, низведи ум в сердце и держи там. Наклонившись с напряжением, испытывая болезненность и в груди, и в плечах, и в шее, непрестанно зывай умом или душою: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Когда же станет слишком тесна и болезненна, может быть, даже и несладостна, частота повторения (что бывает не от однообразия часто вкушаемой снеди, ибо сказано: ядущие мя еще взалчут — Сирах 24, 23), переменяя ум в другую половину, говори: "Сыне Божий, помилуй мя". И много раз повторяя эту половину, ты не должен от лености или от скуки часто переменять ее, ибо не укореняются растения, часто пересаживаемые. Сдерживай же и дыхание легких, чтобы оно не было слишком свободным. Ибо дыхание воздуха, от сердца исходящее, помрачает ум, возбуждая или не допуская ему снизойти к сердцу и развеивая мысль. Не допуская его к сердцу, оно предает его в плен забвению или настраивает его поучаться иному, а не должному, оставляя его нечувственно пребывать в том, в чем не следует. Если увидишь нечистоты лукавых духов, т. е. помыслы, возникающие или преобразующиеся в уме твоём, не ужасайся, не удивляйся; если и добрые уразумения некоторых вещей явятся у тебя, не внимай им, но удерживая дыхание, как можно, и заключая ум в сердце и призывание Господа Иисуса часто и постоянно совершая, ты скоро пополнишь и истребишь их, поражая их божественным именем. Ибо говорит Лествичник: "Иисусовым именем бей ратников, ибо нет ни одного более крепкого оружия ни на небе, ни на земле".

Далее тот же святой, поучая о безмолвии и молитве, продолжает: "В терпении должно быть сидение твое, ради сказавшего: в молитве претерпеваючи; и не скоро нужно вставать, ослабевая по причине болезненной притрудности и умного зывания и частого водружения ума. Посему, поникнув долу и собирая ум в сердце, призывай на помощь Господа Иисуса. Ощущая боль в плечах, часто болезнуя головой, терпи все это, ища в сердце Господа. нудящихся есть Царствие Божие и нуждницы восхищают е" (Мф 11—12). Тот же отец

говорит и о том, как нужно совершать молитвы: "Так сказали отцы. один — Господи Иисусе Христе, — Сыне Божий, помилуй мя. Всю. Другой же — половину: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя, и это удобнее по причине младенчества еще ума и немощи, ибо никто не может сам собою чисто и совершенно наименовать тайно Господа Иисуса, но только Духом Святым. Как младенец, не умеющий говорить, он не может еще совершать эту молитву членораздельно. Не должен он по слабости часто переменять призывание имен, но медленно ради удержания". Еще: "Одни учат произносить молитву устами, другие же умом; я же считаю необходимым и то, и другое. Ибо иногда ум от уныния изнемогает произносить ее, иногда же уста. Однако следует взывать безмолвно и несмущенно, чтобы чувство душевное и внимание ума, смущаемое голосом, не отошло, пока ум, обывнув, не преуспее в деле, не воспримет силу от духа молиться крепко и всячески. Тогда он уже не будет иметь нужды говорить устами, да и не сможет, будучи в состоянии в совершенстве творить молитву одним только умом". Из сказанного видно, что вышеупомянутые отцы дают вполне ясное учение о способах обучения умному деланию для новоначальных. Из их учения можно понять наставления об этом делании и других подвижников, хотя последние высказывались и не с такою ясностью.

На этом кончается послание старца Паисия об умной Иисусой молитве.

Глава 3

БЕДСТВИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ И ЗАБОТЫ СТАРЦА ПАИСИЯ О БЕЖЕНЦАХ. ПЕРЕХОД ДРАГОМИРНЫ ПОД ВЛАСТЬ АВСТРИЙЦЕВ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СТАРЦА И БРАТИИ В СЕКУЛ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕКУЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ. ЖИЗНЬ БРАТСТВА В СЕКУЛЕ. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В НЯМЕЦ. НЯМЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ПРОШЛОЕ ЗАБОТЫ СТАРЦА О БОГОСЛУЖЕНИИ, О БОЛЬНЫХ, О ПРЕСТАРЕЛЫХ И О СТРАНСТВУЮЩИХ. ЖИЗНЬ ПАИСИЕВА БРАТСТВА В НЯМЦЕ. КНИЖНЫЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА ПАИСИЯ В НЯМЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ

Мирная жизнь в Драгомирне неожиданно нарушилась. В 1768 году, по словам жизнеописателя старца, "возста страшная буря и страх смертный. Две империи, Российская и Турецкая, воздвигошася друг на друга, ярящеся и огнедышуще". Молдавия и Валахия сделались театром военных действий. Жители искали спасения в бегстве. Горы, леса и монастыри наполнились перепуганными беглецами, спасавшимися от ярости турок и татар. Драгомирнский монастырь, расположенный в огромном лесу, в неприступном месте, привлек к себе множество людей, искавших убежища. В первые седмицы Рождественского поста монастырь до такой степени переполнился народом, что невозможно было пройти по монастырю. Весь окружающий лес был заполнен беглецами. Была суровая снежная зима. Старец, видя страшную нужду людей, из которых многие были босы и полураздеты, старался всеми мерами облегчить их положение. Он предоставил нуждающимся по-

ловину монастыря, переведя всю братию в другую половину и поместив ее по три, по четыре, и по пяти человек в одной келии. Трапезу большую и теплую отдал простому народу, особенно несчастным измученным женщинам. Келарю, пекарю и повару было приказано давать пищу всем приходящим и требующим. Некоторые брали сырые припасы и сами готовили себе пищу, другие получали, как и братия, готовое кушанье и хлеб. Хлеб пекли и кушанье готовили непрерывно, желая удовлетворить всех нуждающихся. Но скоро блеснул свет благодати Божией, и луна омрачилась. Русская армия перешла границу и вступила в пределы Молдавии. Турки обратились в бегство. Беженцы стали возвращаться в покинутые жилища.

Однако вместе с войною пришли и другие бедствия: моровая язва, неурожай, трехлетний голод. Война продолжалась 6 лет. Только в 1774 году был заключен мир между Россией и Турцией и братья обитатели получили возможность начать свою прежнюю жизнь. Но тут пришло новое горе. Едва только русские войска покинули Молдавию, как австрийская императрица Мария-Терезия потребовала от турецкого султана следуемую ей по уговору за оказанную ему помощь часть Молдавской земли. В эту часть австрийцы включили, вопреки желанию молдаван, и Драгомирский монастырь.

Старца испугал предстоящий переход под власть Римско-Католической державы. Он предвидел, что со стороны новой власти неизбежно последуют притеснения монастырю, которые могут повести к разорению налаженного общежития. Вместе со старцем сознавала угрожающую опасность и вся братия. В это время старец получает письмо от игумена Секульского монастыря в Молдавии с приглашением перейти на жительство в его монастырь. Обрадованный этим приглашением, старец немедленно написал письмо молдавскому господарю и митрополиту с просьбою разрешить ему перейти с братией в Секульский монастырь. Получив разрешение, старец стал готовиться в дорогу. Из опасения неприятностей и задержки со стороны австрийцев он производил все свои сборы в глубочайшей тайне. Сначала он незаметно перевез в Секул церковные вещи, а затем велел и братии собираться в дорогу. Все братья, которых в то время было 350 человек, выразили готовность идти со своим старцем. Но старец не сразу взял всех с собой. Он оставил в Драгомирне 150 человек,

назначив им двух духовников, одного молдаванина, а другого русского, и поручив первому быть начальником монастыря, а второму — его помощником. С остальными же отправился в путь. Чтобы скрыть от австрийцев свое намерение, он отправил их будто бы на послушание на монастырскую землю, находившуюся по дороге в Секул. А сам пошел в церковь и помолившись там с горячими слезами, преподал мир и благословение остающимся и плачущим братьям и вышел из обители, направляясь к тому месту, где его ожидали раньше вышедшие братья. Около монастырской мельницы старец соединился с ними и после более чем месячного путешествия они благополучно прибыли в Секул 14 октября 1775 года.

У известного странника, инок Парфения, мы находим следующее описание Секульского монастыря: "Монастырь стоит внутри Карпатских гор, в двух часах ходу от монастыря Нямца. Дорога туда идет ущелием между столь высоких гор, что и солнца не видать. Монастырь находится в самом тихом и безмолвном месте, самой непроходимой пустыне, окружен высокими до облаков горами и темными непроходимыми лесами, так что зимой и солнце в него мало светит, а ветра в нем никогда не бывает, но всегда великая тишина. Только подле монастыря протекает небольшая речка, и журчит в ней по каплям вода. Воистину здесь закрывается от очей и слуха весь суетный мир со всеми своими соблазнами".

О прошлом Секульского монастыря известно, между прочим, что в половине XVI века там, где теперь стоит монастырь, находилась пустынь старца Зосимы. Прийдя сюда со своими учениками, как полагают, из Нямецкого монастыря, Зосима вырубил часть леса, построил деревянную церковь во имя святого Иоанна Предтечи и несколько келий кругом нее и начал здесь свои молитвенные подвиги. О пустынножителех скоро узнали соседние жители. Появились благотворители. В 1595 году один боярин, Нестор Уреке, ворник Нижней Молдавии, с супругою своею Митрофанией построили в монастыре каменную церковь, в которой и сами были погребены. Над могилами их теплятся неугасимые лампы. В храме хранится великолепная шитая шелками с золотом и серебром плащаница, работы княгини Митрофании.

По прибытии в монастырь старец вскорости написал письмо к оставшимся в Драгомирне братьям. Он поощряет их к деланию заповедей Божиих и к сохранению наставлений

святых отцов. Хотя они и разлучились друг с другом по месту своего жительства, однако собор их остается единым. Он давно хотел им писать, но задержался вследствие своей телесной слабости и множества обязанностей и попечений. Он убеждает их трезвиться и постоянно полагать начало своему исправлению, отсекаать празднословие, которое мертвит душу, не ходить из келии в келию без благословения духовника, исповедывать духовнику помыслы, через что рассыпаются все козни врага, читать писания отцов, от чего просвещается ум человека и возрастает ревность к исполнению заповедей евангельских, без исполнения которых одною верою спастись нельзя. Пусть каждый по силе своей принимает участие в трудах общей жизни. Пусть не составляют сборищ у монастырских ворот для празднословия. Где есть усердие — там почивает Бог, там сияет свет, там является мир, там сатана не находит места, оттуда отходят страсти. Где нет усердия — там обратное: вместо добра — зло, вместо света — тьма, вместо Христа — диавол. Старец умоляет духовников бодрствовать над сердцами братиев.

Секульский монастырь произвел на старца Паисия и братий очень отрадное впечатление своим уединенным, тихим, безмолвным местоположением. Но в то же время они увидели, что этот монастырь слишком тесен для их многолюдного братства. Всех келий в монастырье оказалось четырнадцать. Жили по три, по четыре и по пяти человек в одной келье и не могли поместиться. С наступлением весны стали приходить из Драгомирны новые братья. Стало еще теснее. Принялись за постройку новых келий. Все были завалены работой. Одни строили кельи внутри монастыря, другие прилепляли их к стенам наподобие ласточкиных гнезд, как, бывало, делали когда-то на Афоне, иные строили себе помещение вне монастыря в лесу. В таких заботах и трудах провели три года. За это время построили около 100 келий и, наконец, все перешедшие из Драгомирны братья нашли себе приют.

Желая утвердить свой общежительный устав на новом месте, старец Паисий в 1778 году снова обратился к молдавскому митрополиту с просьбой разрешить пользоваться ранее утвержденным уставом в Секуле. Он просил, чтобы после его смерти новый настоятель избирался собором братий из среды самих же братий. Новый настоятель должен быть избираем из тех, которые долгое время провели под самым совершенным

послушанием без всякого порока и через послушание и отсечение воли приобрели глубокое смирение, а через смирение удостоились дара здорового рассуждения и приобрели любовь Христову одинаково ко всем братьям и глубочайший мир, претерпевая продолжительное время искушения и поношения и, укоряя всегда самих себя, освободились навсегда от раздражительности и гнева и приобрели кротость и простоту. Избираемый должен уметь руководить братией и врачевать души их.

Ибо если нельзя никому самому по себе выучиться искусству врачевания без руководства опытного врача, тем более нет возможности изучить искусство наставления душ без надлежащего обучения. Затем старец снова припоминает историю своего общежития и излагает основания, на которых оно утверждается. Основания эти следующие:

а) Нищета. Совершенная самовольная нищета по обещанию монашеского образа, т. е. чтобы никто из братьев никак не имел своего особенного имущества до своей смерти, ни денег, ни иной какой-нибудь вещи, ни имущества движимого или недвижимого до самых ничтожных вещей. Все, что необходимо для жизни, да будет и да называется общим.

б) Послушание. Каждый из братьев нашего собора по доброй своей воле отдается душой и телом под благое иго послушания, заповеданного Священным Писанием и Святыми Отцами, чтобы не быть самовластным и самочинным, не иметь ни в чем своей особой воли и своего рассуждения, но во всем, что по Божьему и душеполезно, быть подчиненным и покорным до самой своей смерти и никакого дела, хотя бы по своему мнению и доброго, не делать без ведома и благословения старца.

в) Исповедание. Все братья почаще, а новоначальные непременно ежедневно, должны исповедывать и открывать каждый своему духовнику все тайны своего сердца, не скрывая ничего, потому что без частого исповедания нет возможности приобрести исправления души своей и наставления на путь Божий.

г) Пребывание до смерти с братьями. Т. е. чтобы все братья по данному своему обещанию перед Богом и по связи вечной и неразвязной Божественной любви пребывали до смерти своей с собором братьев, собранным во имя Христа, терпя и перенося всю тесноту жизни ради Царствия Божия, а

равно мужественно претерпевая все искушения и поношения, через которые, как золото в огне, очищается смирение монаха, укоряя себя в сердце своем и во всем считая себя виновным и как купленный раб по силе своей и телесной и душевной со всяким усердием и со многим смирением и страхом Божиим, как братьям Христовым и как Самому Христу служа, быть готовыми на всякую службу, которая им будет назначена.

д) Чтение Божественного Писания и поучений Святых Отец.

е) Соблюдение святых постов и церковного правила, а также и келейного правила

ж) Служение больным и слабым и старым в соборе братьям и тем, которые не помещаются в больнице.

з) Исполнение монастырских должностей и поручений с соблюдением заповедей Божиих, да не расстроится любовь к ближнему, и удовлетворение всех нужд хозяйственных своим собственным трудом в своих мастерских.

Эти основания своего общежития, как свои заповеди, старец завещал своему братству письменно, о чем свидетельствует его преемник и ученик старец Софроний.

Мало-помалу монастырская жизнь в Секуле вошла в свою правильную и тихую колею. В Секуле установился тот же порядок жизни, какой был и в Драгомирне. По зимам старец ежедневно собирал всех в трапезу, читал им отеческие книги, учил их исполнению заповедей Божиих, послушанию, смирению и страху Божию. Видя, что братья охотно слушают его и делают успехи в духовной жизни, старец радовался и благодарил Бога, даровавшего им это тихое и уединенное место. Теснота обители и скудость жизни не смущали его, так как он еще с ранних лет искал этой скудости и тесноты Христа ради. Наиболее тягостным было то, что по числу братий церковь оказалась малою и тесною, а между тем число желающих жить со старцем с каждым днем увеличивалось, и у старца не хватало силы отказать им в приеме.

Книжные занятия старца не прерывались и в Секуле. Здесь особенно стала развиваться его переводческая деятельность. Предполагалось устройство школы для обучения молодых иноков греческому языку с целью привлечения их к делу перевода и исправления отеческих книг, а пока старец посылал наиболее способных учеников в Бухарест для обучения их там греческому языку.

Однако совершенно неожиданно положение старца изменилось. Об этом обстоятельстве сам старец рассказывает в письме, посланном через духовника Иакинфа ученикам Амвросию, Афанасию и Феофану, жившим в России во Владимирской губернии во Флорищевой пустыни. Дело заключалось в следующем. Весною 1779 года Молдовлахийский господарь Константин Мурузи прислал в Секул некоторое количество припасов и в собственноручном письме к старцу просил его сообщить о всех нуждах обители, обещая свою помощь. Старец ответил благодарственным письмом и просил отпустить ему 500 левов для устройства четырех больших келий под мастерские — портняжную, сапожную и ткацкую и для занятий с молодыми монахами по греческому языку. Заинтересованный обителью старца князь передал о его просьбе ближайшим боярам. "Конечно, — сказали они, — исполнить просьбу старца нетрудно, но от этого ему будет мало пользы, так как он живет в обители крайне стесненной для такого значительного братства. Монастырь Секул тесен, церковь там маленькая, путь к нему каменистый, тяжелый, по дну узкого ущелья, во время дождей заливаемого водою, подвоз необходимых предметов очень затруднителен". Тогда князь сказал: "Мне хотелось бы устроить этого старца более удобно. Неужели в нашей стране не найдется монастыря, где бы старец и его братство могли устроиться лучше?". Бояре отвечали: "Во всей нашей стране нет большого и более удобного по путям сообщения монастыря, как Нямец, который находится в очень близком расстоянии от Секула". Князь обрадовался и решил тотчас же написать письмо митрополиту Гавриилу, прося его согласия на перемещение старца Паисия в Нямец, где был большой монастырь. Митрополит согласился, и князь тотчас же послал письмо Паисию, предлагая ему перейти вместе с братией в Нямецкий монастырь. Старец получил это предложение в июне 1779 года и очень опечалился.

Переселение в Нямец представлялось ему, как и его ближайшим помощникам, крайне нежелательным по многим причинам: во-первых, пришлось бы покинуть обитель тихую и уединенную и идти в монастырь богатый, большой, шумный, посещаемый многочисленными богомольцами. Во-вторых, старец сознавал, что своим переселением в Нямец он стеснит и огорчит тамошних братий. В-третьих, сознавая свою старость и слабость, старец опасался новых попечений и

забот, неизбежно связанных с переселением в многолюдный монастырь и с объединением под одним управлением трех разнородных братий — Нямецкой, Секульской и своей собственной, прежней. При многочисленности братий он предвидел затруднительность своего обычного по зимам собирания братства для чтения и разъяснения отеческих книг. Наконец, он опасался и того, что многочисленные светские посетители монастыря внесут мирскую суету и в монашеские кельи, и в самые души иноков и помешают ему вести откровенные беседы с братьями о различных вопросах и недостатках монастырской жизни. Все это и многое другое глубоко смущало старца. Он заскребел и потерял душевный покой.

Наконец, он решил послать князю письмо с отказом от переселения в Нямец. Он умолял князя не настаивать на их перемещении в Нямецкий монастырь и не лишать их тихого и безмолвного пребывания в Секуле. Он описывал ожидающий братию на новом месте душевный вред, расстройство наладившейся в Секуле жизни, разорение и смущение Нямецкого братства, могущий возникнуть ропот и непримиримую вражду, пагубную для обеих сторон. С этим письмом он послал к князю старшего духовника молдавского языка, благоговейного Иринарха, знавшего и греческий язык, и в спутники ему дал еще другого духовника, и стал с нетерпением ожидать ответа на свое письмо. Между тем в июле пришли к нему из Нямца начальники монастыря, до которых уже дошли слухи о предстоящем перемещении к ним старца с братьями, и со слезами стали просить старца, чтобы он не обижал их и не расстраивал на старости лет их жительство, в котором они живут от своей юности, чтобы не пришлось им плакаться на него до самой смерти. Эти жалобы болезненно отзывались в душе старца. Он заплакал и, показывая нямецким начальникам письмо князя, сказал: "Видите, отцы святые, вот где заключается причина смущения и скорби и нашей, и вашей. Но да уверит вас Христос, что у меня никогда и в помысле не было причинить вам какое-нибудь насилие и опечалить ваши души. Вы знаете, что и Секуль мы получили не по насилию нашему, но потому, что бывший в нем игумен, видя наше печальное положение в Драгомирне, сам по любви своей к нам позвал нас к себе. Неужели вы думаете, что я осмелился бы совершить злое дело по отношению к вам? Какими глазами посмотрел бы я на ваши лица, причинив вам такую обиду? Как

бы я мог приступить к престолу Божию и причаститься Святых Тайн, зная, что есть плачущие и вопиющие на меня к Богу за мое насилие? Да не будет этого! Я уже написал князю и буду еще просить его оставить и нас и вас мирно пребывать в своих обителях. Ибо здесь мы благодатию Божией имеем глубокий мир".

Умиротворенные и успокоенные словами старца, нямецкие начальники вернулись в свой монастырь.

Между тем старцевы послы пришли к князю и вручили ему послание старца Паисия. Когда послание было прочитано, иноки на словах подробнее объяснили князю все свои обстоятельства и умоляли оставить старца и братию в Секуле и не вносить смущения и расстройств в их духовную жизнь. Однако князь не уступил им. Он приказал приготовить новое письмо старцу и сделал в нем следующую собственноручную приписку. "Мы эту святую обитель предоставляем вам не только для утверждения вашего братства, но и для того, чтобы порядок вашего братства послужил примером для прочих обителей. Поэтому окажи послушание и иди в Нямец, ничем не смущаясь".

9 августа, в пятницу, посланные вернулись с письмом от князя в свой монастырь. Когда старец распечатал письмо и увидел написанные в нем слова "окажи послушание и иди в Нямец", он заплакал и до такой степени охватила его душу безмерная печаль, что он не мог ни есть, ни пить, ни спать и совершенно изнемог телом. Все же братия были в великом страхе и в скорби и в смущении, как бы старец не умер от безмерной печали. В другом своем письме старец Паисий описывает, с каким волнением он ожидал возвращения от князя духовника Иринарха, молясь Богу день и ночь об исполнении желания остаться на прежнем месте. Но вот приехал Иринарх и на вопрос старца. "Что послал нам Бог?" ответил, передавая старцу письмо "Прочитав, узнаете", — и вышел из келии. Ночью, когда стемнело, в тишине, старец стал читать ответ князя и прочитав, пришел в полное уныние — ему предписывалось не только переходить в Нямец, но переходить с тем, чтобы быть примером для других монастырей. "Кто же я, — думал старец, — чтобы принять такое мнение о моем недостоинстве? Я слаб и немощен, почти мертвый и душой, и телом. Я не могу собственную душу направить по пути заповедей Господних, я принял ответственность за души собрав-

шихся около меня братий, а теперь на меня возлагается еще большая тяжесть. О, горько душе моей". Всю ночь старец проплакал. Наутро собрались к нему старейшие из духовников и братии и стали со слезами умолять его прекратить безмерную печаль и подкрепиться пищею. Они говорили: "Какая будет нам польза, если ты прежде времени умрешь, а мы без тебя останемся одинокими? Что мы тогда будем делать?" Старец, видя своих духовных детей так сильно скорбящих и плачущих, помолчал немного и, обратив свой духовный взор ко Господу, тяжело вздохнул, горько заплакал и сказал: "Тесно нам, братия, отовсюду". Потом, поднявшись с постели, осенил себя крестным знамением, поклонился иконе Богоматери и сказал: "Писание говорит: "При двою или триех свидетелях да станет всяк глагол". Если вы, братие, так говорите, то да будет воля Божия! Идем и не хотяще". После этого он подкрепился немного пищею, но спать не мог. Затем он призвал к себе трех духовников и несколько братий и велел им идти с письмом князя в Нямецкий монастырь, собрать там все начальство и братию, прочитав им письмо князя и затем приготовить келии ему и другим братиям, которых он решил на первый раз взять с собой в Нямец. Посланные сделали, как им было приказано, и возвратились в Секул.

Старец же в это время при содействии старшей братии сделал распределение, кому из братии переходить в Нямец и на какие послушания и кому оставаться в Секуле. Управление Секульским монастырем он поручил одному из духовников, Илариону. После этого он приказал по звону собрать братию в церковь, пришел туда и сам, помолился со слезами Господу и, сообщив братиям волю князя, дал благословение остающимся на месте, утешив их словами, что каждый из них всегда может приходить к нему во всякой скорби и нужде душевной и телесной, и, выйдя из церкви, двинулся в путь. Так как по своей слабости он не мог идти пешком, то для него был приготовлен экипаж, запряженный одною лошадию, а братия, как пчелы окружив его экипаж, шли рядом с ним, слушая его последние наставления. Больные и престарелые, выйдя навстречу ему из больницы, плакали, что не могут провожать его, а здоровые провожали его не менее часа и только по настоячивому его требованию, когда он им напомнил о предстоящем бдении, вернулись назад в монастырь. Некоторые же провожали его до самого Нямца, куда и прибыли в са-

мое навечерие праздника Успения Пресвятые Богородицы в среду.

Когда старец и братия приблизились к Нямецкой обители, там зазвонили во все колокола и все нямецкие братия вышли за монастырские ворота навстречу старцу. Впереди шли три священника в фелонях, и один из них держал в руках Святое Евангелие, а другие — святые кресты. Два диакона в стихарях имели в руках кадильницы. Старец приложился к Евангелию и к крестам и вступил в обитель, предшествуемый священниками и диаконами и сопровождаемый братиями обеих обителей при пении ирмосов Богородице. Войдя в церковь, старец приложился к иконам, причем особенно усердно молился перед чудотворной иконой Богоматери, вручая себя и братий Ее заступлению и хранению, покрову и попечению и возлагая на Нее всю свою по Боге надежду. В своем письме к князю старец, между прочим, открывает ему одно давнее событие своей жизни, а именно, что еще до своего отбытия на Афон, в молодости, старец приходил в Нямец молиться перед чудотворной иконой Божией Матери и удостоился три раза держать эту святую икону своими грешными руками. С того времени он почувствовал великую любовь к этому святому месту, куда потом, неисповедимыми путями Божиими, ему пришлось перейти со своим собором.

Когда старец приложился к иконам, два начальника Нямецкого братства Иоасаф и Варлаам, игумен и проигумен, поставили старца на игуменское место. Когда пропели тропарь и кондак храма и произнесли ектению и отпуст, старец со слезами сказал собравшимся, что он пришел к ним не по собственному желанию и исканию, но по решению и распоряжению князя и митрополита и просил всех хранить взаимный мир и взаимную любовь. Из церкви старец направился в приготовленную ему келию и немного отдохнул. Для пришедших с ним братий было приготовлено 15 келий, в которых они и разместились в большой тесноте, по несколько человек в каждой келии. Только духовникам по их обязанностям было отведено каждому по келии. Несмотря на утомление, старец от большой печали не мог уснуть, хотя уже пять дней оставался без сна. К началу всенощного бдения он с большим трудом пришел в церковь и сидя слушал Божественную службу, молясь Пречистой Богородице о том, чтобы Она утешила его душу, прогнала окутавший ее мрак и печаль и послала ему

отрадный сон И когда уже окончилась вечерня и началась утренняя, и было прочитано Евангелие, стал приходить к старцу желанный сон. Старец ушел в свою келию и лег на постель, но заснул только тогда, когда стало уже светать, и сладко проспал два часа Проснувшись, он почувствовал облегчение головы, некоторую крепость во всем теле, и вся печаль отошла от его сердца. По окончании литургии и молебна Божией Матери пошли в трапезу с праздничною иконою и с пением тропаря праздника, а после трапезы, по возвращении в церковь, разошлись по келиям. Старец пригласил к себе бывших начальников обители и, побеседовав с ними наедине братски, обещал покоить их во всем до самой смерти и ни в чем их не притеснять И они, совершенно примирившись со всем случившимся, через некоторое время были облечены в схиму и проживши еще несколько лет, отошли ко Господу Из нямецких братий только немногие ушли из монастыря, а остальные присоединились к общему братству, из двух соборов составилась один собор и установились полный взаимный мир и единопутье. Старец написал князю о принятии им Нямца, о соединении обоих братств и просил помочь в устройстве новых келий Князь благодарил старца за послушание и обещал оказать помощь как в устройстве келий, так и во всех других нуждах

Так произошло перемещение старца Паисия с братией из Секула в Нямецкий монастырь Секулярский монастырь по-прежнему остался под его главным управлением, и порядок жизни в обоих монастырях установился один и тот же Секулярские братия часто посещали старца, а однажды в год и сам старец проводил несколько дней в Секуле. Вот как он сам описывает эти свои поездки в письме к тем же инокам Амвросию, Афанасию и Феофану: "Около отдания Успения, когда все уже готово к моему отъезду, братия по звону собираются в церковь и при входе поют "Достойно". Приложившись к иконам и прослушав ектению и отпуст, я по немощи сажусь на приготовленное место и говорю всему братству наставление на языках славянском и молдавском, прося их молиться о благополучном моем путешествии, трудиться в исполнении заповедей Божиих и сохранять между собою мир Христов и всякое монашеское благочиние и благоговение. После этого я выхожу из церкви в сопровождении братии и, преподав ей благословение, отправляюсь в Секул. Когда я приближаюсь к

монастырю, навстречу мне выходит духовник Досифей со всеми больными и престарелыми братьями и, приняв благословение, отходит. При моем дальнейшем шествии выходит мне навстречу за монастырские ворота духовник Иларион со своей братией. Преподав им благословение, я вхожу в обитель, сопровождаемый всем братством. Совершив все положенное по чину, я иду в свою келию, где и проживаю до храмового праздника Усекновения Главы Иоанна Предтечи. После праздника, дня за два до моего отъезда оттуда, после повечерия, собираются братия в трапезу, один день — славянского языка, другой день — молдавского, и бывает мое к ним последнее наставление. В день же моего отъезда из Секула обычным порядком происходит прощание. По прибытии в Нямец совершается обычная встреча. При выходе моем из церкви в свою келию, встречают меня два инока, которым на время моего отсутствия поручается келия, и берут благословение. Я вхожу в келию, благодарю Бога за благополучное возвращение". В конце письма старец прибавляет: "Об остальных же наших делах, об устройстве вокруг монастыря многих новых келий и о переходе к нам всех братий из Драгомирны и немалого числа из Секула и о прочем известит вас духовник Иакинф". Во время пребывания старца в Секуле он каждый день принимал братий, которые могли свободно приходить к нему во всякое время и заявлять ему о своих нуждах как духовных, так и телесных, причем старец говорил им. "Если кто-нибудь из вас имеет нужду и скорбит и ропщет, но ко мне не приходит и не извещает, я о такой его скорби перед Богом не отвечаю". Находившимся в больнице, которые сами не могли придти к старцу, он посылал благословение и все необходимое через заведующего больницей отца Досифея, который с такою любовью и заботливостью относился к больным, что его часто можно было видеть просиживающим целые ночи у их постели и утешающим их надеждою на выздоровление и другими ободряющими словами.

В Нямецком монастыре начинается последний, самый трудный, но и самый плодотворный период в жизни и деятельности старца Паисия. Число братий, объединившихся вокруг него одним духом нестяжательности, послушания и любви к Богу, своему старцу и друг к другу, возросло здесь до 700 и более. Слух об их высокой жизни и об их мудром старце распространился далеко по всему православному Востоку.

Старец вел обширную переписку и сношения с многочисленными подвижниками не только в Молдавии, но и на Афоне, в Царьграде, в России и в других местах. Каждый странствующий инок, каждый паломник считал своим долгом посетить славную Нямецкую Лавру, увидеть ее знаменитого старца, посмотреть строгий чин ее общежития и благолепие монастырского богослужения, чтобы потом рассказать об этом на своей родине, в своей обители. Книжные занятия старца достигли в это время своего наибольшего расцвета. Он уже не один только и не в кругу только немногих друзей работал над исправлением и переводом отеческих книг. Он основал целую школу для обучения справщиков и переводчиков и широко поставил переписку исправляемых и переводимых книг, так что своими многочисленными рукописями не только наполнил монастырскую библиотеку, но и распространил их в огромном числе списков далеко за пределами своей обители и в особенности по монастырям и по келиям обширной Русской земли. Он сумел поднять в православном русском монашестве интерес к книжным занятиям, к чтению и списыванию отеческих книг, к духовным беседам, а свою Нямецкую Лавру сделал центром и светочем православного монашества и школою подвижнической жизни и духовного просвещения для православного Востока. В Нямецком монастыре получили свое воспитание многие молдовлахийские и русские иноки, которые потом во многих обителях сделались насадителями православного старчества и монашеских общежитий по уставу Паисиева братства.

Начиная описание этого периода в жизни старца Паисия, скажем сначала несколько слов о Нямецком монастыре. По словам преосвященного епископа Арсения Нямецкий монастырь имеет для Молдавии такое же значение, как Троице-Сергиева Лавра или Киево-Печерская Лавра для России. В течение ряда веков он был рассадником христианского просвещения в Молдавии, воспитав в своих стенах многих молдавских святителей — епископов и митрополитов, самоотверженно защищавших родную православную веру. Для православного народа он был высокой школой нравственной жизни, давая в лице своих иноков примеры подвижничества и преданности вере. В годы тяжких народных испытаний, междоусобной войны между княжествами Молдавии и Валахии во время нередких войн с турками, поляками и венграми,

во время голода, пожаров и других народных бедствий к нему тянулась православная Молдавия и находила здесь материальную и духовную поддержку.

Монастырь расположен в чрезвычайно живописной местности. Там, где небольшая горная речка Нямцул вырывается на простор из Карпатских ущелий среди высоких холмов, покрытых вековым хвойным лесом, белеют стены и здания этой обители, с которой связаны лучшие страницы молдавско-славянской культуры и письменности придунайских княжеств. Основание монастыря относится к концу XIV века. Тогда пришли в Молдавию при митрополите Иоасафе три инок, Софроний, Пимен и Силуан со своими учениками. Они пришли из Тисмана и были учениками святого Никодима Освященного. Молдавский господарь, по всей вероятности Петр Воевода Мушат, выстроил для них небольшую церковь в честь Вознесения Господня. Первый документ, свидетельствующий о существовании монастыря, относится к 1407 году, когда монастырь получил во владение села и вместе с монастырем Быстрицею управлялся одним игуменом Дометияном. Монастырь расширялся и богател благодаря щедрым пожертвованиям молдавских господарей, иерархов и других лиц. История первых лет существования монастыря связана также и с именем известного проповедника митрополита Григория Цамблака, который по прибытии своем в Молдавию игуменствовал в этом монастыре приблизительно до 1420 года. Свое название монастырь, как и многие другие местности вокруг него, получил, по всей вероятности, от цитадели, построенной недалеко отсюда немецкими рыцарями крестоносцами в XII—XIII веке. Развалины крепости существуют и до сих пор на высокой скале, недалеко от Нямца.

Нынешний храм Вознесения Господня выстроен в 1497 году господарем Стефаном Великим, о чем свидетельствует надпись над входными дверями храма. В начале XVIII века игуменом в Нямце был иеромонах Пахомий. Узнав о знаменитом русском подвижнике святом Димитрии Ростовском, он в 1704 году оставил игуменство и уехал в Россию, чтобы повидать святого Димитрия и поклониться печерским угодникам. Он удостоился не раз беседовать со святым Димитрием, получил от него собственноручно написанную книгу и возвратился в Нямец. После этого он уединился с несколькими иноками в пустынном месте, где теперь находится Покровский скит (на

расстоянии одного часа ходьбы от Нямецкого монастыря) и предался там молитвенному подвигу. В начале 1707 году он был вызван из своего уединения и поставлен в епископа Романского. После семилетнего управления епархией он снова удалился в Покровский скит, а три года спустя опять уехал в Киево-Печерскую Лавру, где и скончался в 1724 году, послав незадолго перед кончиной в основанный им Покровский скит свое завещание, заключающее в себе, между прочим, и устав для скита. Таким образом, между Нямецким монастырем и русскою православною церковью еще в начале XVIII века существовала живая связь. Эта связь и потом не порывалась.

В одной из церквей хранится большая плащаница прекрасной работы, шитая золотом и жемчугом по малиновому бархату. Вокруг этой плащаницы идет шитая надпись, в которой говорится, что эта плащаница пожертвована в церковь Нямецкого монастыря монахиней Марией в 1741 году. По преданию, монахиня Мария — великая княжна Мария Петровна, дочь императора Петра Великого, постригшаяся в одном из женских монастырей в Молдавии. В ризнице монастыря хранится большое русское Евангелие, выносимое на входах двумя диаконами. Это Евангелие прислано в дар монастырю из Петербурга в 1764 году. В 1849 году император Николай Павлович прислал монастырю 10 полных священнических облачений из хорошей парчи и деньги на постройку больницы. Император Николай II пожертвовал монастырю полное священническое и диаконское облачение. Главной святыней Нямецкого монастыря является древняя чудотворная икона Богородицы. Время написания этой иконы неизвестно. Она подарена была некогда греческим императором Иоанном Палеологом молдавскому господарю Иоанну Доброму, который в начале XV века передал ее Нямецкому монастырю.

Поселившись в Нямце, старец Паисий стал утверждать и здесь свой обычный порядок монашеской жизни. Прежде всего он обратил внимание на порядок богослужения и установил совершать его так, как оно совершалось в его братстве. Чтение и пение велись на двух языках, молдавском и славянском. На утрених, между кафизмами, читались два поучения — одно на славянском, другое на русском или молдавском языке. На похвальной неделе акафист Божьей Матери читался по-славянски, по-молдавски и по-гречески. Во всем поддерживалась тесная связь с русской церковью. На от-

пустах поминались преподобные Антоний и Феодосий и прочие чудотворцы печерские. 21 сентября совершалась служба святителю Димитрию Ростовскому, 3 мая праздновалась память преподобного Феодосия Печерского, 10 июля — преподобного Антония, 11 июля — благоверной княгини Ольги, 15 июля — равноапостольного князя Владимира.

При помощи князя старец устроил в обители больницу, странноприимницы и значительно увеличил число келий. Забота о больных, престарелых и странствующих особенно занимала старца, ибо все они приходили к нему и со слезами умоляли ради Христа приютить их в обители. Старец помещал кого нужно было в больницу и приказывал брату Онорию, который и здесь был приставлен к тому же делу, какое он выполнял в Драгомирне, оказывать им всяческую заботу и покой и иметь о них неусыпное попечение. Он требовал, чтобы все служащие в больнице служили больным, как Господу, каждую неделю меняли белье и мыли головы, очищали их одежды, кровати и постели от насекомых, летом же почаще проветривали их платье и провешивали на солнце. Старец требовал, чтобы внутри больницы соблюдалась безукоризненная чистота, чтобы каждый день курили в ней ладаном или другим благовонным веществом. Приказывал также давать призреваемым более питательную пищу, лучший хлеб и вино. И все были довольны и со слезами благодарили старца за его попечение. Странствующие монахи, заходившие в обитель, могли отдыхать в ней сколько хотели, неделю, и две, и месяц. И никто никогда не говорил им ни слова упрека. Иные просили старца позволить им и зиму провести в обители, и он позволял, а не имеющим одежды и белья давал все необходимое. Когда же наступало лето и они отправлялись в свой путь, он в изобилии снабжал их всем необходимым для дороги и отпускал с миром. Принимал старец и мирских мужчин, страдавших различными болезнями или мучимых различными духами и не имеющих, где главу приклонить, и в особой больнице кормил их от общего стола и они жили там сколько хотели, некоторые даже и до самой смерти.

Главный храмовой праздник Вознесения Господня праздновался в Нямце с особой торжественностью. Богослужение продолжалось всю ночь. К этому празднику и раньше в Нямце стекалось великое множество народа обоого пола и всякого звания и знатных, и простых, и богатых и бедных, не

только из Молдавии и Валахии, но и из других стран, желавших поклониться чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, а при старце число богомольцев стало еще больше. Старец Паисий старался всех их по возможности упокоить. В течение четырех дней он сам не имел ни минуты свободной, с утра до вечера имея открытыми двери своей келии. каждому, и богатому и бедному, желавшему войти к нему, был открыт свободный доступ. Он всех принимал с любовью, благодарил их за принятый на себя труд путешествия и, благословив, отпускал их на гостиницу или в другие приготовленные для них келии. Перед праздником старец назначал несколько братий из более благоговейных и исполненных страха Божия наблюдать за более слабыми, обходя обитель день и ночь, чтобы не произошло какого-либо соблазна. Исполняя его волю, братия оберегали друг друга. По окончании же праздника все благодарили Христа Бога и Пречистую Его Матерь, сподобивших их мирно, благополучно и радостно отпраздновать святой праздник Господень.

Перемещение из одного монастыря в другой, соединение первоначальных учеников старца, собранных им еще на Афоне и в Драгомирне с братствами других монастырей, не могли не отражаться неблагоприятно на внутренней жизни обители. По словам самого старца, внутренняя жизнь братства в Нямце уже не достигала той высоты, на какой она стояла в Драгомирне. Сам старец по-прежнему внимательно и заботливо следил за жизнью братства. В церкви он сам обходил братию и смотрел, чтобы все стояли чинно, со страхом и трепетом и соблюдали все установленные поклоны. Однажды старец заметил идущего по монастырю послушника, размахивавшего руками и глядевшего туда и сюда. Старец призвал к себе его духовника и сказал: "Так ли ты наставляешь своих учеников? Они бесчинствуют и соблазняют братию". В наказание он дал обоим, и духовнику и послушнику, правило: три дня в трапезе класть поклоны, да и прочие научатся не производить бесчинства. Несмотря, однако, на все заботы старца, ему с трудом удавалось преодолевать те неблагоприятные влияния, которые разлагающим образом действовали на братство, и жизнеописатель старца заявляет: под конец жизни старца духовное наше жительство снизошло от первого драгомирнского и секульского, единодушного, мирного и любовного совершенно вниз невозвратно. Причины же тому: молва,

излишество, мятеж, забота каждого о себе самом и оставление чтения божественных и отеческих писаний и внимания к себе. Старец, который предвидел все это, часто плакал и предостерегал братию. Он убеждал всех не оставлять внимательного чтения отеческих писаний, неуклонно держаться тесного евангельского пути и избегать нерадивого притворно-монашеского миролюбивого жития. Указывая другие причины ослабления братской жизни, жизнеописатель старца говорит: как сад древесный, часто пересаживаемый, увядает, так и нашего собора сад душевный пострадал от переходов и перемены монастырей. В Драгомирне и Секуле по зимам каждый вечер бывали соборные поучения старца, а в Нямце они прекратились, и приходилось больше пользоваться книгами. Здесь и старец больше занимался переводами и исправлениями. Приезды знатных лиц обоего пола также много вредили братии. Один странствующий инок спросил старца Паисия: "Как, отче, нынешнее житие против Драгомирнского?" Старец ответил, "На всякий год ниже идет, а удержать в одной мере, хотя и стараюсь, невозможно. Причина тому — невозбранный вход женоскому полу и оставление соборного поучения".

Конечно, упадок духовной жизни в Паисиевом братстве замечен был только старцу и его ближайшим помощникам, судившим о состоянии братства со строгой точки зрения идеального монашества. Для постороннего же наблюдателя, даже монаха и подвижника, жизнь братства представлялась совсем в ином свете, как это видно, например, из рассказа соловецкого пустынника Феофана, посетившего Нямецкую обитель при старце Паисии. Этот Феофан был родом из малороссийских земледельцев. Двенадцати лет он лишился родителей и остался сиротою. Шестнадцати лет он начал свое собственное хозяйство. Однажды, тогда он работал в поле, Божественный свет озарил его душу. Особенное умиление наполнило его сердце. Он отпряг волов, оставил плуг и землю, и охваченный любовью ко Христу, пошел по святым местам. В Киево-Печерской Лавре он был принят в число послушников. Здесь он в разных трудах провел 17 лет и, наконец, был определен прислуживать подвижнику Досифею, проживавшему в затворе уже третий десяток лет. Досифей никуда не выходил из своей келии и никого не принимал к себе. Желавшие получить от него благословение и наставление могли беседовать с ним через окно его келии. Особый дар слова соединялся в нем с

прозорливостию: он обличал тайные грехи и располагал к покаянию, предостерегал от будущих бед и искушений. У этого подвижника Феофан учился монашеской жизни. Скоро в нем возгорелось сильное желание посетить святые места, ознаменованные событиями земной жизни Иисуса Христа. Феофан попросил у своего старца благословения на этот путь. Но старец сказал: "Нет тебе пути ни в Иерусалим, ни в Святую Гору. Тебе предложит в свое время другой путь. А теперь, если желаешь, ступай в Молдавию, это будет тебе на пользу". И старец велел Феофану идти на Подол (нижняя часть Киева), где он найдет двух молдавских иноков. пусть он их приведет к старцу. Феофан отправился на Подол и действительно нашел там двух молдавских иноков. Один из них был Софроний, друг и ученик старца Паисия, бывший после него настоятелем Нямецкого монастыря. Исполнив поручение, данное ему старцем Паисием, Софроний уже собирался отправиться в обратный путь, как к нему явился Феофан и пригласил его к затворнику. Досифей стал просить Софрония и его спутника взять с собою в Молдавию Феофана. Молдавские иноки охотно на это согласились, и Феофан отправился с ними, оказывая им по пути разные услуги. Нелегко показался Феофану этот путь вследствие притеснений со стороны турок и разных лишений, которые приходилось переносить на пути, так что он даже пожалел о том, что ушел из Киева. Но не напрасно послал его в Молдавию прозорливый старец. Когда путники подходили к Нямецкому монастырю, их встретил сам старец Паисий и приветствовал Феофана такими словами: "Чад Феофана, не напрасен был к нам, убогим, твой путь; Бог сочитал все стопы твои, Он приготовит себе Свою награду". Обласканный старцем Феофан сперва жил в Нямце, потом ходил в другие молдавские обители, осматривал их местоположение, изучал монашеские уставы, нравы и обычаи монашеской жизни. Вот что он рассказывает о жизни нямецких иноков. Нестяжание их было полное; в келиях, кроме иконы, книги и орудий для рукоделия не было ничего. Иноки особенно отличались смирением. Гордости и тщеславия они сторонились. Ненависти и взаимных обид они не знали, если случилось кому-либо по неосторожности или горячности оскорбить другого, он спешил примириться с ним. Кто не хотел простить согрешившего брата, был изгоняем из монастыря. Походка у иноков была скромна. При встрече один другого предупреж-

дал поклоном. В церкви каждый стоял на назначенном ему месте. Празднoсловие не допускалось не только в церкви, но и нигде в другом месте, ни в монастыре, ни вне его. С аввою Паисием жило тогда до 700 братий и, когда они собирались на послушание по сто и полтораста человек, то один из братий читал книгу или рассказывал какую-нибудь душеполезную повесть. Если же кто-нибудь начинал праздный разговор, его немедленно останавливали. В келиях одни писали книги, другие переплетали, иные пряли волну, иные шили клобуки и камилавки, вязали четки, ткали волну на рясы и мантии для братии, выделывали ложки и кресты или занимались разными другими рукоделиями. Все были под надзором духовников и наставников; приходя к ним, исповедывали свои грехи и в особенности помыслы — начало всех дурных дел. И это они делали дважды в день: утром они объявляли о соделанном ночью, а вечером — о соделанном, сказанном или подуманном днем, и все это они открывали со смирением, без стыда и лжи. Без благословения духовника никто не дерзал даже съесть какой-либо плод, которых в той стране очень много.

Феофану так понравилась жизнь в Нямце, что он просил старца Паисия навсегда оставить его в своей обители, но старец сказал: "Иди в Россию и послужи еще немного своему старцу, который скоро отойдет ко Господу. По его благословию иди спасаться туда, куда он тебе укажет". Феофан с грустью расстался с Нямцем. На прощание Паисий сказал ему: "Чадо, Бог и Пречистая да сохранят тебя на всяком пути. Верую, что Бог не даст тебе искувиться более меры и сподобит части избранных Своих ради молитвы преподобных отцов наших Антония и Феодосия печерских чудотворцев и старца твоего Досифея. Да будет на тебе от нашего смирения благословение Божие. Скажи благоговейному старцу твоему благодарность и не забывай нашего убожества". Снабженный на дорогу всем необходимым, Феофан покинул Нямец и благополучно возвратился в Киев. Интересен еще следующий рассказ Феофана. Когда он возвращался из Молдавии и ему случалось быть задержанным турками, которые спрашивали его, кто он и откуда идет, то стоило ему только показать приходной лист от Паисия, как турки, махая руками, кричали: "О, Паисий, гайда, гайда!", — т. е. иди свободно. Видя это, Феофан удивлялся, до какой степени известен туркам и почитается ими блаженный старец.

Тот же Феофан рассказывает о чистоте православия в Паисиевом братстве, а также и о многоплеменном его составе. Проживая уже в Соловецком монастыре, Феофан, испытывая одного из своих учеников, спросил его. "Покажи, как ты складываешь свои персты для крестного знамения?" Тот, показав ему троеперстное сложение, сказал: "Так, отче, как православная церковь учит". Феофан на это сказал: "Будучи в пустыне, я не запрещал темным людям креститься двумя перстами, только бы они ходили в церковь, но ты берегись последователей раскола. Когда я жил в Киеве, то я во всей Малороссии не видел никого, кто бы крестился двуперстным сложением. Был я и в Молдавии, в Нямецком монастыре, у старца Паисия; там было более 700 братий из разных стран — молдован, сербов, болгар, венгерцев, гуцулов, греков, армян, евреев, турок, великороссиян и малороссиян. и все они крестились троеперстным сложением, а о двуперстии там и не слышно".

Интересен также переданный Пападопуло-Керамевсом рассказ одного знатного грека Константина Караджа, посетившего старца Паисия в праздник Вознесения Господня. Этот грек еще раньше доставил старцу Паисию от своего отца рукопись одного пустынного, содержащую в себе поучение для монашествующих, и отец Паисий в благодарность прислал его отцу собственноручно написанную копию этой рукописи замечательно красивым и четким почерком. Греку захотелось повидать самого старца и поклониться иконе Божией Матери. Он описывает свое путешествие с женою из города Пашкани в Нямецкий монастырь, восхищается живописными местами и рассказывает о встрече, оказанной ему в Нямце. Их встретили с колокольным звоном — честь, какая оказывается только господарям и знатнейшим боярам. Сам старец с пятьюдесятью братьями в камилавках и рясах встретили его у святых ворот. Мы, рассказывает он, поспешили выйти из экипажа и, подойдя к старцу, поцеловали его правую руку, потом мы пошли в церковь и при пении молитв целовали иконы, а потом пошли в келию старца. В первый раз в жизни, рассказывает грек, я увидел своими глазами воплощенную и нелепую святость. Меня поразило его лицо, светлое и бледное, без капельки крови, большая белая борода, блестящая как серебро, и необыкновенная чистота его одежды и всей его обстановки. Его разговор был кроткий и совершенно искрен-

ний. Он производил впечатление человека, совершенно отрешившегося от тела. Рассказав затем вкратце прошлую жизнь старца и его монастырский устав, грек описывает посещение им разных помещений монастыря; в одной из комнат он видел множество сложенных красивыми рядами рубах и другого белья, рясы и камилавки, куда раз в неделю приходят братия для получения чистого белья, а особые надзиратели следят за тем, чтобы вымытое старое белье полагалось на свое место. Видел он и трапезную, куда собираются все братия во главе с совершавшим литургию в тот день. За столом они употребляют рыбу и масло. Пьют и вино по уставу. И старший говорит вначале "Во славу Бога", — потом — "Во здравие воеводы", — и наконец — "Во здравие всех христиан". Во время обеда один из братий на амвоне читает жития святых. Ненужных разговоров не бывает. Но всегда полная тишина, большая чистота и строгое воздержание. Четыре духовника ежедневно ходят по келиям и рассматривают дело каждого. Далее грек рассказывает, как после довольно долгого пребывания в келье старца гостей отвели в комнату, им назначенную, где они также были поражены необыкновенной чистотой и убранством. В течение всего их пребывания на празднике и им и другим почетным гостям подавали прекрасную пищу: мясо, птицу, цыплят, рыбу, белый хлеб, вино, сладости. И всем собравшимся во дворе монастыря, которых было около трех тысяч, также выдавали хлеб, рыбу и вино, сколько было нужно, без всякой платы. Пробывши в монастыре два дня, путешественники возвратились в Пашкани.

Особенно видное место как в жизни самого старца, так и в жизни братства получили в Нямце книжные занятия старца. Еще в детстве он любил чтение и списывание отеческих книг. Но тогда он списывал их просто, не ставя себе вопроса о правильности или неправильности их текста. На Афоне его книжные занятия получили характер проверки и исправления славянских переводов по древнейшим славянским спискам. Когда этот способ исправления не дал удовлетворительных результатов, старец занялся изучением греческого языка и собиранием греческих подлинников отеческой литературы, и в Драгомирне приступил уже к исправлению славянских книг по греческому тексту. Не удовлетворяясь и этим, старец, по мере своего усовершенствования в греческом языке и приобретения необходимых научных пособий, занялся, наконец,

самостоятельным переводом отеческих книг с греческого языка на славянский. В Нямце все виды деятельности старца получили особенно широкую и правильно организованную постановку. При содействии научно подготовленных иноков и под постоянным руководством старца здесь происходило и списывание книг и исправление славянского текста по греческим подлинникам и новые переводы с греческого языка. Сам старец, несмотря на свои годы и болезненность, показывал своим помощникам пример неутомимой деятельности. Будучи весь день обременен делами монастыря, духовными и хозяйственными, он ночи проводил за переводом и исправлением книг. По словам жизнеописателя, старец нес труды, превышающие естественные человеческие силы. Если бы не благодать Божия укрепляла его, то невозможно было бы человеческому естеству и понести такой труд. Надо только представить себе, что весь правый бок старца, до самой ступни, был покрыт ранами, так что он даже и лежать на нем не мог. Сидя согнувшись на своей кровати, он всего себя обкладывал книгами. Здесь лежали словари различные, Библия греческая и славянская, грамматика греческая и славянская и переводимая книга. Тут же стояли зажженные свечи. А старец, сгорбившись, как малый ребенок, писал всю ночь, забывая и свою слабость, и свои раны, и необходимость отдыха и сна. Он до такой степени углублялся в свои занятия, что не слышал монастырского била, не замечал ничего, происходившего кругом него, не мог дать ответа на вопросы спрашивающих его. Прислуживающий ему брат в это время и не допускал к нему никого. Когда же являлось неотложное дело, то служащий брат должен был много раз повторить старцу свои слова, прежде чем получал от него ответ. Принуждаемый отвечать, старец с болью и оханьем едва бывал в состоянии отвлечь свой ум от книги, как он и сам признавался. "Для меня, — говорил он, — нет более тяжкого труда как, когда перевод делаю, приходится мне давать ответ на какой-либо вопрос. Тогда пока отвлеку ум от книги — весь потом покроюсь".

Отметим кстати, что старец обладал необыкновенным искусством письма, какое редко у кого можно встретить. В юности, например, он переписал книгу святого аввы Дорофея. Как она велика, а он уместил ее на 24 листочках бумаги, на каждой страничке у него выходило по 70 строк уставным письмом, тонко как волос и буквы не заплывали, но четко,

чисто, оставляя края сверху, внизу и по сторонам, как следует. Когда один ученик, удивляясь, спросил у старца, каким пером писал он эту книгу, не голубиным ли, старец ответил: "Нет, гусиным"

В 1787 году старец Паисий совершил свой важнейший литературный труд — перевод с греческого языка подвижнических слов святого Исаака Сирина. В предисловии к этому переводу старец подробно рассказывает как о внешних обстоятельствах этого дела, так и о тех трудностях, которые встретились ему при переводе, и о тех способах, которыми он преодолевал эти трудности. Он пишет:

"В 1786 году принесли мне со Святой Горы Афонской рукописную греческую книгу святого Исаака, причем принесшие книгу усердно просили меня приступить к ее переводу. К тому же понуждали меня и братия обители. Я же, сознавая старость свою и свою крайнюю слабость, а также значительный объем книги и трудность дела и неизвестность часа моей кончины, откладывал исполнение этой просьбы. С другой же стороны, усматривая Промысл Божий, сподобивший меня увидеть рукописную греческую книгу святого Исаака, нарочно принесенную мне для перевода, а также принимая во внимание мои успехи в познании греческого языка и то, что у меня были необходимые для перевода пособия, и чувствуя родившееся в душе моей желание приступить к переводу святого Исаака и, наконец, принимая во внимание просьбы братьев, я начал в том же году в пост Рождества Христова новый перевод книги святого Исаака Сирина. В основание этого перевода я положил печатную греческую книгу, еще в Драгомирне полученную мною из Константинополя от Никифора Феотоки, рукописною же пользовался как пособием. И, действительно, я имел от нее большую помощь и без нее при всем моем старании, при одной только печатной книге, перевод мой оказался бы очень недостаточным, так как во многих местах некоторые слова, находящиеся в славянской книге, находятся и в рукописной греческой, а в печатной греческой — отсутствуют, из чего можно понять, что в древности трудившиеся над славянским переводом имели в своем распоряжении такую же рукописную греческую книгу. И так переводя эту книгу с печатной греческой, я вместе с тем внимательно, слово за словом, следил за рукописною греческой и за древней славянскою и за исправленною в Драгомирне, со

вниманием разбирая имена и глаголы, сообразуясь, насколько было возможно, и со свойствами обоих языков, греческого и славянского. Весь этот труд я совершал с большой духовной радостью, пренебрегая своею слабостью и болезнями, и таким образом закончил свой перевод в 1787 году".

Описывая встречающиеся ему трудности перевода и способы, которыми он их преодолевал, старец пишет: "Занимаясь долгое время исправлением и переводом отеческих книг, я заметил, что все книги на греческом языке несравненно яснее показывают грамматический смысл, нежели славянские переводы. Это происходит оттого, что греческий язык имеет и предшествующие и последующие пояснительные частицы, помогающие уяснению грамматического смысла. Наш же славянский язык, хотя и превосходит многие языки своей красотой и огромным богатством слов, и из всех языков является ближайшим к греческому по образованию имен и глаголов и по составу и свойствам своим, однако, много теряет от недостатка пояснительных частиц. Ибо хотя местоимения *я*, *он*, *сей*, *той* в славянском языке и употребляются вместо частиц греческого языка, однако же все это не может быть применимо с такою точностию, как в греческом языке ко всем словам и падежам, кроме звательного, и не может дать славянскому переводу такого ясного смысла, какой мы находим в греческих книгах. Кроме того, в греческом языке почти все слова мужского и женского рода, будут ли они употреблены с частицами или без частиц, в именительном и винительном падежах имеют различное произношение, благодаря чему получается ясный смысл речи; в славянском же языке слова мужского рода неодушевленные, оканчивающиеся на твердый знак и на мягкий знак и женского рода неодушевленные, оканчивающиеся на "ь" в именительном и винительном падежах имеют одно и то же окончание, и это делает смысл речи более темным. Затем, хотя в греческом и славянском языках все слова среднего рода в именительном, винительном и звательном падежах, как в единственном, так и во множественном числе имеют одно и то же произношение, но так как очень многие греческие слова женского рода при переводе на славянский язык оказываются среднего рода и вследствие этого получают в именительном и винительном падежах одинаковое окончание, то и это в немалой степени затрудняет смысл речи.

Замечая все это и желая, чтобы в моей книге и вообще в моих переводах существовала ясность, наиболее приближающаяся к ясности греческих книг, я обратил внимание еще и на то, что в книгах того премудрейшего и преглубочайшего языка старательно сохраняется со всей осмотнительностью во всех словах правописание. Поэтому, хотя этот язык и имеет много таких слов, которые и в единственном и во множественном числе имеют одно и то же произношение, но он не удовлетворяется одним только произношением, но всякое слово обозначает соответствующим правописанием. Заметив это, я положил себе правилом в моих переводах самым тщательным образом сохранять во всех словах единственного и множественного числа должное правописание, не оставляя без правописания ни одного слова, разве только по ошибке или забвению. И я уверяю читателей, что в моем переводе слова, употребленные в единственном числе, в единственном же, без всякого колебания, и должны быть понимаемы, а употребленные во множественном — во множественном. Благодаря этому в моем переводе достигается наибольшая ясность славянской речи".

В пояснение сказанного старец пишет дальше: как было уже сказано, в славянском языке слова неодушевленных предметов мужского рода на "ъ" и "ь" и женского рода на "ь" в именительном и винительном падежах единственного числа имеют одно и то же окончание, и если при них нет глагола действительного залога или других управляющих слов, то никто не может распознать, в каком падеже они поставлены. Например: добродетель — добродетель. Какое из этих двух слов стоит в именительном падеже, и какое в винительном — не видно. По-гречески, благодаря различию окончаний, этой неясности нет. Чтобы устранить эту неясность в славянском тексте, старец Паисий обозначает точкою вверх слово, стоящее в винительном падеже: добродетель — добродетель, или добродетель — добродетель. Необходимость такого обозначения становится особенно ясной из рассмотрения некоторых фраз. "Добродетель рождает страх Божий", "Страх Божий отгоняет леность". Смысл этих фраз окажется совершенно различным смотря по тому, какое из слов является подлежащим и какое дополнением. Если в первой фразе поставим точку над "добродетель", то получится смысл: добродетель рождается от страха Божия. Если же поставим над "страх", то

получится смысл: страх Божий рождается от добродетели. То же самое получается и во второй фразе, смотря по тому, где стоит точка. Если точка стоит над словом "страх" — это значит: страх Божий отгоняется леностью, если же точка стоит над словом "леность" — это значит: леность отгоняется страхом Божиим. Приведем еще пример употребления пояснительных точек в другом роде. "Аще соблюдете заповеди Моя — послю вам Утешителя, Духа истины... Его же мир не может прияти... и Той научит вы всякой истине". В греческом языке Утешитель мужского рода, Дух же — среднего рода. В славянском же и то и другое — мужского рода. Точки показывают, к какому слову относится "его же" и к какому — "той". Без точек славянский текст был бы неясен". Далее старец пишет: "В переводе этой книги, как и во всех других моих переводах, я всегда употребляю способ перевода так называемый дословный, каким переведены с греческого языка на славянский Священное Писание и все церковные книги. Переводя таким способом, я старательно, насколько мог, соблюдал свойства обоих языков, употребляя в славянском переводе для ясности, где было необходимо глаголы "есмь" и "бываю", а вместо частиц местоимения: он, той, сей; все это, употребляемое на соответствующих местах, придает переводу необходимую ясность. Следует еще и то знать, что я в своих переводах слова Священного Писания привожу так, как они приводятся в греческом подлиннике, не позволяя себе изменять их и приводить так, как они приведены в Священном Писании, опасаясь дерзости самочиния, но, чтобы перевод мой был во всем точен, я их привожу так, как нахожу в греческой книге".

Из приведенного рассказа старца Паисия видно, с какой осторожностью он работал над своими переводами отеческих книг. И не удивительно, что, по свидетельству людей сведущих, переводы старца Паисия имеют цену не только в религиозно-назидательном, но и в научном отношении.

Переводы старца Паисия превосходят все бывшие до него переводы отеческих книг тем, что он в своей работе не ограничивается одним только списком книги на одном каком-либо языке, но старается добыть списки или печатные тексты переводимой книги на разных языках, вышедшие в разное время и, сопоставляя их друг с другом, взаимно их проверяя, устанавливает наиболее правильное чтение, причем имеет обыкновение помещать на полях и разночтения, давая, таким образом,

возможность самому читателю непосредственно убеждаться в правильности предлагаемого старцем чтения. Такого приема перевода отеческих писаний на славянский язык до старца Паисия не существовало. Бывшие раньше переводы, не всегда делаемые с греческих подлинников, а нередко с болгарских, сербских, латинских или польских переводов, отличались во многих местах темнотою смысла, что и заставило старца Паисия поставить это дело более тщательно и вдумчиво.

Один из исследователей рукописей школы старца Паисия, г. Н. Попов, (в своей книге. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки, Выпуск 2-ой. Симоновское Собрание), характеризуя переводческую работу старца Паисия и пользуясь для этого текстом исправленной старцем книги преподобного Иоанна Лествичника, говорит: "Старец переводил с печатного греческого, но у него есть и добавления сравнительно с печатным текстом, взятые, судя по заметкам на поле, от рукописной книги. Иные приписки дают повод думать, что у переводчика под руками был не один греческий или славянский список, а целый ряд различных списков. На полях Лествицы много пометок, свидетельствующих о большом труде, который положен на сличение славянского текста с греческими рукописями и печатным изданием. При этом переводчик обнаруживает строгую разборчивость. Например, в одном месте он делает примечание: "В печатной находятся и такие слова (следуют выписки), взяты же эти слова из другой книги: поэтому я в переводе этих слов и не поместил, так как в других греческих и славянских текстах этих слов не находится". Есть примечания, поясняющие то или иное место на основании иных мест... До Паисия Величковского такого критического обращения с текстом мы не замечаем ни у одного из наших писателей".

Мы уже видели, что сам старец признавал необходимым вести свой перевод дословно, т. е. установив путем сравнительного изучения правильный текст книги, переводить с греческого языка на славянский слово за словом, ни в чем не меняя порядка греческого словорасположения. Конечно, при таком способе перевода, несогласованном с требованиями славянской и русской расстановки слов, не всегда бывает сразу ясна и очевидна мысль автора книги и возникает нужда в предварительной перестановке слов, чтобы доискаться до смысла той или другой фразы, чем, несомненно, затрудняется

чтение и понимание книги, но с другой стороны, этим устраняется произвол переводчика в конструировании фраз, могущий повлечь за собою и изменение смысла подлинника. Необходимо еще отметить, что старец, обладая большим духовным опытом, глубокою проницательностью и тонкостью понимания, просветленного и изощренного его молитвенным подвигом и чистотою жизни и сердца, глубоко проникал в смысл переводимой им книги, умел подбирать самые точные и подходящие слова для выражения мыслей подлинника, и это делает его переводы, несмотря на некоторую тяжеловесность в конструкции речи, в высшей степени точными и соответствующими духу переводимого автора, а потому особенно ценными. По точности, выразительности, силе и глубине изложения с его переводами не могут сравниться не только прежние переводы, но и позднейшие переводы наиболее ученых лиц, в чем легко убедиться при их даже поверхностном сравнении.

В Нямце старец поставил дело переписки и перевода отеческих книг самым широким образом. Он собрал вокруг себя многочисленную группу помощников и специально готовил их к книжному делу. Он обучал их греческому языку и для усовершенствования посылал их в Бухарестскую Академию. Одни из его помощников под его непосредственным наблюдением переводили отеческие книги, другие переписывали их. Занятия велись или по келиям, или в общем помещении, или, наконец, в покоях самого старца. Спрос на рукописи был очень большой не только со стороны самой братии Нямецкого монастыря, но и со стороны других обитателей, и со стороны отдельных лиц. Работы переписчикам было много. Рукописи сохранили имена некоторых сотрудников старца по книжному делу. Таковы его ближайшие помощники Иларион, Макарий, Онорий. Далее в рукописях упоминаются схимонах Афанасий, духовник Нафанаил, монах Павел и писец Михаил, монах Иоанникий, монах Сильван, писец Иакинф, монах Назарий, монах Митрофан, монах Кириак, диакон Тимофей, монах Гervasий, иеросхимонах Николай, монах Филимон, Филипп, монах Феофан, монах Антоний, писец Гурий, писец Климент, писец Леонтий, писец Хаджи Эммануил, иеромонах Игнатий, писец Софроний, писец Спиридон, писец Никодим, священник Софроний, писец Герасим, монах Садоф, писец Иерофей, Иероним, писец Савва, писец Сергей, священник

Досифей и писец Серапион, иеродиакон Корнилий, писец Платон и др.

Благодаря усердной работе этой группы подготовленных сотрудников появляется большое количество исправленных переводов отеческих книг и очень много списков с них. По свидетельству профессора А. И. Яцимирского из тысячи рукописей, хранящихся в библиотеке Нямецкого монастыря и написанных в разное время на языках молдавском, греческом, латинском, итальянском, немецком, еврейском, арабском, турецком, сирийском, болгарском, польском, французском и славянском, двести семьдесят шесть рукописей относятся ко времени старца Паисия, и более 40 из них написаны собственноручно старцем, причем рукописи Нямецкого монастыря составляют лишь часть всего того рукописного материала, который вышел из-под пера сотрудников старца и разошелся по монастырям и монашеским келиям православного Востока, особенно же в пределах России и среди отдельных светских лиц.

Профессор А. И. Яцимирский перечисляет рукописи, написанные собственноручно старцем. Рукописи эти следующие: 1) Преподобного Антония Великого — "Советования о нраве человеческого", 2) "Богословие" св. Иоанна Дамаскина, 3) св. Василий Великого — "Монашеские заветы", 4) Его же — "Поучения о постничестве", 5) Его же — "Слово против Евномия", 6) Выписки старца Паисия об исхождении Св. Духа — из творений Геннадия Схолария, Досифея, патриарха Иерусалимского, Марка Эфесского, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина, Евлогия, патриарха Александрийского, "Исповедания" Юстиниана, Ефрема, патриарха Антиохийского, 7) Выписки старца Паисия из творений Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, преподобного Филофея, патриарха Софрония, преподобного Евагрия, Германа, патриарха Константинопольского, преподобного Исаии Отшельника, св. Григория Паламы и преподобного Максима Исповедника, 8) Григория Синаита — "Слова", 9) св. Григория Паламы послание к Ксении — "О безмолвствующих", 10) Его же — "Слова указательные", 11) св. Диадокха, епископа Фотикийского — "Главизны деятельные", 12) св. Дионисия Ареопажита и других отцов "Слова об умной молитве", 13) Преподобного аввы Дорофея "Поучения", 14) "Житие Св. Григория Синаита" — сочинения Каллиста, патриарха Константинопольско-

го, 15) Изложение правил апостольских и отеческих по толкованиям диакона и законохранителя Алексия Аристина, 16) св. Исаака Сирина "Аскетические творения", 17) Иосифа Вриенния "Поучения с приложением послания Иоанна, Папы Римского к Фотию, архиепископу Константинопольскому", 18) Каллиста Катафигиота — "О божественном соединении и житии зрительном", 19) Каноны на двенадцатые праздники в двух столбцах: в левом — старый их перевод, в правом — новый, 20) "Лествица" преподобного Иоанна Синайского, 21) Преподобного Макария Египетского "Поучения", 22) Преподобного Марка Постника — "Слова нравственно-подвижнические", 23) св. Марка Эфесского "Слово об исхождении Св. Духа", против латинян, 24) Преподобного Никиты Стифата "Поучения", 25) Преподобного Петра Дамаскина "Творения", 26) Ответы православным о насилии католиков (об унии); автограф перевода старца Паисия с греческой книги, напечатанной в г. Халки в 1775 году, 27) "Рай" патриарха Константинопольского Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, 28) Сборник — выписки старца Паисия из Дионисия Ареопагита о крещении, из Максима Исповедника, из Правил апостольских, из "Синтагмы" Матфея Властаря, из правил Вселенских Соборов, из Иоанна Златоуста, из Феофилакта, архиепископа Болгарского о крещении, 29) Сборник — Дионисия Ареопагита "О причащении", Иоанна Златоуста и Феодора Студита о том же, Дионисия Ареопагита "Послание", Феодорита Кирского "О семидесяти седмицах", 30) Сборник — "Обличительные слова на ересь Варлаама и Акиндина", "Словеса, избранные Симеоном магистром и логофетом", Василия Кессарийского и Феодора Студита "Молитва умиленная", 31) Сборник — "Синодик в неделю православия", "О семи Вселенских Соборах", Германа Патриарха "Слово на Благовещение Пресвятыя Богородицы", Иоанна Дамаскина "Слово на Преображение, на погребение Спасителя, на Успение Богоматери, на Благовещение, на Рождество Богородицы", — Епифания Кипрского — "Похвала Пресвятой Богородице", 32) Сборник — Исихия, пресвитера Иерусалимского "Поучение о молитве", Антония Великого "О нраве человеческом", 33) "Свет сущим во тьме" — к обращающимся в православие латинянам, 34) Симеон Нового Богослова "Словеса", 35) его же — "Словеса" — белой экземпляр, 36) Симеона Нового Богослова — "Слово к отрекшимся", 37) Симеона Солунского

"Слово о священстве", 38) "Страдания Св. Мученика Анастасия Нового, пострадавшего во граде Гельвине", 39) "Тактикон" Никона Чернигорца, 40) Преподобного Филофея Синайского — "Главизны трезвительные", 41) Преподобного Фалассия Ливийского "Сотницы" с приложением преподобного Филимона Отшельника "О безмолвии", 42) Феодорита Блаженного — "Толкование на книгу "Песнь Песней", 43) Феодора Эдесского "Поучения", 44) Феодора Студита "Оглашения" *.

Перечисляет проф. Яцимирский также и рукописи, писанные учениками старца по его выбору и назначению. Но нет возможности переименовать их все. Писания некоторых отцов Церкви встречаются в этих рукописях в особенно большом числе списков. Таковы, напр., писания Феодора Эдесского, Филофея Синайского, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Иоанна Лествичника, Исихия Иерусалимского, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Григория Паламы, Василия Великого и др. Очевидно, на эти рукописи было особенно большое требование.

Значительную часть рукописей составляют сборники, выписки из отеческих книг или по догматическим вопросам, или по вопросам литургическим, нравственно-аскетическим и каноническим. Сам старец Паисий любил составлять подобные сборники и располагал к составлению их и своих учеников. По мнению старца, недостаточно было ограничиваться только чтением отеческих книг, ибо при этом внимание и мысль читающего не всегда достаточно следят за содержанием книги. Чтобы больше связать мысль и внимание с содержанием читаемой книги, необходимо слово за словом следить за текстом ее, а это лучше всего достигается списыванием. Самая медленность этой работы дает возможность полнее и отчетливее проникать в смысл списываемого. Содержание книги при этом больше сродняется с душой читателя и глубже в ней напечатлевается. Списывать всю книгу целиком не всегда бывает возможным, да и не всегда это и нужно. Иногда достаточно сделать выписки наиболее важных и интересных мест, чтобы потом всегда иметь их у себя под рукою, иметь возможность снова их перечитать или воспользоваться ими

* В бытность нашу в Нямце, нам удалось видеть некоторые из этих рукописей великого старца, написанных с большою отчетливостью и изяществом — *Прим С Ч*

для литературной работы, для письма, для сообщения кому-нибудь другому Читая различных отцов Церкви, писавших об одних и тех же предметах, можно выписками из них достигнуть наиболее ясного и всестороннего освещения данного предмета. Получается, таким образом, богословско-подвижническая энциклопедия, объяснительный словарь ко всем понятиям, входящим в круг религиозно-нравственной жизни и мировоззрения христианина.

Составитель настоящей книги имел в своих руках несколько таких сборников святоотеческих изречений и рассуждений, вышедших из школы старца Паисия. Один сборник написан рукою настоятеля Козельской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея во время его пустынножительства в Рославльских лесах Смоленской губернии. Этот сборник носит название "О подвигах иноческих", составлен в промежуток времени от 1812 по 1822 год и включает в себе ценные выписки из отеческих книг о внутренней духовной жизни, подобранные в последовательном систематическом порядке. Сборник этот в печати не появлялся и хранился до революции в библиотеке Оптиной Пустыни. Другой сборник писан учеником старца Паисия, схимонахом Афанасием (из сенатских секретарей), тем самым, который доставил Петербургскому митрополиту Гавриилу Паисиев перевод Добротолюбия, а впоследствии жил в Свенском монастыре Орловской епархии, где и скончался в 1811 году. Свой сборник схимонах Афанасий перед своей смертью в 1810 году передал на благословение другому схимонаху Афанасию, бывшему ротмистру гусарского полка, по фамилии Захарову, также ученику старца Паисия, проживавшему потом в Площанской Пустыни Орловской епархии и там скончавшемуся в 1825 году. В Афанасиевом сборнике помещены выписки из творений святых отцов по различным вопросам нравственно-религиозной жизни, например о посте, о молитве, о гордости и т. д. По каждому вопросу приводятся многочисленные выдержки из отцов Церкви и таким образом дается им всестороннее освещение. Такой же характер имеют и все другие сборники.

Письменные труды старца Паисия в Нямце и в других местах не ограничивались только переводами и списыванием отеческих книг. Он вел обширную переписку со многими лицами по различным вопросам духовной и церковной жизни. С этой перепиской мы познакомимся в следующей главе

Глава 4

СТАРЕЦ ПАИСИЙ В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ И ЖИЗНИ

Возраставшая слава старца Паисия как учителя духовной жизни располагала многих обращаться к нему с письменными запросами. На эти запросы старец отвечал письмами иногда столь обширными, что они по размерам и по способу изложения принимали вид больших сочинений, и в этих своих письмах излагал свои мысли и давал советы по разным вопросам монашеской и общецерковной жизни. Такие письма старца по вопросам монашеской жизни имеются от всех периодов его жизни на Афоне и в Молдавии. И некоторые из них, в которых говорится о книжных занятиях старца и излагаются его мысли о монашестве, мы уже приводили в извлечениях в различных местах нашей книги. Теперь мы приведем выдержки из других его писем, еще не появлявшихся в печати.

В бытность старца в Драгомирне к нему обратился настоятель одного скита Рубайя, иеромонах Софроний, с просьбою прислать священников для устройства общежития. Старец писал ему: "На вашу просьбу прислать священника для устройства общежития не знаем, что и ответить: мы еще сами в начале дела и нам самим во многом требуется наставление. Мы можем только сказать вам, как по силе Священного Писания и по уставу святых отцов можно было бы вам устроить общежитие. Во-первых, требуется, чтобы начальник был умудрен в Священном Писании, был справедлив, умел на-

учить и своих учеников иметь ко всем истинную нелицемерную любовь, чтобы он был кроток, смирен, терпелив, свободен от гнева и от всех других страстей — сребролюбия, тщеславия, лакомства и т. д. Ученики, со своей стороны, должны быть в руках начальника, как инструмент в руках мастера или как глина в руке горшечника, не делать ничего без его благословения, не иметь своей собственности, но все — и книги, и постель, и прочее — иметь по благословению своего отца, чтобы они не верили своему уму и кратко сказать, — чтобы они были, как мертвецы до своей смерти, не имея ни своей воли, на рассуждения. Таков должен быть устав верных послушников. И где бы ни находился ваш скит, он не должен быть подчинен какой-нибудь другой обители, но должен управляться самостоятельно и чтобы братия его спасалась своим начальником, как этот последний спасается Господом. И этот порядок должен быть утвержден с благословения обеих сторон — и государства и местного архиерея. В ваш скит не должно быть входа женскому полу. Таким только образом с большим трудом вы можете осуществить спасительную для вас и угодную Господу жизнь. А если кто-нибудь из вас хочет перейти на жительство к нам, то Господу ведомо, сможет ли он иметь такую ревность, чтобы до конца терпеть нужду и бедность нашей жизни в вещах, в пище, в келиях и во всем другом. Вот и все, что мы можем сказать вам от нашего неумения. А Бог наш и Господь Иисус Христос пусть будет для вас Светом и Разумом для святого спасения и жизни вечной".

Как известно, старец посылал из Секуда своих учеников в Бухарест для обучения их греческому языку. Двум из таких учеников, Дорофею и Геронтию, старец, посылая немного денег, пишет предостерегающее письмо по поводу того, что их, с разрешения владык, уговаривают есть мясо. Старец пишет им: "Мне кажется, что по правильному смыслу и установлению Святой Православной Церкви даже и ангелу не следует подчиняться в этом деле". Он обращает их внимание на сочинение об ядении мяса монахами старца Василия, который написал его не без благодати Божественного Духа. "После потопа Господь по слабости человеческой допустил ядение мяса, но порядок монашеской жизни соответствует жизни в раю, где не было ядения мяса. И хотя в начале монашеской жизни бывали по местам отступления от этого поряд-

ка, особенно в больших городах, но святой Савва Освященный утвердил неядение мяса. И таков стал общий порядок во всех странах. Поэтому нельзя ссылаться на то, что неядение мяса есть только местный обычай. И это не может быть предоставлено произволу каждого. И несправедливо, что воздержание от мяса вредит здоровью. И не следует стесняться тех, кто употребляет мясо, но надо угождать Богу более, нежели людям, и те, которые вас соблазняют, видя вашу твердость, сами будут хвалить вас". Старец напоминает своим ученикам, что и братия обители, и пустыnnики пришли бы в соблазн и огорчение, если бы узнали, что они стали есть мясо.

В письме в Россию к монахине Марии Петровне Протасьевой, настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины, старец разъясняет важность послушания как основания монашеской жизни. М. П. Протасьева, происходя из богатой семьи, с ранней молодости имела влечение к монашеской жизни. Отец, долго сопротивлявшийся осуществлению ее желания, уступил, наконец, ее просьбам и поместил ее в Костромской девичий монастырь. Она была духовной дочерью известного старца Феодора Ушакова и по его благословению была избрана сестрами начальницей женской Алексеевской общины в Арзамасе. По смерти старца Феодора Мария Петровна обратилась за руководством к старцу Паисию. Письмо к ней старца начинается указанием на слова Христа Спасителя: "Огня приидох воврещи на землю, и что хочу, аще уже возгореся" (Лк 12, 49). Этот божественный огонь восприняли в свои сердца святые апостолы и, возгоревшись к Господу пламенной любовью, оставили мир и все, что в мире, и последовали со Христом. Они предали себя Ему и душой и телом, отвергли и свою волю и свое рассуждение, так что с великою радостью могли говорить: "Се мы оставихом вся и вслед Тебе идехом" (Мф. 19, 27). Это святое послушание Господу они сохранили в своих сердцах до конца жизни, запечатлели его перенесением бесчисленных искушений и многообразных смертей и изливанием своей крови до последней капли. Тот же самый божественный огонь любви и послушания восприняли святые мученики, претерпевшие за Христа с радостью многообразные мучения и самую лютую смерть. Этот же божественный огонь восприняли в себя все преподобные и богоносные отцы наши, бежавшие от мира и от всего, что в мире, пребывавшие в общежитиях в совершенном послушании и

отсечении своей воли, подвизавшиеся в пустынях, в горах и пещерах, ходившие тесным и узким путем, сораспинавшиеся Христу, проводившие жизнь в алчбе и в жажде, и во всяком злострадании, в непрестанной молитве и слезах, и сохранявшие во всем чисто и непорочно Евангельские заповеди. Этот же огонь божественной благодати восприняли все святые истинные рабы Христовы, всякого чина и звания люди, тщательно соблюдавшие душеспасительные заповеди Евангельские, без исполнения которых при одной вере православной спастись невозможно".

Указав затем, что этим же божественным огнем с юных лет была одушевлена и та, к которой он пишет свое письмо, что ради любви Христовой она претерпела многие скорби и притеснения, пересказав некоторые обстоятельства ее жизни и исполняя просьбу ее дать ей полезное наставление в ее трудных обстоятельствах, старец говорит затем о значении послушания.

"Так как ты самым делом и опытом узнала плоды благословенного послушания и плоды проклятого непослушания, то мне следует сказать тебе несколько слов и о святом послушании. Божественное послушание столь необходимо для истинного богоугождения, что без него никак невозможно служить Богу. Вот почему святое послушание и было насаждено Богом в трех местах. на небе, в раю и на земле. На небе, в небесных силах, в раю — в первозданных людях, на земле — в святых учениках и апостолах Господних. И в трех же этих местах явились и плоды преблагословенного послушания и проклятого непослушания. На небесах силы небесные, соблюдающие послушание Богу, сподобились, просвещаемые Духом Святым, пребывать в Нем вечно и неизменно; диавол же, хотя и принадлежал к ангельскому лику, отпавший от послушания своим собственным произволением, возгордившись, был низвергнут с неба вместе с другими отступившими от Бога небесными силами, послушавшими нечестивого диавольского совета и, лишившись божественного света, добровольно стал тьмою, сделался врагом Богу, врагом спасения православных христиан. В раю, пока первозданные люди пребывали в истинном послушании Богу, они наслаждались лицезрением Божиим и разнообразными дарованиями Святого Духа. Когда же своею собственной волею послушались совета диавола, отпали от послушания, возгордились, поже-

лав быть равными Богу, тогда осужденные на смерть Богом, были изгнаны из рая и стали виновниками смерти всего человеческого рода. И если бы не Сын Божий Своим послушанием Богу и Отцу положил конец непослушанию Адамову, то роду человеческому не оставалось бы решительно никакой надежды на спасение от смерти и вечной гибели. Таковы плоды послушания и непослушания в первозданных людях. Наконец, на земле Христос Сын Божий, сошедший с небес не для того, чтобы творить Свою волю, но волю пославшего Его Отца, которому Он и был послушен даже до смерти крестной, насадил Свое божественное послушание во святых Своих учениках и апостолах. Те из них, которые пребыли в этом послушании даже до смерти, привели своею проповедью всю вселенную к познанию Бога и ныне царствуют на небесах вместе со своим Господом и Учителем Христом. Отпавший же от послушания и вместо Господа послушавший диавола, Иуда впал в отчаяние, удавился и погиб навеки и душою и телом. Так и на земле явились плоды и послушания и преслушания.

На этом божественном послушании, насажденном на земле Самим Господом Иисусом Христом, основывается весь монашеский чин, будет ли то общежительное монашество или живущие по два и по три вместе, или пребывающие в пустынях — все они большею частью начинали свою монашескую жизнь от послушания и тем избегали, при помощи Божией, прелести бесовской. Кто же самочинно начинал свое монашеское жительство, тех постигали разнообразные бесовские искушения, от каковых да избавит нас Господь Своею благодатью".

В заключение письма старец убеждает М. П. Протасьеву подавать своею жизнью пример сестрам, над которыми она поставлена начальницей. "Наставляй их, — пишет старец, — на путь спасения, показывая им пример всякого доброго дела при помощи Божией прилежным исполнением заповедей Евангельских, любовью к Богу и ближнему, кротостию и смирением, глубочайшим всегда ко всем миром Христовым, материнским милосердием, терпением и долготерпением, слезным молением, утешением и побуждением на всякое доброе дело, с любовью Божией нося их тяготы все и немощи, горя к ним любовью Божией, как к сестрам и ученицам Христовым, прилежно наставляя их на истинное во всем к Богу

послушание, на отсечение, лучше же сказать, на умерщвление своей противящейся воли, на оставление своего разума и рассуждения. Себя же в тайне сердца твоего и души твоей всегда считай перед Богом прахом и пеплом, грешнейшею из всех людей. Понуждай также себя быть примером для сестер твоих и соблюдением заповедей святых отец и телесными трудами по силе твоей, насколько сможешь, предстоянием на правиле церковном, поклонами великими и малыми, также и келейное правило, установленное святыми отцами, совершай со страхом Божиим, молитвами и псалмопением и чтением. Прилежно, с великим вниманием и размышлением, прочитай в отеческих книгах о молитве, умом в сердце совершаемой, которая есть самый истинный, наиболее приятный Богу, монашеский подвиг, и если при помощи Божией уразумеешь изучением святых отец правильное понятие о ней, то понудь себя и на исполнение ее, призывая Бога на помощь, и ты получить от нее великую пользу для души твоей. Понудь себя никого не осуждать, ибо один есть праведный Судия Христос Господь, который каждому воздаст по делам его, осуждай только себя и не будешь осуждена на Его втором и страшном пришествии. Всякому, согрешающему перед тобою, от всего сердца отпущай согрешения, да и Отец Небесный отпустит тебе согрешения твои". Этими наставлениями заканчивается письмо старца к М. П. Протасьевой.

Летом 1793 года к настоятелю Поляноворонской обители в Молдавии, иеросхимонаху Агафону, за подписью 13 монахов и всей братии обители поступила жалоба на иеромонаха обители Феопемпта, хулящего отеческие книги, учащие об умной Иисусовой молитве и называющего читающих эти книги еретиками и фармазонами, между тем как эти книги, по словам жалобщиков, получены ими из обители старца Паисия. Жалобщики требовали, чтобы Феопемпт в соборе братии доказал, что они еретики. Все монахи собрались в церковь и позвали Феопемпта, но он не пришел. Тогда отправились к нему в келию и спрашивали, за что он называет их еретиками. Феопемпт отвечал: "Все книги, которые вы читаете, есть химеры, и вы все — прельщенные". Святую Иисусову молитву он называл ересью и говорил, что эта ересь вышла из Мошенских гор, а потом дошла и до старца Паисия, и уже тому будет назад около 30-ти лет. После того пришел в Поляноворонокую обитель Нямецкий духовник Иакинф и увещевал по

просьбе братьев Феопемпта, но тот и ему отвечал то же самое, что и братьям. Тогда решили подать жалобу Нямецкому архимандриту старцу Паисию с изложением всех обстоятельств дела. Жалоба была получена старцем 19 июня 1793 года. 30 лет тому назад старец Паисий, находясь еще в Драгомирне, действительно написал сочинение об Иисусовой молитве, но не в похвалу ереси, появившейся тогда среди монахов в Мошенских горах, а в ее опровержение. Он доказывал святость и правильность Иисусовой молитвы со ссылками на многочисленные свидетельства отцов Церкви. И теперь он снова выступил письменно на защиту умной молитвы. Прежние свои доказательства он дополняет новыми, заимствуя их из отеческих книг. Приведем заключительные слова письма старца Паисия: "Молю и прошу вас от всей души, имейте несомненную веру к отеческим книгам и к учению, заключающемуся в них, ибо оно во всем согласно с Божественным Писанием и с разумом всех вселенских учителей и всей святой Церкви, так как один и тот же Святой Дух действовал в них. Учение, находящееся в отеческих книгах, есть истинное наставление монахам, желающим спастись, и вы, придерживаясь его, бегайте и удаляйтесь от хулений появившегося у вас хулителя святых книг богоносных отцов наших. Ибо ни он, ни другие подобные ему не могут представить ни одного святого свидетеля своему зломудрию и своим хулам, но все свое основание полагают лишь на песке своего собственного развращенного и богопротивного разума, подушаемые отцом лжи диаволом. Вы же, верные и истинные сыны православной Церкви, утверждаетесь на недвижимом камне веры; ибо вы имеете об истинном делании заповедей Божиих и об этой священной молитве великое множество свидетелей преподобных и богоносных отцов наших, список которых вам при этом я представляю. Последуйте их святому учению, понуждайтесь душою и телом на всякое дело благое и угодное Богу по силе вашей при содействии благодати Божией. С хульником же этим, если не захочет покаяться, прошу и молю, не имейте никакого общения. Если возможно, с любовью удалите его от себя, дабы ваше жительство было тихо и мирно, без всякого смущения, во славу Божию и во спасение душ ваших, которого вам усерднейше желаю".

Когда братия Поляномерульского монастыря избрали своим старцем иеросхимонаха Алексея, того самого, который

приходил в Драгомирну постригать в схиму старца Паисия, то некоторые из братий, зная кроткий и смиренный нрав Алексия, сомневались, может ли он быть добрым начальником, и писали об этом старцу Паисию. Старец ответил им следующим письмом: "Не смущайтесь его незлобием и смирением. В этом корень и основание настоятельской должности. Да будет — пишут святые отцы — настоятель братиям смирен, кроток, незлобив, тих, способный понести сам всякие укоризны, если бы то случилось по навету диавола, чтобы и братиям суметь подать пример терпения и целомудренного жития. Не смущайтесь и тем, будто бы он, по-видимому, не знаком с хозяйственным делом: силен Бог направить это дело и через других братий. Самое нужное для вашего спасения — это уметь хорошо устраивать по заповедям Божиим и по учению святых отец души братий. Не смущайтесь тем, что он слаб телом, когда он здоров духом, здоров в духовных рассуждениях. Поэтому, пречестные отцы и братия о Господе возлюбленные, со слезами молю вас, припадая к ногам вашим, не презирайте моего совета, но примите Богом дарованного вам пастыря и наставника, всечестного отца Алексия. Зная слабость здоровья его, не требуйте от него телесных трудов выше сил его, но всячески берегите его, чтобы не истощились прежде времени его силы и не потерпела ущерба польза братий: довольно с него, чтобы он больше сидел в келии, оберегая свое здоровье, читал душеполезные книги и был бы готов в нужное время дать братиям здравый и душеполезный совет. Так же и во внешних хозяйственных делах не пренебрегайте им, будто бы неопытным, но во всяком начинании, при всяком деле всегда принимайте от него благословение и совет со всяким смирением, хотя бы и казалось какому-нибудь брату в том или другом деле, что не нужно спрашивать отца, ибо он и сам знает хорошо, как надо поступить. Это — от лукавого. От Бога же и от святых отец такой порядок — во всяком деле, если бы даже и очень опытен был какой-нибудь брат, прежде всего надо спросить настоятеля и, не принуждая его к своему мнению, ожидать, как он сам рассудит и решит; ибо брату следует совершенно смирять свой помысл и, как бы совершенно ничего не знающему, приступить к отцу и спросить его, имеется ли на то или иное дело его изволение и благословение, и, как он скажет, так и поступить. И тогда Бог, видя смирение брата и его истинное послушание (ибо без смирения нет

и послушания), вразумит Духом Своим Святым сердце настоятеля дать просящему полезный ответ и поможет послушнику в начатом деле Своею невидимою благодатию. Если же настоятель, непонуждаемый, сам скажет: "Делай как знаешь", тогда со страхом Божиим, положившись на молитвы своего отца, начинай, как Бог вразумит. Исполнив послушание или возвратившись из путешествия, снова приходи к отцу и, рассказав подробно все сделанное, припади к ногам его, прося прощения, если в чем не так поступил: ибо одним ангелам свойственно ни в чем не погрешать. Так друг перед другом смиряйтесь, друг друга почитайте, имейте любовь Божию между собою, и да будет у вас одна душа и одно сердце благодатию Христовою".

Один священник, друг детства старца и его товарищ по Киевской Академии, состоявший с ним в постоянной переписке, написал ему о своем желании принять монашество. Старец ответил ему следующее: "В этом деле, любимиче мой, великое заключается неудобство. Ибо, по Иоанну Лествичнику, женатый подобен человеку, имеющему связанными и руки и ноги, он бы и хотел идти в монашество, но не может. Другое — на тебе лежат обязанности и по отношению к пастве разумных овец Христовых, и оставить эту паству просто и как придется не безопасно. Третье — приобретенные во время долголетней мирской жизни привычки, естественную укоренившуюся любовь к детям и жене, пристрастие к миру и к мирскому — также не очень легко преодолеть. Находясь в таких обстоятельствах, каким образом мог бы ты освободиться от всех этих неудоборазрешимых уз? Во-первых, возлюбленный, тебе необходимо иметь об этом деле духовный совет с твоею Богом данною помощницею и разрешить это дело не без ее согласия. Второе — детей своих необходимо устроить законно и по Богу. Третье — и это самое главное — испросить на это святое дело благословение архипастыря, внушит ли ему это Дух Святой, а также и избрать опытного пастве твоей преемника по тебе? Если ты так устроишь свое дело, то оно будет по Богу крепко и непоколебимо, от Бога и от людей похвально. Впрочем, если бы даже все указанные препятствия благодатию Божией были бы благополучно устранены, то и тогда тебе следует с большою рассудительностью подсчитать свое духовное имение, чтобы не оказаться подобным тому Евангельскому строителю, который, не рас-

считав своих средств, начал строить башню и не мог окончить ее, и чтобы чаша эта со слезами и горький хлеб монашества не послужили бы тебе за нерассудительность к осуждению в день Суда. Ибо, по словам Лествичника, никто не войдет в небесный чертог с победным венцом, если не совершит первого, второго и третьего отречения: первое отречение от мира и всего, что в мире, второе отречение от воли и рассуждения, третье отречение от тщеславия, сопровождающего послушание. Первое из них — самое нетрудное, но только для любящих Бога. Второе до смерти требует подвига и кровавого труда. Третье достигается постоянным самоукорением. Для всех же трех необходима невидимая помощь Божия, без которой ни одно из них неосуществимо. Итак, если ты надеешься при помощи Божией благодати, преодолевши все указанные в начале затруднения, действительно отречься от мира и всего, что в мире, отречься также и от своей воли и рассуждения и отдать себя в совершенное по Богу и Божиим заповедям послушание даже до смерти, отказаться от всего своего имущества до самой малейшей вещи, считать себя наименьшим и последним из всех, великодушно терпеть мысленную брань, постоянно наносимую рабам Божиим невидимым врагом душ наших, а кроме того и голод, и жажду, и недостаток во всем, и поругание, и бесчестие, и всякое утеснение, и скорбь, которыми начертывается монашеская жизнь. Если все это готов со сладостию терпеть до смерти ради любви Божией, радуйся и веселись, и прославляй Бога и несомненно веруй, что Бог Своими дивными судьбами приведет в исполнение твое богоугодное намерение, и ты сподобишься, хотя и в одиннадцатый час жизни твоей, поработать Богу в ангельском образе. Однако не сомневайся, ты получишь от всещедрой десницы Божией на небесах равную награду с теми, кто от самой юности и до старости работал Богу в иночестве"

Теперь мы перейдем к тем письмам старца, в которых он высказывается по вопросам общецерковным. В этих письмах мы видим старца выступающим на защиту чистоты и правды православия с такою же ясностью, силою и твердостью, с какими в предыдущих письмах он устанавливает основы и порядок монашеской жизни. В некоторых случаях его слово кажется нам даже слишком суровым, но это потому, что мы сами в наше время стали слишком слабы.

Один священник по имени Иоанн, по-видимому униат, усумнился в истине своего исповедания и обратился к старцу с просьбою разрешить ему его недоумение. Старец пишет ему, что "Сам Дух Святой, от Единого Отца исходящий и на Сыне почивающий, внушил ему Своею благодатию обратиться со своим вопросом к смиренному и грешному, но православному сыну восточной Церкви", и выражает готовность раскрыть ему в кратких словах его недоумение. "Первым и важнейшим заблуждением униатов является принятое ими от римлян учение, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына. Это есть первая и важнейшая из всех ересей, ибо она заключает в себе неправильное и противное Священному Писанию мудрование о Боге, Едином во Святой Троице. Кто исповедует, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына, тот мудрствует в Боге два начала: одно Отца, другое Сына. Мы же, православные, исповедуем в Божестве единое начало Отца, как и сам Господь наш Иисус Христос научил нас во святом Евангелии, говоря, что Дух Святой исходит от единого Отца. Он говорит. "Егда же приидет Утешитель, Его же Аз пошлю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит" (Иоанна 15-26). И апостол говорит: "Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов" (Иакова 1-17). Видишь ли? Он говорит — Отца светов, т. е. Отец есть корень и источник Божества; два же света, Сын и Дух от единого света, Отца, имеют свое предвечное бытие, Сын в рождении и Дух Святой в исхождении.

Божественный же пророк Давид говорит: "Словом Господним небеса утвердишася и Духом уст Его вся сила их". Видишь ли, Господом называет Отца, Словом же Его называет Сына, как предвечно от Него родившегося; Духом же уст Его (а не их) называет Святого Духа, как исходящего от единого Отца. Много и других можно отыскать свидетельств Ветхого и Нового Завета, яснее солнца показывающих, что Дух Святой исходит от единого Отца и на Сыне почивает, как это обнаруживается и в крещении Господнем.

И все святые толкователи Священного Писания вселенские учителя Церкви как бы едиными устами говорят, что Дух Святой исходит от Отца, и нигде не написали, что и от Сына. Итак, если униаты являются единомысленными с римлянами в столь тяжкой ереси, то какая есть у них надежда спасения, если они не отвергнут явно эту духовоборную ересь и не сое-

динятся снова со святою православною восточною Церковью?"

Далее старец убеждает священника поспешно бежать от унии, как Лот бежал из Содома. "Не пожалей, — пишет он, — ни имущества, ни родственников, если они не захотят послушать тебя, но всячески спасай собственную твою душу от гибели. Ибо для тебя нет ничего нужнее души, за которую умер Христос. Убегая же, не озирайся вспять сердцем ради скоро погибающего имени, лучше тебе в нищете пребывать, нежели похулить Святого Духа, как хулят Его римляне. Уйди и беги от унии как можно скорее, да не застигнет тебя в ней смерть, и да не будешь причислен к еретикам, а не к христианам. И не только сам уходи, но советуй уходить и другим, о которых по совести знаешь, что они послушают тебя. Если же не послушают, то хотя сам уходи от сети вражией и соединишь душою и сердцем со святою православною Церковью, и таким образом, содержа вместе со всеми непорочную веру и исполняя заповеди Христовы, сможешь спастись"

В 1794 году старец получил из России ряд вопросов от группы лиц, которых он сам называет истинными рабами Божиими, делателями Евангельских заповедей и великими ревнителями благочестия. Это были: села Васильевского церковный причетник Александр Матвеев, Иоанн Петров, Матвей Яковлев, Андрей Иоаннович, вдова Евдокия, Иван Сергеевич из села Палехи, Афанасий Никитич и др.* Как видно из вопросов, все эти люди чрезвычайно озабочены делом спасения, живут среди раскольников, а некоторые, может быть, и сами состоят в раскольниках, волнуются многими недоумениями, горячо желают и надеются получить от старца слово вразумления, полезное не только для них, но и для окружающих их людей.

Все ответы старца направлены, главным образом, к предостережению от раскольнических заблуждений. По их обширности мы не можем привести их полностью и остановимся лишь на тех, которые могут иметь наибольшее отношение к нашему времени.

Своим ответам старец предпосылает следующее вступление: "Ваше второе писание я получил с особенною радостью

* Из письма старца Софрония, ученика и преемника старца Паисия, к М П Протасьевой, видно, что Афанасий Никитич был иконописец из села Палех, и оказывал содействие Нямцу в печатании книг

через возлюбленного нашего брата, монаха Феофилакта, и прославил Бога за вашу ревность, какую вы имеете о непорочном хранении православной веры и апостольских преданий и правил, содержимых святою Церковью. Эта ревность ваша есть Божия и разумная. Побуждаемые ею, вы проявляете такую любовь ко мне и веру, что несмотря на мою необразованность, обратились ко мне с вопросами, далеко превосходящими мою силу и разум, и более подлежащими соборному рассмотрению Церкви, нежели моему невежественному разъяснению. Между тем, вы написали мне свои вопросы с таким заявлением, что мои ответы и решения примете без всякого сомнения с полным доверием. Очень похваляю вас за ваше усердие, но сами рассудите, как я смогу дать ответы и решения на ваши вопросы, хотя бы я и всем сердцем этого желал, будучи, во-первых, как я уже сказал, человеком простым и невежественным, а во-вторых, не имея у себя и книг, необходимых для этого дела. И я не знаю, что мне делать: оставить ли ваши вопросы без ответа, или же как-нибудь ответить вам по моему слабому разумению? Пробыв немалое время в таком недоумении, я решил уступить вашей любви ко мне и вере, и ревности вашей, и усердию. Более же всего меня тронуло то, что вы просите и молитесь за меня об ответе Святою и Живоначальною Троицей. Принимая все это во внимание, я был побежден вашею любовью, и молю всемогущего Христа Бога, да поможет Он мне Своею благодатию дело это и начать, и выполнить по истинному и непогрешимому разуму святой соборной Церкви".

"Итак, первый ваш вопрос заключается в следующем: можно ли истинному христианину иметь у себя и читать книги, запрещенные Церковью и снова святотатственно тайно печатаемые раскольниками и распространяемые ими в народе, или этого не должно делать? Отвечаю: Божественная Церковь заповедует еретических книг не читать и с еретиками не беседовать. В книге православного исповедания на вопрос, какая есть пятая заповедь церковная, имеется следующий ответ: необученным в Священном Писании и в других необходимых науках книг еретических не читать и не слушать вредоносного учения еретиков, даже и не разговаривать, и не обращаться с ними по слову псалмопевца пророка: "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста" (Пс. 1, 1). В другом месте Священное Писание говорит:

"Еретика человека по первом и втором наказании отрицайся" (Тит 3-10). Смотрите внимательно и замечайте, что божественная Церковь не всем заповедует не читать еретических книг и не беседовать с еретиками, но только необученным в Священном Писании и в науках, ибо последние очень легко могут, читая еретические книги и знакомясь с их учением или неосторожно вступая в разговоры с еретиками, поддаться их богопротивному и извращенному мудрованию, еретическое учение в глазах невежественных людей часто представляется истинным, будучи в действительности безусловно ложным. Подобно тому, как сатана, будучи тьмою, преобразуется в светлого ангела, так и еретические учения, будучи тьмою и совершенно непричастные свету истины Божией, в глазах людей, необученных в Священном Писании и в науках, часто кажутся имеющими некоторое подобие истины. Вот почему Церковь необученным в Священном Писании и в науках дает заповедь книг еретических не читать и с еретиками не беседовать, чтобы по своей неопытности они не потерпели вреда от их учения. Обученные же в Священном Писании и в науках свободны от этой заповеди. Таковы Святые Отцы, пастыри и учителя Святой Церкви. Они не только в Священном Писании благодатию Божией в совершенстве были наставлены, но и все науки внешнего учения в полноте изучили и несравненно превзошли во всякой внешней премудрости не только своих учителей, но и всех древних философов. Эти богоносные отцы наши, видя, как различные еретики, гордясь своей внешней премудростью и обращая Божественное Писание в орудие своей философии, толкуя его философскими доказательствами в ложном и извращенном смысле, воздвигали своим учением постоянную брань на Христову Церковь, по необходимости читали их превратное еретическое учение и, подчиняя во всем свою философию Божественному Писанию, яснее солнца усматривали заблуждения еретиков и двойным непобедимым оружием, т. е. богословием и философскими доказательствами, как паутинную сеть, разрывали все их еретические хитро-сплетения и словом истины защищали Церковь Божию от всех еретических нападений. Ибо и философия, если ею пользоваться правильно, как учит святая и апостольская Церковь, в такой степени соответствует истине Божией, что не может быть преодолена никакими еретическими словесными хитро-сплетениями, если же ею пользоваться вопреки истинному

смыслу Священного Писания и святой Церкви, как это делают еретики, то она становится противной истине Божией и как держащаяся лжи без труда побеждается истинными доказательствами. Поэтому приступающему к чтению раскольниковых книг необходимо не быть лишенному ни разума богословского, ни внешнего учения. Не получившему же соответственных познаний полезнее повиноваться Богу и церковной заповеди, гласящей: еретических книг не читай и с еретиками не вступай в собеседование"

"Далее вы спрашиваете. если кто имеет некоторые сомнения относительно преданий соборной Церкви и не слушает ее повелений, напр., крестится двумя перстами, а также и в каких-либо других церковных постановлениях сомневается и не хочет покориться — имеют ли таковые надежду спасения, хотя и делали добрые дела, или нет? И можно ли священнику разрешать таковых на исповеди и допускать к причастию Святых Таин, или это безусловно противно истине? Удостоверьте, Бога ради, нас, убогих и окаянных.

Ответ. на этот ваш вопрос считаю уместным рассказать вам случай, бывший на моей памяти. В 1746 году прийдя в одну обитель, где живут монахи русского племени, я нашел там четырех раскольниковых монахов, проживавших в пустыне недалеко от этой обители. Некоторый иеромонах Осия убеждал их, чтобы они оставили раскол и все свои обычаи, не согласные с церковными, и вошли в общение с Церковью и покорились ей во всем, и через это получили бы несомненную надежду на спасение. Они выражали готовность принять все предания и обычаи церковные, лишь бы только им было дозволено креститься двумя перстами, на троеперстное же православное сложение они ни в каком случае не хотели согласиться. Иеромонах Осия уверил их и пообещал, что он испросит им на это от церковных властей позволение и благословение, лишь бы только они во всех остальных церковных преданиях и обычаях были послушны Святой Церкви. Вполне пожившись на его обещание, раскольниковые монахи оставили свое пустынное жилище, перешли в названную обитель, стали строить себе келии, оделись в монашеское платье по обычаю православной Церкви и часто просили Осию поскорее исполнить данное им обещание, но он все откладывал. Наконец, в пост святых Апостолов, по их усерднейшей просьбе, пошел вместе с ними в столичный молдавский город Яссы,

где в то время находились свят. патриарх Антиохийский Сильвестр, муж святой и исполненный премудрости Святого Духа, и молдавский митрополит Никифор, грек, муж премудрый. Иеромонах Осия, представив им раскольничьих монахов, рассказал им подробно, как он уговаривал их войти в общение с Церковью и как они готовы принять и исполнять все церковные предания и обычаи, и только в одном они просят и молят со слезами снисхождения, чтобы им было дозволено при осенении себя честным крестом употреблять двухперстное знамение; тогда они с глубочайшим душевным миром примут церковное общение. Отказаться же от своего двухперстного сложения и принять троеперстное церковное сложение — они ни в каком случае не согласны. Выслушав со вниманием этот рассказ, святейший патриарх и преосвященный митрополит сказали. "Если вы от всей души вашей хотите присоединиться к соборной Церкви, то вам следует без всякого сомнения и со всею искренностью принять все апостольские предания и все обычаи церкви, без какого то ни было исключения; тогда и Церковь приняла бы вас в свое общение, как любимых чад с великою радостью. А так как вы не на все апостольские предания и церковные обычаи соглашаетесь, но крепко и непоколебимо стоите на своем самоизмышленном двоеперстном сложении и не хотите в этом деле покориться Божией Церкви и просите, и молитесь, чтобы Церковь приняла вас в общение с вашим двоеперстным сложением, то может ли Церковь исполнить ваше желание? Возможно ли, чтобы в одной и той же Соборной Церкви было два обычая, друг с другом несогласных и друг другу противных, чтобы одни и те же христиане не одним и тем же способом полагали на себе крестное знамение? И какое будет тогда согласие между христианами? Не очевидный ли будет тогда между ними раскол? И Божественная Церковь с таковым вашим двоеперстным сложением вас в свое общение ни в каком случае не примет, потому что если бы она вас приняла, то произвела бы раскол во всей Греции и во всех православных землях, подобный тому расколу, какой был произведен невежественными людьми в России. Но да не будет того, чтобы Церковь сделалась виновницею раскола! Поэтому знайте твердо, что Церковь Божия на ваше предложение ни в каком случае согласиться не может, и вы об этом, как о вещи невозможной, более нас и не просите, но идите к себе и уже не оставайтесь в

той обители, в которой теперь находитесь, ибо вы, как непокорные Церкви, не можете иметь общения с живущими там православными монахами". Услышав такой ответ от святейшего патриарха и преосвященного митрополита, монахи удалились и, возвратившись в свою обитель, очень скорбели на иеромонаха Осию, обманувшего их своим обещанием и, осыпав его тяжкими укоризнами, возвратились к своим раскольникам на первоначальное свое место жительства.

Рассудите теперь сами, христолюбцы, если раскольничьих монахов, готовых принять все апостольские и церковные обычаи, за одно неоставление ими двуперстного сложения, Церковь не приняла в свое общение, то каким образом она может принять тех, которые, как вы пишете в своем вопросе, имеют сомнения относительно предания Соборной Церкви, не слушают ее повелений и во многом другом не хотят покоряться церковным правилам? Вы спрашиваете о них, имеют ли они надежду спасения, хотя бы за их добрые дела, и можно ли священнику разрешать их на исповеди и причащать Святых Таин? И молитесь дать вам достоверный ответ. На это отвечаю вам: по моему мнению, раскол может быть двоякий, или сам кто-нибудь состоит в расколе, или и других приводит в раскол, отторгая от Церкви своим богоборным учением. Пребывающий в таком расколе, если и все добрые дела совершил, если бы и кровь свою мученически за Христа пролил, что, несомненно, превосходит все добрые дела, ни в каком случае не сможет загладить этого смертного греха, т. е. раскола. Если же человек даже мученическою кровью не может загладить своего раскола, то какая может быть ему надежда на спасение, и как может разрешить его на исповеди священник без истинного его обращения к Церкви и сподобить его Причастия Святых Таин? Это никак невозможно и будет во всяком случае противно истине святой Божией Церкви.

Я не привожу дословно следующего вашего вопроса, а передаю только его сущность. Клятву и анафему, в прежнее время соборно наложенную восточными патриархами на противящихся Соборной Церкви, т. е. на крестящихся двумя перстами или в чем-нибудь другом не покоряющихся, эту анафему разрешил ли впоследствии какой-нибудь восточный собор или нет? И могут ли какие-нибудь архиереи помимо Собора и без согласия и воли восточных патриархов разрешить эту клятву? И если эту анафему никто из архиереев без

воли восточных патриархов разрешить не может и она от восточных не разрешена, то не будут ли некоторые из христиан в противлении и в нераскаянии своем умирать в этой соборной анафеме? Горе нам! И приятно ли будет таким церковное поминовение? Не лишите нас и об этом истинного разъяснения.

Ответ. клятва или анафема на противящихся Соборной Церкви, т. е. на крестящихся двумя перстами или в чем-нибудь ином противящихся и не покоряющихся, будучи соборно наложена восточными патриархами, имеет оставаться благодатью Христовой твердою, непоколебимою и неразрешимою до скончания века. Вы еще спрашиваете. наложенную анафему разрешил ли впоследствии какой-нибудь восточный Собор или нет? Отвечаю: мог ли быть подобный Собор, за исключением какого-нибудь противного Богу и Святой Церкви, который бы собрался на опровержение истины и утверждение лжи? В Церкви Христовой такого злочестивого Собора вовеки не будет. Вы еще спрашиваете — могут ли какие-нибудь архиереи, помимо Собора и согласия и воли восточных патриархов, разрешить подобную клятву? Отвечаю: это никак невозможно; несть бо нестроения Бог, но мира. Знайте твердо, что все архиереи при своем рукоположении получают одну и ту же благодать Святого Духа и обязаны, как зеницу ока, хранить чистоту и непорочность православной веры, а также и все апостольские предания и правила святых Апостолов, вселенских и поместных Соборов, и богоносных отцов, какие содержит Святая, Соборная и Апостольская Церковь. От того же Святого Духа они приняли власть вязать и решить по тому чину, какой установил Святой Дух через святых Апостолов во святой Церкви. Разорять же апостольские предания и церковные правила — такой власти архиереи от Святого Духа не получили, поэтому разрешить вышеупомянутую анафему на противников соборной Церкви, как правильно и согласно святым Соборам наложенную, ни архиереям, ни восточным патриархам никак нельзя, а если бы кто покусился это сделать, то это было бы противно Богу и святой Церкви. Вы еще спрашиваете: если эту анафему никто из архиереев не может разрешить без восточных патриархов, то не разрешена ли она восточными? Отвечаю: не только никакому архиерею без восточных патриархов, но и самим восточным патриархам невозможно разрешить эту клятву, как об этом достаточно уже

сказано, ибо таковая анафема вечно неразрешима. Спрашиваете: не будут ли некоторые из христиан в своем противлении и нераскаянии умирать в этой соборной клятве? Горе нам! Отвечаю: в этом вашем вопросе для меня заключаются три недоумения. Первое — некоторые из христиан. Второе — не будут ли в противлении и нераскаянии своем умирать в этой соборной анафеме. Третье — горе нам! В первом случае я недоумеваю, какие же это христиане, которые без всякого раскаяния противятся Соборной Церкви? Такие недостойны и называться христианами, но по справедливому суду церковному должны именоваться раскольниками. Истинные христиане во всем повинуются святой Церкви. Второе: не будут ли, в противлении и нераскаянии своем, умирать в этой своей анафеме? Я недоумеваю об этом вашем вопросе: ибо каким образом эти мнимые христиане, пребывая без раскаяния во всегдашней своей непокорности Церкви, не будут умирать в этой соборной анафеме? Бессмертны ли они, те, о которых вы недоумеваете, будут ли они умирать? И как они могут не умирать, будучи смертными, да еще находясь под анафемой, и вдвойне смертными и душевно и телесно, как умерли в этой же соборной анафеме без покаяния и всегда умирают бесчисленное множество раскольников? Так и эти мнимые христиане, если от всего своего сердца не обратятся к Церкви Христовой с истинным покаянием, то, несомненно, умрут в вышеупомянутой соборной анафеме. Третье мое недоумение относится к вашим словам: горе нам! Эти ваши слова влекут в мою душу мысль, не вы ли те некие христиане, нераскаянно противящиеся Церкви, и боитесь и трепещете наложенной от Соборной Церкви на таких противников анафемы, и поэтому так тщательно о ней спрашиваете, не разрешил ли ее какой-нибудь восточный собор? Боясь умереть в анафеме и не вынося постоянного угрызения совести, вы и вопиете: горе нам! Если вы истинные православные христиане, во всем повинующиеся Церкви, родившей вас святым крещением, и крестящиеся по преданию святых апостолов первыми тремя перстами правой руки, и спрашиваете меня не о себе, а о других, то и вышеупомянутая анафема на вас не распространяется, и потому вам отнюдь не следовало говорить о себе столь жалостно: горе нам! Эти слова ваши и внушили мне вышеизложенное о вас мнение, каковое да истребится из души моей! Прошу вас, дайте мне через известный вам случай совершен-

ное удостоверение о вашем мудровании, ибо мы с противящимися святой Церкви и крестящимися двумя перстами не можем иметь никакого общения. Еще вы спрашиваете: будет ли приятно за них церковное поминавание? Отвечаю: если вы говорите о противящихся Соборной Церкви, и в противлении и нераскаянии своем умирающих, то поверьте мне, что церковное поминавание о таковых не только не будет приятно, но и противно будет и Богу и святой Церкви, и священник, держащий по таковым творить поминавание, смертно согрешает. Поминавание по умершим есть самая главная часть бескровной жертвы, приносимой за православных христиан как живых, так и умерших. Если кто-нибудь, даже из православных христиан, явно согрешает и не кается, то о таковом святая Церковь запрещает приносить бескровную жертву, пока он совершенно не оставит своего греха и искренно не покается. Если о православном явном грешнике, не кающемся, Церковь не разрешает приносить бескровную жертву, то может ли она допустить приносить таковую за умершего без всякого покаяния в противлении святой Церкви? Никак не может. О явном грешнике, что не подобает ему причащаться Святых Таин и невозможно приносить за него бескровную жертву, свидетельствует святой Симеон, архиепископ Солунский, следующими словами: "Нет места неверным или немудрствующему. Поэтому никак не следует какому бы то ни было священнику приносить жертву или творить поминавание о явно согрешающем и не кающемся, так как это приношение бывает им во осуждение, равно как и принятие страшных Таин недостойно и без покаяния причащающимся, как об этом говорит божественный Павел" (1 Кор. 11-29). Того же Симеона, о каковых следует приносить частицы: "Явно согрешающих верных приношения священники не должны принимать, как случится, но сначала требовать покаяния. Ибо приобщение бывает приносимой частицею, и не подобает, будучи недостойными, причащаться этой жертвы". Того же Симеона о том, что священнику следует внимательно наблюдать, о ком он приносит частицу: "Насколько полезно бывает приношение о достойно приносящих, настолько бедственно и вредно о недостойных, в какой мере это возможно для людей, ибо частица, принесенная о ком-либо, будучи положена вблизи божественного хлеба, после того как этот хлеб будет освященнодействован и станет телом Христовым, тотчас же и та

частица причащается святыне; вложенная же в потир, соединяется и с Кровию, и этим сообщает благодать и той душе, за которую она принесена. Ибо бывает мысленное причащение, и если человек оказывается прилежащим благоговению, или хотя и из согрешивших, но покаявшийся, то невидимо, как мы сказали, он принимает душою причащение Духа. Во многих случаях, как мы убедились, он получает и телесную пользу. Поэтому и следует священнику внимательно наблюдать, чтобы не от всякого желающего принимать приношение, и не приносить о таких, которые грешат без всякого стыда, чтобы не быть осужденными вместе с ними". Доселе слова святого Симеона, лучше же сказать, слова всей Святой Соборной Церкви, ибо он говорит согласно с соборным мудрованием. Из этих слов вытекает, что об умерших без покаяния и в противлении Святой Церкви никак не следует совершать церковное поминовение. Дерзающий совершать о таковых поминовение воздаст за это страшный ответ, пред Христом Богом в день страшного суда Его.

Следующий ваш вопрос: можно ли умершего в церковном расколе церковно по христианскому чину погребать и помянуть или это совершенно недопустимо по его неверию?

Отвечаю: в предыдущих ваших вопросах вы называете противящихся святой Церкви и не слушающих ее повелений не раскольниками, а некими христианами; в настоящем же своем вопросе уже неприкровоенно спрашиваете об умершем в расколе, как будто бы сей последний был несравненно хуже вышеупомянутых. Мы же и вышеупомянутых ни в чем не отделяем от раскольников. Если же этот умерший в расколе хуже вышеупомянутых, то не из тех ли он, которые именуются хлыстами или самосожигателями и которых мы уже называем не раскольниками, а совсем безбожниками. Но какого бы раскольничьего толка ни был тот умерший, о котором вы спрашиваете, для решения этого вопроса я приведу вам ответ святейшего Макария, патриарха Антиохийского, святейшему Никону, патриарху всея России (из книги "Скрижаль" при конце): "Мы приняли предание с начала веры от святых апостол и святых отцов, и святых семи вселенских соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами правой руки и кто из православных христиан не творит креста таким образом, тот является еретиком и мы имеем его отлученным от Отца и Сына и Святого Духа и преданным анафе-

ме" Замечайте из этого ответа святейшего патриарха, что если кто и из православных христиан не творит на себе знамения честного креста по преданию святых апостол, то уже за это одно он становится еретиком и предается анафеме. Умерший же в расколе, о котором вы спрашиваете, не такой ли точно, как и не крестящийся тремя перстами? Если же тот умерший в расколе есть такой же, как и этот, то рассудите сами, можно ли такового погребать и поминать по христианскому чину?

Далее вы спрашиваете: некоторые священники, потворствуя человеческому самоволию, исповедают и венчают по старому требнику и угождают расколу вопреки церковному преданию; не будет ли от этого какого-нибудь законопреступления или препятствия в действии и совершении церковных таинств? Ибо и церковные как духовные, так и мирские, многие этим по самопреткновению и сомнению обольщаются, а нам от этого бывает великая скорбь, соблазн и сомнение

Отвечаю: такие священники, как расколоугодники, более тех человекоугодников, "которых кости Бог рассыпал", смертно согрешают перед Богом. ибо потворствуя человеческому самоволию и угождая расколу вопреки церковным преданиям, они дерзают совершать по старому требнику церковные таинства. Таковые, если от всего сердца перед Богом не покаются и не воздержатся от этих своих действий, будут постыжены в день суда страшного Божия. Если вышеупомянутые священники суть истинные христиане и получили рукоположение от православного архиерея, то хотя они, потворствуя человеческому самоволию, и совершают таинство по старому требнику, однако святые таинства остаются совершенными таинствами, и в этом не нужно иметь сомнений; священники же, как соблазнитель многих душ христианских, повинны будут суду Божию. Ибо по слову Господню: "Аще кто соблазнит единого из малых сих, верующего в Него, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выю его и потонет в пучине морской" (Мф. 18, 6). Следовало бы этим священникам, поставленным святою Церковью пастырями и бдителями словесного стада Христова, во всем повиноваться Церкви, как истинной своей матери, употреблять при совершении таинств исправленный требник, а не совершать их к великой скорби и соблазну христианского народа, вопреки церковному поста-

новлению, по старым требникам, оставленным Церковью. Еще следовало бы им от всей души своей бегать и удаляться от всякого общения с раскольниками и других со слезами склонять к тому же. За такое учение и наставление христианского народа они удостоились бы получить награду от Христа Бога в день праведного Его воздаяния.

Далее вы спрашиваете: некоторые иереи отделились от Церкви и от своих епископов и живут у раскольников, могут ли от таковых попов совершаться какие-либо таинства, т. е. крещение, исповедь, венчание и прочие церковные святыни или же ни в каком случае не последует благодать? Благоволите известить и об этом, ради самой католической истины.

Отвечаю: священники, отделившиеся от Церкви и от своих епископов и живущие у раскольников, становятся едино с раскольниками и вместе с ними они хулят православную веру и всю Церковь Божию и пресвятые тайны Христовы и все таинства церковные и весь архиерейский и священнический чин. Такие священники за все указанные хуления уже недостойны называться священниками, но являются лжесвященниками, правильнее же сказать — несвященниками. Они отлучены от святой Церкви, чужды ей, извержены своими архиереями от священства, а потому как они могут совершать святые церковные таинства, или как церковные таинства могут совершаться таковыми? Это совершенно невозможно, ибо Дух Святой не совершает таинств церковных через явных богопротивников, связанных не только от своих архиереев, но и от всей Церкви. Какую же силу имеет архиерейское связание, можно понять из следующего: рака некоего святого мученика стояла во святом жертвеннике, и всякий раз, как диакон возглашал: "Елицы оглашении, изыдите", она невидимо силою Божиею исходила из Церкви и оставалась в притворе церковном до самого отпуска, после чего снова возвращалась в церковь и стояла на обычном месте. Причину же этому было то, что этот святой мученик был связан от своего старца за какое-то преслушание. Когда же старец, придя, дал ему разрешение, рака мученика тотчас же перестала выходить из церкви и стояла непоколебимо на своем месте в жертвеннике. О, как сильно божественное послушание, когда и самая кровь мученика, ученика старцева, за Христа изливаемая, не могла разрешить связания старца, пока сам связавший старец не разрешил его! Итак, если связание старца, который не был

архиереем, но простым монахом, было так сильно, то насколько же сильнее связание архиерейское! Ибо одним только апостолам и их преемникам, архиереям, дана была и дается превышеестественная благодать вязать и решить от Христа Спасителя, сказавшего своим ученикам: "Елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех" Итак, будучи связаны от своих архиереев, упомянутые священники связаны вечно и на земле, и на небе; и изверженные от своих архиереев, они стали чуждыми и посторонними благодати священства и всего священнического священнодействия и не могут совершать ни одного таинства. Православные священники, за великие согрешения справедливо соборно изверженные от священства, поставляются на месте мирян и с ними вместе бывают участниками церковных молитв и причащаются божественных Таин. А если бы они дезнули служить божественную литургию или совершать другие таинства церковные, то, как согнившие члены, совсем отсекаются от Церкви по двадцать восьмому правилу святых апостол.

В книге же правил, напечатанной на молдавском языке, я нашел один вопрос и ответ, подходящий к моему ответу на этот ваш вопрос ко мне. Вопрос святого Мефодия, патриарха Константинопольского: "Если священник будет рукоположен от изверженного архиерея, может ли он служить священнические службы или нет?". Ответ преподобного Феодора Студита: "Не может древо дивие плода добра творити", так и архиерей, лишенный благодати, не может поставлять во священники, ибо он не имеет архиерейства. Не имея архиерейства, он не может дать и священства. Если же кого-нибудь и рукоположит, то тот остается нерукоположенным и не может служить ни литургии, ни других священнодействий, ибо он есть простой мирянин. Человек, имеющий какую-нибудь вещь, может дать ее другому; если же он не имеет вещи, то как он даст?"

Из выше приведенного ответа преподобного Феодора Студита ясно, что справедливо по священным правилам изверженные священники, если посмеют после этого совершать священнические службы, совершенно отсекаются от Церкви.

Дальнейший ваш вопрос заключается в следующем: можно ли погребать по христианскому чину и поминать церковно человека — христианина, внезапно умершего в винопитии?

Ибо у вас, как говорите, многие священники, причисляя таковых к самоубийцам, не погребают христианским погребением и поминовение по таковым не совершают. Вы просите меня и на это ответить вам ради любви и пользы христианской и разрешить по правилам это недоумение. Отвечаю. я имел великое желание разрешить это ваше недоумение по священным правилам, но по своему неискусству никак не мог найти об этом в священных правилах, а потому и недоумеваю, как вам отвечать на это. В двух поминальных субботах, мясопустной и перед неделей пятидесятницы, когда поминаются все усопшие православные христиане, упоминаются многоразличные образы внезапных смертей, умерших которыми христиан поминает соборная Церковь и молит Бога о спасении душ их. Этот же образ смерти, т. е. внезапно умерших от многопития, не упоминается, и из этого можно заключить, что святая Церковь о таковых не молится. Об этих, думаю, Святой Дух через апостола Павла говорит: "Или не весте, яко неправедницы Царствия Божия не наследят? Ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни лихоимцы, ни татие, ни пианицы Царствия Божия не наследят". Внезапно умерший в винопитии, без исповедания грехов своих и без причащения святых Христовых Таин, не является ли виновным в причинении себе самому внезапной смерти? Если бы он с воздержанием пил немного вина, то не умер бы такою страшною и ужасною внезапною смертью. Думается, что такой человек не далеко стоит от самоубийцы, почему ваши священники и не осмеливаются погребать их по христианскому обычаю и совершать над ними поминовение. Поэтому я прошу вашу любовь этим не смущаться: ибо эта вещь находится под великим сомнением и недоумением. Если бы кто-нибудь смог найти об этой вещи в священных правилах церковное определение, то никто бы уже не имел о ней никакого сомнения, но с полною уверенностью последовал бы церковному постановлению.

Дальнейший ваш вопрос следующий. может ли священник смиренно кающегося разрешить за немощь его без наложения епитимии и допустить до причащения Святых Таин, или это невозможно?

Отвечаю: вопрос ваш представляется мне неудобовразумительным: человек тот в великих ли грехах кается или в малых, и душевную ли имеет немощь или телесную? Пусть будет, что он имеет телесную немощь. Если его телесная немощь такова,

что он уже приближается к смерти и не имеет времени понести за грехи свои епитимию, тогда, хотя бы он и великие грехи имел, но смиренно кается в них, священник должен и без епитимии разрешить его от грехов и причастить Святых Таин. Если же он не находится в такой крайней немощи и может понести епитимию, то без епитимии священник не должен разрешать его, ибо епитимия есть третья часть таинства покаяния. И не следует без смертной нужды оставлять ее. Что же такое есть епитимия и как она бывает назначается за грехи, об этом следует объяснить более подробно. Правила святых апостол, которые святой Иоанн Дамаскин поставляет наравне с книгами Божественного Писания, всех освященных извергают за грехи из священнических степеней, мирян же отлучают от общения в церковных молитвах и от причащения божественных Таин. На основании этих апостольских правил Святая Соборная и Апостольская Церковь все множество православных христиан и освященных и неосвященных, если бы случилось кому-нибудь из них впасть в некоторые грехи, руководимая Духом Святым, следующим образом исправляет от согрешений: освященных, т. е. архиереев, священников и диаконов, впадших в малые или великие грехи, она или на время за малые грехи отстраняет от священнодействия, или за великие грехи до самой смерти запрещает в священнодействии, но от причащения божественных Таин не отлучает. Монахов же и мирских христиан за малые грехи на малое время, за великие же грехи на многое время отлучает от причащения божественных Таин, иного же правила или иной какой-либо епитимии за грехи святая Церковь отнюдь не назначает неосвященным. Причина тому следующая: древние христиане от апостольских дней долгое время во всей Церкви Христовой от неизреченной любви ко Христу Спасителю очень часто причащались. Когда же случалось им впадать в малые или великие грехи, тогда на малое или большое время они бывали отлучаемы от божественного Причащения и от стояния в Церкви с верными и были поставляемы на определенных Церковью местах покаяния: сначала стояли они перед дверями церковными и, со слезами припадая, просили всех входящих в церковь молиться о них Бог, чтобы Бог простил их согрешения; со временем им позволяли стоять в великом притворе при дверях церковных, и они слушали пение и чтение церковное, но в самую церковь не входили; после этого им

разрешалось стоять и в самой церкви позади амвона на всех церковных службах и только во время божественной литургии после Евангелия, когда диакон возглашал: "Оглашенные, изыдите", они уходили в притвор церковный и оставались там до окончания литургии. Затем они удостоивались и стояния с верными, но не причащались святых Таин. Наконец, получив разрешение от епитимии, они допускались снова, как и до согрешения, причащаться с верою и любовью божественных Таин. Как же они вели себя во время епитимии? Они всегда вздыхали из глубины сердца, плакали и рыдали, удалялись от всякого зла, понуждали себя на всякое доброе дело, на всякое прилежное исполнение евангельских заповедей. Когда другие христиане причащались, они сами о себе помышляли от всей души, что за свои согрешения они не достойны причащения, и распаляемы божественным огнем нестерпимого и неизреченного желания причащения святых Таин, со многими слезами молили Христа Бога, да поможет им, проведя чисто и непорочно время покаяния, причаститься пресвятого и пречистого Тела Его и бессмертного источника пречистой Его Крови. Предвидя такое искреннее покаяние в христианах, отлученных за грехи от причащения, Дух Святой не узаконил в Церкви Своей никакого другого наказания и епитимии за грехи.

Следует же знать, что Церковью дана власть архиереям, видя достойные плоды покаяния кающихся, сокращать срок епитимии, определенный священными правилами. Сообщаю и о том, что я во всех священных правилах усердно разыскивал, не существуют ли какие-нибудь епитимии без отлучения от причащения святых Таин, и не мог найти. Но страшно и подумать, как ужасно и грозно прещение, налагаемое на тех, кто дерзает причащать согрешающих без отлучения от святых Таин, и кто причащается без таковой епитимии: их обоих Церковь уподобляет Иуде-предателю.

Дальнейший ваш вопрос состоит в следующем: когда на проскомидии вынимаются частицы за живых и умерших, то одинаковую ли имеют силу и пользу, как то, когда за каждого поминаемого вынимается отдельная частица, так и то, когда за многих вынимается одна общая часть? Просим и в этом вразумить нас, худых

Отвечаю. частицы, вынимаемые на проскомидии за живых и усопших, соединяясь с пречистыми Тайнами Христовыми,

тотчас же причащаются святыни и благодати Святого Духа, и преподают одинаковую пользу и благодать тем, за кого приносятся, будет ли за каждого вынута отдельная частица, или одна общая частица вынута за многих. И это ясно видно из самого чина проскомидии: ибо, приняв четвертую просфору, священник вынимает из нее одну только частицу за весь освященный чин, за всех живых православных христиан во всей Церкви Христовой находящихся. Также и из пятой просфоры за всех усопших православных христиан одну частицу вынимает Соборная же Церковь верует и исповедует, что хотя и одна частица за всех живых православных христиан и за всех усопших приносится, одну и ту же пользу приносит им благодать и святынею Святого Духа, как если бы за каждого православного христианина приносилась отдельная частица: ибо не изнемогает всемогущая благодать Святого Духа, будучи одною и тою же, принося одну и ту же пользу при бескровной жертве и единою частицею за каждого отдельно и единою частицею за многих.

Далее вы спрашиваете: можно ли по особому желанию и усердию на проскомидии попросить священника помянуть имена и вынуть части за тех святых, которых из любви к ним пожелается помянуть, особенно же за тех, имена которых не упомянуты в служебнике, можно ли от усердия подать за них на проскомидию, дабы эти святые особенно были помянуты с тем, чтобы они помолились о нас, грешных?

Отвечаю: хотя написанное в вашем вопросе не кажется вам неправильным, но так как все чины святых, хотя и не все по имени, однако все до единого вспоминаются девятью частицами, в честь их приносимыми, то если бы священник по желанию и усердию некоторых христовлюбцев упрощен был бы в честь некоторых святых, в чине служебника не упоминаемых, принести некоторые частицы помимо тех 9 частиц, то полагая эти новые частицы в рядах прежних, он составил бы четвертый ряд частиц, вынимаемых за святых; если же он захочет вынимать частицы за большее число святых, то составит и пятый ряд частиц, вынимаемых в честь святых: ибо части, вынимаемые за святых, должны быть полагаемы при частицах святых, а не на каком-либо другом месте, отдельно от девяти частей, и если бы священник осмелился это сделать, то разорил бы чин святой литургии, от начала веры во всей православной Церкви нерушимо соблюдаемый, и возвел бы в чин

литургии свой новый чин, доселе неслыханный. От новшеств же таких возникают обыкновенно различные ереси и расколы, от каковых да сохранит Христос всех правильно в Него верующих. Имеющие же веру и любовь ко святым должны довольствоваться 9 частицами и не должны искать, чтобы в честь некоторых святых вынимались особые частицы. И пусть призывают молитвы тех святых, чтобы их молитвами обрести у Бога милость и прощение грехов своих

Далее вы спрашиваете, может ли один иерей совершать таинство елеосвящения или не может, потому что у вас существует такой обычай, что один иерей с диаконом и причетником совершают это таинство?

Отвечаю: в книге православного исповедания говорится, что это таинство должно быть совершаемо иереями, и это вполне согласно со Священным Писанием, которое говорит: "Болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковные, и да молитву сотворят над ним, помазавши его елеем во имя Господне", но оно не может быть совершаемо одним иереем, что не согласно со Священным Писанием и противно церковному преданию. Святой же Симеон, архиепископ Фессалоникский, в книге своей говорит. "Возможно ли одному иерею совершать елеосвящение? Не подобает одному иерею совершать это таинство, ибо сказано. "Да призовут пресвитеры церковные", а не одного пресвитера, и порядок этот необходимо сохранять. Как епископа не рукополагает один епископ, так и елеосвящение не совершает один пресвитер (глава 283). Почему семь пресвитеров в елеосвящении и почему очень часто и три за недостатком иереев? Брат Господень не указывает числа пресвитеров, но обычай установил призывать семь. Основанием этого я считаю седмочисленные дары Духа и Исаии, или семь ветхозаветных священников, по повелению Божию семь раз вострубивших вокруг Иерихона и тем низложивших его стены; дабы и эти, т. е. новозаветные священники, низложили лукавый город и жестокие стены греховных возношений; может быть, в подражание пророку Елисею, семь раз помолвившемуся над отроком и воздвигшему его от одра смерти, новозаветные священники своею седмиричною молитвою должны воздвигнуть умершую душу; или как пророк Илия, семь раз помолвившись, отверз небо, закрытое грехами, и низвел дождь, так и эти, семь раз помолвившись, разрешат сушу греха и низведут дождь милости от Бога и отпущение

грехов. Таков, мне кажется, смысл седмиричного числа иереев. Некоторые же, где имеется недостаток пресвитеров, призывают только трех и это не следует осуждать, ибо этим указывается прежде всего на догмат Пресвятые Троицы, а затем на свидетельство о Троице пророка Илии, когда он умершего сына сарептской вдовы воскресил, трижды помолившись и трижды простершись над ним. Но не следует много доискиваться о числе, а необходимо держаться древнего предания. Один иже пресвитер да не совершает елеосвящения". Из этих слов святого Симеона видно, что не подобает одному иерею совершать таинство елеосвящения; по необходимости же, по меньшей мере три иерея должны совершать его. В одной славянской книге я нашел, что по нужде это таинство могут совершать и два иерея, в греческих же книгах я не находил этого. Сказанного достаточно.

На последний ваш вопрос, в котором вы спрашиваете меня о том, как возможно спастись вам, живущим в мире с женами и детьми, отвечаю: кто может обнять кратким словом все относящееся к делу спасения? Я могу только дать вам мой совет, чтобы вы с величайшим усердием читали Божественное Писание и учение святых отцов наших, которым дано разуть тайны Царствия Небесного, т. е. истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении в совершенстве находятся все наставления, необходимые для душевного спасения, побуждающие каждого желающего спастись принуждать себя на всякое доброе дело и убегать от всякого дела, противного Богу. Усердно и прилежно, с верою и любовью, со страхом Божиим и всяким вниманием читая их учения, вы будете иметь постоянное вразумление на всякое доброе дело, необходимое для спасения. Я же, при всем своем недостойнстве, принимая во внимание, что вы от меня ищите наставления, могу ответить вам следующее: премилосердный Бог совершает спасение душ православных христиан православною верою, добрыми делами и своею благодатию. Вера православная есть та, которую содержит Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, и без этой веры никак невозможно спастись кому бы то ни было. Дела добрые суть евангельские заповеди, без которых, как и без веры православной, также невозможно никому спастись: вера православная без добрых дел мертва есть, и дела добрые без веры православной мертвы суть. Хотящему спастись необходимо соединять и то,

и другое, и таким образом благодатию Христа Бога, сказавшего: "Без Меня не можете творить ничего", достигать спасения. Следует же знать, что Христос Спаситель одинаково узаконил добрые дела для всех православных христиан, как монахов, так и мирских людей, среди мира живущих с женами и детьми, и ищет и требует от всех самого усердного исполнения Своих заповедей, так что нарушающие их и о том не кающиеся не будут иметь извинения и не могут дать ответа в страшное и второе Его пришествие. И все православные христиане мужского и женского пола, всякого возраста и чина, здоровые и в различных недугах на одрах лежащие, слабые и престарелые, все могут при содействии благодати Божией без всякого затруднения исполнять Христовы заповеди одним добрым своим произволением и душевным смирением и таким образом спастись. Евангельские заповеди, по крайней мере главнейшие из них и самые общие, настолько необходимы для спасения, что, если бы даже одна из них оказалась невыполненной, не может быть душе спасения. Таковы: любовь к Богу и ближнему, кротость и смирение, мир со всеми и терпение, прощение от сердца согрешений ближнему, неосуждение, непитание ненависти к ближнему, любовь к врагам своим, оказание милостины ближнему как душевной, так и телесной, и другие, указанные в святом Евангелии заповеди Христовы. Все их необходимо стараться исполнять со всем усердием, особенно же любить Бога от всего сердца своего и от всей души своей и всею крепостью своею и всем помышлением своим и ближнего своего, как самого себя; последую кротости Христовой, до крови противостоять страсти гнева, иметь мир со всеми, столь необходимый, что сам Христос многократно говорил своим ученикам: "Мир вам", "Мир оставляю вам", "Мир Мой даю вам". Где мир Христов, там и Христос пребывает; в душе же, не имеющей мира Христова, Христос не пребывает. Терпение же настолько необходимо для спасения, что Христос говорит: "В терпении вашем стяжите души ваши". Стяжание же душ есть ничто иное, как спасение душ. И терпение нужно иметь не на известное только время, но до самой смерти, ибо претерпевый до конца, той спасен будет. Кто от всего сердца отпускает ближнему своему его прегрешения, кто не осуждает ближнего своего, тот и сам не будет осужден от Бога. Но кто может вкратце исчислить все заповеди евангельские, которые всякий желающий спастись

должен хранить и соблюдать, как зеницу она? Смирение, которое есть основание всех заповедей евангельских, настолько же необходимо для спасения, как дыхание для жизни человеческой. Все святые различными способами спасались, но без смирения никто не спасся и спастись не может. Поэтому всякий, желающий спастись, должен от всего сердца считать себя перед Богом последним из всех и во всяком своем согрешении считать виновным только себя одного, а не кого-либо другого. Исполняя, таким образом, при помощи Божией все заповеди евангельские и смирясь перед Богом, он удостоивается милости Божией, прощения грехов своих и приятия благодати Божией. Милостью Божией он достигает спасения души своей со всякою достоверностью. Кроме того православным христианам необходимо тщательно соблюдать и все заповеди церковные. Таинство покаяния заключается в том, чтобы истинно покаяться перед Богом, отступить от грехов своих, иметь крепкую решимость при помощи Божией более к ним не возвращаться, затем исповедать все свои согрешения перед духовником, как перед самим Богом, получить от него разрешение грехов, и принять от него и епитимию, назначенную им за согрешения по чину церковному. О приготовлении же к причащению божественных Таин скажу следующее: необходимо приступать к причащению Святых Таин Христовых с чистосердечным исповеданием, с постом и умилением, примирившись совершенно со всеми, выслушав, по обычаю христианскому, все правила церковные, не имея епитимии, не допускающей до причащения, со страхом и трепетом, с верою и любовию и с поклонениями, подобающими единому Богу, чтобы причащение было во оставление грехов и в жизнь вечную. О том же, как строить жизнь дома своего и жены и детей, обо всех обязанностях христианских вы можете найти самое совершенное наставление в писаниях св. Иоанна Златоустого и других святых.

Итак, мои ответы на вопросы ваши, которые по настойчивой вашей просьбе, правильнее же сказать, по принуждению вашему, я должен был против воли своей написать, при помощи Божией пришли к концу. Вы же, христолюбцы, написавшие ко мне свои вопросы, простите меня грешного, если я не смог по желанию вашему, вследствие моего неискусства, дать вам надлежащие ответы на ваши вопросы по священным правилам: ибо я не мог отыскать правил, подходящих для

всех ответов. Получив мои ответы, читайте их со вниманием и если найдете в них что-нибудь согласное со Священным Писанием и истинным церковным разумом, то последуйте тому. Если же я в своих ответах как человек погрешил в чем-нибудь, то вы моему погрешению не последуйте, но держитесь во всем здравого разума и рассуждения святой соборной Церкви, и таким образом никогда не погрешите. Бог же любви и мира да будет со всеми вами. Аминь.

Заканчивая этим изложение писем старца Паисия, бывших в нашем распоряжении, переходим к описанию последних дней его жизни и его кончины.

Глава 5

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СТАРЦА ПАИСИЯ, ЕГО ПРЕДСМЕРТНАЯ БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА И ЕГО БЛАГОДАТНЫЕ ДАРОВАНИЯ

Мы описали жизнь и деятельность старца Паисия во время его пребывания в Драгомирне и Нямце как руководителя монашеского братства, и как труженика по исправлению текста отеческих книг, и как защитника истинного монашества и православия в его переписке с разными лицами. В этих разнообразных трудах и заботах незаметно проходили многие годы его жизни и, наконец, он приблизился к неизбежному для всех исходу из этого временного мира в мир вечный.

Последние годы старца в Нямце были омрачены грозными бедствиями войны, разразившейся в местности, близкой к Нямцу. По словам жизнеописателя старца, снова воздвиглась лютая брань между тремя империями: Российской, Австрийской и Турецкой. Степи наполнились войсками, моря покрылись кораблями, города и селения Молдавии опустели: жители разбежались по горам и лесам, Нямецкая Лавра наполнилась беглецами, разместившимися и внутри, и кругом монастыря. Подошли австрийские войска и заняли молдавские подгорья. Беглецы почувствовали себя в безопасности от турок и стали возвращаться в свои жилища. Но не долго продолжалась эта безопасность. Турки собрались с силами и потеснили австрийцев, отступивших к своей границе. Местечко Нямец было занято турками, которые вошли в него без вы-

стрела и без пролития крови, не считая трех человек, убитых за оказанное ими туркам сопротивление. В монастыре распространился слух, что турки, заняв местечко, находившееся в 15 километрах от монастыря, двигаются на монастырь. Неописуемый ужас охватил находившихся в монастыре и искавших там спасения. Бояре послали солдат разведать, что делают турки, но солдаты вернулись, от страха не узнав ничего достоверного. Не имея точных сведений о действиях турок, обитатели монастыря не знали, что предпринять. Одни советовали не затворять монастырских ворот, выйти навстречу туркам и молить их о пощаде. Другие уговаривали запереться в монастыре и оказать туркам вооруженное сопротивление. Наконец, один монах вызвался с благословения старца поехать в местечко и разузнать, что там делается. Он благополучно добрался до Нянца, свободно ходил по всему местечку и от одного из крестьян узнал, что турки оставили Нямец. Когда монах привез это известие в монастырь, все успокоились. Впрочем, радость была непродолжительна, на следующий день узнали, что турки снова вернулись в местечко. Тогда бояре и старец переехали в Секул, а прочее население монастыря разбежалось по лесам. Это было на второй седмице Великого Поста. Наконец, снова пришли австрийцы и заставили турок отступить. Между тем и русские войска вступили в Молдавию. В Яссы приехал главнокомандующий русской армией князь Потемкин, а вместе с ним архиепископ Словенский и Полтавский Амвросий. Архиепископ Амвросий пожелал увидеть знаменитого старца Паисия и прибыл в Нямецкий монастырь, где с большою честью был встречен старцем и всем монастырским братством. Это было в 1790 году. Прожив два дня в монастыре, архиепископ Амвросий в наступивший воскресный день совершил литургию, во время которой возвел старца в сан архимандрита. Таким образом, полтавский уроженец Паисий Величковский получил сан архимандрита от Полтавского же архиепископа Амвросия. Прожив еще несколько дней в Нянце и преподав всем благословение, архиепископ Амвросий отбыл из монастыря, провожаемый всем братством с великою благодарностью и славою. Архиепископ Амвросий известен своею святою жизнью, и его мощи нетленно почивают в Полтавском Крестовоздвиженском монастыре.

После описанных нами событий прошло четыре года в

обычных для старца и братии трудах и заботах. Наступил 1794 год. Старец по-прежнему работал неутомимо, писал письма, трудился над переводом святоотеческих книг, руководил жизнью братства, но силы его заметно слабели. По свидетельству жизнеописателей, старец Паисий в последние годы своей жизни принимал братию и посетителей только с утра и до полудня. Остальное время проводил один у себя в келии в занятиях. Приходить к нему в это время могли только одни духовники. Однажды в год старец объезжал и обходил жилища своих учеников, благословлял их и молил Бога сохранить их невредимыми от всякого зла. Незадолго до своей предсмертной болезни он перестал лично заниматься переводами; просмотр же и исправление переводов не оставлял до последних дней своей жизни. После пятого ноября он почувствовал особенную слабость и должен был лечь в постель. В таком положении он провел четыре дня. В воскресенье ему стало лучше и он захотел выслушать литургию. Прийдя в церковь, он сидел на своем обычном месте. Во время Причастия вошел в алтарь и причастился Святых Таин. После службы он почувствовал такую слабость, что едва был в состоянии вернуться в свою келию, поддерживаемый братиями. Прошло еще три дня. Слабость старца увеличивалась. Прислуживавшие ему братия Онорий и Мартирий не допускали к нему никого, за исключением самых близких людей, так как старец желал умереть в совершенной тишине. На четвертый день, чувствуя приближение смерти, старец еще раз причастился Святых Таин. Затем призвал к себе двух старших духовников, Софрония для славянской братии и Сильвестра для молдавской, и преподал через них мир и благословение всему братству. Преемником себе старец никого не назначил, предоставляя это воле Божией, избранию Богоматери и желанию самого братства. После этого он тихо скончался, как бы уснул 15 ноября 1794 года, на 72 году своей жизни. Тотчас же после кончины старца послано было об этом извещение митрополиту Иакову. Митрополит поручил совершить погребение старца епископу Тумскому Вениамину, впоследствии Молдавскому митрополиту. Когда распространился слух о кончине старца, в Нямец собралось множество народа, и мирских, и монахов, и священников, и бояр, и простых людей обоего пола. Три дня ожидали епископа Вениамина и, не дождавшись, на четвертый день совершили всем собором отпева-

ние и погребение старца в Великой церкви Вознесения Господня на правой стороне от входа. На другой день после погребения старца приехал епископ Вениамин и наутро совершил литургию и панихиду по усопшем. А немного дней спустя, по избранию всего братства и по благословению митрополита, согласно устава Паисиева братства, он назначил старцем и начальником монастыря старшего духовника братства отца Софрония. На могиле старца Паисия впоследствии была положена плита, на которой по-румынски и по-славянски была сделана следующая надпись: "Зде почивает блаженный отец наш иеросхимонах и архимандрит старец Паисий, мало-россиянин, иже от Афонской горы с 60 учениками в Молдавию пришед и тут множество братий собрав и общежитие собою обновив, ко Господу отыде 1794 года ноября 15, во дни благочестивого господаря Михаила Суджу воеводы и пресвященного митрополита Иакова". Одним из учеников старца было составлено "Надгробное рыдание" почившему от всех чад его духовных. (См. Приложение 3 в конце книги.)

Братия Нямецкого монастыря с первых же дней по кончине своего старца имели несомненную уверенность в силе его молитв за всех тех, кто с верою и любовью обращается к его небесному заступничеству, и выражением этой их уверенности явилось то, что уже вскоре после его кончины была составлена особая служба (стихиры и канон) "блаженному отцу нашему старцу иеросхимонаху и архимандриту Паисию", в которой почивший прославляется, как великий угодник Божий, по молитвам которого подается верующим душевное спасение и телесное здравие. Для ознакомления с этою службою приводим их нее некоторые выдержки:

Из стихир на "Господи воззвах": На высоту добродетелей восшел, монашески водвизался еси, отче наш Паисие, уча, наказуя и вразумляя не пренебрегати богоугодного пути: Сам ревнуя, ревновал еси древних святых житию, образ благ всем был еси: многие беды претерпел еси, дондеже терпением многим подвигом же и любовью, всех о нем уверил: написав нам и свидетельства от Священного Писания.

Искусный врач был еси, зело бо легким врачеванием врачевал еси приходящие к тебе: не укоряя оных припадком болезни, но яко искусный терпением своим в сердца их чувства полагал еси не приближаться к оному вреду: влиявши же врачевство твое в самую глубину ран, совершенно исцелял еси,

радостных же и мирных отпускал еси их, да небоязненно приходят ко врачеванию твоему, отче наш Паисие

Из Канона: Неисходно в келии сидя, умом же всех обходя, рассуждал еси различные душевные и телесные раны много-различных естеств, и всем целительный и приятный пластырь прилагал еси, отче.

Аще и болен был еси, и многие раны на теле имел еси, но множайшие много душевные раны исцелял еси приходящих к тебе благим твоим обычаем и кроткими словесы, отче Паисие

Седален: Единою в лето из келии твоя исхождал еси, отче Паисие, и обзирал еси селения ученик твоих, ездя, обзирая и назнаменуя коегождо их келии, солнцу заходящу, и со слезами молился еси вручая их Богу и глаголя: Господи, огради сие малое стадо и сохрани е от волков, губящих е.

Мене, преступившего твоя веления, мене, пренебрегавшего святую твою волю, завистливого и лукавейшего паче всех человек, мене, исполняющего свою волю, паче же диаволу, прости, незлобиве отче, благим и кротким твоим обычаем, и молися Богу даровати ми время к покаянию.

Аз един во свете твоём ходих, и света твоего не чувствовал; аз един пищу твою сладкую ядох, и кормителя своего не познаваю; аз един питье твое сладкое пих, и сладкого источника, текущего из уст твоих, не ощущаю; аз единая овца, заблуждающая от твоего стада, Пастырю добрый; не озлобися на мене, умоли Бога даровати ми время к покаянию.

Еще при жизни своей старец Паисий отличался необыкновенным даром пламенной, слезной молитвы, во время которой всегда светлое и благолепное лицо старца еще более просветлялось и одушевлялось внутренним огнем молитвенного чувства. Вот что рассказывает его келейник в составленном им жизнеописании старца. "Однажды, это было еще в Драгомирне, пришел я к нему перед вечерней и хотел постучать в дверь, чтобы узнать, можно ли войти к нему, но так как дверь оказалась открытой, то я, сотворив молитву, вошел прямо в келию. Видя старца лежащим, я поклонился и сказал: "Благослови, отче". Старец не отвечал. Я взглянул на него и увидел, что лицо у него было как бы огненное, тогда как обычно оно у него бывало белое и бледное. Меня охватил ужас. Постояв немного, я более громким голосом повторил молитву. Старец и на этот раз не ответил. Я понял, что старец был погружен в молитву, от которой и разгорелось его лицо.

Постояв еще немного, я вышел, никому не рассказав о виденном" Спустя много времени тот же самый ученик видел еще два раза лицо старца просветленным во время беседы с братией. Кроме дара молитвы старец в некоторых случаях обнаруживал предвидение будущих событий. Так, он предвидел ужасную смерть воеводы Григория Гики. Незадолго до кончины воеводы старец несколько раз видел во сне висящий на волоске над головою воеводы меч. Вскоре после того по приказанию турецкого султана воеводе, действительно, была отрублена голова, о чем старец много плакал. В другой раз старец очень печалился об одном брате из своего общежития и часто напоминал ему об исправлении жизни, но брат не слушал его. Спустя три дня этот брат утонул. Другого брата старец сильно упрашивал не уходить из обители и, наконец, сказал ему со слезами: "Брат, послушай меня, ибо ты не увидишь того места, куда хочешь идти!" Брат не послушал и на четвертый день умер на пути, о чем старец также много плакал. Бывали по молитвам старца и случаи чудесных исцелений, которые старец по своему глубокому смирению всецело приписывал заступничеству Богоматери.

Кроме этих благодатных даров, старцу были свойственны и многие другие дарования, благодаря которым он успешно выполнял назначенное ему Богом служение на земле. Таковы были: *дар премудрости и разума* и вместе с тем дар глубокого *самопознания*, о котором любимейший старцем наставник безмолвия преподобный Исаак Сирин говорит: "Сподобившийся увидеть себя самого, блаженнее увидевшего ангела"; *дар глубокого знания языков* греческого и славянского; *дар уразумения высокого смысла* святоотеческих подвижнических писаний, *дар учительства и строительства* монашеского общежития, *дар совета*, которым он правильно и точно, согласно с учением и наставлением святых отцов, предлагал всем требующим полезные наставления, благодаря которым они преуспевали в смирении, терпении и любви; *дар крепости духовной*, которым он во всех скорбях и искушениях оставался спокойным и непоколебимо верующим в промысл Божий, *дар страха Божия*, благодаря которому он свято хранил все заповеди Божии и готов был за каждую из них положить душу свою; *дар любви к Богу*, с ранней молодости в нем воспламенившийся, никогда его не оставлявший и все более в нем разгоравшийся, так что он и других согревал своею любовию и горячностью, о всех

болел сердцем и всякому сострадал, не отталкивая от себя никого требующего помощи и утешения; *дар миролюбия*, благодаря которому он умел со всеми хранить мир, ни на кого не обижаться и никого не презирать; *дар долготерпения и кротости*, благодаря которому он никогда не являлся гневающимся или расстроенным, но всегда оставался ясным, кротким и терпеливым; *дар незлобия и младенческой простоты при глубоком разуме*; *дар утешения*, которым он самого печального и унылого мог умиротворить и успокоить своими словами; *дар глубокого смиренномудрия и самоукорения*, благодаря которому он за все случавшиеся в братстве неприятности принимал вину на себя самого; и, наконец, как основание всех этих дарований и как результат его неослабного исполнения заповедей Божиих, постоянного хранения чистоты сердца и непрестанной внутренней молитвы, *стяжание им благодати Духа Святого*, от какового дара из уст его исходил постоянный источник божественного учения, услаждавший души и иссушавший все лукавые страсти. Благодаря всем этим дарованиям старей Паисий и мог совершить свое великое дело, а именно: "Обновить обветшавший монашеский чин, восстановить падшее общее житие, насадить в нем триблаженное послушание, просветить учением своим во тьме неведения сидящих, вразумить исправлением и новым переводом с греческого языка на свой отеческих и богословских книг".

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**УЧЕНИКИ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ,
В МОЛДАВИИ И В РОССИИ**

**РОСТ ПРАВОСЛАВНОГО СТАРЧЕСТВА
В XVIII И XIX ВЕКАХ**

"Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло все"

(Мф. 13, 33).

Если бы все дело старца Паисия Величковского заключалось в примере личной святости, в устроении монашеского общежительного братства на древних святоотеческих основаниях и в исправлении святоотеческих книг, то и в таком случае это дело было бы немаловажно для православной Церкви и православного монашества и общества. Но старец Паисий сделал больше: он создал школу духовной жизни, он пробудил в православном монашестве широкое духовное движение, он зажег сердца многих любовью к духовной жизни, возбудил стремление к внутреннему монашескому подвигу, к духовному деланию. Под влиянием старца Паисия Величковского в православном иночестве воспиталось много замечательных подвижников, всецело усвоивших заветы старца. Постоянною молитвою, неослабным вниманием к себе, самоиспытанием, внутреннею борьбою с помыслами, откровением помыслов, послушанием и смирением, внимательным изучением святоотеческих книг и соблюдением евангельских заповедей они достигали высокой степени духовной жизни и приобретали большое влияние не только на свою братию, монашествующих, но и на мирян, иногда даже высокообразованных не только в светском, но и в богословском смысле. Начавшись во второй половине XVIII века, это духовное движение продолжало развиваться на протяжении всего XIX века вплоть до самой революции. Было бы очень интересно проследить это движение во всех его подробностях: изучить пути и способы его распространения, познакомиться с его выдающимися представителями, с его влиянием на общество и на народ. К сожалению, неблагоприятные условия настоящего времени не дают возможности надлежащим образом выполнить эту задачу. И нам приходится ограничиться лишь бледным и поверхностным описанием этого замечательного движения, свести это описание почти только к одному перечислению имен.

Мы начнем с указания следов Паисиева влияния на *Афоне*. Еще в то время, когда старец проживал на Афоне, он имел помимо своего братского общежития в Ильинском скиту немало духовных чад, собеседников и друзей, искавших его духовного руководства. К числу их принадлежал греческий патриарх Серафим, проживавший на покое в Пантократорском монастыре. Патриарх очень любил старца Паисия, посещал его в его обители, часто приглашал его к себе, подолгу беседовал с ним о духовной жизни и с большим сожалением от-

пустил его в Молдавию. Нам известно также, что из многих Афонских монастырей, скитов и келий приходили к старцу Паисию многие иноки ради исповеди и беседы, иногда даже в таком множестве, что своим братьям не оставалось возможности говорить со своим старцем, и среди них возникал ропот. С отъездом старца Паисия в Молдовлахию следы его влияния на Афоне не заглохли. Его предания и уставы и ныне хранятся в основанном им Ильинском скиту и в других обителях. С особенною силою предания старца Паисия возродились на Афоне в XIX веке, когда там появился старец Арсений, ученик одного из молдавских учеников старца Паисия, имевший большое влияние на все Афонские монастыри и скончавшийся в 1846 году. Единомышленниками и продолжателями Арсения были схимонахи Николай, Андрей и Никодим, а затем имевший особенно большое влияние на Афоне и за пределами его — духовник русского Пантелеймоновского монастыря иеросхимонах Иероним, скончавшийся в 1885 году, и архимандрит того же монастыря Макарий, скончавшийся в 1888 году. Трудami и заботами этих старцев возник на Кавказе Новоафонский монастырь, также усвоивший себе предания старца Паисия и сохранявший их в лице своего настоятеля, игумена Иерона, и других иноков старцев, до самого последнего времени.

Заметное влияние оказал старец Паисий и на *молдовлахийское монашество*. Его ближайшими помощниками и на Афоне, и в Молдовлахии были молдаване Таков, напр., отец Виссарион, первый ученик старца и первый член его братства и помощник по устройству общежития. Он скончался около 1766 года. Из учеников старца Паисия в Молдавии мы можем еще назвать отца Макария и отца Илариона, помогавших ему в исправлении и переводе книг. Иларион впоследствии был духовником и игуменом Секульского монастыря, а иеромонах Макарий, живший со старцем еще на Афоне, по-видимому, перешел потом в Россию, где и был настоятелем Молчанской пустыни. Из других учеников старца в Молдавии назовем сначала тех, которые после кончины старца были его преемниками по духовничеству и настоятельству в Нямецком монастыре. Первый из них архимандрит Софроний, старший духовник славянского племени в Нямце, настоятельствовал там же непосредственно после старца Паисия более десяти лет. Известно, что по поручению старца он ездил в Киев за духов-

ными книгами для своей обители. Впоследствии он переписывался с учениками старца Паисия в России — отцом Афанасием в Брянске и Марией Петровной Протасьевой.

После отца Софрония настоятелями в Нямце были: Дорофей, которого старец посылал учиться в богословской школе в Бухаресте; Досифей, бывший при старце Паисии духовником и начальником больницы в Секуле, просиживавший ночи над больными и всячески их успокаивавший и утешавший, и Иоанн; все трое славянского племени. После отца Иоанна настоятелем в Нямце был избран Сильвестр, первый настоятель из молдаван, бывший при жизни Паисия духовником молдавского племени в Нямце. Из других учеников старца Паисия в Молдавии мы знаем еще Онория, начальника больницы в Драгомирне и Нямце, пользовавшегося неограниченным доверием старца Паисия, ухаживавшего за старцем во время его предсмертной болезни, переводчика отеческих писаний, скончавшегося через год по смерти Паисия; Мартирия, вместе с Онорием ухаживавшего за старцем во время его предсмертной болезни; Иринарха, духовника, ездившего по поручению старца к князю Константину с письмом, в котором старец отказывался от перемещения в Нямец; Иакинфа, также одного из духовников в Нямце, увещевавшего хулителя умной молитвы Феопемпта и исполнявшего другие поручения старца; другого Иоанна, схимонаха Покровского скита при Нямецком монастыре, бывшего старцем монастыря Ворона в Молдавии и скончавшегося в глубокой старости в 1843 году; Платона, схимонаха того же Покровского скита, оставившего собственноручно им переписанный сборник сочинений старца Паисия, хранящийся в библиотеке Ново-Нямецкого монастыря и написавшего жизнеописание старца; Митрофана, схимонаха, бывшего более 30 лет келейником старца Паисия и прежде других составившего описание его жизни; архимандрита Феодосия, управлявшего Поляно-Мерульским скитом в Валахии, а потом вызванного князем Потемкиным со своими учениками в Россию для устройства Софрониевой пустыни (сохранилось письмо к нему старца Паисия, в котором он подробно рассказывает о своих занятиях по переводу и исправлению отеческих книг); Геронтия, который вместе с Дорофеем учился в Бухарестской богословской школе; Григория, впоследствии митрополита, написавшего житие старца; иеродиакона Стефана, переводчика житий святых, схимо-

наха Исаакия и др. Хранителями Паисиевых преданий были также Неонил, ученик старца Софрония, и Феофан, ученик Неонила, перенесшие предания старца Паисия в Ново-Нямецкий монастырь. К ним же нужно присоединить Германа, преемника Феофана. Кроме названных учеников и продолжателей старца Паисия, у него в Молдавии было еще много помощников по переписке, исправлению и переводу свято-отеческих книг, имена которых уже были названы нами в другом месте. Упомянем также и об архипастырях, сочувствовавших старцу и поддерживавших его. Таковыми были митрополит Гавриил, предоставивший старцу Драгомирну, Иаков и Вениамин. По дальнейшему распространению Паисиева влияния в Молдавии у нас нет достаточно сведений. Известно только, что многие монастыри в Молдавии и Валахии имели своими настоятелями его учеников.

Гораздо больше сведений мы имеем об учениках старца Паисия *в России*. В Россию вышло особенно много его учеников, под воздействием которых в наших монастырях произошел большой подъем духовной жизни, возросли интересы и любовь к чтению и изучению книг, появились старцы и настоятели монастырей, хранившие заветы старца Паисия и вводившие в своих монастырях его общежительный устав и порядки монастырской жизни; появились архипастыри, глубоко сочувствовавшие направлению старца Паисия и оказывавшие ему свое покровительство и поддержку. Многие светские образованные люди также были увлечены этим духовным движением, а некоторые, оставив мир, приняли монашество и стали выдающимися деятелями в духе старца Паисия. В общем получилось глубокое и широкое духовное движение, неослабевавшее в русском монашестве до самой революции. Постараемся перечислить, насколько можем, главнейших участников этого движения. И сначала упомянем о тех лицах, которые еще при жизни старца обращались к нему из России за духовным руководством. Таковы: друг юности старца иерей Димитрий, по всей вероятности, священствовавший в Полтаве, иноки полтавского Крестовоздвиженского монастыря*, группа ревнителей благочестия из северной России, настоятельница Арзамасской общины М. П. Протасьева. Из

* В рукописи № 405 Славянского Отделения Akademia Romana есть указание на связь, существовавшую между Крестовоздвиженским монастырем в Полтаве и Драгомирским монастырем старца Паисия

переписки ее с преемником старца архимандритом Софронием видно, что последний посылал для ее обители иконы, портрет старца Паисия и рукописные экземпляры отеческих книг в переводе старца Паисия; как-то: Добротолюбие, книгу святого Варсонуфия, 12 слов Симеона Нового Богослова и др. с просьбою выхлопотать у митрополитов Платона и Гавриила разрешение напечатать эти книги. О других лицах, имевших заочное духовное общение и переписку со старцем Паисием, нам придется упомянуть впоследствии.

Духовное движение в России под влиянием старца Паисия можно разделить на три главных течения. северное, центральное и южное. Северное движение имело своими главными центрами Соловецкий монастырь, Валаам, Александро-Невскую Лавру и Александро-Свирский монастырь. Центральное движение сосредоточилось, главным образом, в Москве, во Владимирской губернии, в Оптиной пустыни Калужской губ., в Брянском монастыре, Орловской губ., в Рославльских лесах Смоленской епархии, в Белобережском монастыре; южное движение — в Площанской пустыни Орловской еп., в Глинской пустыни Курской еп. и др. Названные монастыри нужно рассматривать только как наиболее заметные или начальные пункты Паисиевского движения, которое на самом деле охватывало не десяток, а, как увидим, сотни русских монастырей.

На Крайнем Севере в Соловецком монастыре насадителем Паисиевых преданий был иеросхимонах Феофан, о котором мы уже упоминали раньше. По смерти киевского старца затворника Досифея, Феофан переселился в Соловецкий монастырь, куда и перенес заветы старца Паисия. В Александро-Невской лавре еще при жизни старца Паисия образовался кружок его почитателей и последователей во главе с митрополитом новгородским и ладожским Гавриилом. Митрополиту Гавриилу был прислан старцем Паисием перевод с греческого языка книги Добротолюбия с собственноручным письмом. По приказанию митрополита этот перевод рассматривался группою ученых преподавателей духовного училища, причем митрополит рекомендовал им при проверке перевода советоваться с некоторыми опытными в духовной жизни старцами, говоря, что хотя эти старцы и незнакомы с тонкостями греческого языка, но опытом жизни усвоили содержание отеческих книг и потому могут дать им полезные ука-

зания при проверке перевода. По приказанию митрополита Добротолубие было напечатано в Петербурге. Около митрополита группировались его келейник **Феофан**, впоследствии игумен Новоезерского монастыря, игумен Валаамского монастыря **Назарий**, иеродиакон **Александро-Невской Лавры Филарет**, впоследствии старец Ново-Спасского московского монастыря, ученик старца **Паисия Афанасий**, принесший Добротолубие митрополиту, и др. лица.

На Валааме и в Александро-Свирском монастыре трудились ученики старца **Паисия** схимонах **Феодор** и иеросхимонах **Клеопа**. Они вышли из Молдавии в Россию в 1801 году и были Клеопа родом малороссиянин, а **Феодор** из граждан города Карачева, Орловской губ.* Они много лет жили в обители старца **Паисия**, приняли от него пострижение в монашество и были им основательно наставлены и утверждены в духовной жизни. По прибытии в Россию они жили сначала в Челнском монастыре Орловской епархии, потом в Белобережской пустыни той же епархии, расположенной среди глухих и в то время почти непроходимых Брянских лесов. Там они сблизилась с монахом **Леонидом**, который был родом, как и **Феодор**, из города Карачева и происходил из купеческого звания. В 1811 году **Леонид** и **Клеопа** переселились на Валаам, куда прибыл к ним и **Феодор**. На Валааме они прожили 5 лет, проходя умное делание по руководству старца **Паисия** и много из-за этого пострадали от невежественных ревнителей внешнего подвига. В 1816 году старец **Клеопа** скончался в Валаамском монастыре, а **Феодор** и **Леонид** перешли в Александро-Свирский монастырь, где на них обратил внимание император **Александр I**. Здесь в 1822 году скончался отец **Феодор** в

* Старец **Феодор**, род в 1756 г., на некоторое время уходил из обители старца **Паисия** к отшельникам **Онуфрию** и **Николаю**, безмолвствовавшим при потоке Поляна-Ворона, в пяти верстах от скита того же имени **Онуфрий**, уроженец г. Чернигова, из дворян, с юных лет возлюбил Христа, ради Христа юродствовал в юности шесть лет, потом оставил юродство и с другом своим иеромонахом **Николаем** удалился на Украину, а оттуда в Молдавию, к старцу **Паисию**, по благословению которого поселился с **Николаем** в пустыне и жил там с ним 25 лет. При нем жил пять лет и старец **Феодор**, после смерти **Онуфрия** **Феодор** с **Николаем** вернулись к **Паисию**, а после смерти **Паисия** и **Николая** **Феодор** вернулся в Россию. В библиотеке Нямца хранится рукописная отеческая книга, переписанная **Николаем** для **Онуфрия**. Каким бессребренником был **Феодор**, видно из того случая, что данные ему на дорогу одним человеком пять рублей он отдал первой встречной бедной женщине — крестьянке

самый день светлого Христова Воскресения, а отец Леонид, спустя несколько лет, перешел со своими учениками в Оптину Пустынь, где и оставался до самой своей кончины 11 октября 1841 года. Проживая на Валааме и в Александро-Свирском монастыре, старцы имели духовное общение и с Александро-Невскою Лаврою и имели везде единомышленных братий и учеников. На Валааме их учениками были: старец игумен Варлаам, потом переселившийся в Оптину Пустынь и там скончавшийся, и духовник Валаамского монастыря Евфимий. Евфимий, в свою очередь, имел своими учениками Дамаскина, игумена Валаамского, и Илариона, перенесшего предания старца Паисия в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. Знаменитый Валаамский игумен Дамаскин имел своими учениками Агафангела, архимандрита Александро-Свирского монастыря, Агапия, схимонаха Валаамского монастыря, старца слепца, и схимонаха Иоанна, молчальника Валаамского монастыря. Агафангел имел своим учеником Маврикия, игумена Валаамского монастыря

В северной же области подвизался еще один ученик старца Паисия Арсений, перешедший из Брянских лесов в Псковский Никандров монастырь. Он имел своим учеником Герасима, монаха Соловецкого монастыря. В некоторых северных монастырях предания старца Паисия были заимствованы из монастырей центральной области и поэтому они будут указаны в другом месте.

Переходим к центральной области. Здесь прежде всего надо назвать ученика старца Клеопу, не того, о котором было сказано выше, а другого. Этот Клеопа жил долгое время со старцем Паисием сначала на Афоне, затем в Драгомирнском монастыре и, вероятно, в Секуле, и вышел в Россию еще до 1778 года, и был настоятелем Островской Введенской пустыни Владимирской епархии. Это был замечательный подвижник, хранитель умного делания. Он ввел в Островской пустыни общежительный устав Афонской горы, который потом был перенесен его учениками в другие монастыри центральной и северной России. Учениками старца Клеопы были: Игнатий, первоначально подвизавшийся в Санаксарском монастыре под руководством старца Феодора Ушакова, а потом во Флорищевой пустыни Владимирской епархии. С 1778 года после Клеопы он был строителем Островской пустыни, а потом Пешношской обители Московской епархии. В

1788 году он был назначен архимандритом Тихвина монастыря Новгородской епархии и по благословению митрополита Гавриила ввел там общежительный устав. В 1795 году он был переведен архимандритом в Московский Симонов монастырь для учреждения там общежития и там скончался в 1796 году. О нем передают, что он повсюду являлся примером высокой жизни, особенно же смирения и нестяжательности: он был милостив к нищим, сострадателен к несчастным, полон любви к братии. Другой ученик старца Клеопы схиархимандрит Макарий, бывший после Игнатия настоятелем Пешношской обители до самой своей кончины в 1811 году, имел особенное значение в истории русского монашества и старчества: из его учеников вышло 24 настоятеля монастырей. Он имел духовное общение и переписку со старцем Паисием и получил от него в дар посох. Он привел Пешношскую обитель во внешнее и внутреннее благоустройство. Неутомимый и многосведущий в трудах хозяйственных, он еще более был неутомим и опытен в подвигах духовной жизни. По виду он казался строгим, но имел душу, полную отеческой любви; он не имел никакой собственности, разделяя все с братией; ко всем относился приветливо, и его сердечная простота, соединенная с духовною мудростью, привлекала к нему всеобщее расположение и уважение. Митрополит Платон поручал ему приводить в порядок расстроженные обители и ставил его в пример другим настоятелям.

От Пешношской обители многие монастыри заимствовали и общежительный устав, и способных к поддержанию общежития иноков. Так, от старца Макария получили свои уставы и устройство следующие монастыри: Голутвинский, Московский Сретенский, Кириллов-Новоезерский и пустыни: Давидова, Оптиная, Берлюковская, Екатерининская, Медведевская-Кривоезерская и др. Из учеников старца Макария назовем: Авраамия, впоследствии настоятеля Оптиной пустыни, Максима, строителя Пешношского монастыря, Игнатия, схимонаха Коневского монастыря и строителя Задне-Никифоровского монастыря и др. Этот Игнатий имел духовных дочерей Марию, олонекскую отшельницу, и Анастасию, основательницу женской общины, впоследствии Паданского монастыря. Учеником же старца Клеопы был и замечательный подвижник Феофан, игумен Новоезерский, о котором как о келейнике митрополита Гавриила мы уже упоминали. Он лично приез-

жал на Пешношу к отцу Макарию, чтобы получить от него для своего монастыря общежительный устав и выпросить у него нескольких братий для устройства общежития. Игумен Феофан был старцем Моденского монастыря, Александро-Невской Лавры, Устюжского и Кириллова монастырей и Филиппо-Иранской пустыни. Его духовной дочерью была Маврикия, игуменья Горецкого девичьего монастыря. Преемником Феофана в Новоезерской обители был его ученик Аркадий. От учеников старца Клеопы, Игнатия и Макария Паисиевы предания перешли в Коломенский Голутвинский монастырь, где настоятелем был ученик Макария и Игнатия Самуил; учеником Самуила был Назарий, а его учениками были схимонах Иоанникий и отшельник Макарий, шедший тем же путем внутреннего духовного подвига.

Следующим местом, откуда развивалось Паисиевское движение в центральной России, была *Москва*. Здесь было главным образом два средоточия этого движения. Симонов монастырь и Новоспасский. В Симоновом монастыре подвизался ученик старца Паисия монах Павел. В 1812 году он много пострадал от французов, которые били его до такой степени, что все остальное время своей жизни он провел в болезненном состоянии. Там же в Симоновом монастыре жил другой ученик старца Паисия, Арсений. Учеником Павла был иеромонах Иосиф, наместник Симонова монастыря. Здесь же в Симоновом монастыре, как мы уже упоминали, настоятельством архимандрит Игнатий, ученик Клеопы Островского, назначенный сюда для учреждения общежития. В Новоспасском монастыре замечательными старцами были иеромонахи Филарет и Александр, ученики Паисиева ученика Афанасия, проживавшего одно время во Флорищевой пустыни Владимирской епархии. Схимонах Афанасий (его нужно отличать от Афанасия, принесшего Добротолюбие митр. Гавриилу), бывший ротмистр гусарского полка, по фамилии Захаров, жил при старце Паисии более семи лет и принял от него монашеский постриг. По благословению старца он много занимался выписками наставлений из отеческих книг о молитве, смирении, терпении, послушании, любви и прочих добродетелях. По необходимым обстоятельствам он был отпущен в Россию с монахами Амвросием и Феофаном в 1777 году. Здесь перетерпев немало неприятностей, он проживал в Гороховском монастыре, во Флорищевой пустыни, а потом в Белобе-

режской пустыни и в Площанской Богородицкой пустыни Орловской епархии, где многим принес пользу своею жизнью и учением. В Площанской пустыни он и скончался в 1825 году. Приезжая из Флорищевой пустыни в Москву, старец Афанасий бывал у иеромонахов Новоспасского монастыря Александра и Филарета и вел с ними духовные беседы об умном делании по учению старца Паисия. Оба эти иеромонаха заочно знали старца Паисия, любили и почитали его и пользовались переведенными им отеческими книгами, а отец Александр вел даже и переписку с ним. Таким образом оба эти новоспасских инока очень близко стояли к старцу Паисию и обильно пользовались его духовным богатством. Возможно, что будучи знакомы с Афанасием, они имели знакомство и с другим учеником старца Паисия, Амвросием, проживавшим в Гороховском монастыре и отличавшимся особым даром молитвы.

Иеромонах *Филарет* был родом из города Вязьмы, из зажиточной купеческой семьи Пуляшкиных. Рано почувствовав отвращение к светской жизни, он 13 лет поступил в монастырь и с детства углубился в чтение духовных книг, которых немало было в доме его отца. Впоследствии он был несколько лет в Саровской пустыни, а потом в Александро-Невской Лавре при митрополите Гаврииле иеродиакonom. Из Петербурга Филарет переселился в Москву, был некоторое время в Симоновом монастыре, а затем в Новоспасском, где более 40 лет прожил в одной келье, редко выходя за ворота монастырской ограды. Только в тихие летние вечера, когда прекращалось движение народа, он выходил вместе с другом своим Александром и еще с одним старцем Михаилом, державшимся того же учения, на уединенную прогулку вокруг монастырских стен. Проведя много лет в подвигах монашеского безмолвия, старец Филарет остальную часть своей жизни отдал деятельному служению людям, подавая советы и утешения всем требующим без различия лиц и состояний. Келия его ежедневно была наполнена множеством народа всякого звания. Удрученные горем, утесненные жизнью, волнуемые сомнениями, обуреваемые страстью, постигнутые бедою со всех сторон приходили к нему, чтобы излить перед ним свои скорби и получить от него утешение и наставление. В его беседах особенно ясно выражалась его удивительная кротость, крайнее смирение, горячая любовь к ближнему,

красота и сила глубокого духовного разума. Нередко случалось, что от множества посетителей он не имел времени ни пообедать, ни отдохнуть, несмотря на мучительную болезнь, от которой страдал всю свою жизнь. И несмотря на это, он находил еще время для чтения и переписывания отеческих книг. Только незадолго до своей кончины (он скончался в 1842 году на 84 году от рождения) не мог он более служить нуждающимся своими советами, т. к. от постигшего его удара язык его с трудом мог произносить что-либо иное, кроме обычного ему призывания имени Спасителя и Божией Матери. Старец Филарет был духовным отцом Наталии Петровны Киреевской, жены известного русского философа и писателя Ивана Васильевича и через нее оказал влияние и на этого последнего, заинтересовал его духовною жизнью, совершающейся в русском монашестве, расположил его к более глубокому изучению Православия и содействовал его духовному сближению со старцами Оптиной пустыни. Кроме Киреевской отец Филарет был духовным руководителем монахини московского Ивановского женского монастыря Досифеи, отличавшейся высокою духовною жизнью. Судьба этой монахини довольно загадочна, и многие считали и считают ее дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Монахиня Досифея, в свою очередь, имела большое духовное влияние на известных подвижников братьев Путиловых, в монашестве Моисея Оптинского, Исаию Саровского и Антония Малоярославского.

Что касается друга Филарета иеромонаха *Александра*, впоследствии архимандрита Арзамасского монастыря, то о нем известно, что он родился в одном году с Филаретом, т. е. 1758 году, и происходил из православной фамилии польских дворян. Он хорошо знал польский язык. Преданный православной Церкви, он в особенности любил книгу митрополита Стефана Яворского "Камень веры" и сочинения святителя Димитрия Ростовского, книгу которого "Алфавит духовный" советовал иметь всем поступающим в монастырь и поучаться в ней всю жизнь. Обучался он в Киевской Академии. Потом поступил на службу в Камер-коллегию. Долго ли он там пробыл, неизвестно, то только впоследствии он сам говорил, что в молодых летах начал иноческую жизнь в московском Новоспасском монастыре. Будучи в Петербурге с настоятелем монастыря, он был пострижен в монашество митрополитом

Гавриилом и им же рукоположен в 1793 году в иеродиакона, а через месяц в иеромонаха, и всегда пользовался его расположением и состоял с ним в постоянной переписке. В том же 1793 году он был назначен наместником и казначеем Новоспасского монастыря, но через 4 года отказался от обеих должностей и жил в том же монастыре, проводя время в молитве и в изучении святых отцов, проходивших делание умной молитвы Иисусовой, и принял келейно великий образ схимы.

Преосвященный Гавриил, будучи в Москве на коронации императора Павла, часто беседовал с отцом Александром и приглашал его к себе в Новгородскую епархию, но он отказался, не желая оставить своего уединения и своего друга, стремившегося к одной с ним цели. Живя таким образом в Новоспасском монастыре, он имел сношение со старцами молдавскими и афонскими, пользовался их советами и, когда они бывали в Москве по разным делам, принимал их у себя и много помогал им через преданных ему московских знакомых. Очень охотно он помогал также и тем, кто стремился к монашеской жизни. Под его руководством многие проводили внимательную монашескую жизнь. Некоторые из его учеников были настоятелями обителей. В 1810 году отец Александр был посвящен в архимандриты Арзамасского Спасского монастыря, откуда вел обширную переписку со своими московскими духовными детьми и почитателями. Живя очень скромно, но получая по своим должностям значительные денежные средства, он все раздавал братии, монастырским служителям, бедным ученикам духовных училищ и всем нуждающимся. После его кончины осталось только 40 копеек деньгами и никакой одежды. Перед своею кончиною он в течение 18 дней совсем не принимал пищи, кроме нескольких капель воды, питаясь единственно хлебом жизни, Телом и Кровью Господа. Скончался он 29 апреля 1845 года, прослужив в сане священнослужителя 52 года.

Для характеристики старца приведем несколько отрывков из его писем. Когда духовноруководимые отцом Александром молодые подвижники Тимофей и Иона Путиловы отправлялись на жительство в Саров, старец Александр дал им следующее наставление: "Братиям моим о Христе Иисусе Тимофею и Ионе по приезде в Саровскую пустынь советую: 1) Живя там, ходить к братии и иметь дело только с теми, с

кем прикажет настоятель и духовник. 2) Послушание проходить без ропота, а если в чем отяготитесь, просите со смирением перевести на другое, если не переведут — покоритесь. 3) Помните и живите там, никуда не выходя, потому что, если вы и увидите там какие-нибудь кажущиеся неудобства или соблазны, то вы их из себя не истребите и с ними перейдете, тогда в другом месте вдесятеро еще найдете, и они до тех пор с побродяжничеством вашим станут умножаться, пока совсем вас возвратят в мир. А если станете слушаться ваших начальников и сами себя будете обвинять, а соблазны относительно братии за собственный свой недуг и немощи признавать, то всегда и во всем будете оставаться мирными. 4) Если послушание и тяжелое будет, то тяжелым оно кажется только за непослушание и упрямство; потому что вы увидите такое же самое послушание проходящих с покоем других, которые и вас немощнее. Впрочем же, если оставят вас, по вашему желанию, без послушания, то так вас одолеют помыслы, что и не сладите с ними. Поэтому не отказывайтесь от послушания, но ищите. 5) Для вечной вашей душевной пользы всегда помните, что на всякое искушение победа — смирение, самоукорение и терпение. Господь же премилостивый да просветит вас и умудрит, да поможет вам и да сохранит вас; и да покроет вас от всех левых и правых сетей вражиих. 6) Проходя послушание, берегите себя от тяжелых подъемов и храните здоровье, ибо дадите ответ Богу, если по безумной ревности как-нибудь повредите себе и ближних своих отяготите; потому что, когда сделаетесь увечными, то уже не вы будете служить братии, а братия вам служить будут вынуждены, и в этом случае вы будете иметь горькую жизнь, от чего да помилует вас Господь".

В том же году старец Александр пишет Тимофею Путилову: "Сердечно радуюсь, что милосердный Господь не попустил вам с Ионою больше скитаться в мире и осквернять свою душу прелестью. Терпи Бога ради и не забудь, что несть наша брань к крови и плоти, но к началам и проч. Лучше бо по святому Лествичнику с помыслами нам бороться, нежели с сомнением. И не добро быти нам бесстрастными; ибо бесы большею частью тогда отходят ради нашего сомнения, зная, что мы можем и помимо их коварства погибнуть от собственной гордости и остаться без покаяния. Пишете вы о том, что вам мешают помыслы; если можете удержать ветер, то и

помыслы удержите. А святые отцы говорят, что возможно иноку быть и страстным, но не приводить в исполнение свои страсти. Следовательно, мы осудимся за исполнение страстей, а не за то только, что имеем их в себе и одолеваемся помыслами. И первый Адам по своему распознавательному чувству проразумевал, что добро было яблоко в снедь, но не за это познание, а за вкушение яблока был осужден. Да и Бог заповедывал ему не о том, чтобы не сознать доброты плода, но о том, чтобы не вкушать его. Поэтому не смущай душу никакими помыслами, так как ты их не любишь и не услаждаешься ими. Если имеешь духовного отца и доверяешь ему, то открывай ему все свои помыслы и борьбу; а свой разум, как поврежденный и оскверненный грехами, отнюдь не принимай, и не верь себе ни в чем до кончины своей. Более же всего прошу вас — будьте послушны без рассуждения и смиряйтесь перед всеми; по учению святых отцов одним смирением можно спастись, а без него и при всех добродетелях не избежим вечного осуждения. Что нам до зрительной жизни, лишь бы Бог сохранил нас от деятельных грехов, Бог даст тебе разум, только Бога ради терпите".

Некому Андрею Степановичу отец Александр пишет о том, что Христа надо искать не вне себя, а в себе самом. "Касательно намерения твоего и желания ехать в Иерусалим и Афонскую гору решительного ответа дать вам не могу. Мой совет вам такой: изберите себе где-нибудь бедненький монастырь в своем отечестве, закрытый от мира, и в нем постарайся найти Иисуса Христа не в Афонской горе, а в своем сердце. Ибо кроме сердца нашего нигде в другом месте найти Его невозможно. А когда сподобит тебя Господь найти Его в своем сердце, тогда и самая многолюдная площадь будет для тебя Иерусалим и Афон. Сказал кто-то из святых, если в твоём доме зарыто сокровище, а ты про то не знаешь, то в этом случае с тобою бывает так, как бы этого сокровища и не бывало. Так точно и мы все до единого ищем Иисуса Христа по разным местам, не зная того, что Он всегда внутри нас находится. Всемогущий Бог да озарит твое сердце и укажет тебе место, где обитает Иисус Христос".

Очень важным местом в центральной России, где переплелись духовные нити, шедшие от старца Паисия, был также Брянский *Свенский монастырь* Орловской епархии. Там проживали в начале XIX века монах Серафим и схимонах Афона-

сий, тот самый, который доставил митрополиту Гавриилу Добротолубие. Схимонах Афанасий, из сенатских секретарей, оставив мир, странствовал по Святой Афонской Горе и по Молдавии, жил в обители старца Паисия, который поручил его своему ученику Софронию, занимался переводами и списыванием отеческих книг. В 1805 году, живя уже в Свенском монастыре, он получил от старца Софрония наставление не вмешиваться в монастырские порядки и жить молча. Скончался в том же Свенском монастыре в 1811 году на руках старца схимонаха Афанасия (Захарова), которому перед смертью вручил свой замечательный сборник из творений святых отцов. Проживая в Свенском монастыре, старец Афанасий вместе со старцем Серафимом имели духовное влияние на проживавшего там некоторое время будущего настоятеля Оптиной Пустыни Тимофея Путилова. Там же имел возможность узнать от старцев духовное делание настоятель монастыря, впоследствии ректор Московской Духовной Академии, Калужский епископ и Киевский митрополит, покровитель монашества и старчества знаменитый Филарет.

На эти встречи и сожительства в Брянском монастыре следует обратить особое внимание. Здесь установились те связи, которые потом откликнулись в другом месте, как мы увидим дальше. В духовной связи с Брянским монастырем стоит группа пустынножителей Смоленской епархии, подвизавшихся в конце XVIII и в начале XIX века в лесных скитах Рославльского уезда. Эта своеобразная группа русских пустынников состояла в близком общении со старцем Паисием. В нее входили и непосредственные ученики старца, каковы Досифей, проживший 40 лет в Рославльских лесах, Арсений, впоследствии перешедший в Псковский Никандров монастырь, и другие подвижники, не знавшие лично старца Паисия: иеродиакон Анастасий, Афанасий, бывший последние 19 лет своей жизни духовником Свенского монастыря, Арсений из Белобережской пустыни, Моисей и Антоний Путиловы, перешедшие потом в Оптину Пустынь вместе с пустынниками Иларием и Дорофеем.

Переходим теперь к одной из наиболее славных и известных в истории русского старчества обителей, *Оптиной Пустыни*. Эта пустынь восстановлена была из своего запустения знаменитым московским митрополитом Платоном, который назначил в нее настоятелем ученика Пешношского архи-

мандрита Макария Авраамия*. Это назначение ввело Оптину Пустынь в круг духовного влияния старца Паисия, так как Авраамий, ученик Макария, ревностного почитателя старца Паисия и хранителя его предания, перенес эти предания и в Оптину Пустынь. Он ввел здесь общежительный устав и возвысил духовную жизнь. Впрочем, еще и до Авраамия Оптина Пустынь не чужда была влияния старца Паисия. В ней еще в 1800 году поселился ученик старца Паисия монах Феофан. Он был родом из Владимирской губернии, в молодости состоял на службе в черноморском казачьем войске, оставил по болезни военную службу, проживал некоторое время в Софрониевой пустыни у архимандрита Феодосия, откуда перешел в Молдавию к старцу Паисию и три года жил там, проходя поварское послушание. По кончине старца он вернулся в Россию и поступил в Оптину Пустынь. Он отличался крайнею нестяжательностью и великою кротостью, был строгим постником и великим молитвенником. Ревность к постническому подвигу побудила его однажды провести всю святую четырехдесятницу совсем без пищи. Он открыл об этом одному из близких по духу братьев. "Я верую, — говорил он, — что не умру от поста". Брат не стал ни отклонять, ни утверждать его в его намерении. И Феофан в течение всего поста не вкушал ничего и только однажды в неделю употреблял теплую воду. В течение всех 40 дней он совершал келейно всю службу, полагал много поклонов, сам отапливал келию и казался бодрым. Однажды, заметив, что Феофан сильно похудел, брат сказал ему: "Отче, ты очень изнурил себя". "Ничего!" — ответил Феофан, — Христос Спаситель излил за меня всю кровь Свою на кресте, а во мне еще много крови". Выдержав Божией помощью принятый на себя подвиг, он в конце поста приобщился святых Христовых Тайн. Впоследствии он еще раз пытался повторить этот подвиг, но простудился, заболел жестоким кашлем и, постепенно слабая, скончался в 1819 году. Когда брат спросил его, не страшится ли он чего-нибудь в час

* Митр Платон был и сам великим почитателем старца Паисия. В библиотеке Нямецкого монастыря имеется книга бесед преп Макария Великого, присланная митр Платоном старцу Паисию с такою надписью "Преподобному отцу архимандриту Паисию, Нямецкой обители духовному руководителю и наставнику, сию душеполезную подобным подвигом прославленного мужа книгу, во благословение со испрошением богоугодных о себе молитв посылает смиренный Платон, митрополит Московский 1791 г Июля 3 дня в Москве"

смерти, он ответил: "Я с радостью желаю разрешиться от сей жизни", поднял руку для крестного знамения и тихо отошел ко Господу. В 1821 году Калужскую епархию управлял преосвященный Филарет (Амфитеатров). Будучи великим любителем и почитателем монашества и особенно старца Паисия, он, как и митрополит Платон, обратил особенное внимание на Оптину Пустынь и для большего преуспевания в ней монашеской жизни решил устроить при ней скит во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Для устройства скита он пригласил известных ему пустынножителей Рославльских лесов — Досифея, Моисея, Антония, Илария и др., которые и положили начало знаменитому скиту при Оптиной Пустыни. Немного лет спустя отец Моисей стал настоятелем Оптиной Пустыни, а его брат Антоний начальником скита и, таким образом, духовная жизнь Оптиной Пустыни сосредоточилась в руках опытных хранителей Паисиевых преданий. В 1829 году к ним присоединился перешедший из Александро-Свирского монастыря ученик старца Феодора иеромонах Леонид, в схиме Лев, и с его прибытием в Оптиной Пустыни положено было начало знаменитому оптинскому старчеству.

Таким образом в Оптиной Пустыни, как в узле, соединились многочисленные нити духовного влияния старца Паисия через его различных учеников, а именно: монах Феофан принес непосредственно от самого старца Паисия полученную им в Нямецком монастыре духовную закваску; Авраамий принес предания старца Паисия, полученные от Клеопы Островского; Моисей и Антоний принесли предания двух Афанасиев, Серафима Свенского и рославльских пустынножителей, а Леонид предания Феодора и Клеопы малороссиянина. От такого сочетания многообразных духовных воздействий и получился замечательный расцвет оптинского старчества.

Поселившись в Оптиной Пустыни, *старец Лев* скоро приобрел огромное влияние и широкую известность не только среди братии монастыря, но и среди окрестного населения и богомольцев пустыни. Своею высокой жизнью, мудростью, прозорливостью, даром исцелений, милосердием к страждущим, прямою и смелыми обличениями людей порочных, каковы бы ни было их положение, отец Лев привлек к себе всеобщее почитание и любовь, и к нему стали приходить из разных городов и селений разного звания люди — дворяне, купцы, мещане, крестьяне и духовенство, чтобы получить от

него полезный совет и утешение в постигшем горе. С каждым годом стечение к нему народа возрастало. Всякий, будучи принимаем старцем с отеческою любовью, раскрывал перед ним свои душевные раны и находил в беседе его утешение, а многие, одержимые телесными болезнями, и бесноватые получали помощь от его молитв и помазания елеем из лампады, горевшей перед его келейною Владимирскою иконой Божией Матери. Своим добрым влиянием как на братию обители, которой он был старцем и духовником, так и на приходящих богомольцев, старец Лев много содействовал подъему и благоустройству Оптиной Пустыни как внутреннему, так и внешнему. Под сень обители из разных мест собиралось множество братий, искавших мудрого руководства в духовном подвиге. Зная духовную опытность и дарование старца Льва, настоятель Оптиной Пустыни отец Моисей всех приходявших на жительство в обитель поручал старцу как духовному руководителю. Одаренный духовным рассуждением, имея острую память и дар слова, отец Лев всякому давал соответствующее наставление из отеческих книг и Священного Писания. Пред народом же старец любил скрывать высокое устройство своего духа под крайнею простотой своего слова; речь его отличалась своеобразным сочетанием духовной силы Писания и яркой выразительности народного языка. Кроме ежедневных занятий в монастыре, старец получал множество писем от разных лиц, просивших у него разрешения недоумений, и, по любви своей к ближним, старец или сам писал им, или диктовал необходимые ответы. Отец Лев скончался 72 лет от роду. В предсмертной болезни он часто призывал имя Господа, наконец, успокоился, перекрестился, благословил братию и спокойно предал дух свой в руки Божии.

Ввиду особенно важного значения Оптиной Пустыни в истории русского старчества назовем ее наиболее выдающихся и известных подвижников и старцев, а также укажем и тех лиц и те монастыри, на которые она имела особенное влияние. Получив при самом своем восстановлении основательную Паисиевскую закваску, Оптина Пустынь глубоко сроднилась с духом старца Паисия и его заветами. В ней все: и устав обители, и постановка богослужения, и общий порядок жизни, и духовное устройство каждого отдельного брата — удивительно согласованы и носят печать особенной духовности, просветленности и радостной умиротворенности. Едва пересту-

пив порог этой святой обители, богомолец или странник сразу чувствует здесь близость Божию, особенную благодатность ее духовной атмосферы, и сам невольно становится ближе к Богу и настраивается на светлый и радостный лад. Такой свой духовных облик и такое плодотворное влияние Оптиной Пустынь сохраняла неизменно в течение почти ста лет до самой революции.

Из замечательных подвижников и старцев Оптиной Пустыни мы должны прежде всего назвать ее знаменитого настоятеля архимандрита *Моисея*, управлявшего ею более 30 лет и скончавшегося в 1862 году. Сын московского купца, он вместе с братьями своими Александром и Ионою, в монашестве Антонием и Исаией, находился сначала под духовным руководством московских старцев Филарета и Александра и старицы Досифеи, потом вместе с братом Ионою проживал в Саровской пустыни, оттуда перешел в Брянский Свенский монастырь, где пользовался руководством учеников старца Паисия, Афанасия и Серафима, жил с братом Александром в Рославльских лесных скитах под руководством Досифея, Дорофея и Арсения и, наконец, переселился в Оптину Пустынь, где и оставался до самой своей кончины. Он был строгим хранителем Паисиевых преданий и его общежительного устава, положил начало оптинскому старчеству, привел Оптину Пустынь в духовное и материальное благоустройство и сам был известен святостью жизни и духовною опытностью. Руководя жизнью оптинского братства, он не оставлял без своего руководства и других лиц, обращавшихся к нему за советами. Так, под его духовным руководством находился настоятель Тихоновой пустыни Калужской епархии Моисей и затворник Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой Лавре иеросхимонах Александр, имевший своим учеником духовника Гефсиманского скита, иеромонаха Германа, впоследствии строителя и игумена Зосимовой пустыни Владимирской епархии.

Брат отца Моисея отец *Антоний* вместе с ним подвизался в Рославльских лесах, принимал участие в устройстве Оптинского скита и был его первым начальником, а потом в течение 14 лет был игуменом Малоярославецкого монастыря Калужской епархии; уволившись от этой должности, он прожил 12 лет на покое в Оптиной Пустыни, где и скончался в 1865 году. Так же как и брат, он отличался высокою духовною жизнью и имел особый дар утешать скорбящих. Замечательны его пись-

ма и записки, изданные Оптиной Пустынью. Под его духовным руководством находился Иосиф, иеросхимонах Николо-Угрешского монастыря Московской епархии.

Кроме указанных лиц в Оптиной Пустыни было еще много других замечательных подвижников. Таковы: архимандрит Мельхиседек, ученик Игнатия Островского, занимавший должности — настоятеля Ростовского Яковлевского монастыря, Спасского Арзамасского, Спасо-Евфимиева Суздальского, наместника Александро-Невской Лавры и, наконец, проживавшего на покое в Оптиной, где и скончался, иеросхимонах старец Иоанн из раскольников, ученик старца Льва, постриженник отца Моисея, оставивший несколько сочинений против раскола. Доказывая правоту Православия, он чудесно ее засвидетельствовал, достав рукою со дна кипящего котла горсть песка. Он скончался в 1849 году Монах Иларион, поступивший в Оптину Пустынь 80 лет и подвизавшийся в ней 16 лет. Вассиан — старец, схимонах, великий постник, за 45 лет монашества не пивший чаю и вина, не вкушавший рыбы и молока, кроме Пасхи, и дважды выдержавший 40-дневный пост; Иов, иеросхимонах, духовник старца Макария, великий любитель безмолвия; Пимен, иеросхимонах, духовник старца Амвросия, ученик Льва и Макария, отличавшийся особенною простотою и молчаливостью.

Теперь мы обратимся ко второму знаменитому оптинскому *старцу Макарию*. Он проходил из дворянской помещицкой семьи Ивановых Орловской губ. В молодости он думал жениться, но, побывав однажды в Площанской пустыни Орловской епархии, так был пленен красотой монашества ("все монахи показались ему земными ангелами"), что уже не захотел вернуться домой и навсегда остался в обители. Его учителем в Площанской пустыни был ученик старца Паисия схимонах Афанасий (Захаров), тот самый, под влиянием которого в Москве находились старцы Филарет и Александр, а через них Моисей Оптинский и Иван Васильевич Киреевский, которым потом пришлось вместе со старцем Макарием работать над изданием переводов старца Паисия. Как удивительно сплетались и переплетались духовные нити, шедшие от старца Паисия! Отец Макарий жил в Площанской пустыни 24 года. По смерти старца Афанасия началось духовное сближение и переписка отца Макария с отцом Львом, результатом которой было переселение отца Макария в скит Оптиной Пус-

тыни В течение 7 лет продолжалась совместная жизнь в Оптиномском скиту старцев Макария и Льва Они связаны были между собою теснейшею дружбою и единомыслием. Они писали своим духовным детям общие письма за общею подписью Но характеры их были совершенно различны. Отец Лев, из купцов, был прям, грубоват, практически мудр, хотя и имел нежное сердце. Отец Макарий, из дворян, был мягок, кроток, любил книжные занятия и в молодости, до поступления в монашество, играл на скрипке, любил петь Но оба они были одинаково великими ревнителями истинного духовного монашества После кончины отца Льва отец Макарий старчествовал 19 лет, будучи в то же время, после отца Антония, начальником скита, и скончался в 1860 году. Так же как и отец Лев, он собрал вокруг себя много учеников, желавших подвизаться под его руководством. Среди них было много людей образованных, при помощи которых старец предпринял издание переводов отеческих книг старца Паисия. Особенно близкое участие в том деле принимал, как было сказано, Иван Васильевич Киреевский, духовный сын отца Макария, проживавший недалеко от Оптиной Пустыни в своем имении Долбино Горячее содействие оказывали старцу в издании книг его московские друзья и почитатели — московский митрополит Филарет, профессор Московской Духовной Академии — прот. Ф. А. Голубинский, ректор Академии прот. А. В. Горский, проф. Московского Университета Шевырев и др Таким образом, трудами и заботами старца Макария положено было в Оптиной Пустыни начало издательской деятельности, которая не прекращалась и по смерти о. Макария

Через два года после кончины о. Макария скончался настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Моисей, а еще через три года его брат игумен Антоний и, таким образом, сошли в могилу главные лица, положившие в Оптиной Пустыни основание старчеству и строгому монашескому общежитию. Но с их смертью начатое ими дело не заглохло Хранителями и продолжателями дела первого поколения Оптинских старцев явились новый старец иеросхимонах Амвросий и новый настоятель монастыря архимандрит Исаакий Старец *Амвросий*, по фамилии Гренков, происходил из духовного звания и родился в 1812 году в селе Большие Липовицы, Тамбовской губ. По окончании духовного училища и духовной семинарии он

некоторое время был домашним учителем в одной помещицкой семье, а затем преподавателем духовного училища в Липецке. В 1839 году, по совету старца Илариона Троекуровского, он ушел в Оптину Пустынь, где и поступил под духовное руководство сперва отца Льва, а после его смерти отца Макария. Отличаясь живым и веселым, общительным характером, мягким и добрым сердцем, проникательным умом, житейскою опытностью и мудростью, высоким духовным устройством, глубокою молитвенностью и знанием человеческого сердца, Амвросий по смерти Макария естественно заступил его место и как бы совместил в себе духовные черты и дарования обоих своих предшественников. Он имел огромное духовное влияние не только на братию монастыря, но и на посторонних людей всякого звания и положения, состояния и образования, начиная от бедной и темной крестьянки, плачущей над своимидохнувшими индюшками, и оканчивая митрополитами, великими князьями, сенаторами, писателями и философами, приходившими к нему искать совета и утешения в трудных и сложных вопросах внутренней и внешней жизни, и никто не уходил от него, не получив необходимой помощи и нравственной поддержки, так что на нем, действительно, во всей точности исполнились слова апостола, начертанные впоследствии на его могильном камне: "Бых немощным яко немощен, да немощные приобрящу: всем бых вся, да всяко некия спасу". При всей своей крайней немощи и болезненности, приковылавшей его почти всегда к постели, он с утра и до поздней ночи с небольшим перерывом для обеда и краткого отдыха принимал посетителей, и эта его деятельность продолжалась непрерывно в течение целых 30 лет.

В последние же 10 лет своей жизни он возложил на себя еще новую заботу о содержании и благоустройстве многолюдной женской Шамординской общины, основанной им в 12 верстах от Оптиной Пустыни, в которой кроме 1000 сестер, большею частью не имевших никаких личных средств, а иногда и совершенно больных и престарелых, содержались еще детский приют, школа, богадельня на 60 старух и больница. При помощи преданных духовных детей, из которых нельзя не упомянуть семьи Ключаревых, Перловых и Бахрушиных, старец не только содержал эту огромную обитель, но и устроил в ней величественный храм и трапезную, редкие по своей красоте. Среди такого многолюдства и таких забот старец не

прекращал и дела книжного издательства и вел еще огромную переписку. Когда в 1891 году старец Амвросий скончался, то все почувствовали, что рухнула огромная нравственная и материальная опора для великого множества обездоленных и несчастных людей и непритворны были всеобщая великая скорбь и громкие рыдания, которыми сопровождалось его погребение.

Настоятелем Оптиной Пустыни при старце Амвросии был архимандрит *Исаакий*. Он был родом из богатой курской купеческой семьи Антимоновых. В молодости он торговал скотом и ездил по ярмаркам. Задумавши поступить в монастырь, он потихоньку от отца уехал в Оптину пустынь и явился к старцу Льву. Старец, по обыкновению, сидел окруженный народом, плел свое обычное рукоделие — пояски и беседовал. Молодой Антимонов поместился сзади всех. Вдруг он слышит громкий окрик старца: "Ванюшка!" Не думая, что этот окрик относится к нему, неизвестному старцу модному губернскому франтику, Антимонов продолжал преспокойно сидеть. Однако народ засуетился, стали толкать его и говорить: "Иди, это тебя старец зовет". Пораженный прозорливостью старца, Антимонов подошел к нему и после беседы с ним навсегда остался в монастыре. Сначала он был учеником отца Льва, потом отца Макария и, наконец, старца Амвросия, по указанию которого, совершенно неожиданно для себя, был по смерти отца Моисея назначен настоятелем монастыря. Отец Исаакий отличался глубоким смирением, глубоким благоговеющим настроением и молчаливостью. Скончался он в глубокой старости в 1894 году. Из других замечательных оптинцев могут быть еще названы: иеродиакон Палладий, перешедший в Оптину Пустынь из Площанской еще при Авраамии в 1815 году и проживший в Оптиной Пустыни 46 лет; иеродиакон Мефодий, 22 года лежавший разбитый параличом. Мог говорить "Да, да" и "Господи, помилуй". Его знал Лев Ник. Толстой и любил указывать на него, как на пример великого страдания и великого терпения, воспитываемого христианскою верою, слепой схимник Карп, о котором старец Лев сказал: "Карп слеп, а видит свет"; иеросхимонах Гавриил, основатель и старец Белокопытовской женской общины; иеросхимонах Феодот, духовник и старец Гефсиманского скита и Параклитовой пустыни при Троице-Сергиевой Лавре; иеросхимонах Иларион, духовник и скитоначальник, был ке-

лейником старца Макария, а потом разделял со старцем Амвросием труды старчества, Елисей — послушник, лесной сторож, проживший в Оптиной Пустыни 52 года; он отказывался от повышений и был любимым гостем старца Амвросия; иеромонах Климент (Зедергольм) — ученик, письмоводитель и сотрудник старца Амвросия по книгоиздательству. Судьба Климента особенно замечательна. Он был сын главного Московского лютеранского пастора-суперинтенданта, человека очень ученого и серьезного, глубоко преданного лютеранскому учению. Отец Климент блестяще окончил филологический факультет Московского университета и готовился к профессорскому званию. Не найдя удовлетворения в лютеранстве, он сблизился через своих московских православных друзей со старцем Макарием, почувствовал красоту и правду Православия, принял православную веру, а потом и монашество и поселился в скиту при Оптиной Пустыни, где жили самые строгие подвижники, сделался самым преданным учеником старца Амвросия и помогал ему в письмоводстве и книгоиздательстве. Замечательна его переписка с отцом по поводу его перехода в Православие. Очень интересное жизнеописание Климента составлено известным русским писателем и философом, духовным сыном старца Амвросия, К. Н. Леонтьевым.

Продолжим наш перечень выдающихся оптинцев. Константин Николаевич Леонтьев — русский консул на Ближнем Востоке, высоко образованный человек, оригинальный русский мыслитель, ненавидевший и отрицавший социализм, как стремление ко всеобщей нивелировки и обезличению, признавший, что мир живет и спасается красотой, автор книги "Восток, Россия и Славянство". В бытность свою на Афоне он перенес тяжкую болезнь (холеру), и чудесным образом по молитве перед иконою Божией Матери исцелился от нее. После этого он сделался глубоко верующим православным христианином, с особенною силою почувствовавшим истину двух догматов Православия — о вечных муках и о вечном блаженстве. Переселившись в 70-х годах прошлого столетия в Оптину Пустынь, он познакомился со старцем Амвросием и сделался его преданным учеником. Перед кончиною отца Амвросия он перешел в Троице-Сергиеву Лавру, принял монашество и скончался в 1892 году Флавиан, ученик старцев Льва, Макария и Илариона — строгий подвижник. Анатолий

(Зерцалов), иеросхимонах и скитоначальник по смерти отца Илариона, ученик старцев Макария и Амвросия, из духовного звания, студент семинарии. Вместе с Иосифом он был преемником отца Амвросия по старчеству; известен как делатель умной молитвы, был духовником Шамординских сестер, скончался в 1894 году Даниил Болотов, иеромонах из известной дворянской фамилии, брат знаменитой первой настоятельницы Шамординской общины — схимонахини Софии, окончил Академию художеств, замечательный иконописец и портретист, очень образованный человек, необыкновенно добрый и чистый сердцем ученик старца Амвросия, написавший его лучший портрет. Скончался в 1907 году. Иосиф, иеросхимонах келейник и ученик старца Амвросия, преемник его по старчеству, смиренный и кроткий старец. Старец Амвросий говорил о нем своим духовным детям: "Я вас поил вином с водою, а Иосиф будет поить вас чистым вином" Скончался в 1911 году. Венедикт, архимандрит, преемник по скитоначальничеству и по старчеству отца Анатолия Зерцалова, из белого духовенства. Овдовев, обратился за советом к старцу Амвросию и по его указанию поступил в Оптину Пустынь. Был письмоводителем отца Амвросия и духовником Шамординских сестер. Скончался архимандритом Боровского монастыря. Ювеналий (Половцев), сотрудник старцев Макария и Амвросия по книгоиздательству, впоследствии настоятель Глинской пустыни, наместник Киево-Печерской Лавры и Александро-Невской Лавры, епископ Курский и архиепископ Литовский Леонид Кавелин, также сотрудник старцев Макария и Амвросия по книгоиздательству, потом наместник Троице-Сергиевой Лавры. Ксенофонт, архимандрит и настоятель Оптиной Пустыни, смиренный, строгий, молчаливый и благоговейный хранитель оптинских преданий, из крестьян. Последними старцами Оптиной Пустыни были делатель умной молитвы иеромонах Нектарий, ученик скитоначальника Анатолия, и иеромонах Анатолий, бывший келейник старца Амвросия, а потом его общепризнанный заместитель.

Этими последними именами мы заканчиваем далеко не полный список умерших замечательных оптинских подвижников, хранивших заветы старца Паисия. Оптина Пустынь в своем постоянном духовном росте явилась могучим духовным центром, откуда дух истинного православного монашества

широко разливался по всей России. Близко наблюдавший Оптиных старцев, Лев Ник. Толстой, признавая, что в русском народе глубоко укоренены христианские чувства, говорит в одном из своих писем, что эти чувства воспитаны в нем русскими монастырями и их старцами.

Назовем теперь те обители и тех лиц, на которые распространялось духовное влияние Оптиной Пустыни и ее старцев. Оптинский старец Антоний, будучи назначен настоятелем Малоярославецкого монастыря, перенес туда предания старца Паисия. Его дело продолжал архимандрит Пафнутий, бывший перед тем скитона начальником в Оптиной Пустыни. Старец Лев через своего ученика Геронтия насадил старчество в Тихоновой пустыни Калужской епархии. Кроме Геронтия в той же Тихоновой пустыни известны подвижники: Ефрем, духовник обители, и Моисей, настоятель Тихоновой пустыни, ученик старцев Льва, Макария и Моисея оптинских. В Николо-Угрешском монастыре Московской епархии были ученики старца Льва — настоятель монастыря Иларий, и игумена Антония — иеросхимонах Иосиф. В Белевском девичьем монастыре старчество было насаждено отцом Львом через свою духовную дочь Анфию, претерпевшую много скорбей за свою преданность отцу Льву, а также и через игумену Павлину, настоятельницу Белевского монастыря, при которой этот монастырь стал особенно процветать. Под духовным руководством старца Льва находилась также Борисовская Тихвинская женская пустынь Курской епархии. Учениками оптинских старцев были также Макарий, настоятель Можайского Лужецкого монастыря, Никодим, игумен Мещевского и Малоярославецкого монастырей, Иларий, старец Мещевского монастыря, настоятельница Каширского монастыря Макария и настоятельница того же монастыря игумения Тихона; основательница Белокопытовского Казанского женского монастыря Александра и священник того же монастыря протоиерей Андрей; настоятель Лихвинского монастыря архимандрит Агапит, написавший лучшее из описаний жизни старца Амвросия; настоятель Одринского монастыря игумен Серапион; духовник Киево-Печерской Лавры иеросхимонах Антоний; протоиерей села Спас Чекряк Орловской епархии отец Георгий Коссов, известный молитвенник, обладавший даром прозорливости и исцелений, создавший в своем бедном и захолустном селе прекрасный каменный храм, школу, приют и

богадельню*; схимонахиня София (Болотова), духовная дочь и ученица старца Амвросия, первая настоятельница Казанского Шамординского женского монастыря, по смерти которой старец Амвросий сказал: "Ах мать, обрела благодать у Бога!"; игуменья Евфросиния, вторая настоятельница Шамордина, слепая; игуменья Екатерина и игуменья Валентина, последняя шамординская настоятельница.

Духовным руководством старца Макария пользовались следующие женские обители: монастыри Великолуцкий, Вяземский, Курский, Серпуховской, Севский, Калужский, Елецкий, Брянский, Казанский, Осташковский, Смоленский и др. Точно так же и к старцу Амвросию относились многие женские монастыри, и иные обязаны были ему и своим возникновением. Так, под его руководством находились: Борисовская пустынь, Каширский монастырь, Белевский монастырь и Болховской; по его благословению возникли и устроились — Ахтырский Гусевский монастырь Саратовской епархии, Козельщанский монастырь Полтавской епархии, Пятницкая женская община, Предтеченская пустынь Орловской епархии, Николо-Тихвинская община Воронежской епархии, и, наконец, Казанская женская Шамординская пустынь Калужской епархии.

Говоря о духовном влиянии Оптиной Пустыни, нельзя умолчать и об ее влиянии на русскую интеллигенцию. Мы уже упоминали об И. В. Киреевском, отце Клименте Зедергольме и К. Н. Леонтьеве. Назовем еще: Н. В. Гоголя, имевшего переписку со старцем Макарием и архимандритом Моисеем, профессоров Московского университета Шевырева и Юркевича, и посещавших старца Амвросия Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, графа А. К. Толстого, В. К. Константина Константиновича и графа А. Н. Толстого, которого даже в последние роковые дни его жизни потянуло прежде всего в Оптину Пустынь, к ее старцам. В Шамордине жила родная сестра Льва Николаевича — Мария Николаевна, о которой еще в ее детстве сказал старец Лев: "Эта Маша будет наша". Вообще о Шамордине нужно сказать, что там, под крылом старца Амвросия, нашли убежище сотни русских образо-

* Испуганный бедностью своего прихода, о Георгий задумал бежать из него и пришел за советом к о Амвросию, но тот решительно запретил ему оставлять приход "Вас двое (с Богом), а он один (дьявол)", — сказал старец о Георгию

ванных женщин, имена которых невозможно и перечислить.

Нам остается еще рассмотреть южную ветвь русского старчества, ведущего свое начало от старца Паисия. Из непосредственных учеников старца Паисия на юге России известны: монах Герасим, постриженник старца Паисия, по выходе в Россию жительствовавший в Софрониевой пустыни Курской губернии; в Екатеринославской епархии подвизался иеросхимонах Ливерий, скончавшийся в глубокой старости в 1824 году. Он имел своим учеником инспектора Екатеринославской духовной семинарии ученого инока Макария, впоследствии знаменитого начальника Алтайской миссии. Наиболее же широкое влияние на юге России имел, несомненно, знаменитый иеросхимонах Василий (Кишкин). Он происходил из дворян Курской губ., много странствовал и жил подолгу на Афоне и в Молдавии у старца Паисия. Возвратившись в Россию, он был строителем Белобережской пустыни, потом жил в Кременецком монастыре, в Саровской пустыни, в Коренной, в Глинской, в Софрониевой и Борисовской пустынях Курской епархии, в Рыхловском монастыре Черниговской епархии, в Усть-Медведицком монастыре Донской епархии, в Севском монастыре и в Площанской пустыни Орловской епархии. Во всех этих обителях он оставил многочисленных учеников и скончался в 1831 году. Он имел счастье слушать беседы Тихона Задонского и был другом Антония, архиепископа Воронежского. Это был замечательный подвижник, с юных лет отличавшийся целомудрием, смирением, терпением и любовью к оскорблявшим его. Из его учеников известны: оптинский старец Лев, находившийся под его руководством в Белых берегах; Серафим, бывший настоятель Белобережской пустыни; Арсений, подвизавшийся в Рославльских лесах; схииеродиакон Мельхиседек; схимонах Белобережской пустыни Макарий и другие подвижники этой обители, о которой нужно сказать, что она так же была замечательным средоточием Паисиевского движения. Далее учениками старца Василия были: Афанасий, схимонах Афонский; иеродиакон Анастасий, подвизавшийся в Свенском монастыре и в Рославльских лесах; архимандрит Симонова монастыря в Москве Мельхиседек, Оптинский архимандрит Моисей, игуменья Усть-Медведицкого монастыря Августа.

Его же учеником, и вместе с тем учеником старца архи-

мандрита Феодосия из Молдавии, был и знаменитый подвижник Глинской пустыни Филарет, от которого ведет свое начало Глинская линия русского подвижничества. Назовем наиболее известных подвижников этой линии: монах-старец Феодот, прозорливец; Макарий, иеросхимонах, прозорливый старец, достигший высокого духовного совершенства; Мартирий, великий постник, по неделе не вкушавший пищи и любивший уединение и безмолвие; схимонах Евфимий, келейник отца Филарета; Пантелеимон, иеросхимонах-отшельник, погребенный в скиту, его заботами устроенном на месте явления чудотворной иконы Рождества Богородицы; иеромонах Антоний, помощник братского духовника, безмолвник; иеродиакон Серапион, видевший своего Ангела-хранителя и после смерти три часа перебиравший четки; монах Досифей, обладавший даром прозрения и исцеления, сподобившийся слышать ангельское пение при смерти старца Феодота; схиархимандрит Илиодор, бывший восемь лет игуменом Рыхловского монастыря и настоятелем Петропавловского монастыря Черниговской епархии; схимонах Лаврентий, ученик архимандрита Илиодора и преемник его по старчеству; архимандрит Иннокентий, ученик многих старцев и, главным образом, старца Макария, обладавший любвеобильным сердцем и даром исцеления; иеросхимонах Илиодор, молитвенник, за год предсказавший свою кончину; схимонах Архипп, обладавший даром прозрения и молитвы, руководитель духовной жизни схимников; подвижник-прозорливец Лука и многие другие.

Из отдельных лиц, не принадлежавших к братии Глинской пустыни, но пользовавшихся ее духовным руководством, нам известны: Филарета — игумена Уфимского Благовещенского монастыря, ученица Филарета Глинского; Макарий, архимандрит Алтайской миссии, впоследствии настоятель Болховского Троицкого монастыря, переводчик Библии, прозорливец; Феодосий, духовник Святогорской пустыни Харьковской епархии, ученик отца Филарета; иеросхимонах Иоанн, затворник Святогорской пустыни, ученик отца Филарета; Иоанникий, духовник Святогорской пустыни, целитель бесноватых, архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Николаевской пустыни, ученик отца Филарета, преподобный Серафим Саровский за 24 года предсказал ему начальствование над иноками; Макария, прозорливая схимонахиня Гама-

леевского монастыря Черниговской епархии, духовная дочь старца Глинской пустыни Анатолия; Клеопатра, игуменья Севского монастыря; старец Глинской пустыни Анатолий благословил ее идти в монастырь и предсказал ей, что она будет игуменней.

К сделанному нами краткому перечню учеников старца Паисия (далеко не полному), считаем необходимым присоединить список лавр, монастырей, пустыней, скитов и общин, получивших от него или от его учеников свои уставы, своих старцев, или настоятелей, или имевших его учеников и последователей среди своего братства. Оговариваемся, что и этот наш список далеко не полон.

1. Афонский Ильинский скит и другие Афонские монастыри и скиты, находившиеся под влиянием старца Паисия и его учеников.

2. Драгомирнский монастырь Святого Духа в Молдавии.

3. Секульский Иоанна Предтечи монастырь в Молдавии.

4. Нямецкий Святовознесенский монастырь в Молдавии.

5. Ново-Нямецкий монастырь в Бессарабии.

6. Тисманский монастырь в Молдавии и другие молдавские монастыри и скиты, находившиеся под влиянием старца Паисия.

7. Александро-Невская Лавра в Петербурге.

8. Александро-Свирский монастырь Олонецкой епархии.

9. Арзамасский Спасский монастырь Нижегородской епархии.

10. Ахтырская Гусевская женская община Саратовской губ.

11. Амвросиевская Казанская женская пустынь Калужской губ.

12. Алтайская миссия.

13. Боровский Пафнутиевский монастырь Калужской епархии.

14. Берлюковская пустынь Владимирской епархии.

15. Борисоглебский монастырь Московской епархии.

16. Брянский Свенский монастырь Орловской епархии.

17. Белобережская пустынь Орловской епархии.

18. Белопесоцкий Каширский монастырь Тульской епархии.

19. Борисовская женская пустынь Курской епархии.

20. Белевский Крестовоздвиженский женский монастырь.
21. Болховский женский монастырь Орловской епархии.
22. Болховский Троицкий монастырь.
23. Бузулукская Тихвинобогородицкая женская община Самарской епархии.
24. Бабаевский Николин монастырь Костромской епархии.
25. Белокопытовский Казанский женский монастырь Калужской епархии.
26. Брянский женский монастырь Орловской епархии.
27. Валаамский монастырь.
28. Великолуцкий женский монастырь.
29. Вяземский Аркадиевский женский монастырь.
30. Высокогорская Чуркинская Николаевская пустынь.
31. Виленский Святодухов монастырь.
32. Горецкий девичий монастырь Новгородской епархии.
33. Гороховский монастырь Владимирской епархии.
34. Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре.
35. Глинская пустынь Курской епархии.
36. Екатериненская пустынь Московской епархии.
37. Елецкий женский монастырь.
38. Задне-Никифурская пустынь Олонецкой епархии.
39. Ивановский женский монастырь в Москве.
40. Кривоезерская пустынь Костромской епархии.
41. Коломенский Голутвин монастырь.
42. Кириллов монастырь Новгородской епархии.
43. Коневский монастырь на Ладожском озере.
44. Курский женский монастырь.
45. Козельщанский женский монастырь Полтавской епархии.
46. Кременецкий монастырь Воронежской епархии.
47. Казанский женский монастырь в городе Троицке.
48. Ильинский монастырь в Мензелинске, Уфимской епархии.
49. Каширский девичий монастырь.
50. Киево-Печерская Лавра.
51. Калужский женский монастырь.
52. Киренский монастырь Иркутской епархии.
53. Лихвинский Покровский монастырь Калужской епархии.
54. Леслевская пустынь Смоленской епархии.
55. Медведева пустынь Владимирской епархии.

56. Моденский монастырь Новгородской епархии.
57. Малоярославецкий монастырь.
58. Мещевский монастырь Калужской епархии.
59. Можайский Лужицкий монастырь Московской епархии.
60. Молчанская пустынь Курской епархии.
61. Новоезерская пустынь Новгородской епархии.
62. Новоспасский монастырь в Москве.
63. Николо-Угрешский монастырь Московской епархии.
64. Новый Афон на Кавказе.
65. Николо-Тихвинская женская община Воронежской епархии.
66. Островская Введенская пустынь Владимирской епархии.
67. Оптина Введенская пустынь Калужской епархии.
68. Одигитриевский женский монастырь в Челябинске.
69. Одрино-Николаевский монастырь Орловской епархии.
70. Осташковский женский монастырь Тверской епархии.
71. Пешношский монастырь Московской епархии.
72. Палеостровская пустынь Олонецкой епархии.
73. Паданский женский монастырь Олонецкой епархии.
74. Параклитова пустынь при Троице-Сергиевой Лавре.
75. Площанская пустынь Орловской епархии.
76. Псковский Никандров монастырь.
77. Петропавловский монастырь Черниговской епархии.
78. Пятницкая женская община Воронежской епархии.
79. Предтеченская пустынь в городе Кромах.
80. Почаевская Успенская Лавра.
81. Ростовский Яковлевский монастырь.
82. Рыхловский монастырь Черниговской епархии.
83. Рославльские скиты Смоленской епархии.
84. Сретенский монастырь в Москве.
85. Симонов монастырь в Москве.
86. Соловецкий монастырь.
87. Саровская пустынь Тамбовской епархии.
88. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.
89. Сурпуховский женский монастырь.
90. Севский девичий монастырь.
91. Софрониева пустынь Курской епархии.
92. Святогорская пустынь Харьковской епархии.
93. Смоленский женский монастырь.

94. Спас-Чекряк, Болхобского уезда, Орловской епархии.
95. Тихвинский монастырь Новгородской епархии.
96. Троицкий монастырь в Киеве.
97. Тихонова пустынь Калужской епархии.
98. Троицкий женский монастырь в Бирске Уфимской епархии.
99. Троице-Сергиева Лавра.
100. Устюжский монастырь Новгородской епархии.
101. Усть-Медведицкий женский монастырь Донской епархии.
102. Успенский монастырь в Оренбурге.
103. Уфимский Благовещенский монастырь.
104. Флорищева пустынь Владимирской епархии.
105. Филиппо-Иранская пустынь Новгородской епархии.
106. Челнская пустынь Орловской епархии.
107. Якутский монастырь.

Из сказанного видно, как широк был круг влияния старца Паисия. У нас в России он распространялся на монастыри 35 епархий, причем наибольшее число монастырей, имевших учеников старца Паисия, находится в Московской епархии (14); далее следуют: Орловская епархия (12), Калужская (9), Новгородская (7), Владимирская (6), Курская и Смоленская по 5, Олонецкая — 4, Петербургская, Тульская, Воронежская, Оренбургская и Уфимская по 3, Костромская, Псковская, Киевская и Черниговская по 2, остальные по одному.

Настоящая книга была написана в исключительные дни, когда не только в России, но и повсюду идет жестокая борьба против самых оснований христианства. Развивается стремление построить жизнь человечества на иных новых основаниях, которые именуются социалистическими и коммунистическими, но которые правильнее было бы назвать атеистическими и материалистическими. Христианство в течение двух тысячелетий указывало человечеству, что ни в самом человечестве и ни в самом человеке, оторванном от вечного начала жизни, от Бога, нельзя найти истинный смысл и оправдание жизни. Их можно найти только в познании Бога, в единении с Ним и в любви к Нему и в согласовании своей жизни с волею Божиею

Вне этого подчинения воле Божией человеческая жизнь превращается в сплошной хаос озлобленной борьбы и взаимного уничтожения.

Христианство открыло человечеству глубочайшую тайну спасения мира и человека чрез Воплотившегося и Распятого на кресте Сына Божия, Богочеловека Иисуса Христа, через Его святую Церковь и Его святые Таинства, особенно же Таинство св. Причащения, и через Его учение. Во имя этой спасительной веры оно зовет людей к братскому единению и мирному строительству общей жизни, к непрерывному развитию всех сторон человеческой жизни — умственной, нравственной, эстетической и материальной. Христианство не пренебрегает земною жизнью, хотя и видит в ней лишь подготовительную ступень к жизни вечной. Оно обещает людям бессмертие. Своим мировоззрением и своим религиозно практическим укладом жизни христианство в течение двух тысячелетий воспитывало человечество, произвело огромный подъем его духовных сил, создало огромные ценности в произведениях живописи, музыки, архитектуры, литературы и науки, облагородившие человеческие нравы и отношения. Оно открыло перед людьми необъятный мир новой глубокой необъятной жизни.

Вот это-то христианское мирозерцание и создаваемый им духовный облик человеческой души — и противны новым людям. Их идолом является человек, которого они считают высшим существом природы, и в то же время они не верят в его бессмертие: для них человек только высшее из животных; и его существование ограничивается одной землей. Противореча самим себе, они не замечают ничтожества человеческого существования, строят здание на песке. И в то время, как христианство призывает людей к общему братскому единению, они углубляют раздор, сеют вражду и призывают к взаимному истреблению во имя классовых интересов. И вот на арене мира идет великая борьба: безбожие борется с христианством. Из Откровения Иоанна Богослова мы знаем, на чьей стороне будет победа. Но сколько душ отрываются в этой борьбе от Бога, от полноты осмысленной и счастливой жизни! Старец Паисий Величковский всю свою жизнь и всем своим духовным обликом является светлым и привлекательным выразителем христианского духа, противного духу безбожия. С раннего детства его душа уже была неразрывно связана с

Богом верую и любовью. Он был бесконечно далек от горделивого возношения человеческою личностью. У него не было другого желания, кроме желания быть исполнителем воли Божией. В этом стремлении к согласованию своей воли с волей Божией и в постоянном духовном росте по образу и подобию Божию заключались смысл и радость его жизни. Но не только в себе самом создавал он и носил он этот смысл и эту радость. Он распространял их и вокруг себя и прежде всего в том многолюдном христианском братстве, которое объединялось около него. Если угодно, это была коммуна, но коммуна, созданная не насилием и не кровию, а свободным произволением, самоотвержением и братскою любовью во имя Христо-во.

Выпуская нашу книгу, мы хотим, чтобы в живом примере старца Паисия Величковского не только монашествующие, но и все христиане нашли жизненное подтверждение разумности и правильности христианского пути и возможности его практического осуществления при условии, конечно, полного и самоотверженного послушания Богу, принятия на себя благого и легкого ига Христова (Мф. 11, 30).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ О СТАРЦЕ ПАИСИИ ВЕЛИЧКОВСКОМ

А. РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Рукопись Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности собрания А. И. Яцимирского № 58. "Повесть о святом соборе превозлюбленных о Господе отец и братии и чад моих духовных, собравшихся во имя Христово ко мне недостойному спасения ради душевного, промыслом Божиим пребывающем в святых и честных сих обителях: Во святей и Великой обители Вознесения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, нарицаемой Нямец; и во святой обители Честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, именуемой Секул; како и коея ради вины святой сей собор собрался ко мне грешному и недостойному". Рукопись представляет автобиографические записки старца Паисия, писанные во время его пребывания в Нямце и обрывающиеся на первом его пребывании в Молдовлахии.
2. Того же собрания рукопись № 65: Послание старца Паисия к инокам о заветах монашеского жития и о своей жизни.
3. Того же собрания рукопись № 66: Послание старца Паисия о безмолвной молитве и других аскетических вопросах.
4. Рукопись Петроградской Императорской Духовной Академии № 279, заключающая в себе: а) Житие и подвиги блаженного нашего отца старца Паисия: "Бежание от мира, странствие его, собрание к нему братий и сожитие с ним". Житие составлено учеником старца схимонахом Митрофаном, бывшем при нем около 30 лет; б) Поучение

на пострижение монашеского чина; в) Послание к некоему иерею Димитрию; г) Послание к архиереям православные молдавлахийские земли, с изложением устава и чина монашеского общежития старца; д) Надгробное рыдание старцу; е) Служба преподобному старцу Паисию.

5. Рукописный сборник сочинений старца Паисия из библиотеки Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии, заключающий в себе: а) Предисловие о чине и уставах блаженной памяти отца нашего старца Паисия общежительного собора; б) Письмо старца Паисия всечестнейшему Феодосию, скита Цибуқан игумену; в) Письмо к тому же Феодосию архимандриту Софрониевой пустыни в России (более подробное, нежели имеющееся в печати); г) Обличение иеромонаха Феопемпта, хулящего умную молитву; д) Ответы старца Паисия, писанные от него к неким ревнителям в России на некие вопросы; е) Того же старца Паисия премалое сочинение о знамении честного и животворящего Креста, им же подобает православным христианам знаменоваться; ж) Письмо к преподобному учителю иеромонаху Кир Никифору (впоследствии архиепископу Астраханскому); з) Письмо к пустынным отцам, безмолвствовавшим 25 лет над потоком Вороною, Онуфрию и Николаю; и) Того же Паисия ко всечестному иерею отцу Иоанну краткое послание и др. Сборник писан рукою ученика старца Паисия схимонаха Платона в 18 веке.
6. Сборник Симоновского собрания рукописей московской синодальной (Патриаршей) библиотеки № 56. В нем находится: 1) Житие блаженнейшего отца нашего старца Паисия, собранное от многих писателей, и сочинено отцом Платоном, во дни благоверного государя нашего Михаила Григориевича Струдцы воеводы, благословением преосвященного митрополита Кириу Кир Вениамина, при архимандрите и старце святых монастырей Нянца и Секула Мардарии в Нямецком Вознесенском монастыре в лето 1830. Кроме жития в этом сборнике находятся еще некоторые статьи и переводы старца Паисия из перечисленных выше.
7. Того же собрания рукопись № 47 о Соловецких пустынножителях, заключающая в себе рассказ Соловецкого старца иеросхимонаха Феофана о посещении им Нямецкого монастыря при старце Паисии.

8. Сборник Секульского монастыря (без номера), заключающий в себе: а) Предисловие о чине и уставе блаженной памяти отца нашего старца Паисия общежительного его собора и самый чин и устав в 18 пунктах; б) Житие и подвиги блаженного отца нашего и старца Паисия (монаха Митрофана); в) Надгробное рыдание старцу Паисию от всех чад его духовных; г) Служба преподобному старцу Паисию; д) Письма старца Паисия: Феодосию, скита Цибукан игумену; свиток сочинения старца отца нашего Паисия разделен на главы, о умной молитве; жалоба монахов Поляно-Воронской обители своему игумену на иеромонаха Феопемпта, хулящего умную молитву и общая их жалоба на того же Феопемпта старцу Паисию 1793 года (19 июня); послание к ним старца Паисия; письмо к учителю иеромонаху Никифору (Феотоки) в ответ на просьбу прислать из монахов, могущих обучать детей в городских школах; письмо старца Паисия от 7 июня 1776 года к пустынным отцам Онуфрию и Николаю, по поводу болезни последнего.
9. Сборник Орловского епархиального Древлехранилища № 354/111, заключающий в себе выписки из святоотеческих книг о молитве, смирении, терпении, чистоте сердца и прочее. Сборник написан учеником старца Паисия Свенского Брянского монастыря схимонахом Афанасием и передан им в 1810 г. на благословение другому ученику старца Паисия схимонаху Площанской пустыни Афанасию Захарову, учителя старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария.
10. О подвигах иноческих. Сборник, заключающий в себе выписки из святоотеческих книг, о духовной жизни. Писан настоятелем Оптиной пустыни архимандритом Моисеем во время его пустынножительства в молодости в Рославльских лесах 1812—1821 гг. Интересен для изучения характера келейных занятий последователей старца Паисия в России.
11. Рукопись Нямецкого монастыря в Молдавии № 150. Схимонаха Митрофана — Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия, бегание от мира, странствие его, собрание к нему братии и сожитие с ним.
12. Того же монастыря рукопись № 155. Главы ответные блаженного отца нашего старца Паисия противу хулы, бывшие на него от некоего старца Афанасия, еще во святей го-

ре Афонской писаны. (Перечтены в особую книжицу иеромонахом Нямецкого монастыря Нафанаилом 1837 года.)

13. Того же монастыря рукопись № 143. Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сирина постника и отшельника, бывшего епископа христлюбивого града Ниневии, слова постническа, написана убо от него свойственным языком, сказана же от преподобных отец наших Аввы Патрикее и Аввы Авраамия любомудрых и безмолвных, безмолвствовавших в лавре иже во святых отца нашего Саввы. Перевод блаженного старца Паисия. Писано Гурием 1798 года. Замечательно как художественный образец работы учеников старца Паисия.
14. Рукопись Румынской Академии в Бухаресте (Akademia Romana) № 398. Выписки из ответов блаженного Паисия на обращенные в нему вопросы.
15. Той же Академии рукопись № 485: поучение на пострижение монашеское.
16. В. Казанакли. Паисий Величковский и его значение в истории православного монашества. СПб. 1888—1889. Рукописное кандидатское сочинение, рекомендованное профессором Петроградской Духовной Академии И. С. Пальмовым как ценное пособие.
17. Орловского епархиального древлехранилища рукопись № 58. Аскетический сборник об умной молитве.
18. Того же собрания рукопись № 59: Сборник аскетических статей об умной молитве.
19. Того же собрания рукопись № 54. Внутренние сокровища (XVIII—XIX век).
20. Того же собрания рукопись № 20. Рукопись Площанского монастыря и сборник 1758 года о духовном делании.
21. Ново-Нямецкого монастыря рукопись № 37. История о начатии и построении святого монастыря, именуемого Вознесения на небо Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа.
22. Того же монастыря рукопись № 38. Вход в общее и евангельское житие.
23. Того же монастыря рукопись № 96. Сборник сочинений и писем старца Паисия, писанный рукою архимандрита Андроника.
24. А. П. Орловский. Наглядная таблица русского старчества, идущего от старца архимандрита Паисия Величковского.

В. ПЕЧАТНЫЕ ПОСОБИЯ.

1. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского с присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником старцем Василием Поляномерульским, об умном трезвении и молитве. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва, 1892.
2. Житие и писание молдавского старца Паисия Величковского. Издано для Ново-Нямецкой Свято-Вознесенской Обители в Бессарабии. Одесса, 1887.
3. Молдавский старец Паисий Величковский 1722—1794. Краткий биографический очерк с приложением учения старца Паисия об умной молитве. Ректора Волынской духовной семинарии архимандрита Амвросия. Почаев, 1902.
4. Паисий Величковский, подвижник благочестия 2-ой половины прошлого столетия. Полтавские епархиальные ведомости, 1897. №№ 22—23.
5. Паисий Величковский и его значение в истории православного монашества. Кишиневские епархиальные ведомости. 1898. №№ 18—24.
6. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков в 12 книгах. Издание Афонского Пантелеймоновского монастыря. В этих книгах можно найти сведения как о самом старце Паисии, так и о его учениках в России.
7. Профессор А. И. Яцимирский. Возрождение Византийско-Болгарского мистицизма и славяно-аскетической литературы в 18 в. Харьков, 1905 г.
8. Его же: Исследования в Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Том 79, 1905. Здесь помещено описание славянских рукописей Нямецкого монастыря, писанных старцем Паисием и его учениками.
9. Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского. Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни под руководством старца и иеросхимонаха Макария. В предисловии

находится рассказ старца Паисия о его переводческой деятельности.

10. Об умной или внутренней молитве. Сочинение блаженного старца, схимонаха и архимандрита Паисия Величковского. Перевод с славянского. 1902.
11. Н. Попов. Рукописи Московской синодальной (Патриаршей) библиотеки. Выпуск 11(2). Симоновское собрание. (О рукописях старца Паисия.)
12. В. Е. Бучневич. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1882.
13. И. Ф. Павловский. Полтава.
14. Левицкий. Гр. Очерки народной жизни в Малороссии во 2-ой половине XVII века. Киев, 1902.
15. Аскоченский. Киев с его древнейшим училищем Академиею. 2 т.
16. Д. Вишневский. Киевская Академия в 1-ой половине XVIII в. Киев, 1903.
17. Антонович. Исследование о Гайдамачестве по актам 1700—1768. Киев, 1876.
18. Архиепископ Филарет. История русской Церкви. Период 5.
19. Профессор Голубинский. Краткий очерк истории православных Церквей: болгарской, сербской и румынской.
20. Арсений, епископ Псковский. Исследования и монографии по истории молдавской Церкви. СПб., 1904.
21. Письма Святогорца о Святой горе Афонской. Издание 8. Москва, 1895.
22. Русский общежительный скит Св. Пророка Илии на Афоне. Издание 4. Одесса, 1913.
23. Князь А. Дабижа. Малороссийская обитель на Афоне. Киевская Старина, 1893, январь.
24. Ново-Нямецкий монастырь. Кишинев, 1881.
25. Соловецкий патерик. Москва, 1895. В этой книге имеется рассказ старца иеросхимонаха Феофана о его пребывании у старца Паисия в Нямце.
26. К. Н. Леонтьев. О старчестве // Русское Обозрение, 1894. Оптинский старец Амвросий // Гражданин. 1891. Воспоминания об архимандрите Макарии (Афонском) // Гражданин, 1889.

В 1938 году в Эстонии была напечатана в двух выпусках книга прот. Сергия Четверикова "Молдавский старец схииеримандрит Паисий Величковский". По сравнению с рукописью о. Сергия в этом издании были сделаны значительные сокращения. Наше издание труда прот. С. Четверикова сделано по его рукописи. "Схема роста православного старчества в XVIII и XIX вв.", составленная под руководством прот. С. Четверикова, по техническим причинам не могла быть воспроизведена нами.

**ИНСТРУКЦИЯ
КИЕВСКОГО АРХИЕПИСКОПА РАФАИЛА
ЗАБОРОВСКОГО ПРОФЕССОРАМ И СТУДЕНТАМ
КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ**

1. Сообразно монаршему повелению в Академию для приобретения познаний принимается каждый, откуда бы кто ни прибыл, свободный человек всякого состояния и звания, только бы исповедывал восточную христианскую веру и был способен к учению.

2. Делатели наук всегда должны служить для учащихся высокими образцами веры в Бога и любви особенно; кроме того скромности, вежливости, доброго воспитания и образованности, а также должны представлять собою пример не только внутренней чистоты души, но и внешней опрятности тела и одежды.

3. В праздничные дни, а также и такие, в которые не бывает учения в школах, как наставники, так и ученики и особенно проживающие в бурсе, всегда и непременно, за исключением законной причины, обязываются посещать в сопровождении надзирателя все церковные молитвословия и службы и особенно святейшую литургию.

4. Все студенты нашей Академии, как находящиеся в бурсе, так и проживающие вне ее, должны всякий пост однажды, а в четьредесятницу дважды, по древнему обычаю с должным приготовлением и покаянием исповедываться и приступать к таинственной вечери Господа и Спаса нашего.

5. Все студенты непременно должны поспевать в Академию к самому началу учения в первых числах сентября и ожидать окончательного роспуска школ в средних числах июля. Если

же какой студент преждевременно до каникул, а наипаче без ведома и благословения префекта и профессора, уйдет из Академии, такового, хотя бы он и возвратился в школу, наказать непременно; также без свидетельства академического никто из студентов не должен шататься по городу для испрошения подаваний. При сем и то надо наблюдать, чтобы недостойные не были допускаемы к высшим степеням академического учения, равно чтобы и ученики, без своих собственных заслуг по одному потворству и лицепритию учителей, не занимали мест достойнейших, иначе недостойные сравняются с достойными и нерадивейшие с примерными, отчего одни потеряют охоту учиться, а другие будут более и более погрязать в лени.

6. Студенты при первом звоне академического колокольчика тотчас должны своевременно являться в свой класс, при втором же меньшем аналогисты, инфимисты, грамматисты и синтактики должны садиться на свои скамейки. Учителя же входят следующим порядком: первых двух школ до 3-го звонка, учителя грамматики и синтаксисы непосредственно после 3-го, поэзии и риторики после 4-го, невзирая ни на какие частные свои нужды. Прямые же обязанности по своим классам они должны исполнять верно с пламенным усердием и легчайшим, сколько возможно, способом, более имея в виду пользу своих учеников, чем тщеславясь своим умом, и оставаться на уроках до конца, прежде которого никто ни из учителей, ни из учеников выйти из своей школы не может, разве уже по крайней надобности. По окончании уроков не должны медлить в классах, но за окончательным сигналом все школы в предшествовании своих наставников чинно входят в церковь для того, чтобы вознести к Богу хотя коротенькие молитвы и воздать Ему благодарение.

7 Все академики под строгой ответственностью и особенно учителя и наставники должны поставить себе законом, чтобы как в коллегияльных школах, так и в бурсах, а равно между собою и с учениками, всегда разговаривать по-латыни, а ученики для ежедневного употребления должны иметь при себе *calculum*. Кроме того в меньших школах от аналогии до философии должны излагать и представлять упражнения на трех языках попеременно — славянском, польском и латинском. В философии и богословии постоянные собеседования (без чего нельзя в совершенстве усвоить себе познаний) и

частые диспутации самим делом должны быть исполняемы. А говорить по-латыни всегда и везде непременно обязаны всех школ аудиторы и особенно наставники, кроме аналогистов и инфимистов, которые преимущественно учатся на языке польском и говорят им.

8 Каждая низшая школа везде должна уступать место высшей и оказывать ей почтение даже внешними знаками уважения. В случае какой-либо обиды от студента, а в особенности не от академика, никто не должен считать себя вправе сам собою отомстить за обиду, но ожидать удовлетворения от высшей власти.

9 Все академики обязаны непременно присутствовать при всех академических церемониях, в какой бы день ни случилось, а также и в дни воскресные, при великой инструкции все члены старшего братства, а при малой — не принадлежащие к оному.

10. Студенты, успешнейшие в науках и известные своим благонравием, должны быть предпочитаемы прочим, а более заслуженные должны быть отличаемы вниманием Академии от незаслуживающих того. Студенты же, мало подающие надежду, ленивые и непокорные, должны быть чаще увещиваемы, а вовсе не подающие никакой доброй надежды, каковы: пьяницы, буяны, возмутители, ябедники и плуты, как неспособные к исправлению, должны быть изгоняемы из Академии, дабы в сообществе дурных не портились добрые. Впрочем, если бы некоторые и отличались прекрасною нравственностью, но оказались бы до того тупоумными, что от них никакой пользы не может ожидать ни Церковь, ни отечество, то таковых, чтобы напрасно не убивали своего времени, должно увольнять из Академии для избрания себе того рода жизни, в котором могли и себе и другим быть более полезными, дабы таким образом Академия славилась не столько количеством, сколько качеством студентов. Особенно ставится это на вид наставникам.

11. Студенты всякой школы ни в каком случае не должны буйствовать против кого бы то ни было, а особенно против наставников. Таких буянов строго должно наказывать или лучше изгонять.

12. Наставники и особенно надзиратели не должны обращаться с подведомственными себе не слишком строго, не слишком слабо, и обязаны держаться в этом случае середины,

как повелевает им долг просвещения и вежливости, а также опасно должны беречься бранить учеников как публично, так и дома поносными словами.

13. Ни один ученик без соизволения учителя своего, а особенно домашнего надзирателя, не смеет не быть в школе и отлучаться куда-либо с квартиры; в противном случае он подвергнется наказанию.

14. Никто из академистов не должен шататься по ночам, но все обязаны быть по квартирам и заниматься своим делом. Всякий праздношатающийся или пьяный студент, пойманный своим сениором, непременно должен быть подвергаем штрафу или наказанию.

15. Каждый надзиратель согласно своей обязанности должен смотреть за вверенными ему учениками, где бы ни случилось быть с ними, чтобы они вели себя скромно, умно и вежливо. Коли же кто из надзирателей станет пренебрегать сею обязанностью или сам будет не ночевать дома из-за какого-либо беспутства, или заводить у себя пирушки, или начнет употреблять пищу и питье и прочее артельное достояние в свою пользу, расточая его бесчестно или превысит власть свою, такового тотчас же удалять от места.

16. Студенты не должны вносить с собою в Академию никакого оружия, а также стрелять из ружья или пистолета. Одеваться должны просто и прилично. Если же кто и оделся бы по моде, то это не дает ему права изменять принятые академические обычаи и смеяться над одеянием других.

17. Каждый подначальный академист во всяком случае должен оказывать должное всевозможное повиновение и почтение старшему себе, лишь бы только это не было противно законам божеским и человеческим. В деле же бесчестном не следует ни содействовать, ни повиноваться старшим.

18. В квартирах студентов лица подозрительного поведения не должны быть терпимы; равно не позволено нанимать квартир и жить в таких домах, которые или опоздены или обесславлены чем-либо преступным. Это для того, чтобы избежать столкновения с людьми дурного общества.

19. Ходить на зрелища, где происходят гладиаторские или кулачные бои, даже смотреть на них, а тем более самим ввязываться в драку никак не должны студенты. Но чтобы не оставаться всегда в напряженном состоянии, позволено в определенные дни поиграть на приличных студенту музы-

кальных инструментах; также не воспрещаются и другие пристойные игры на непродолжительное время собственно для восстановления бодрости духа.

20. Никто из студентов без ведома и позволения префекта и профессора не должен беспокоить великих и знатных особ просьбами или писать им панегирики, составлять рисунки и вообще делать что-либо особенное в этом роде. Не вправе также — ни ученики взять себе надзирателя, ни надзиратель ученика по своему произволу без разрешения префекта.

21. Необходимо, чтобы каждый студент, как тот, который совершает курс учения, так и тот, который до окончания курса по законной причине выбывает из Академии, при выпуске из школы получал от префекта открытое свидетельство о своих успехах в науках для повсеместного удостоверения в своем образовании. Для этого префект училищ обязывается ежегодно вносить в библиотеку Академии для будущих справок и для всякого случая как частные и годовичные списки, составленные верно учителем каждой школы с означением имени, фамилии и правдивой аттестации учеников, так и общий всех учеников и студентов, составленный со всяким тщанием по порядку и достоинству школ, где должны быть обозначены имя, прозвание, вероисповедание, отечество, звание и состояние родителей, а также возраст и познания ученика.

22. Префект Киевской Академии, доброму управлению которого должны повиноваться все студенты всех школ и даже наставники оных, обязывается непременно как сам прилежно соблюдать и исполнять сии постановления, так и всех академистов обязывать к исполнению оных. Нарушителей же сего устава увещевать и пристойно исправлять.

"ПОУЧЕНИЕ НА ПОСТРИЖЕНИЕ МОНАШЕСКОГО ЧИНА"

Монах есть духовный воин, который, подобно воинам мира, должен облечься оружием для успешной победы над врагами... Брань Христовых воинов направлена против плоти, мира и диавола. На диавола Спаситель повелевает взять крест. Плоти повелевает противиться отвержением отца, матери, сына и дочери.

О мире говорит: "Аща мир весь приобретаем, кая польза нам есть?" Свидетели брани — Бог и Ангелы, диавол и ангелы его. Место брани — расстояние между праведниками и грешниками. Конь — тело. Всадник — душа. Начальник воинству — ум. Оружие: вера — щит, терпение — шлем, прилежная молитва — меч, нелицетворное (нелицемерное) смирение — лук и стрелы. Начальники сатанинского воинства: гордость, лакомство, нечистота, убийство, тщеславие, ярость, гнев. Ими командует диавол и грехом, как стрелою поражает душу. Второй полк сатанинской крепости — злоба мира сего. Самое тело наше вздымается на душу нашу — объядением, пьянством, вожделением блуда, леностью и другими страстями. В этой трудной борьбе видимого естества с невидимым человек без помощи Божией бессилен.

Первый шаг в борьбе против мира сего — оставить его, отвергнуть его сладострастие, прелестное мечтание красот его, тленное богатство, временное веселие, принять добровольную нищету Христову. Спешить из тьмы греха в землю обетования, к чистоте и безгрешности богоугодной жизни.

* Заимствовано (с немногими сокращениями) из рукописей Петербургской Духовной Академии № 279 и Akademia Romana в Бухаресте № 485

Устранитесь от мира странствием невозвратным. И этим победишь врага, и этою победою увеселишь небо и печаль сотворишь демонам. Если же враг одолеет тебя и возьмет в плен душу твою, тогда, если и всего мира богатство и красоту приобретешь, никакой пользы тебе не будет. Не смущайся мыслью об оставлении родных. отца и матери, жены и детей, брата и сестры: они остаются в мирской заботе своей, как мертвецы, хоронящие своих мертвецов. Ты же поспешай к работе Божией, отходи от земного мудрования к небесному, где Христос царствует во веки. Впрочем, от сродников нужно отлучаться только тех, которые препятствуют твоему спасению и думают о земном, говоря: собирай, сыне, богатство мира, приобретай земли, насаждай виноградники, собирай множество рабов и веселись во все дни жизни своей. От таких родителей нужно убегать, ибо они вместо света указывают тьму, вместо жизни — смерть. Если же родители советуют доброе и приводят нас к Богу и служению Ему, таких нужно любить, почитать за святых и покоряться их воле и совету.

От многоядения, многопития и блуда удерживайся постом. Лениость бодростию побеждай. Тело не только не враг нам, оно друг нам. Телом мы можем поститься, слезы проливать, колена преклонять, милостыню творить; без тела, одной душой, мы не можем этого делать. Тело хранит душу от гордости, ибо душа, будучи высокого рода, как образ Божий, может увлекаться высокоумием; когда же вспомнит о своем теле, смиряет свое высокоумие. Потому и сказано у св. Григория о теле, что оно "враг милостивый" и "друг коварный". Не будьте же пленниками дольного мира, тела и смерти, но к горнему миру и бессмертному пределу устремляйтесь, да будете наследниками его света. И если победите первые полки врагов ваших, тогда сможете ополчиться и против самого диавола и поразить воинство его. Только воспримите все оружие Божие. Трояким оружием — верою, терпением и молитвою разрушается и прогоняется вся сила вражия; гордыня — смирением, тщеславие — отречением себя самого, блудодеяние — чистотою. Наиболее же крестом победишь врагов твоих. Терпением должно распять себя на кресте и умереть миру и греховному житию. И тогда Ангелы Божии выйдут навстречу тебе радуясь, и Царь Славы Христос воспримет победоносца Своего и прославит его пред собранием пресветлых Ангелов Своих, пред патриархами, пророками и апостолами и при-

числит его к лику праведных, и даст ему место в Царстве Своем небесном.

Что такое инок? Инок — исполнитель всех заповедей Христовых, совершение христианства, бездна смирения, столп терпения, незабвенная память смерти, неоскудный источник слезного течения, сокровище чистоты, ругатель тленным, поправитель всех красных и прелестных мира сего, самовольное умерщвление, повседневный мученик и трудник, Богоприятная жертва, присногорящий светильник премудрости духовной, ум просвещенный, соглядатель всех видимых и невидимых, скорошественное моление, богомышление, сердце чистое, немолчные уста хвалы Божией, жилище Святой Троицы, позор ангелом и человекам, страшило бесам.

Инок потому так называется, что имеет иное житие, не телесное, но духовное, иное деяние, иной век, иную пищу, иное одяние и работу. Он именуется черноризец, ибо имеет черные плачевные ризы. Он именуется монах, что значит уединенный, беспечальный, единый с Единым Богом долженствующий пребывать. Первый законоположник монашеству — Мелхиседек, священник Бога Вышнего, живущий без жены и без рода в пустыне; второй — Илия, в пустыне Хоривской; третий — Иоанн Креститель, в пустыне Иорданской, не имевший никакой собственности, не знавший мяса и вина и одевавшийся во власяницу. Чин монашества утвержден самим Господом Иисусом Христом и Его Апостолами. Господь жил в девстве, убожестве и нестяжательности. Также и Апостолы, все оставивши, последовали за Христом. Иноки следуют учению и совету Христа, ревнуют жизни апостольской. Они оставляют все радости мира, отказываются от женитьбы, веселья и покоя телесного, от временного богатства и идут за Христом, взявши крест свой, скитаясь в пустынях и горах. Вместо светлых домов живут в темных пещерах; вместо жены и детей живут со зверями земными и птицами небесными. Ложе их — земля, покров — небо. Иноки приняли на себя крест повседневного терпения, чтобы всецело служить Господу. Апостол говорит: "Если кто постится и молитву деет, да отлучится жены на время". Иноки всегда пребывают в посте и молитве даже до смерти, потому и не имеют жен. И в Ветхом Завете повелено: "Приступающие к Господу — жены отлучаются". Иноки всегда работают, всегда предстоят в службе Господу: потому отлучаются от жен даже до смерти, работая Богу в чистоте. Хо-

тя еретики и уничижают иноков, будто бы они гнушаются брака и мяса, но это не так. Инок отказывается от брака и мяса не потому, что гнушается, но из воздержания. От создания мира до потопа люди не ели мяса и не пили вина. И в законе Моисеевом назореи вина не пили и мяса не ели. И Даниил и три отрока гнушались мяса Навуходоносора. И Моисей и Илия, и сам Господь мяса не ели и вина не пили 40 дней. Иоанн Креститель всю жизнь мяса не ел и вина не пил. То же передают и о св. Евангелисте Матфее и об апостоле Иакове Алфеевом. В иночестве осуществляется всякая добродетель христианская. Христос был примером чистоты и убожества (бедности) и послушания, даже до смерти, смерти же крестныя. Последуя Господу, и иноки обещаются перед Богом и клятвою обязуются на чистоту и девство истинное, убожество добровольное и послушание нелицемерное.

Иноческое житие разделяется на три чина: а) общежительный, б) скитский, и в) уединенных пустынножителей. Существует и четвертый вид — самовольников, разбойнически живущих, каждый имея свое стяжание, свою волю. Они лицемерствуют, а не иночают. Иноки же трехчинного монашества должны украшать себя великою добродетелью, смирением, целомудрием, терпением, любовию, постом и молитвою.

И потому, иноки, не будьте рабами лености и гнусности, но работайте Господу, в страхе и трепете соделовайте ваше спасение, украшайте ум богомыслием, ибо это истинное иноческое дело, не дремание и сны любите, но молитву прилежную в устах ваших творите. Не временного века тленных блажищите, но будущего вечных. Если сие сотворишь, раб истинный Бога будешь. А Господь твой глаголет: Идеже Аз буду, там и слуга Мой со Мною воцарится, во славе Царствия Моего. Аминь.

НАДГРОБНОЕ РЫДАНИЕ

Старцу Паисию от всех чад его духовных*

А.

1. Образ лица твоего, Паисие чудный,
Мог начертать художник, искусством нетрудный,
Но доброта разума коль предивна бяше,
Изобразить словом никтоже можаше.
Един Солнца Свет ум твой сказати удобен,
Единому един ты солнцу был подобен.

Б.

7. Благочестием дух твой аки огонь горяше,
Учением догматов всей Церкви светяше,
Ты насадил правы иноков уставы,
Возрастоша здравии беседы и нравы.
Ты открыл учения, разделив на лики,
Да славословят творца разными языки.
Ново благолепие церкви восприяша,
Лучшим образом Ему служити познаша.
Чтение и пение толико красно явися,
Аки от сна воспрянув, весь мир удивися.

* Составлено иеросхимонахом Иоанном Диаковским, уроженцем г. Лубоч. Диаковский был "высокого учения", проповедник Св. Софии в Киеве, умер спустя 4 месяца после Паисия.

Г.

- 17 Елико же тцалив бе церкви украситель,
Толико остроумен и дому Строитель,
Не совершив малого дела без совета,
Не оставив нужного слова без ответа,
Зная держати в руках мерило правдиво,
Изобрази сокровен Промысл Божий живо.
Не пренебрег своего, еже бе во власти,
Не отторже чуждого малейшие части.
На трудящихся добре прилежно смотряше,
Коемуждо мзду добру на сердце писаше.
Во всем долготерпелив и благорассудный,
Праведно наречеса Паисие чудный.

Д.

29. Твоя плещи едины толико труд ношаху,
Елик многие мудри нести не можаху.
Лицем светел, образом ты был сановитый,
Нестыдно монархом к тебе потрудиться.
Беседа твоя кротка, в советах смиренна,
Солию благодати бяше растворенна.
Словеса твоя верна и истинна бяху,
Свидетельство неложно слезы источаху.

Е.

37. Великодушен в нужде, не горделив в чести,
Равно благословляше Вышнего без лести.
Ласкательство срамное мудро отражаше,
Тщеславия мирского точно убегаше.
Обличаше противных прикладно искусно,
Не испаде из уст его слово гнусно.

С.

- 43 Ты странным был отрада, покой претружденным,
Болящим врач и цельба умом поврежденным.
Милостыни от тебе течаху рекою,
Бог удовлетворяше скудных твоею рукою.

З.

47. В тебе добродетель вся живяше испытно,
И к книгам отеческим любовь ненасытна.
Дни и ночи их ради без сна провождаше,
Из тьмы нерадения во свет изводяше.
Любя преводити оные на многи языки,
Да знают подвиг древних, последние вики.

Н.

53. Удивляхуся страны предивному слову,
Стекахуся прияти пользу душ готову.
С надеждою твердою к тебе притекаху,
С радостию полною в дома отхождаху.

О.

57. Сердце наше желаше в век тебе светити,
Увы, найде год темный свет твой угасити.
Не угасе свет твой, ни, но только сокрыся,
От земли круга на круг светил преселися.

І.

61. Блистай убо на тверди, лий лучи утишны,
В тебе свое селение положи Всевышний.
Память твоя блаженне, во славе пребудет
Блистающая, дондеже мир стояти будет.

Ај.

65. Мы, чада духовни, от тебе рожденни,
От тьмы неведения во свят изведенни,
Благодарим Вышнего во веки живуша,
Давша нам пастыря тя, всех горе влекуща.
Твоим мольбам, о отче, всех себе вверяем,
Мертву ти, аки живу, главы преклоняем.
Моляшеса о стаде твоём не забуди,
72. Да внидем в радость вечну, предстатель нам буди
Аминь.

Прим. Своеобразная нумерация стихов, сделанная автором "Рыдания", отмечает, по-видимому, наиболее значительные годы в жизни старца: рождение, поступление в Школу, удаление от мира, пострижение в мантию, принятие священства... Общее же число стихов соответствует числу лет земной жизни старца.

ОБ УМНОЙ МОЛИТВЕ

(Возражение против хулителей ее)

*Сочинение старца схимонаха и архимандрита
Паисия Величковского,
настоятеля Нямецкого и других Молдавских монастырей*

ПРЕДИСЛОВИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ

Дошел слух до меня последнего, что некоторые из монашеского звания * дерзают хулить Божественную, приснопамятную и Боготворную Иисусову, умом в сердце священнодействуемую, молитву, созидая таковое свое языкоболие на песце суемудрия, без всякого свидетельства. Вооружает их, дерзаю сказать, на это враг, чтобы их языками, как своим орудием, опорочить это пренепорочное и Божественное дело, и слепотою их разума помрачить это мысленное солнце. Поэтому, оплакав такое зломудрие этих *заблуждающих от чрева и глаголющих лжу* (Псал. 57, 4) и опасаясь, чтобы кто-нибудь из неутвержденных в разуме, слыша такие их баснословия, не впал в подобный им ров злохуления и смертно не согрешил пред Богом, похулив учение премногих Богоносных отцев наших, свидетельствующих и учащих о сей Божественной молитве из просвещения Божественной благодати, к тому же и не терпя более слышать хульные речи на это пренепорочное делание, и вдобавок, убеждаемый просьбою ревнителей этого душеспасительного делания, — решился я, хотя это и превышает немощной мой ум и слабые силы, призвав на помощь сладчайшего моего Иисуса, без Которого никто не может что-нибудь делать, в опровержение лжеименного разума пустоумных и на утверждение Богоизбранного стада о имени Христовом собравшихся в нашей обители братий, написать мало

* Во времена старца Паисия особенным хулителем умной молитвы явился некоторый суеумный философ-монах, пребывавший в Мошенских горах в Молдавии. Против него в особенности и написан этот "Свиток", так назвал старец Паисий свою статью

нечто о Божественной умной молитве выписками из учения святых отцев, для твердого, непоколебимого и несомненного о ней удостоверения.

Будучи прах и пепел, преклоняю мысленные колена сердца моего пред неприступным величеством Твоей Божественной славы, и молю Тебя, всесладчайший мой Иисусе, Единородный Сыне и слове Божий, сияние славы и образ Ипостаси Отчей! просвети помраченный мой ум и помысл и даруй Твою благодать окаянной душе моей, чтобы этот труд мой послужил во славу пресвятого Твоего имени, и в пользу тем, кои хотят, чрез умное и священное делание молитвы, умно прилепляться Тебе, Богу нашему, и Тебя, бесценного бисера, непрестанно носить в душе своей и в сердце, и на исправление тех, которые по крайнему своему неведению дерзнули похулить это Божественное делание!

ПРОТИВ ХУЛИТЕЛЕЙ УМНОЙ МОЛИТВЫ

Глава 1

О ТОМ, ЧТО УМНАЯ МОЛИТВА ЕСТЬ ДЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ СВЯТЫХ ОТЕЦ, И ПРОТИВ ХУЛИТЕЛЕЙ ЭТОЙ СВЯЩЕННОЙ И ПРЕНЕПОРОЧНОЙ МОЛИТВЫ

Пусть будет известно, что это Божественное делание священной умной молитвы было непрестанным делом древних Богоносных отцов наших, и на многих местах пустынных, и в общежительных монастырях, как солнце, просияло оно между монахами: в Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе, в Иерусалиме и в монастырях, которые окрест Иерусалима, и просто сказать — на всем Востоке, в Цареграде, на Афонской горе и на морских островах; а в последние времена, благодатию Христоваго — и в Великой России. Этим умным вниманием священной молитвы, многие из Богоносных наших отцов, разжегшись серафимским пламенем любви к Богу, и по Боге к ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих и, очистив свои души и сердца от всех пороков ветхого человека, удостоились быть избранными сосудами Святого Духа. Исполнившись Его различных Божественных даров, они явились по своей жизни светилами и огненными столпами для вселенной, и, соделав бесчисленные чудеса, делом и словом привели неисчетное множество человеческих душ ко спасению. Из них-то многие, подвигшись тайным Божественным вдохновением, написали книги своих учений об этой Божественной умной молитве, по силе Божественных Писаний Ветхого и Нового Завета, исполненные премудрости Святого Духа. И это было по особенному Промыслу Божию, чтобы как-нибудь в последние времена это Божественное дело не пришло в забвение. Из этих книг многие, Божиим грехов ради наших попущением, истреблены

Сарацинами, покорившими Греческое царство; некоторые же по смотрению Божию сохранились до наших времен

На помянутое Божественное умное делание и хранение сердечного рая никогда никто из правоверующих не дерзнул произнести хулы; но всегда все относились к нему с великою честью и крайним благоговением, как к вещи, исполненной всякой духовной пользы. Но начальник злобы и супостат всякого благого дела — диавол, видя, что наиболее чрез это делание умной молитвы монашеский чин, избирая благую часть, сидит неотторжною любовию у ног Иисусовых, преуспевая в совершенство Его Божественных заповедей, и чрез то делается светом и просвещением миру, — начал таять завистию и употреблять все свои козни, чтобы опорочить и похулить это душеспасительное дело, и, если можно, совершенно истребить с лица земли. И то, как сказано выше, чрез Сарацин, во всем ему подобных, истреблял книги; то в чистую и небесную этого делания пшеницу насеивал свои душетленные плевелы, чтобы посредством безрассудных нанести на это спасительное дело хулу тем, что самочинники, касавшиеся этого делания, ради своего возношения, вместо пшеницы пожинали терние, и вместо спасения находили погибель. И этим еще диавол не удовольствовался, но нашел в Италианских странах Калабрийского змия, предтечу антихристового, гордостию во всем подобного диаволу, еретика Варлаама, и поселившись в нем со всею своею силою, подвиг его хулить нашу Православную веру, как об этом подробно пишется в постной триоди, в синаксаре второй недели святого Великого поста. Между прочим дерзнул он различно, и языком и рукой, хулить и отвергать и священную умную молитву, как пишет об этом в своей священной книге, в главе 31-й, иже во святых отец наш Симеон, Архиепископ Фессалонитский, которого и подлинныя слова предлагаю здесь, говорящего так:

“Этот окаянный Варлаам многое хулил и писал и на священную молитву, и на Божественную, что на Фаворе (Мф. 17, 5), благодать и осияние. Не поняв, и даже неспособный понять (да как и постигнуть это тому, кто умом осуетился, и в мечтании мысли с гордым соединен?), что значат слова: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17), ни того, что значат слова: *помолюся духом, помолюся же и умом* (1 Кор. 14, 15); также: *воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеву* (Кол. 3, 16); и что *посла Бог Духа Сына Своего*, то есть благодать, *в сердца ваша*, во-

пиюща Авва Отче (Гал 4, 6), также *хочу пять словес умом моим глаголати, нежели тьмы словес языком* (1 Кор. 14, 19), — он отверг и умную молитву, или лучше, призывание Господне, которое есть и исповедание Петра, исповедавшего. *ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Мф. 16, 16), и предание самого Господа, говорящего во Евангелии: *еже аще что просите от Отца во имя Мое, даст вам* (Иоан 15, 16), также: *Именем Моим бесы ижденут* (Марк 16, 17), и прочее. Ведь имя Его есть живот вечный: *сие же, говорит, писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Иоан. 20, 31), и Духа Святого преподает призывание Христово: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), да и тысячекратно об этом сказано”.

Что же успел своим начинанием началозлобный змей с сыном погибели, треклятым еретиком Варлаамом, которого, как я сказал, научил он на хуление против священной умной молитвы? Возмог ли его хулением помрачить свет этого умного делания и, как он надеялся, до конца истребить? Никак. Но болезнь его обратилась на главу его. В то время великий поборник и предстатель благочестия, пресветлый между святыми, отец наш Григорий, Архиепископ Фессалонитский, Палама, который в совершенном послушании и непрестанном священном упражнении умной молитвы, как солнце, просиял на святой Афонской горе дарованиями Святого Духа, еще прежде возведения на архиерейский престол этой церкви, в царствование божественнейшего царя Андроника Палеолога в царствующем граде, во именитом великом храме Премудрости Божией, на соборе, собравшемся против вышеупомянутого еретика Варлаама, исполнившись Духа Божия, облекшись в непреодолимую силу свыше, отверстыя на Бога уста того заградил и вконец посрамил, и хвастные его ереси и все его хуления огнедуховенными словами и писаниями сжег и в пепел обратил. И всею Соборною Божиею Церковию этот Варлаам еретик с Акиндином и всеми своими единомышленниками трижды предан анафеме. Но и доныне тою же Церковию ежегодно в неделю Православия, вместе с прочими еретиками, он проклиняется так Варлааму и Акиндину и последователям и преемникам их — анафема трижды.

Глядите здесь, други, дерзающие хулить умную молитву, и рассмотрите, кто был первый ее хулитель: не еретик ли Вар-

лаам, трижды Церковью преданный анафеме и имеющий проклинаться во веки? Не приобщаетесь ли и вы вашим злохулением этому еретику и его единомысленникам? Ужели не трепещете душою вашею подпасть подобному им церковному проклятию и быть отчужденными от Бога? Восставая на священнейшее дело и соблазняя вашим злохулением души неутвержденных в разуме ближних ваших, ужели не ужасаетесь страшной за это в Евангелии Божией грозы? Разве не боитесь, по слову Апостольскому: *страшно есть впасти в руке Бога живаго* (Евр. 10, 31), подпасть за это, если не покаетесь, и временной, и вечной казни? Какую благовидную причину изобрели вы, чтобы похулить эту пренепорочную и блаженнейшую вещь? Совершенно недоумеваю. Призвание ли имени Иисусова, думается вам, бесполезно? Но и спастись о ином ком нет возможности, токмо о имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум ли человеческий, которым действуется молитва, порочен? Но это невозможно. Ведь Бог создал человека по образу Своему и по подобию; образ же Божий и подобие, это — душа человека, которая, по созданию Божию, чиста и непорочна: значит и ум, будучи начальнейшим душевным чувством, как и в теле зрение, также непорочен. Но не сердце ли, на котором, как на жертвеннике, ум священнодействует Богу тайную жертву молитвы, заслуживает хулы? Никак. Будучи создание Божие, как и все человеческое тело, оно — прекрасно. Если же призывание Иисусово — спасительно, а ум и сердце человека суть дело рук Божиих: то какой порок человеку — воссылать из глубины сердца умом молитву к сладчайшему Иисусу, и просить от Него милости? Или не потому ли вы хулите и отвергаете умную молитву, что вам думается, будто Бог не слышит тайной, в сердце совершаемой молитвы, но слышит только ту, которая произносится устами? Но это хула на Бога: ведь Бог сердцеведец, и в точности знает все самые тончайшие сердечные мысли, и даже будущие, и знает все как Бог и Всеведец. Да и Сам Он требует, как чистой и непорочной жертвы, именно такой тайной молитвы, воссылаемой из глубины сердца, заповедав: *Ты же егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему, Иже втайне и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* (Мф 6, 6); что Христовы уста, всемирное светило, вселенский учитель, святой Иоанн Златоуст, в беседе девятнадцатой на Евангелие от Матфея, Богоданною Святого Духа

премудростию, относит не к той молитве, которая произносится одними только устами и языком; но к самой тайной, безгласной, из глубины сердца воссылаемой молитве, которую он учит совершать не действиями тела и не криком голоса, но усерднейшим произволением, со всякою тихостию, с сокрушением мыслей и внутренними слезами, с душевною болезнию и затворением мысленных дверей. И приводит в свидетельство об этой молитве из Божественного Писания — Боговидца Моисея, и святую Анну, и праведного Авеля, говоря так: “Но болезнуешь ли душой? не можешь и не вопить, потому что молиться и просить так, как я сказал, свойственно очень болезнующему. И Моисей, болезнуя, так молился и болезнь его слышалась, почему и говорил к нему Бог: *что вопиешь ко Мне?* (Исх. 14, 15). И Анна, опять, исполнила все, что хотела, а глас ее не слышался, потому что вопияло ее сердце. Абель же не молча ли, и даже скончавшись, молился? и кровь его испускала глас, превосходнейший гласа трубы. Стени и ты так же, как и святой Моисей, не возбраняю. Раздери, как повелел Пророк, сердце твое, а не ризы. Из глубины призови Бога: *из глубины*, говорит, *воззвах к тебе, Господи*: снизу, из сердца привлеки глас; сделай молитву твою таинством”. И ниже: “Ведь не человекам молишься, но Богу вездесущему, слышащему прежде голоса, и знающему мысли произнесенные; если так молишься, получить великую мзду. *Отец твой*, говорит, *видяй втайне, воздаст тебе яве*”. И ниже: “Так как Он невидим, то хочет, чтобы и молитва твоя была такою же”.

Видите ли, друзья, что по свидетельству неопровержимого столпа Православия, есть другая, кроме произносимой устами, тайная, невидимая, безгласная, из глубины сердца возносимая к Богу молитва, которую, как чистую жертву приемлет Господь в воню благоухания духовного, радуется о ней и веселится, видя, что ум, который по преимуществу должно посвящать Богу, соединяется Ему молитвою. Зачем же на эту молитву, свидетельствуемую Христовыми устами, святым, говорю, Иоанном Златоустом, вооружаете хулою свой язык, хуля, злословя, ненавидя, ругаясь, отвергая и отвращаясь, как от какой вещи скверной, и трепет объемлет меня по причине такого бессловесного вашего начинания.

Но и еще, изыскивая причины вашей хулы, спрашиваю вас. не потому ли хулите эту спасительнейшую молитву, что, может быть, случилось вам видеть или слышать, что кто-нибудь

из делателей этой молитвы иступил ума, или принял какую-нибудь прелесть вместо истины, или потерпел какой-нибудь душевный вред, и потому возмнилось вам, будто умная молитва служит причиною такого вреда? Но нет, нет! На самом деле это вовсе не так. Священная умная молитва, по силе писаний Богоносных отцев, действуемая Божией благодатию, очищает человека от всех страстей, возбуждает к усерднейшему хранению заповедей Божиих, и от всех стрел вражиих и прелестей хранит невредимым. Если же кто дерзнет действовать эту молитву самочинно, не по силе учения святых отцев, без вопрошения и совета опытных, и будучи надменен, страстен и немощен, живет без послушания и повиновения, к тому же гоняется единственно за пустынножитием, которого, за свое самочиние, он и следа видеть не достоин, таковой, воистину, и я утверждаю, удобно впадет во все сети и прелести диавольские. Что же? Молитва ли эта причиною такой прелести? Никак. Если же вы за это порочите мысленную молитву, то пусть будет для вас порочен и нож, если бы случилось малому ребенку, играя, по причине неразумия, заколоть себя им. Также, по-вашему, нужно запретить и воинам употребление воинского меча, который они принимают против врагов, если бы случилось какому-нибудь безумному воину заколоть себя своим мечом. Но как нож и меч не служат причиною ни одного порока, но только обличают безумие заклавших себя ими, так и меч духовный, священная, говорю, умная молитва не повинна ни одному пороку; но самочиние и гордость самочинников служат причиною бесовских прелестей и всякого душевного вреда.

Но к чему еще, как будто недоумевая доселе, спрашиваю у вас причины вашего злохуления на эту самую существенную причину вашего языкоболия! Причины эти следующие. 1-е, не по заповеди Божией, то есть, не с испытанием, ваше чтение Священных Писаний; 2-е, недоверие учению святых отцев наших, учащих о сей Божественной умной молитве Богоданною им премудростию Духа, но силе Священных Писаний; 3-е, наконец, ваше крайнее невежество вы или никогда, может быть, не видели и не слышали о ней писаний Богоносных отцев наших, или, если не это, то силы Богомудрых их слов вы отнюдь не разумеете, — вот самая существенная причина такого вашего зломудрия.

Если бы вы со страхом Божиим и крепким вниманием и

несомненною верою с трудолюбным испытанием и смиренномудрием прочитали отеческие книги, приличествующие наиболее к чтению одним монашествующим, содержащие в себе весь разум жительства Евангельского, — отеческие, говорю, книги, которые также необходимы монахам для душевной пользы и исправления и для стяжания истинного, здорового, непрелестного и смиренномудрого разума, как для составления телесной жизни необходимо дыхание, если бы вы так читали эти книги, то никогда не попустил бы вам Бог впасть в такой ров злохуления. Более: чрез это делание Он разжег бы вас Своею Божественною благодатию в неизреченную Свою любовь, так что и вы с Апостолом вопияли бы: *кто ны разлучит от любви Христовы* (Рим. 8, 35), в которую вы сподобились бы достигнуть мысленным деланием этой молитвы? И вы не только не хулили бы ее, но и душу свою усердствовали бы положить за нее, ощутив от этого умного внимания самым делом и опытом неизреченную душам своим пользу. А как вы книг преподобных отцев наших с несомненною верою не прочитываете, или и читая, не доверяете, как это показывают плоды вашего хуления, или совсем пренебрегаете читать то и впали вы в такое Богопротивное мудрование, что, как бы никогда не слышавшие христианских писаний, вы хулите и отвергаете эту священную молитву, свидетельствуемую, по Богомудрому объяснению святых отцев, всем Священным Писанием.

А чтобы избавиться вам и всем, сомневающимся о ней, от такого душевного вреда, не нахожу другого приличнейшего врачевства, кроме того, что постараюсь, сколько Господь мне Своею благодатию поспешит и поможет, указать, что Богоносные отцы наши, просвещенные Божественною благодатию, утверждают здание душеполезного своего учения об этой всесвященной, умом в сердце тайнодействуемой молитве, на недвижимом камени Священного Писания. Вы же, увидев сами явно и ясно, при содействии тайно коснувшейся душам вашим благодати Божией, истину учения святых отцев и исцелившись от этого душевного вашего недуга, принесите Богу о вашем поползновении искреннейшее покаяние, — и сподобитесь Его Божественной милости и совершенного прощения вашего согрешения.

Глава 2

ОТКУДА ЭТА БОЖЕСТВЕННАЯ УМНАЯ МОЛИТВА ИМЕЕТ НАЧАЛО, И КАКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА БОГОНОСНЫЕ ОТЦЫ ПРИВОДЯТ О НЕЙ ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Прежде чем указать, откуда эта Божественная молитва имеет самое первое начало, нужно предложить к сведению следующее: пусть будет известно, что по писанию святых и Богоносных отцов наших есть две умные молитвы: одна новоначальных, принадлежащая деянию, а другая совершенных, принадлежащая видению; та — начало, а эта — конец, потому что деяние есть восхождение видения. Должно же знать, что по святому Григорию Синаиту, первых видений — восемь, которые пересчитывая, он говорит так: “Говорим, что имеются восемь первых видений. *Первое* — видение Бога безвидного, безначального и несозданного, причину всего, единой Троицы и пресущественного Божества. *Второе* — чина и устройства умных сил. *Третье* — устройства чувственных тварей. *Четвертое* — смотрительного снисхождения Слова. *Пятое* — всеобщего Воскресения. *Шестое* — второго и страшного пришествия Христова. *Седьмое* — вечного мучения. *Осьмое* — Царствия Небесного, не имеющего конца”. Предложив это, извещаю по мере худости моего немощного разума, в какой силе должно разуметь деяние и видение. Пусть будет известно (говорю к подобным мне простым), что весь монашеский подвиг, которым, при помощи Божией, понуждался бы кто-

нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение, и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди, на совершенное душою и телом по Богу повиновение, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти: весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностию называется деянием; но никак не видением. Если же таковой умный подвиг молитвы и назывался бы где в писании святых отцев зрением, то это по обыкновенному наречию, потому что ум, как душевное око, называется зрением.

Когда же кто Божию помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением, очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные видения, открывая ему, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по святому Исааку, чистая молитва, от которой — ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог, и благодатию Своею введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения, тот, по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом (Григ. Син. гл. 130). Таково рассуждение о деятельной и зрительной молитве. Но уже время показать, откуда Божественная умная молитва имеет свое начало.

Пусть будет известно, что, по неложному свидетельству Богомудрого, преподобного и Богоносного отца нашего Нила, постника Синайского, еще в раю Самим Богом дана первозданному человеку умная Божественная молитва, приличествующая совершенным. Святой Нил, научая молившихся усердно — мужественно хранить молитвенный плод, чтобы труд их не был напрасен, говорит так: “Помолившись как должно, ожидай того, чего не должно, и стань мужественно, храня плод свой. Ведь на это определен ты сначала. делать и хранить. Потому, сделав, не оставь труд нестрогом. в про-

тивном случае ты не получишь никакой пользы от молитвы” (гл 49).

Объясняя эти слова, российское светило, преподобный Нил, пустынный Сорский, как солнце просиявший в великой России умным деланием молитвы, как это явствует из его Богомудрой книги, говорит так “Этот святой привел это из древности, что бы делать и хранить, потому что Писание говорит, что Бог, сотворив Адама, поместил его в раю, делать и хранить рай И здесь святой Нил Синайский делом райским назвал молитву, а хранением — соблюдение от злых помыслов по молитве”. Также и преподобный Дорофей говорит, что первозданный человек, помещенный Богом в раю, пребывал в молитве, как он пишет в первом своем поучении. Из этих свидетельств явствует, что Бог, создав человека по образу Своему и по подобию, ввел его в рай сладости, делать сады бессмертные, то есть мысли Божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные, по святому Григорию Богослову. И это есть не что иное, как только то, чтобы он, как чистый душою и сердцем, пребывал в зрительной, одним умом священнодействуемой, благодатной молитве, то есть в сладчайшем видении Бога, и мужественно, как зеницу ока, хранил ее, как дело райское, чтобы она никогда в душе и сердце не умалялась. Велика поэтому слава священной и Божественной умной молитвы, которой край и верх, то есть начало и совершенство, даны Богом человеку в раю: оттуда она имеет свое и начало.

Но несравненно большую стяжала она славу, когда более всех святых святейшая, честнейшая Херувимов, и славнейшая без сравнения Серафимов, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидения и сподобилась быть пространним селением невместимого всею тварию, ипостасно в Нее вместившегося Божия Слова и от Нее, человеческого ради спасения, бессеменно родившегося, как это свидетельствует непроборимый столп Православия, иже во святых отец наш Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский в слове на Введение во храм Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Он говорит, что Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, и уразумев совершенно из Священного Писания, читаемого каждую субботу, о гибели чрез преслушание человеческого рода, и исполнившись о

нем крайнего сожаления, приняла от Бога умную молитву о скорейшем помиловании и спасении рода человеческого. Предлагаю здесь и самые слова этого святого Григория, достойные ангельского разума, немногие из многих. “Эта Богоотроковица Дева, слыша и видя, приняла сожаление общего рода и рассматривала, как бы найти исцеление и врачевание, равносильное такому страданию. Вскоре Она нашлась — обратиться всем умом к Богу, и восприняла о нас эту молитву, чтобы понудить Непонужденного и скорее привлечь Его к нам, чтобы Сам Он истребил из среды клятву, остановил огонь, растлевающий пажить души, и привязал к Себе создание, исцелив немощное. Таким образом Благодатная Дева, усмотрев Себе приличнейшее и свойственнейшее во всяком естестве, полагала умную молитву, как чудную и преславную и лучшую всякого слова. Изыскивая же, как бы художественно и свойственное побеседовать к Богу, она приходила к Нему, Саморукоположная, или лучше — “Богоизбранная молитвенница”. И ниже: “Не видя же ничего из существующего лучше ее для человека — простирается со тщанием крепко к молению, новотворит большее и совершеннейшее, и изобретает, и действует, и последующему за этим преподает деяние, как высочайшее восхождение к видению, видение же столько большее пред вышесказанным, сколько истина выше мечтания. Но, собравшись все в себя и очистив ум, услышьте уже величие таинства: я хочу сказать слово, пользующее хотя все Христоименитое собрание, но наиболее относящееся к отречшимся мира. Вкусивший уже ради отречения что-нибудь из тех будущих благ, который и становится с Ангелами, и стяжает жительство на небесах: этот да возжелает подражать по силе своей первой и Единой от младенчества отречшейся для мира мира, Приснодевственной Невесте”. И ниже: “Ища же, что нужнее всего молитвенникам для собеседования, чем приходит молитва, Дева находит священное безмолвие, — безмолвие ума, далекость мира, забвение дольного и таинника горних разумений, предложение на лучшее: это деяние, как поистине восхождение к видению поистине Сущего, или сказать справедливее, к Боговидению, есть как бы краткое указание для души стяжавшего его (деяние) поистине. Всякая другая добродетель есть как врачевание, применительно к душевным недугам и вкоренившимся чрез уныние лукавым страстям; Боговидение же есть плод здравствующей души, как

некоторое конечное совершенство и образ Богодеяний. И потому человек Боготворится не словами или рассудительною умеренностью относительно видимого, — все это земное, низкое, человеческое; но пребыванием в безмолвии, потому что этим мы отрешаемся и отходим от дольного, и восходим к Богу. Претерпевая молитвами и молениями день и ночь в горнице безмолвного жительства, мы приближаемся как-то и приступаем к этому Неприступному и Блаженному Естеству. Претерпевающие таким образом, очистившие сердца священным безмолвием и срастворившиеся им неизреченно Тому, кто выше чувства и ума Свят, — в себе, как в зеркале, видят Бога. Итак безмолвие есть скорое и сокращенное руководство, как успешнейшее и соединяющее с Богом, особенно для держащихся его во всем вполне. А Дева, которая от мягких, так сказать, ногтей пребывала в нем, что — Она? Она, как безмолвствовавшая превышеестественно с такого самого детского возраста, потому Одна из всех и породила неискусомужно Богочеловека Слово". И ниже: "Поэтому и Пречистая, отрекаясь самого, так сказать, житейского пребывания и молвы, переселилась от людей, и избежав виновного жития, избрала жизнь никому невидимую и необщительную, пребывая в невходных. Здесь, разрешившись всякого вещественного союза, и оттрясши всякое общение и любовь ко всему и превзойдя самое снисхождение к телу, Она собрала весь ум в одно с Ним соображение и пребывание, и внимание, и в непрестанную Божественную молитву. И ею быв сама в себе, и устроившись превыше многообразного мятежа и помышлений, и просто — всякого вида и вещи, Она совершала новый и неизреченный путь на небо, который есть, скажу так, мысленное молчание. И к этому прилежа и внимая умом, прелетает все создания и твари, и гораздо лучше, нежели Моисей, зрит славу Божию, и назирает Божественную благодать, не подлежащую нисколько силе чувства, это благодатное и священное видение нескверных душ и умов, причастившись которому, Она, по Божественным песнопевцам, бывает светлый облак живой, поистине, воды, и заря мысленного дня и огнеобразная Колесница Слова" (Св. Григор. Палама).

Из этих слов Божественного Григория Паламы, имеющий ум может яснее солнца понять, что Пречистая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидения, и отречением для мира от

мира, священным безмолвием ума, мысленным молчанием, собранием ума в непрестанную Божественную молитву и внимание, и восхождением чрез деяние к Боговидению, — подала Сама Собою Божественному монашескому чину образец внимательного жительства по внутреннему человеку, чтобы монахи, отрeksiеся мира, взирая на Нее, усердно тшились, сколько по силе, Ее молитвами, быть, в вышесказанных монашеских трудах и потах Ее подражателями. И кто может по достоинству похвалить Божественную умную молитву, делательницею которой, в образ пользы и преуспeyания монахов, наставляемая руководством Святого Духа, как сказано, была Сама Божия Матерь?

Но в утверждение и несомненное удостоверение сомнящихся о ней, как бы о вещи несвидетельствованной и недостоверной, настает уже время показать, какие свидетельства Богоносные отцы, писавшие из просвещения Божественной благодати, приводят о ней из Священного Писания.

Непоколебимое основание Божественная умная молитва имеет в словах Господа нашего Иисуса Христа: *ты же, егда молишися, вниди в клетъ твою, и затвори двери твоя, помолися Отцу твоему, иже втайне; и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6). Эти слова, как уже сказано в первой главе, всемирное светило, святой Иоанн Златоуст, Богоданною премудростию объясняет относительно безгласной, тайной, из глубины сердца воссылаемой молитвы, приводя в свидетельство из Священного Писания — Боговидца Моисея и святую Анну, мать Самуила Пророка, и праведного Авеля и кровь его, вопиющую от земли, — что они в молитве своей, не испустив ни одного гласа, были услышаны Богом. Этот великий учитель вселенной, Христовы уста, святой Иоанн Златоуст и особенно еще изложил, в трех словах, учение об этой Божественной молитве, как пишет об этом неложный свидетель, блаженнейший Симеон архиепископ Фессалонитский, в 294 главе своей книги *, которую вся святая соборная

* Когда старец Паисий писал это, то он сам, может быть, еще не видал этих слов св. Иоанна Златоуста об умной молитве, потому что Свиток этот писан еще в Драгомирском монастыре, т е вскоре по переселении старца с Афона в Молдавию. Но впоследствии блаженный старец перевел эти слова на славянский язык, и они напечатаны, в числе прочих статей об этом предмете, отдельною книгою под названием "Восторгнутые класы". Также и другие отеческие книги, упоминаемые здесь, переведены им и изданы в собрании, названном "Добротолюбие".

Восточная Церковь имеет в великом почитании, как столп и утверждение истины.

Огненный же столп, и огненные Духа Святого уста, церковное око Василий, говорю, Великий, объясняя изречение Божественного Писания: *Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих* (Пс. 33), прекрасно научает об умных устах и умном действии, приводя свидетельства из Священного Писания, которого и самые слова, исполненные Божественной премудрости, представляю следующие: “*Выну хвала Его во устех моих*. Кажется, что Пророк говорит невозможное: как может быть хваление Божие в устах человеческих всегда? Когда человек говорит об обыкновенных житейских вещах, тогда он не имеет в устах хвалы Божией; когда спит, молчит, конечно; да и когда ест и пьет, то как уста его могут возносить хвалу? На это отвечаем, что есть некоторые мысленные уста внутреннего человека, коими он питается, причащаясь Слова животного, которое есть *хлеб, сшедый с небесе* (Иоанн. 6, 33). Об этих-то устах сказал Пророк *уста моя отверзох и привлекох Дух* (Пс. 118, 131). К этому и Господь побуждает нас, чтобы мы эти уста имели пространными, для достаточного приятия истинной пищи, говоря: *расшири уста твоя, и исполню я* (Пс. 80, 11). Поэтому и однажды начертанная, и утвердившаяся в разуме души мысль о Боге может именоваться хвалою Божиею, всегда находящеюся в душе. И по Апостольскому слову, тщательный может все творить во славу Божию, так что всякое дело, и всякое слово, и всякое действие умное имеет значение хвалы. *Аще бо яст праведный, аще ли пьет, аще иное что творит, вся во славу Божию творит* (1 Кор. 10, 31). У такого и у спящего сердце бдит”. Так говорит святой Василий. Из слов же его явствует, что и кроме телесных уст имеются умные уста, и есть умное действие, и хваление, бывающее всегда мысленно во внутреннем человеке.

Тезоименитый блаженству, Египетское, или лучше сказать, всемирное солнце, просиявший неизреченными дарованиями Святого Духа, человек небесный, Великий, говорю, Макарий, в небесных своих словах об этой святой молитве говорит так: “Христианин должен всегда иметь память о Боге, потому что написано. *Возлюбии Господа Бога твоего от всего сердца твоего* (Мф. 22, 37) Не только тогда он должен любить Господа, когда входит в молитвенный храм; но и

ходя, и беседуя, и вкушая, и пия, пусть имеет память о Боге, и любовь, и желание; потому что Он говорит: *идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21)", и прочее.

Преподобный и Богоносный древний святой отец, Исаия Отшельник, о сокровенном поучении, то есть Иисусовой молитве, совершаемой мыслию в сердце, приводит в свидетельство слова Божественного Писания: *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь* (Пс. 38, 4).

Преподобный Симеон, свидетельствуемый в вышепомянутой книге блаженнейшего Симеона Фессалонитского, который среди царствующего града, как солнце, просиял умною молитвою в неизреченных дарованиях Святого Духа и поэтому всю Церковь наименован Новым Богословом, — этот в своем слове о трех образах молитвы пишет об умной молитве и внимании так: "Святые отцы наши, слыша Господа, говорящего, что *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидательства, хулы, и та суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19, 20); и опять слыша, что Он научает *очистить внутреннее стекланыи, да будет и внешнее чисто* (Мф. 23, 26), оставили всякое другое дело и подвизались только в этом хранении сердца, зная наверно, что вместе с этим деланием они удобно приобретут и всякую другую добродетель. Без этого же делания невозможно приобрести и удержать ни одной добродетели". — Эти слова преподобного ясно показывают, что вышесказанные слова Господа Божественные отцы положили себе свидетельством и основанием хранения сердца, то есть мысленного призывания Иисуса. Этот преподобный приводит еще во свидетельство Божественной умной молитвы и другие изречения Священного Писания, говоря: "Об этом говорит и Екклесиаст: *веселися, юноше, в юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен, и отстави ярость от сердца твоего* (Ек. 11, 9, 10), и. *аще дух владеющего възидет на тя, места твоего не остави* (Ек. 10, 4); местом же называет он сердце, как и Господь сказал: *от сердца исходят помышления злая* (Мф. 15, 19). И опять: *не возноситеся* (Лук. 12, 29), то есть не расточайте ума вашего туда и сюда. И опять. *тесные врата и прискорбный путь вводя в живот* (Мф. 7, 14); также. *блажени нищии духом* (Мф. 5, 3), то есть, не имеющие в себе ни одной мысли этого

века” *. И Апостол Петр говорит: *трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). И Апостол Павел ясно пишет к Ефесеям о сердечном хранении, говоря: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Ефес. 6, 12).

Преподобный Исихий пресвитер, богослов и учитель Иерусалимской церкви, друг и собеседник преподобного и богоносного отца нашего Евфимия Великого, написавший Богомудро из просвещения Божественной благодати, об этом священном мысленном призывании в сердце Иисуса, то есть об умной молитве, книгу в двести глав, приводит об этом свидетельства Священного Писания следующие: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8); также: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония* (Вторз. 15, 9); также: *во утрии предстану ти, и узриши мя* (Пс. 5, 4); также: *блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9); также: *во утрии избивах вся грешныи земли, еже потребити от града Господня вся делающие беззакония* (Пс. 100, 8); также: *уготовися Израилю призывать имя Господа Бога твоего* (Амос. 4, 12); и Апостол: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17); и Сам Господь говорит: *без Мене не можете творити ничесоже. Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга* (Иоан. 15, 5, 6); также: *от сердца исходят помышления злая: убийства, прелюбодеяния, та суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19); также: *еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех, и закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39, 9), и прочие, которые по множеству оставляю.

Божественный и Богоносный отец наш Иоанн Лествичник приводит об этой священной молитве и истинном безмолвии ума свидетельство Божественного Писания, говоря: “Великий великой и совершенной молитвы делатель сказал: *хощу пять*

* В этом именно смысле объясняет нищету духа и святой Василий Великий, говоря “Сокрушение сердца есть погубление человеческих помыслов кто презрел настоящее, и самого себя посвятил Слову Божию, и разум свой устроил в помышлениях Божественных и превосходящих человека, тот действительно имеет сердце сокрушенное, сотворив его жертвою, презираемою Господом, потому что *сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит* (Пс 50, 19) Кто не имеет никакого надмения, не гордится никакою человеческою вещию, тот и сокрушен сердцем и смирен духом Таковых и Господь улаживает, говоря “*блажени нищии духом*” (Бесед на Псал 33)

словес умом моим реши (1 Кор. 14, 19), и прочее; и опять: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое* (Пс. 56, 8), также: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2); также: *воззвах всем сердцем моим* (Ис. 118, 145), то есть телом и душою, и проч.

Божественный отец наш Филофей, игумен обители Купины Пресвятые Богородицы, что на Синае, составивший о мысленном хранении сердца малую книжицу глав — бесценных маргаритов Божественной премудрости, преисполненных неизреченной небесной сладости Святого духа, полагает в непоколебимое основание своих слов изречения Священного Писания: *воутрия избивах вся грешныя земли* (Пс. 100, 8), и прочие; также: *царствие Божие внутрь вас есть* (Лук. 17, 21); и: *уподобися Царствие Небесное зерну горюищичну, и бисеру, и квасу; и опять: без Мене не можете творити ничесоже* (Иоан. 15, 5); также: *всяким хранением соблюдай твое сердце* (Притч. 4, 23); и: *очисти внутреннее сткляницы, да будет и внешнее ея чисто* (Мф. 23, 26); и: *несть наша брань к крови и плоти, но к началу и ко властем и к миродержителю тмы века сего, к духовому злобу поднебесным* (Ефес 6, 12); также *трезвитесь, бодрствуйте. зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити. емуже противитесь тверди верою* (1 Петр. 5, 8—9); также: *соуслаждаюся закону Божию по внутреннему человеку. вижду же ин закон противу воюющ закону ума моего, и пленяющ мя* (Рим. 7, 22, 23) и проч.

Божественный отец наш Диадокх, епископ Фотикийский, свидетельствованный в книге вышепомянутого святителя Христова Симеона Фессалонитского, полагает своим словом, исполненным духовной премудрости, коих в Божественной его книге находится сто глав, об умной Иисусовой, в сердце священнодествуемой молитве следующее основание из Божественного Писания: *никтоже может реши Господа Иисуса, точно духом Святым* (1 Кор. 12, 3); и из Евангельской притчи о купце, ищущем добрые бисеры, приводит следующими словами: это — многоценный бисер, который может приобрести тот, кто продаст имение свое и о обретении его будет иметь неизглаголанную радость, и прочее.

Преподобный отец наш Никифор Постник, свидетельствуемый в той же книге вышепомянутого святителя Симеона, в слове своем о хранении сердца, преисполненном духовной пользы, уподобляет это Божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу, сокровенному на селе, и назы-

вает светильником горящим, приводя изречения Священного Писания *Царствие Божие внутри вас есть* (Лук. 17, 21); и *несть наша брань к крови и плоти* (Ефес. 6, 12); также, чтобы *делать и хранить* (Быт. 2, 15), и прочее.

Блаженный и Богоносный отец наш Григорий Синаит, который деланием этой Божественной молитвы взошел в крайнее Боговидение и, как солнце, просиял дарованиями Святого Духа в святой Афонской горе и на прочих местах, составивший “Троичны”, поемая всякую неделю после троичного канона в святой Соборной Восточной Церкви по всей вселенной, также и канон Животворящему Кресту, обнявший писания всех духоносных отцов, составил книгу, исполненную всякой духовной пользы, в которой более всех прочих святых в тонкости учит об этой Божественной, умом в сердце священнодействуемой молитве, и приводит в подтверждение своих слов из Священного Писания следующее. *Помяни Господа Бога твоего выну* (Втор. 8, 18); также *в заутри сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя* (Ек. 11, 6), и прочее, также *еще молюся языком, то есть устами, дух мой помолится, то есть глас мой* (знай, что уста и язык, и дух, и глас — одно и то же) *а ум мой без плода есть: помолюся убо духом, помолюся же и умом*; и: *хочу рещи пять словес моим умом* (1 Кор. 14, 14, 19), и прочее, приводя в свидетеля и Лествичника, относящего эти слова к молитве. Также *нуждно есть Царствие Небесное, и нуждницы восхищают е*; также *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 13, 3), и прочее

Апостольским стопам последователь, непреоборимый столп православной веры, огненным Духа мечом и истиною православных догматов уничтоживший на Флорентийском соборе, как паутинные сети, духовоборные ереси Латинян, Марко, говорю, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший, митрополит Ефесский, в начале толкования церковного последования пишет о Божественной Иисусовой молитве, совершаемой тайно умом в сердце, употребляя свидетельства Божественного Писания, которого и самые Богомудрые слова предлагаю следующие: “Следовало бы, по повелевающей заповеди, *“непрестанно молиться, и духом и истиною возносить поклонение Богу*; но прилежание о помыслах житейских и узы попечений о теле отводят многих и отстраняют от *Царствия Божия, находящегося внутри нас, как возвещает слово Божие, и препятствуют пребывать при умном жертвеннике, и прино-*

сят от себя духовные и словесные жертвы Богу, по Божественному Апостолу, говорящему, что — мы храм Бога, живущего в нас, и Дух его Божественный живет в нас. И нет ничего удивительного, если это обыкновенно так бывает со многими, живущими во плоти; когда видим, что некоторые из монахов, отрেকшихся мирских вещей, по причине мысленной брани от предприятия страстей, и восстающего оттого большого мятежа, помрачающего словесную часть души, еще не могут достигнуть чистой молитвы, хотя и сильно этого желают. Усладительна чистая в сердце и непрестанная память Иисуса, и бывающее от нее неизреченное просвещение”

Преподобный отец наш Российский, святой Нил Сорский, составивший свою книгу о мысленном хранении сердца из учения Богоносных отцев, а в особенности из Григория Синаита, употребляет из Священного Писания свидетельства такие: *от сердца исходят помышления злая, и та скверняют человека* (Мф. 15, 19); и: *очисти внутреннее сткляницы* (Мф. 23, 26); также: *духом и истиною подобает кланяться Отцу*; также: *еще молюся языком, и прочее*; и: *хочу пять словес умом моим реци, нежели тмы словес языком* (1 Кор. 14, 14, 19), и прочее.

Российское светило опять, святитель Христов Димитрий, митрополит Ростовский, духовным мечом слова уничтоживший, как паутинные сети, заблуждения раскольников и их богопротивный, растленный, и Священному Писанию противный разум, написавший многие учения на пользу святой Церкви, исполненные премудрости Святого Духа, и составивший слово о внутреннем мысленном делании молитвы, преисполненное духовной пользы, употребляет из Священного Писания свидетельства следующие: *ты же, егда молишися, вниди в клеть твою* и прочее; также: *тебе рече сердце мое. Господи взыщу. взыска Тебе лице мое: лица твоего, Господи, взыщу*; также: *Царствие Божие внутрь вас есть*; также: *всякою молитвою и молением молящися на всяко время духом*; и: *еще молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть*; *помолюся духом, помолюся же и умом, воспою духом, воспою и умом*, и прочее. Эти слова он, согласно со святым Иоанном Лествичником, Григорием Синаитом и Нилом Сорским, разумеет об умной молитве.

Да и самый устав церковный, печатанный в царствующем великом граде Москве, предлагая церковное законоположе-

ние о поклонах и молитве, приводит и об этой Божественной молитве изречения Священного Писания следующие: *Бог есть дух: духом и истинною кланяющихся Ему ищет* (Иоан. 4, 24). Также: *еще молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть* *Что убо есть: помолюся духом, помолюся и умом, воспою духом, воспою же и умом?* (1 Кор. 14, 14. 15). И опять: *хочу, говорит, в церкви пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком* (1 Кор 14, 19). И приводит в свидетельство святых отцев: св. Иоанна Лествичника, св. Григория Синаита и святого Антиоха, и отчасти их Божественные учения об этой умной молитве, и наконец говорит: “И этим здесь мы заканчиваем слово о священной и приснопамятной умной молитве”. А затем уже говорит и о святой, всем общей молитве, совершаемой по церковному чиноположению.

Вот благодатию Божиею показано, что Богоносные отцы, умудренные просвещением Святого Духа, основание своего учения о мысленном священнодействии молитвы, тайно совершаемой во внутреннем человеке, полагают на недвижимом камени Божественного Писания Нового и Ветхого Заветов, заимствуя оттуда, как из неисчерпаемого источника, так много свидетельств.

Кто же из правоверующих христиан, видя это, мог бы хоть мало усумниться об этой Божественной вещи? разве только повинующиеся духу нечувствия, которые слышат и видят, а понять и узнать не хотят. Но те, кои имеют страх Божий и здравый разум, видя такие свидетельства стольких свидетелей, единодушно признают, что это Божественное дело, преимущественно пред всеми монашескими подвигами, свойственнее и приличнее Ангельскому монашескому чину. Об этом делании вышепомянутые и многие другие Божественные отцы наши в своих писаниях предлагают многие достослышанные, паче меда и сота сладчайшие. исполненные духовной премудрости слова, научая внутреннему, мысленному против мысленных врагов подвигу: как должно обращать на них этот духовный меч и пламенное непобедимое оружие имени Иисусова, охраняющее сердечные врата, то есть: как должно эту Божественную Иисусову молитву священнодействовать умом в сердце.

Об этом священнодействии сей священной молитвы, особенно же о самых ее начатках, и о том, как опытом должно новоначальным обучаться ей, я последний, по силе моего

немошного ума, при помощи Божией должен хоть что-нибудь немного написать из учения святых отцов. И, во-первых, нужно изъяснить о том, что эта Божественная молитва есть духовное художество; потом — какое для занятия ею, по учению святых отцев, требуется предуготовление.

Глава 3

О ТОМ, ЧТО ЭТА СВЯЩЕННАЯ УМНАЯ МОЛИТВА ЕСТЬ ДУХОВНОЕ ХУДОЖЕСТВО

Да будет известно, что Божественные отцы наши называют это священное мысленное делание молитвы — художеством. Святой Иоанн Лествичник в слове 27-м о безмолвии, уча о таинстве этой умной молитвы, говорит: “Если ты основательно изучил это художество, то не можешь не знать, что говорю. Сидя на высоте, наблюдай, если только умеешь, и тогда увидишь: как, когда, и откуда, и сколько, и какие тати приходят, чтобы войти и украсть твои грозды. Страж этот, утомившись, встает и молится; потом опять садится и мужественно принимается за прежнее делание”.

Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, об этой священной молитве говорит: “Трезвение есть духовное художество, совершенно, с помощью Божиею, избавляющее человека от страстных помыслов и слов, и лукавых дел” (гл. 1).

Святой Никифор Постник, уча о ней, говорит: “Придите, и объявлю вам художество, или лучше — науку, вечного, лучше же — небесного жительства, вводящую делателя своего без труда и безопасно в пристанище бесстрастия”

Художеством же святые отцы, как показано, называют эту святую молитву, думаю, потому, что как художеству человек не может научиться сам собою без искусного художника, так и этому мысленному деланию молитвы, без искусного наставника, навывкнута невозможно. Но дело это, по святому Никифору, и многим, или даже и всем, приходит от учения; редкие

же без учения, болезненностию делания и теплотою веры, прияли его от Бога. Церковное правило по уставу и священным церковным книгам, которое православные христиане, мирские и монахи, должны ежедневно, как дань, приносить небесному Царю, может всякий грамотный устно читать и совершать без всякого учения. А умом в сердце приносить Богу таинственную жертву молитвы, так как это духовное художество, без научения, как выше указано, невозможно.

Будучи же духовным художеством, оно составляет и непрестанное делание монахов; чтобы не только отречением от мира и яже в мире, переменою имени при пострижении, особенностью одежды, безбрачием, девством, чистотою, самопроизвольною нищетою, отдельностию пищи и места жительства; но и самым мысленным и духовным по внутреннему человеку вниманием и молитвою, монахи имели отменное и превосходнейшее пред мирскими людьми делание.

Глава 4

КАКОЕ НУЖНО ПРЕДУГОТОВЛЕНИЕ ТОМУ, КТО ЖЕЛАЕТ ПРОХОДИТЬ ЭТО БОЖЕСТВЕННОЕ ДЕЛАНИЕ

Насколько эта Божественная молитва больше всякого другого монашеского подвига, которая, по святым отцам, есть верх всех исправлений, источник добродетелей, тончайшее и невидимое во глубине сердца делание ума, настолько и тончайшие, невидимые, едва постижимые для человеческого ума, распростираются на нее невидимым врагом нашего спасения сети многообразных его прелестей и мечтаний. Поэтому усердствующий обучаться этому Божественному деланию должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя душою и телом в послушание, согласное со Священным Писанием; то есть предать себя в полное отсечение своей воли и своего рассуждения — человеку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его Божественных заповедей и не неопытному в этом мысленном подвиге, могущему, по писанию святых отцев, показать повинующемуся незаблудный путь ко спасению, — путь умного делания молитвы, тайно совершаемой умом в сердце. Это необходимо для того, чтобы истинным послушанием в разуме он мог соделаться свободным от всех молв и попечений, и пристрастий этого мира и тела. Как же и не быть свободным тому, кто всякое попечение о душе своей и теле возложил на Бога и, по Боге, на своего отца. Смирением же, рождающимся от послушания, по свидетельству святого Иоанна Лествичника и многих св. отцев, возможен он избе-

жать всех прелестей и сетей диавольских, и тихо, безмолвно, без всякого вреда, постоянно упражняться в этом мысленном деле, с великим душевным преуспеянием.

Если же бы кто предал себя и в послушание, но не нашел бы в отце своем самым делом и опытом искусного наставника этой Божественной умной молитвы (в нынешнее время — увы! достойно многого плача и рыдания — совсем исчезают опытные наставники этого делания): то не должен он поэтому приходить в отчаяние. Но, пребывая в истинном послушании по заповедям Божиим (а не самочинно и особенно, самовольно, без послушания, чему обыкновенно последует прелесть), возложив всю надежду на Бога, вместе с отцом своим, пусть, вместо истинного наставника, верою и любовью повинуется учению преподобных отец наших, изложивших до тонкости учение об этом Божественном делании из просвещения Божественной благодати, и отсюда пусть заимствует наставления об этой молитве. И во всяком случае, благодать Божия, молитвами святых отцов, поспешит и вразумит — как, без всякого сомнения, научиться этому Божественному делу

Глава 5

О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ ЭТА СВЯЩЕННАЯ ИИСУСОВА МОЛИТВА ПО КАЧЕСТВУ СВОЕМУ И ДЕЙСТВИЮ

Положив твердым и непоколебимым основанием этой Божественной молитвы такое предуготовление, то есть, блаженное послушание, — время уже показать из учения святых отцев, что такое эта священная молитва по качеству своему и действию. И это для того, чтобы желающий обучиться ее духовному деланию видел, к какому великому и неизреченному преуспейанию во всяких добродетелях возводит она подвижника, и этим поощрился бы в желании с большим усердием и Божественною ревностью прилепиться священному деланию этой мысленной молитвы

Святой Иоанн Лествичник в слове 28-м о молитве, в начале, говорит: “Молитва, по качеству своему, есть общение и соединение человека с Богом; а по действию — утверждение мира, примирение с Богом, мать и опять дочь слез, очищение грехов, мост, проводящий чрез искушения, стена против скорбей, уничтожение браней, Ангельское дело, пища всех бесплотных, будущее веселие, беспредельное делание, источник добродетелей, причина дарований, невидимое преуспейание, пища души, просвещение ума, секира на отчаяние, доказательство надежды, прекращение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение раздражительности, зеркало преуспейания, показание меры, обнаружение состояния, указание будущего, назнаменованье славы Молитва для истинно молящегося есть судилище, суд и престол Господень, еще прежде будущего суда”.

Святой Григорий Синаит, в главе 113-й, говорит: “Молитва в новоначальных есть, как огонь веселия, издаваемый сердцем; в совершенных же — как действуемый свет, благоухающий. Или опять: молитва есть проповедание Апостолов,

действие веры, или лучше — непосредственная вера, уповаемых извещение, действующая любви, Ангельское движение, сила бесплотных, дело и веселие их, благовествование Бога, извещение сердца, надежда спасения, знамение освещения, образование святости, познание Божие, явление крещения, очищение купели, Духа Святого обручение, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения, Христова печать, луч мысленного солнца, денница сердец, утверждение Христианства, примирения Божия явление, благодать Божия, премудрость Божия, или лучше — начало самопремудрости, явление Божие, дело иноков, жительство безмолвников, причина безмолвия, знамение жительства Ангельского”.

Блаженный Макарий Великий говорит: “Глава всякого благого тщания и верх всех исправлений есть то, чтобы претерпевать в молитве, которою мы можем приобрести, чрез испрошение у Бога, и все прочия добродетели. Молитвою достойные приобщаются святости Божией и духовного действия, и соединения ума с Господом неизреченною любовью. Кто всегда понуждает себя претерпевать в молитве, тот духовною любовью возгорается в Божественное рачение и в пламенное желание к Богу, и приемлет, в известной мере, благодать духовного освятительного совершенства” (Бесед. 40, гл. 2).

Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, говорит: “Светородным и молниеродным, и светоиспускательным, и огненным пусть прилично и тезоименно называется хранение ума. Превосходит оно, сказать поистине, все бесчисленное множество телесных добродетелей. Итак, эту добродетель должно называть самыми честными наименованиями по причине рождающегося от нее светозарного света. Возлюбив ее, грешные, непотребные, мерзкие, неразумные, несмысленные и неправедные могут соделаться праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными о Христе Иисусе. И не только это, но и зреть Божественные таинства, и богословствовать. И, став зрительными, переплывают к этому чистейшему и бесконечному Свету, и касаются Его неизреченными прикосновениями, и с Ним живут и пребывают. Так как они вкусили, *яко благ Господь* (Псал. 33, 9), то и исполняется явно в таких первоангелах это Божественное Давидово слово: *оба-че праведнии исповедаются имени Твоему, и вселятся правии с*

лицем Твоим (Пс. 139, 14). Воистину, одни эти истинно призывают и исповедаются Богу, и с Ним любят беседовать всегда, любя Его" (гл. 171).

Святой Симеон, архиепископ Фессалонитский, об этой священной молитве говорит: "Эта Божественная молитва, это призывание нашего Спасителя: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, есть и молитва, и моление, и исповедание веры, и подательница Святого Духа, и дарователь Божественных даров, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисус-Христово, и источник духовных мыслей и Божественных помышлений, и избавление от грехов, и врачевание душ и телес, и податель Божественного просвещения, и источник милости Божией, и дарователь смиренных откровений Божественных таин, и самое спасение; потому что есть ношение спасительного имени нашего Бога. Это-то самое и есть наречение на нас имени Иисуса Христа, Сына Божия" (гл. 296).

Точно так и прочие Богоносные отцы, когда пишут об этой священной молитве, своим, исполненным Божией премудрости, учением, изъявляют о ее действии, о происходящей от нее неизреченной пользе и о преуспении чрез нее в Божественных дарованиях Святого Духа.

Кто же, видя, что эта священнейшая молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не разжжется ревностью Божиею ко всегдашнему деланию молитвы, чтобы ею постоянно содержать в душе и сердце Всесладчайшего Иисуса, поминая в себе непрестанно Его вседражайшее Имя, и этим распалиться к неизреченной Его любви? Разве только тот, кто, прилежа к житейским помыслам, связался узами телесных попечений, отводящих многих и отстраняющих от Царствия Божия, находящегося внутри нас. Тот только разве не возусердствует коснуться мысленного делания мысленной молитвы, кто самым делом и опытом не вкусил душевную гортанию неизреченной Божественной сладости этого полезнейшего делания, и не знает, какую эта вещь имеет внутри себя сокровенную духовную пользу. А желающие быть любовию соединенными с сладчайшим Иисусом, оплевав все красоты этого мира, все наслаждения и самый телесный покой, ничего другого не захотят иметь в этой жизни, как только постоянно упражняться в райском делании сей молитвы.

Глава 6

О ТОМ, КАК ДОЛЖНО ВНАЧАЛЕ ОБУЧАТЬСЯ ДЕЙСТВОВАНИЮ УМОМ В СЕРДЦЕ ЭТОЙ БОЖЕСТВЕННОЙ МОЛИТВЫ

В древние времена это всесвятое делание умной молитвы воссияло на многих местах, где только имели пребывание святые отцы. Потому тогда и учителей этому духовному деланию было много. По этой причине и св. отцы наши, когда писали о нем, изъясляли только происходящую от него неизреченную духовную пользу, не имея, как я думаю, нужды писать о самом опыте этого делания, приличествующем новоначальным. Если же где несколько и писали об этом, то и это только для знающих опыт этого делания — очень ясно; а для незнающих — вовсе непонятно. Некоторые же из них, когда увидели, что истинные и непрелестные наставники этого делания начали совсем умаляться, и опасаясь, чтобы не утратилось истинное учение о начале этой мысленной молитвы, написали и самое начало и опыт, как должно обучаться новоначальным, и входить умом в страны сердечные, и там истинно и непрелестно действовать умом молитву. Этих-то отцев самое Божественное учение об этом предмете нужно представить на среду.

Святой Симеон Новый Богослов о начале этого делания говорит так: “Истинное и непрелестное внимание и молитва состоит в том, чтобы во время молитвы ум хранил сердце, и пребывал бы постоянно внутри его, и оттуда, то есть из глубины сердца, воссылал молитвы к Богу. И когда внутри сердца вкусит, *яко благ Господь*, и усладится, то не будет уже исходить из места сердечного. И вместе с Апостолом скажет и он:

добро есть нам zde быти (Мф. 17, 4). И осматривая непрестанно сердечные места, он изобретает некоторый способ прогонять все, всеваемые там, вражеские помыслы”. И ниже еще яснее говорит он об этом так: “Едва только ум найдет место сердечное, немедленно видит то, чего никогда не видал: видит он среди сердца воздух, и себя всего светлым и полным рассуждения. И с тех пор, откуда бы ни показался помысл, прежде, нежели он войдет и изобразится, немедленно прогоняет его и уничтожает призыванием Иисуса Христа. Отселе ум, получив памятозлобие к бесам, двигает против них естественный гнев, гонит и низлагает мысленных супостатов. И прочему научишься с помощью Божиею посредством блюдения ума, держа в сердце Иисуса” (Слово о трех образах молитвы).

Преподобный Никифор Постник, научая еще яснее о входе умом в сердце, говорит “Прежде всего пусть будет жителство твое безмолвно, беспопечительно и со всеми мирно. Потом, войдя в клеть твою, затворись, и сев в каком-нибудь углу, сделай, что я тебе скажу. Знаешь, что дыхание, которым дышим, есть этот воздух; выдыхаем же его ничем иным, как только сердцем. Оно-то причина жизни и теплоты тела. Привлекает же сердце воздух, чтобы посредством дыхания выпустить вон свою теплоту и доставить себе прохладу. Причина этого действия, или лучше сказать — служитель, есть легкое, которое, будучи создано Создателем — редким, как насос какой, удобно вводит и выводит окружающее, то есть воздух. Таким образом сердце, привлекая посредством воздуха холод и испуская теплоту, совершает непрестанно то отправление, ради которого оно устроено к составлению жизни. Ты же, сев и собрав ум свой, понудь войти в сердце вместе с дыханием. Когда же он войдет туда, то последующее за сим будет уже не невесело и не нерадостно”. И ниже: “Поэтому, брат, приучи ум не скоро выходить оттуда; потому что сначала он очень скучает от внутреннего затвора и тесноты. Когда же приобыкнет, то уже не терпит скитаться вне, потому что *Царствие Небесное* находится *внутри нас*: его-то когда рассматриваем там и взыскуем чистою молитвою, то все внешнее делается мерзким и ненавистным. Если сразу, как сказано, войдешь умом в сердечное место, которое я показал тебе, то воздай благодарение Богу, и прославь, и взыграй, и держись этого делания постоянно, и оно научит тебя тому, чего ты не знаешь. Надо же знать тебе и то, что ум, пребывая там, должен не

молчащим или праздным стоять, но эти слова: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! иметь непрестанным делом и поучением, и никогда от этого не переставать. Это, содержа ум не высыхающим, сохраняет его неуловимым и неприступным для прилогов вражиих, и возводит его повседневно в любовь и желание Божественное. Если же, потрудившись, брат, много, не можешь войти в страны сердца, как мы тебе повелели, то сделай, что скажут тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Известно тебе, что словесность каждого человека находится в персях: здесь, внутри персей, и при молчании уст, мы говорим и рассуждаем, и произносим молитвы и псалмы и прочее. Этой-то словесности, отняв от нее всякий помысл (можешь это, если захочешь), дай говорить Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, — и понудься это, вместо всякой другой мысли, постоянно звать внутри. Когда же ты это поддержишь некоторое время, то этим отверзется тебе и сердечный вход, как мы тебе написали, без всякого сомнения, как мы и сами узнали из опыта. И придет к тебе, с многовожденным и сладким вниманием, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие”.

Божественный Григорий Синаит, уча также, как должно умом действовать в сердце спасительнейшее призывание Господа, говорит: “Сидя с утра на седалище в одну четверть, низведи ум от владычественного в сердце и держи его в нем. И преклонившись с трудом, и ощущая сильную боль в груди и плечах и вые, непрестанно зови умно или душевно: Господи Христе, помилуй мя! Потом, если, быть может, ради тесноты и болезненности, и от частого призывания она делается тебе несладостна (что бывает не от однообразности снеди Троиственного, часто ядомой, ибо *ядущии Мя*, сказано, *еще взалчут* — Сирах. 24, 23); то переменив ум в другую половину, говори: Сыне Божий, помилуй мя! И многократно произнося эту половину, не должен ты по лености часто переменять их, потому что деревья, часто пересаждаемые, не вкореняются. Удерживай же и дыхание легкого, чтобы тебе не дерзостно дышать; ибо дыхание духов, происходящее от сердца, развеивает мысль и помрачает ум, и возвращая его оттуда, или предает пленником забвению, или заставляет вместо одного поучаться другому, и оказывается он нечувственно в том, в чем не должно. Если ты увидишь нечистоты лукавых

духов, то есть помыслы, возникающие или изображающиеся в уме твоём, то не ужасайся; но если и добрые разумения о некоторых вещах являются тебе — не внимай им: удерживая же по возможности дыхание, и ум заключая в сердце, и действуя постоянно и часто призывание Господа Иисуса, ты скоро сокрушишь и истребишь их, уязвляя невидимо Божественным именем, как говорит и Лествичник: “Иисусовым именем бей ратников, потому что нет оружия более крепкого ни на небе, ни на земле”.

И опять этот же Святой, уча о безмолвии и молитве, как должно в нем сидеть, говорит: “Иногда должно сидеть на стульце, ради труда; иногда и на постели немного до времени, для отрады. В терпении же должно быть твое сиденье, ради сказавшего, что в молитве должно терпеть (Лук. 18, 1) и не скоро вставать, малодушествуя по причине трудности болезни и умного взывания и частой напряженности ума. Так вещает и Пророк: *болезни объяша мя аки раждающая* (Иер. 8, 21). Итак поникши долу, и ум собирая в сердце, если отверзлось тебе твое сердце, призывай в помощь Господа Иисуса. Боля же раменами, часто болезнуя головой, терпи то усиленно и ревностно, взыска в сердце Господа: нудящимся принадлежит Царство Небесное, *и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12), и прочее. И еще, как должно произносить молитву, говорит: “Отцы сказали так: иной говорит: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — все; иной же — половину: Иисусе, Сыне Божий помилуй мя! — и это удобнее, по причине немощи еще ума и младенчества. Не может же никто сам собою, без Духа, тайно именовать Господа Иисуса — чисто и совершенно, *точно Духом Святым* (1 Кор. 12, 3); но, как немощствующий младенец, совершить ее членами еще не может. Не должен же он по лености часто переменять призывания имен; но редко — для удержания. Опять: иные учат произносить ее устами, другие же — умом; а я допускаю и то и другое. Иногда ум изнемогает, соскучишься говорить; иногда же — уста. Поэтому должно молиться обоими — и устами, и умом; однако безмолвно и несмущенно должно взывать, чтобы голос, смущая чувство и внимание ума, не препятствовал, пока ум, обывнув в деле, преуспеет, и примет от духа силу — крепко и всячески молиться. Тогда уже не нуждается он говорить устами, и даже не может, будучи в состоянии творить делание совершенно одним умом”.

Итак, вот вышепомянутые святые отцы, как показано, представляют очень ясное учение и опыт обучения умному деланию для новоначальных. А от этого учения можно уразуметь и учение прочих Святых об этом делании, изложенное более прикровенно.

Богу Премилостивому слава, честь, поклонение
и благодарение в бесконечные веки. Аминь.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мое знакомство с Оптиной Пустынью началось в июне 1891 года, когда мы, четыре студента Московского Университета (один медик, два юриста и один филолог), путешествовали пешком из Москвы в Киев с целью поближе ознакомиться с нашею родиною. Мы пробыли тогда в Оптиной Пустыни всего лишь один день и почти ничего в ней не видели. Тогда еще был жив знаменитый оптинский старец иеросхимонах Амвросий, проживавший в то лето в Шамордине, в 12 верстах от Оптиной Пустыни, но мы, по своему легкомыслию, не сочли нужным сделать несколько лишних верст в сторону, чтобы повидать его и получить его благословение.

В следующий раз я пришел в Оптину Пустынь уже один, также из Москвы, летом 1894 года, будучи уже студентом Московской Духовной Академии. Старца Амвросия уже не было в живых. Скончался и его ближайший помощник по устройению Шамордина, скитоначальник иеросхимонах Анатолий. Старчествовал ученик о. Амвросия, иеросхимонах Иосиф, живший в его хибарке, в скиту. В этот раз я прожил в Оптиной Пустыни около недели, говел, посетил скит и о. Иосифа, был у настоятеля монастыря, о. архимандрита Исаакия, произведшего на меня сильное впечатление своим самоуглубленным спокойствием, простотою и молитвенными слезами при богослужении. На этот раз я близко рассмотрел Оптину Пустынь. И она произвела на меня глубокое впечатление, запавшее в мою душу навсегда. Я впервые ощутил там веяние истинной духовной жизни, от которой как бы расцвела и моя собственная душа.

После этого я не видал Оптиной Пустыни целых семь лет, отвлеченный обстоятельствами личной жизни, но я не переставал сохранять в душе своей светлое воспоминание об этом монастыре, и это воспоминание каждый раз действовало на мою душу оживляющим и освежающим образом. Я выписывал издания Оптиной Пустыни, читал их и перечитывал и этим поддерживал свое внутреннее общение с нею. В третий раз я посетил Оптину Пустынь, уже будучи священником, в 1901 году, и прожил там с семьею все лето. Результатом этого посещения была написанная мною в следующем году брошюра "На службе Богу — на службе ближним". В четвертый раз я был в Оптиной Пустыни летом 1905 года, занимаясь там подготовлением к печати собрания писем старцев о. Амвросия и о. Анатолия, изданных обителью в 1909 году. Знакомство с письмами о. Амвросия возбудило во мне желание составить его полное жизнеописание, что и было мною сделано летом 1911 года в той же Оптиной Пустыни. Следующее лето 1912 года я провел в Шамордине, заканчивая там и подготавливая к печати свое жизнеописание старца о. Амвросия. В Шамордине же я провел с семьею лето 1913 года, посещая при этом довольно часто и Оптину Пустынь. Лето 1914 года я снова провел с семьею в Оптиной Пустыни. После того я еще раз, уже один, посетил Оптину Пустынь в сентябре 1918 года, по пути из Москвы в Полтаву. Это девятое посещение Оптиной Пустыни было моим прощанием с нею и оставило во мне неизъяснимо грустное воспоминание. Чувствовалось, что над обителью нависла жуткая власть большевиков, и что недалеко дни ее полного запустения. С тех пор я потерял возможность не только бывать в Оптиной Пустыни, но даже и получать оттуда письма.

Все вышеизложенные подробности рассказаны мною с той целью, чтобы показать, что Оптина Пустынь известна мне не из вторых рук и не по чужим рассказам, и что весь мой последующий рассказ будет основан главным образом на моих собственных наблюдениях и впечатлениях.

Протоиерей Сергей Четвериков
Братислава.
1926.2.П

Глава 1

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНИЙ ВИД ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Оптина Пустынь расположена в двух верстах от небольшого старинного уездного города Козельска, Калужской губернии, на правом берегу не широкой, но глубокой и полноводной реки Жиздры, у опушки огромного векового бора, который в глубину тянется на 30 верст, а в длину идет от знаменитых Брянских лесов Орловской губернии до столь же знаменитых Муромских лесов Владимирской губернии. Белые монастырские здания и стены и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зеленом фоне сосен и елей. Глубокая тишина леса нарушается лишь шорохом падающей ветки или звуком птичьих голосов. Воздух напоен дивным ароматом. В отдалении живописно раскинулся на холме Козельск, оживляя общую картину, но не нарушая тишины и безмолвия. Откуда бы ни приближался путник к Оптиной Пустыни, от Лихвина ли по глухой лесной дороге, мимо так называемого "Чертова Городища" (неизвестно откуда взявшейся груды огромных, в беспорядке нагроможденных камней и скал среди сплошного леса), или от Калуги по "большаку", или, наконец, от Козельска лесом по правому берегу Жиздры, или лугом по левому ее берегу — Оптиная Пустынь производит одинаково сильное, глубокое и какое-то умиротворяющее душу впечатление. Обычно богомольцы направляются в Оптину Пустынь со станции железной дороги через Козельск лугом по левому берегу Жиздры,

которую уже под самым монастырем переезжают на монастырском пароме. Не раз оптинцам советовали заменить паром постоянным мостом для удобства богомольцев, но они упорно хранили свою старину, как бы опасаясь устройством моста уничтожить преграду, отделяющую монастырь от мира. И, несомненно, в этом пароме заключалась какая-то особенная прелесть. Неоднократно подъезжая и подходя к Оптиной Пустыни и днем, и поздно вечером, я каждый раз испытывал одно и то же ощущение. Прежде всего, с наслаждением чувствуешь, что оторвался от городской, суетливой, духовно бесплодной и утомительной жизни. Всею грудью вдыхаешь чистый, легкий ароматный луговой воздух, напоенный благоуханием трав и цветов, любишься открывающимися перед тобою далями и видами, раскинувшимся над тобою необъятным небесным сводом, ночью усыпанным яркими прекрасными звездами, которых в городе почти никогда не видишь. Чем ближе подъезжаешь к монастырю, тем сильнее охватывает душу особое чувство: словно открывается дверь в XIV и XV век, и оттуда веет старинною, благочестивою Русью, словно души древних подвижников и молитвенников и их тихие кельи раскрывают перед вами свой внутренний мир. Экипаж тихо спускается к реке, и мы поджидаем паром, который медленно перегоняется с противоположной стороны реки монахом-паромщиком. Осторожно и медленно, привычным шагом, всходят кони на паром, громко стуча по доскам копытами. Монах приветливо здоровается с прибывшими и берет благословение у священника. Ямщик сходит с облучка, разминает застывшие ноги и помогает паромщику тянуть канат. Они уже давно знакомы между собою и обмениваются друг с другом словами. Река тихо плещется у парома. Всплескивает рыба. Слышатся привычные речи о глубине реки и о ее рыбном богатстве. Проходит момент, и паром тихо ударяет в монастырский берег. Ямщик и паромщик закрепляют паром, монах отодвигает заграждающее бревно, ямщик садится на свое место, подбирает вожжи, и экипаж быстро въезжает на высокий берег. Направо стоит сторожка паромщика, а у самой дороги столб с укрепленной на нем иконой Богоматери, имени которой посвящена обитель. Обогнув яблоневый сад и повернув направо, ямщик подвозит нас к ближайшей гостинице, которою много лет заведует о. Михаил. Это та самая гостиница, в которой останавливался в последний свой при-

езд в Оптину Пустынь гр. Л. Н. Толстой. Гостиница о. Михаила вместе с гостиницей о. Ионы расположены по правую и левую сторону от Святых врат. По деревянной лестнице, покрытой чистой дорожкой, мы поднимаемся во второй этаж, где нам отводят номер, уютно обставленный старинною разнокалиберною мебелью, с иконами в киотах в переднем углу, с теплящеюся перед ними лампадою, с видами святой обители по стенам, с цветами в окошках, с кроватями, покрытыми чистым и свежим бельем, с запахом ладана, кипариса, хлеба и постных щей. Если мы приезжаем поздно вечером, о. Михаил приглашает нас не вставать к заутрене, которая начинается в час ночи. Мы однако слышим сквозь сон звон будильного колокольчика и слова монаха: "Пению — время, молитве — час", слышим и благовест монастырского колокола, возвещающего о начале утрени, но успокоенные разрешением о. Михаила, безмятежно спим до утра. Но если бы мы не поленились встать к заутрене — мы об этом не пожалели бы. Будничная предрасветная заутреня имеет свою прелесть. Предрасветные звезды ярко сверкают на темном небе. Чувствуется ночная свежесть. Редкие фигуры богомольцев с разных сторон направляются к храму. В храме, слабо освещенном лампадами, очередной чтец уставным способом читает полунощницу, освещая страницы старинной, закапанной воском большой книги огарком восковой свечи. В полумраке видны стоящие у стен темные фигуры монахов, погруженных в молитву. Продолжительная и однообразная служба утомляет нас, и нас начинает клонить ко сну. Но мы преодолеваем дремоту и к концу службы снова чувствуем себя бодрыми. От заутрени мы выходим из храма, когда на востоке уже появляется светлая полоса наступающего дня. Усталые, мы приходим в свой номер и, согретые его теплом, крепко засыпаем.

Часов в девять утра идем к поздней обедне. По широкой каменной лестнице мы поднимаемся к Святым вратам под колокольною, минуя находящуюся на лестнице по правую сторону монастырскую лавочку, запертую в часы богослужения. В окне лавочки выставлен портрет старца иеросхимонаха Амвросия, почивающего в гробу, написанный красками в натуральную величину, и так живо, что у окна всегда собирается группа богомольцев, удивляющаяся натуральности изображения. Пройдя Святые врата, мы входим в монастырский двор и прямо перед собою видим главный монастырский

храм во имя Введения во храм Божией Матери. Храм не отличается ни красотой архитектуры, ни размерами.

Как и все в Оптиной Пустыни, он носит на себе печать скромности и простоты. Неспешно, но и без утомительной медлительности, чинно и строго совершается богослужение. Чинно и благоговейно в клобуках и мантиях стоят у стен монахи, совершая уставные поклоны и коленопреклонения. Миряне, столпившись ближе к алтарю, следуют в поклонах примеру иноков. Хоры певчих, на правом и левом клиросах, не поражая стройностью и тонкостью исполнения, захватывают молящихся своим одушевлением. В свое время отчетливо читаются краткие, простые и назидательные поучения.

Направо от храма Введения Богородицы находится зимний храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, в котором погребены бывшие настоятели Оптиной Пустыни — о. архимандрит Моисей, о. архимандрит Исаакий и другие. Налево от Введенского храма находится храм в честь преподобной Марии Египетской, в котором ежедневно служатся ранние обедни. Впереди Введенского храма, к востоку от него, находится храм в честь Владимирской иконы Божией Матери. В этом храме день и ночь читается заупокойная Псалтирь и устроено несколько келий для братии. Все пространство между названными четырьмя храмами занято братским кладбищем, которое можно назвать надгробною летописью монастыря. Можно часами ходить по этому кладбищу, читая надмогильные надписи, и вся прошлая жизнь обители в лице ее умерших иноков и подвижников вырастает перед духовным взором читающего. Вот с южной стороны алтаря Введенского храма расположены рядом могилы трех великих старцев — иеросхимонахов Льва (Наголкина), Макария (Иванова) и Амвросия (Гренкова), с характерными и знаменательными на них надписями. У ног старца Макария почивает его духовный сын, русский философ Иван Васильевич Киреевский. Слева от него его брат Петр Васильевич, собиратель народных песен, справа — его жена, Наталья Петровна. У ног старца Амвросия находится могила его ученика старца иеросхимонаха Иосифа. Далее идут могилы — скитона начальников Илариона, Анатолия и Пафнутия, иеромонаха Даниила (Болотова), почитателей и благодетелей Оптиной Пустыни, еще дальше, около Казанского собора, могила о. архимандрита Серапиона (Машкина) и других, имена которых вызывают в душе

волнующие воспоминания. За кладбищем к юго-востоку виден небольшой одноэтажный деревянный домик настоятеля Пустыни, в чистеньком, светлом и уютном зале которого развешаны по стенам портреты калужских архиереев, настоятелей и старцев Оптиной Пустыни. Кто только не перебивал в этом зале, начиная от царственных особ и высших представителей Церкви, от ученых и писателей, и кончая простыми крестьянами, студентами и курсистками!

Далее, вдоль монастырских стен, тянутся корпуса монастырских зданий, в которых помещаются трапезная, мастерская и келии монастырских братий. Весь монастырь окружен выбеленною кирпичною оградой с башнями по углам, представляющею правильный четырехугольник, с воротами на каждой из его четырех сторон. О Святых вратах, находящихся на западной стороне, мы уже упоминали. Ворота, находящиеся на северной стороне, ведут во двор новой монастырской гостиницы, за которым идут домик Шамординских сестер, "консульский" дом, где проживал К. Н. Леонтьев, и другие здания. Южные ворота выходят на больничный двор, где помещается отлично устроенная, чистая и просторная братская больница с храмом.

Через восточные ворота мы выходим в чашу окружающего Оптину Пустынь леса и по узенькой дорожке, проходящей между огромными соснами, доходим до скита во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Скит — это отделение монастыря, где жизнь проводится более уединенно и по отличному от монастырского порядку. Внешний вид Оптинского скита подробно описан в "Братьях Карамазовых" Достоевского. Дорожка, ведущая от монастыря к скиту, делает несколько изгибов, и вот за последним изгибом открывается невысокая розовая колоколенка со Святými вратами под нею. Над вратами находится образ Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, а около врат, по стенам, помещены изображения святых пустынножителей восточных и русских. Рядом с колокольною, с обеих ее сторон, находятся так называемые "хибарки", куда старцы выходили внутренними ходами из своих келий, находившихся внутри скита, для приема лиц женского пола, не имеющих права входить в самый скит. От хибарок начинается деревянная ограда, охватывающая четырехугольником весь скит. Переступив порог Святых врат, мы сразу проникаем в мир особенного глубокого безмолвия,

как будто бы здесь, за этим порогом, нет ни одной живой души человеческой. В то же время нас поражает богатство разнообразных цветов, которые широкими лентами тянутся вдоль всех дорожек скита, от Святых врат к церкви, от церкви к трапезной и т. д. Летом, в тихий солнечный день, они наполняют скит своим благоуханием, а над ними слышится непрерывное жужжание пчел, единственный, кажется, звук, нарушающий, или, лучше сказать, оживляющий глубокое безмолвие скита. Ни одного человека не видно внутри скита. Мы идём к небольшой деревянной церковке, стоящей прямо против Святых врат. Церковь эта отличается особенною простотою. В сенях стоит ведро со свежою, чистою водою, и около него кружка. Тут же видна дверь в небольшую келейку монаха, наблюдающего за церковью. Сама церковь напоминает обычный небольшой зал, очень чистый и светлый. В окнах нет решеток. На стене висят часы. Мы осматриваем церковь, заходим в алтарь, прикладываемся к иконам и уходим, не встретив ни души. Кроме этой первоначальной скитской церкви, недавно выстроена в скиту другая, каменная церковь, но она по своей архитектуре как-то не подходит к пустынно-му виду скита. Внутри скит имеет следующее расположение. Направо от Святых врат находится знаменитая келья старца иеросхимонаха Амвросия. Это — небольшой домик, выходящий окнами в цветник. Мы входим в него по деревянному крылечку через тесные сенечки, увешанные лубочными картинками и текстами духовного содержания. Из сеней входим в узкий коридорчик, разделяющий домик на две половины. Первая дверь направо ведет в небольшую зальцу, парадную приемную старца. В этой комнате весь передний угол уставлен иконами, перед которыми теплятся лампы. Стены сплошь увешаны портретами известных подвижников, видами монастырей и другими картинами духовного содержания. Мебель состоит из старенького дивана, нескольких столов и стульев. По другую сторону коридора находится собственная келья старца, в которой он жил, а дальше по коридору кельи его келейников. В конце коридора находится выход в хибарку, состоящую из ряда небольших комнат. Такой же точно домик находится и по левую сторону от Святых врат, и в нем обычно проживали начальники скита — старец о. иеросхимонах Макарий, о. Пафнутий, о. Иларион и их преемники. По всему скиту между деревьями разбросаны другие небольшие

домики, обычно разделенные на четыре кельи для четырех иноков. Один из домиков назначен для трапезной, другой для скитской библиотеки, в которой имеется много ценных рукописей. В конце скита находится небольшой пруд с кое-какой рыбой, а дальше — пчельник. Литургия в скиту совершается только по субботам, воскресеньям и праздникам, в остальные же дни только вечернее правило. Братьям предоставляется совершать молитвенное правило по своим кельям. Здесь же, в скитской ограде, находится и братское кладбище скитян.

Таковы внешний вид и расположение Оптиной Пустыни и принадлежащего к ней Иоанно-Предтечевского скита. Прибавим еще, что этот монастырь как бы притиснут огромным, густым и тенистым лесом к берегу Жиздры, на противоположной стороне которой расстилается ровный, светлый и веселый луг. В Оптинском лесу имеется неисчерпаемое богатство разного сорта грибов и ягод, особенно земляники и брусники, протекает источник железистой воды и имеется сернистый Пафнутиевский колодезь, при котором устроен бассейн, где купаются богомольцы. В Оптинском лесу водятся и волки, которые по зимам иногда появляются около самого монастыря.

Глава 2

ВНУТРЕННИЙ УКЛАД ЖИЗНИ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

В Оптиной Пустыни перед революцией было около трехсот монахов. Монастырь строго сохранял общежительные заветы старца Паисия Величковского. Братья делились, как обычно и полагается, на послушников, рясофорных и манатейных. Были и схимники. В Оптиной Пустыни существовал обычай даже и молодых манатейных монахов, в случае опасной болезни, постригать в великий ангельский образ, в схиму.

Никто из монахов, не исключая и настоятеля, не имел своей собственности. Все необходимое для него оптинцев получал от монастыря: пищу в трапезной, чай и сахар от настоятеля, одеяние и обувь — от “рухольного”.

Одежду и обувь все оптинцы, не исключая и настоятеля, носили совершенно одинакового качества и по одному и тому же образцу, так что старец о. Амвросий иногда говорил шутя: “Оптинцев везде узнаешь: у них у всех сапоги на прямую колодку”. Каждому иноку, не исключая и послушников, предоставлялась отдельная келья, чтобы он мог с полным удобством, без помехи, отдаваться своим келейным занятиям — молитве, чтению Слова Божия и отеческих книг и рукоделию. Порядок дня определялся, главным образом, церковными службами: в будний день начинался в час по полуночи полунощницей, за которой непосредственно следовала утренья. В шесть часов утра совершалась ранняя литургия, в девять часов утра — поздняя, в четыре часа дня — вечерня и в семь

часов вечера — правило. В воскресенье и праздничные дни в этот порядок богослужения вносилось то изменение, что вместо полунощницы и утрени совершалось всенощное бдение в шесть часов вечера, а перед бдением, в три с половиной часа дня, малая вечерня. Богослужение посещала вся братия, свободная от специальных послушаний — в поварне, в пекарне, в мастерских — сапожной, швальной, столярной, на конном дворе, в лесу, на дачах и т. д. Однако в этом посещении церковного богослужения не было ничего внешне и формально принудительного. Судьей каждого в этом случае являлась его собственная монашеская совесть, воспитанная его монашескими обетами и общим строем и обычаями монастырской жизни. Свободное от церковных служб и от послушания время каждый инок мог проводить всецело по своему личному усмотрению, не забывая, конечно, о своем звании инока. Весь обиход своей жизни, как богослужебной, так и хозяйственной, Оптиная Пустынь всегда обслуживала преимущественно своими собственными силами, не прибегая к наемному труду. Все хозяйственные работы, не исключая разработки леса, рыбной ловли, сенокоса, посева и уборки хлеба и т. д. производились самими монахами. Ими же производились и все штукатурные, малярные, кровельные, плотничные и строительные работы, за исключением тех случаев, когда требовались какие-либо специальные знания. Впрочем, в числе братии были и специалист-фельдшер, и специалист-инженер, под руководством которого строилась новая каменная церковь в скиту. Сельскохозяйственная деятельность в Оптиной Пустыни в общем была поставлена так хорошо, что монастырь получал даже награды за свой скот на земских выставках.

Возвращаясь снова к оптинскому богослужению, мы должны сказать, что именно оно являлось, главным образом, тою религиозно воспитывающею духовною силою, благодаря которой Оптиная Пустынь имела такое благотворное влияние и на окрестное население — крестьянское, городское и помещичье, и на всех прибывавших откуда бы то ни было в Оптину Пустынь. Богослужению отводилось в Оптиной Пустыни ежедневно от семи до восьми часов. Оно совершалось строго по церковному уставу, без пропусков, с канонархом, с положенными чтениями, неторопливо, ясно, отчетливо. Благодаря этому содержание церковных песнопений, псалмов и поучений со всем их разнообразным, глубоким смыслом и со всею

их красотою без затруднений воспринималось и сердцем, и умом молящихся, становилось неотъемлемым достоянием их душ, и, таким образом, воспитывало их духовно, налагало на них свою духовную печать, которую они и уносили по своим домам, чтобы и там поделиться полученными ими в монастыре духовными впечатлениями. Богослужение Оптиной Пустыни было, таким образом, духовной школой, в которой незаметно, но постоянно, день за днем и год за годом, получали духовное, православное воспитание в течение многих лет тысячи и десятки тысяч слушателей из самых различных слоев русского общества. Это был своеобразный духовный университет русского народа, учивший не внешним познаниям, но воспитывавший чувства в разуме истины. Впрочем, нужно сказать, что в этом отношении Оптина Пустынь не является чем-либо исключительным в ряду других наших благоустроенных монастырей, оказывавших своим богослужением, его содержанием и напевами такое же благотворное воспитательное влияние на богомольцев. Дивная Киево-Печерская Лавра, своеобразная Глинская Пустынь, величая в своей простоте Троице-Сергиева Лавра, Пустынный Валаам — все они делали одно общее всенародное, духовно-просветительное дело.

Своеобразною особенностью внутренней жизни Оптиной Пустыни является ее “старчество”, появившееся в ней в конце 20-х годов прошлого столетия и составлявшее ее славу в течение всего XIX века. Историю оптинского старчества мы изложим ниже, а пока лишь отметим то обстоятельство, что именно благодаря своему старчеству Оптина Пустынь стала некоторой духовной лечебницей для душ, исковерканных грехом, потерявших или не нашедших смысла жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения и духовного руководства. Можно безошибочно сказать, что значительная часть оптинского братства пришла под кров этой обители, привлекаемая жаждою старческого “окормления”, и нашла здесь, при помощи старцев, душевный покой и спасение. Да и большинство богомольцев ищет в Оптиной Пустыни не только молитвенного утешения, но и разрешения своих сомнений и недоумений, а нередко и тяжелых жизненных драм, из уст ее мудрых старцев и через их молитвы и наставления.

Старчество придало Оптиной Пустыни особый духовно-светлый облик, пронизало ее духом благожелательной и снис-

ходительной любви, сделало ее привлекательной и бесконечно дорогой для грешных душ, ищущих спасения. В старчестве раскрылось истинное значение и истинное назначение Оптиной Пустыни. И неудивительно, что у стен этой обители возник целый поселок мирян, мужчин и женщин, семейных и одиноких, для которых стало жизненной потребностью ежедневно слушать оптинское богослужение и ежедневно получать благословение и наставление оптинских старцев.

Глава 3

ПРОШЛОЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ, ЕЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРИ МОСКОВСКОМ МИТРОПОЛИТЕ ПЛАТОНЕ И УСТРОЙСТВО ПРИ НЕЙ СКИТА

Оптина Пустынь приобрела славу в XIX веке, но возникла она в очень давние времена. Имеются указания, что еще царь Михаил Феодорович жаловал этому монастырю земли и разные угодья. Старинные монастырские синодики свидетельствуют о том, что Оптиная Пустынь, как и некоторые другие монастыри старого времени была смешанным монастырем — в ней жили и схимники, и схимницы. А так как совместные монастыри были отменены постановлением Стоглавого Собора, бывшего в половине XVI века, то отсюда видно, что Оптиная Пустынь уже существовала в первой половине XVI столетия. Не отсюда ли произошло и ее наименование — Оптиная, т. е. общая, каковое наименование имеют и некоторые другие монастыри, например, Болховский Оптин монастырь. Впрочем, по мнению других, идущему от прежних времен, Оптиная Пустынь обязана своим наименованием разбойнику Опте, который, покаявшись в своих душегубствах, пожелал молитвами, слезами и подвигами искупить свои грехи и положил начало монастырю. В XVIII веке Оптиная Пустынь, как и многие другие монастыри того неблагоприятного для монашества времени, пришла в запустение. В конце столетия в ней оставалось всего только три монаха, из которых один был слепой. И вот, как раз в это время, знаменитый москов-

ский митрополит Платон, объезжая свою епархию, в состав которой тогда входила и Калужская губерния, пленился прекрасным местоположением Оптиной Пустыни, и у него явилась мысль вывести ее из запустения. Возвратившись в Москву, он вызвал к себе известного в то время своею высокою духовною жизнью настоятеля Пешношской обители Московской епархии архимандрита Макария, состоявшего заочно в духовном общении с молдавским старцем архимандритом Паисием Величковским. Старец Паисий высоко ценил архимандрита Макария и в знак своего расположения прислал ему архимандричий посох. Вызвав к себе о. Макария, митрополит сообщил ему о своем намерении возобновить Оптину Пустынь и просил его дать из своего монастыря настоятеля, который мог бы устроить эту обитель. После долгого раздумья о. Макарий сказал: "Из нашей обители я не могу предложить более необходимого человека, как огородника Авраамия, но боюсь, что он, по своему смирению, не пойдет".

Было решено, что о. Макарий пришлет Авраамия к митрополиту с каким-либо поручением, и митрополит посмотрит его. Присланный к митрополиту, Авраамий понравился ему и против собственного желания был послан устраивать Оптину Пустынь. Взяв с собою несколько человек из Пешношской братии, Авраамий прибыл в Оптину и стал приводить ее в порядок. Много горя пришлось ему натерпеться здесь: обитель была запущенная. Бедность была крайняя. Не было полотенца вытереть руки за литургией. Промучавшись некоторое время, Авраамий вернулся в Пешношу и со слезами просил о. Макария освободить его от его должности. Макарий успокоил его, объехал вместе с ним знакомых соседних помещиков, и они снабдили Авраамия необходимыми для первоначального обзаведения обители предметами. Обрадованный и утешенный, Авраамий вернулся в Оптину и бодро принялся за труды настоятельства.

Историю возобновленной Оптиной Пустыни можно разделить на четыре тридцатилетних периода. Со вступлением в настоятельство о. Авраамия начался первый из этих периодов, закончившийся к началу 30-х годов XIX столетия. Вторым периодом совпадает со временем настоятельства о. архимандрита Моисея и старчества о. Льва и о. Макария; третий период совпадает со временем настоятельства о. архимандрита Исаакия и старчества о. Амвросия, и четвертый обнимает

собою время после 1894 года. Память о. Авраамия как восстановителя и опытного руководителя в духовной жизни, воспринявшего от своего духовного отца, архимандрита Макария, заветы старца Паисия Величковского глубоко чтится в Оптиной Пустыни. Следующим выдающимся событием в истории Оптиной Пустыни было устройство при ней скита во имя Усекновения главы св. Иоанна Крестителя. Начало Оптиному скиту было положено в 1821 году. В то время уже была образована самостоятельная Калужская Епархия, и ее первым епархиальным архиереем был бывший ректор Московской Духовной Академии епископ Филарет (Амфитеатров), впоследствии знаменитый митрополит Киевский. Епископ Филарет, по замечанию оптинского летописца, был очень монахолюбив и очень заботился о процветании монашеской жизни в Оптиной Пустыни. Для большего преуспевания в ней монашеского подвижничества он задумал основать при обители скит, где иноки, ищущие более уединенной, строгой и молитвенной жизни, находили бы удовлетворение этой своей потребности. Задуманное епископом Филаретом дело было огромной трудности: для успешной постановки оно требовало людей не только высокой и строгой монашеской жизни, но и понимающих науку православного подвижничества, способных быть руководителями иноков на пути духовного их усовершенствования и знакомых с порядками скитского жительства. После долгих размышлений, совещаний и поисков преосвященного Филарета остановил свой выбор на двух братьях Путиловых — Моисее и Антонии, подвизавшихся в то время уже около 10 лет в пустынных Рославльских скитах Смоленской губернии под руководством учеников старца Паисия Величковского, вышедших из Молдавии старцев — Досифея, Афанасия, Анастасия и других. По приглашению преосвященного Филарета братья Путиловы прибыли в Калугу и получили поручение приступить к устройству скита при Оптиной Пустыни. Они испросили разрешение взять с собою из Рославльских скитов нескольких братий и вместе с ними прибыли в Оптину Пустынь. На расстоянии четверти версты от монастыря, в густом лесу, выбрали они место, стали рубить деревья и выкорчевывать пни, поставили церковь, кельи и ограду и, таким образом, положили начало скиту и установили порядок скитского жительства. Первым начальником скита был о. Моисей, а когда он был перемещен в на-

стоятеля Оптиной Пустыни, начальником скита сделался о. Антоний. Управление Оптиной Пустынью о Моисея было временем ее наибольшего расцвета как в духовном, так и в хозяйственном отношениях. Все, что делалось в Оптиной Пустыни до него, имело характер лишь подготовительной работы, а все, что делалось после него, было лишь поддержанием и продолжением его дела.

О. Моисей происходил из зажиточной и благочестивой московской купеческой семьи и до монашества носил имя Тимофея. Как и два его младших брата, Александр и Иона, он с детства отличался религиозною настроенностью, и эта настроенность была в них трех поддержана и осмыслена духовным влиянием старцев Новоспасского монастыря в Москве, Филарета и Александра, состоявших в духовном общении и в переписке со старцем Паисием Величковским. Большое влияние имела на юношей также и старица московского Ивановского монастыря, монахиня Досифея. Увлекаемые своим настроением, братья Путиловы в молодых годах покинули мир и ушли в монашество. Иона ушел в Саровскую Пустынь, где впоследствии был настоятелем, а Тимофей и Александр поселились в Рославльских лесах у старцев Дорофея, Досифея и Арсения. Много лет провели братья в своем безмолвном уединении, занимались молитвою, чтением Слова Божия и святоотеческих книг и различными телесными трудами. Под руководством своих старцев, вышедших из обители Паисия Величковского, они опытным путем учились "умному деланию", т. е. внутреннему вниманию, искусству разбираться в своих помыслах, бороться со своими страстями и преодолевать их непрестанною внутреннею Иисусовою молитвою. Здесь, в лесном своем уединении, братья Путиловы приняли монашеский постриг — Тимофей с именем Моисея, а Александр с именем Антония. После десятилетнего пребывания в пустыне они переселились в 1821 году в Оптину Пустынь и занялись здесь устройением скита.

Глава 4

НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА: ИЕРОСХИМОНАХ ЛЕВ

В 1829 году, почти одновременно с тем, как о. Моисей был назначен настоятелем Оптиной Пустыни, а о. Анатоний начальником скита, произошло в жизни Оптиной Пустыни еще одно очень важное событие — прибыл в скит на жительство иеромонах о. Леонид (Наголкин), в схиме о. Лев, положивший начало оптинскому старчеству. О. Леонид был родом из купцов г. Карачева Орловской губернии. В молодости он занимался торговлею и ездил по ярмаркам. Почувствовав пустоту этого занятия, он оставил мир и ушел в Оптину Пустынь. Это было его первое пребывание в Оптиной Пустыни, еще до прибытия в нее о. Авраамия. Прожив недолго в Оптиной Пустыни, о. Леонид перешел в Белые Берега, Орловской епархии, где сблизился и подружился со своим земляком, схимонахом Феодором, проживавшим некоторое время в Нямце, в Молдавии, у старца Паисия Величковского. Молодость о. Феодора прошла довольно бурно, но он, преодолев все соблазны, нашел своей душе глубокое удовлетворение в обители старца Паисия и, будучи им хорошо направлен к духовной жизни, возвратился в Россию. О. Леонид прожил в Белых Берегах несколько лет, проходя обычные монашеские послушания, пек хлебы, чистил картофель на кухне, варил квас. Однажды, когда братия обители собралась для избрания нового настоятеля, о. Леонид, полагая, что ему нечего делать на этом собрании, занялся приготовлением кваса. Через некоторое время к нему в квасоварню приходят братья и объявляют,

что он выбран настоятелем и что ему нужно сейчас же ехать в Орел к Преосвященному. О. Леонид смиренно подчинился воле братии, но настоятелем пробыл недолго. Отказавшись от этого звания, он поселился в соседнем лесу, в уединенной келье, вместе с единоклубными братьями — Феодором и Клеопой, который также был учеником старца Паисия. В своем уединении они проводили время в "духовном трезвении". Когда в их келью стали приходить посетители за советами, ради душевной пользы, старцы увидели, что здесь им оставаться уже нельзя, и решили искать более уединенного места. Сперва Клеопа, а за ним и Феодор с Леонидом переселились на Валаам. На Валааме Клеопа скончался, а Феодор и Леонид, претерпев немало неприятностей от завистливых людей, ушли в Александро-Свирский монастырь. В Александро-Свирском монастыре на них обратил внимание император Александр I, посетивший проездом этот монастырь, и пожелал принять благословение от старца Феодора. Но тот разъяснил, что он простой схимонах, не имеющий священного сана, и благословлять не может. Тогда император откланялся и уехал. В 1822 году схимонах Феодор скончался на Пасхальной неделе, а о. Леонид, потеряв своего друга, решил удалиться в свои родные места, и перешел в Челнский монастырь Орловской епархии, а оттуда в Оптину Пустынь, где и оставался до самой своей кончины в 1841 году. Из сказанного видно, как мало-помалу сосредоточивались в Оптиной Пустыни предания и заветы старца Паисия Величковского, приносимые туда со всех сторон разными лицами: настоятелем обители Авраамием от Макария Пешношского, Моисеем и Антонием от рославльских пустынножителей, о. Леонидом от старцев Клеопы и Феодора. Словно ручьи живой воды, стекаются отовсюду влияния великого старца, чтобы соединиться в один глубокий и светлый поток оптинского старчества.

Поселившись в 1829 году в скиту Оптиной Пустыни, о. Леонид сделался средоточием духовной жизни в обители. Он отличался необычайною живостью и яркостью внутренней жизни, но старался прикрывать свои дарования некоторым видом юродства.

Самый наружный вид его был поразителен. Он был высокого роста, довольно полный, но легкий и быстрый, с небольшими, пронизательными и живыми глазами, с длинными, густыми и волнистыми волосами, напоминающими льви-

ную гриву, с живою, резкою, прямою, простонародною речью. В нем не было ничего напускного, заученного, формального. Народ любил его и теснился к нему. Келья его всегда была переполнена посетителями. Старец в белом балахоне сидел на своей кровати и плел пояски (это было его обычное рукоделье), беседуя с окружающими. Известный странник по святым местам, инок Парфений, посетивший Оптину Пустынь, очень живо и интересно описывает прием у старца Леонида.

Старец сидит на кровати. Вокруг него на коленях стоят посетители, слушая его беседу. Вместе с другими стоит какой-то купец. Когда очередь дошла до него, старец спросил его, что ему нужно? Купец сказал: "Прошу вашего наставления, отче, как жить?" Старец сказал: "А выполнил ли ты то, что я тебе назначил в последний раз?" "Простите, отче, не могу выполнить". Тогда старец обратился к своим келейникам и сказал: "Ну, так вытолкайте его вон!" И купца вывели из кельи. Уходя, он уронил золотую монету. Старец сказал: "А монету отдайте прохожему иноку. Он человек дорожный — ему пригодится!" Все со страхом смотрели на эту сцену. Тогда инок Парфений спросил старца: "Отче, за что это вы так строго поступили с купцом?" — О. Леонид ответил: "Да как же было поступить иначе? Он уже не один раз приходит ко мне и просит наставлений. Я ему сказал последний раз, чтобы он оставил курение табаку, и он обещал, а теперь говорит — не могу оставить. Пусть сначала исполнит одну заповедь, а потом приходит за новыми наставлениями". При иноке Парфении приходили к о. Леониду многие больные и бесноватые, и он, читая молитвы над ними и помазывая святым маслом от чудотворной Владимирской иконы Богоматери, исцелял их. Инок удивлялся силе его молитвы и спрашивал: "Отче, как вы дерзаете исцелять бесноватых?" Старец ответил: "Это не от меня. Каждому, по силе веры его, Бог подает исцеление по молитвам Богородицы". В течение всего дня старец был занят с посетителями. А когда вечером освобождался от них, келейники вычитывали ему положенное иноческое правило. Евангелие читал обыкновенно сам старец особым молдавским способом. Спал старец в сутки не более трех-четырёх часов. Своею святою жизнью, мудростью, прозорливостью, даром исцелений, милосердием к страждущим, прямою и смелыми обличениями людей порочных старец Леонид приобрел об-

щую любовь и глубокое почитание. К нему стали приходить люди всех классов и состояний — купцы, помещики, крестьяне, мещане, священники, не говоря уже о монахах и монахинях, и все получали от него полезный совет и утешение в постигшем их горе. С каждым годом возрастало стечение к нему народа. Однажды приехал к старцу из соседнего Козельска уездный протоиерей и, увидев старца, окруженного толпою крестьян, сказал: "И охота вам, батюшка, так утруждать себя и возиться целые дни с народом". Старец ответил: "Конечно, по-настоящему это — дело ваше, мирских иереев, но так как у вас для этого мало времени, то поневоле приходится возиться с народом нам — инокам". Недалеко от Оптиной проживал богатый помещик, человек гордый, крутой и своенравный. Семнадцать лет не был он у исповеди и, имея взрослых сыновей и дочерей, завел незаконную связь со своею крепостною женщиною. Слухи о прозорливом старце Леониде дошли до него, и он пожелал посмотреть старца. Старца предупредили об этом. И вот, когда помещик вошел в его келью, старец, сидя, по обыкновению, на кровати среди своих учеников, прикрыл глаза свои сверху рукою, в виде козырька, как бы всматриваясь попристальнее в лицо входящего, и сказал грозно: "Вот идет остолопина смотреть грешного Леонида! А сам, шельма, семнадцать лет не был у исповеди!" Пораженный непривычным для гордого барина обращением старца, помещик пожелал исповедаться у него и просил настоятеля Оптиной Пустыни переговорить об этом со старцем. Старец согласился исповедывать помещика, но наложил на него епитимью и не допустил до причащения Святых Тайн, пока он не разорвет свою незаконную связь. Возвратившись домой, помещик через некоторое время отослал от себя свою сожительницу, к большой радости своих детей, приезжавших в Оптину Пустынь благодарить старца за его строгость. Деятельность о. Леонида, всегда окруженного множеством посетителей, не нравилась епархиальному начальству: оно полагало, что инок, принявший на себя обеты схимничества, великий ангельский образ, должен был проводить свою жизнь в совершенном уединении и молитве, а никак не в беседах с народом. Непрерывным стечением народа нарушалось безмолвие скита, и скит уже переставал чем-либо отличаться от монастыря. Поэтому старцу Леониду было предложено прекратить прием посетителей. Старец исполнил распоряжение духовной влас-

ти. Но народ продолжал идти к нему. Собравшись у дверей его кельи или у ворот скита, люди часами и днями ожидали его выхода, окружали его, просили его благословения и молитвы, спрашивали советов, просили помочь больным. Тогда было предписано перевести старца в монастырь, но по-прежнему не допускать к нему посетителей. Устраивали разного рода заграждения из досок, запирали ворота, чтобы народ не мог проникать к о. Леониду, но все оказывалось напрасным. Однажды настоятель монастыря, о. Моисей, пришел посмотреть, что делается у старца, и увидел, что его келья полна народа — здесь были и здоровые, и больные. Старец читал над больными молитвы и помазывал их святым елеем из лампадки, висевшей перед его келейной Владимирской иконой Божьей Матери. Настоятель ужаснулся и сказал: "Батюшка! Что же это вы делаете? Ведь вам же запрещено принимать народ! Вас могут под начал упрятать, сослать в Соловки!" Старец ответил: "Что хотите, то и делайте со мною! Хоть в Сибирь меня пошлите, я останусь тем же Леонидом! Посмотрите на этих больных — могу ли я отказать им в молитве, на которую они только и надеются, которой ждут, и которая, по их вере и усердию к Божьей Матери, подает им исцеление?!" О. Моисей махнул рукою и ушел из кельи старца, промолвив: "Делайте, как знаете!" Несколько раз старца переводили из одной кельи в другую. Получив распоряжение о переходе в новую келью, старец брал на руки свою Владимирскую икону Божией Матери и с пением "Достойно есть..." отправлялся в указанное ему помещение. Ученики несли за них остальные его вещи. Наконец, старцу запретили носить схимническое одеяние, вероятно, полагая, что он ведет слишком рассеянную жизнь, не подобающую его схимническому положению. В это время приехал в Оптину Пустынь проездом в Петербург высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский. В Оптиной Пустыни он был встречен калужским епархиальным преосвященным и всем монастырским братством. Митрополиту Филарету, любившему и почитавшему о. Леонида, хорошо было известно положение старца в обители и отношение к нему епархиального владыки. Заметив, что старец был без схимнического одеяния, митрополит спросил, почему он не в схиме. Старец молчал. Митрополит понял причину его молчания и сказал: "Ты — схимник, а потому и должен носить схиму". После этого случая запрещение о. Лео-

ниду носить схиму было отменено. Гонение, постигшее о. Леонида со стороны противников старчества, распространилось и на его учеников. Из называли "фармазонами" и подвергали всяческим стеснениям и запрещениям. Много неприятностей претерпели из-за старца, между прочим, его вернейшие ученицы из Белевского монастыря — игуменья Павлина и монахиня Анфия. Старец Лев скончался в 1841 году, 11 октября, 72 лет от рождения. До самой своей кончины он сохранил ясное сознание, много раз причащался во время болезни святых Христовых Тайн, был особорован и до последнего вздоха призывал имя Божие, часто осеняя себя крестным знаменiem. Благословив в последний раз братию, он тихо предал дух свой в руки Божии. Перед кончиною посетил его известный в той местности своею святою жизнью юродивый Брагузин, и старец просил его помолиться о нем, чтобы Бог помиловал его. Юродивый ответил: "Авось, помилует!" *

* Более подробные сведения о старце Леониде можно найти в его жизнеописаниях, составленных о Климентом (Зедегольмом) и о архимандритом Агапитом

Глава 5

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ О. ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИЗДАНИЮ ПИСАНИЙ СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

За семь лет до кончины о. Леонида прибыл в скит Оптиной Пустыни иеросхимонах Макарий. О. Макарий происходил из дворянской помещичьей семьи Ивановых Орловской губернии. В молодости он думал жениться, но, побывав однажды в Площанской Пустыни Орловской епархии, он так пленился красотой монашества (все монахи показались ему, по его словам, "земными ангелами"), что уже не захотел вернуться домой из этой обители. В Площанской Пустыни он нашел себе руководителя в лице ученика старца Паисия Величковского, схимонаха Афанасия (Захарова, бывшего гусарского ротмистра), того самого, под влиянием которого находились в Москве старцы Новоспасского монастыря Филарет и Александр, и через них оптинский архимандрит Моисей и духовный сын о. Филарета Иван Васильевич Киреевский, которому потом пришлось вместе со старцем Макарием работать над изданием рукописей старца Паисия Величковского. Так удивительно переплетались духовные нити, связывавшие старца Паисия с Оптиной Пустынью. О. Макарий жил в Площанской Пустыни с 1810 по 1834 год. В 1823 году скончался его духовный отец, старец Афанасий, после чего началось его сближение и переписка со старцем Леонидом, результатом которых было переселение о. Макария в скит Оптиной Пустыни. По

прибытии в скит о. Макарий сделался ближайшим помощником о. Леонида по старчеству, а после его кончины сам вступил в подвиг старчества, будучи вместе с тем и начальником скита вместо о. Антония, назначенного настоятелем Николаевского монастыря в Малоярославце, Калужской епархии. Семь лет продолжалась совместная жизнь и деятельность старцев Леонида и Макария. Тесная духовная дружба связывала их. Нередко они даже писали общие письма своим духовным детям за своею общею подписью.

Между тем, они были совершенно не похожи друг на друга ни по внешности, ни по характеру. О. Лев, из купцов, крупный и представительный, был прям, грубоват и резок и отличался не столько начитанностью в духовных писаниях, сколько духовно-практическою мудростью. О. Макарий, из дворян, был слабого сложения, некрасив, с неправильностью в устройстве глаз и в речи, обладал мягким и кротким характером, эстетическими наклонностями, в молодости даже играл на скрипке, знал и любил церковное пение, любил цветы, был очень начитан в церковной литературе, имел склонность к ученым кабинетным занятиям. Оба старца как бы дополняли друг друга. Со смертью о. Леонида бремя старчества легло всецело на одного о. Макария, и он нес это бремя в течение девятнадцати лет, до самой своей кончины, последовавшей 7 сентября 1860 года. При нем деятельность оптинского старчества получила новое направление. О. Леонид являлся по преимуществу практическим руководителем душ, прибегавших к нему за помощью, и целителем их немощей и болезней. Он имел дело большею частью с иноками и крестьянами. При о. Макарии впервые началось сближение с Оптиной Пустынью представителей русской науки и литературы. Произошло это, главным образом, на почве издательства Оптиной Пустынью рукописей старца Паисия Величковского, хранившихся в скитской библиотеке и занесенных туда в разное время разными лицами. Мы уже говорили, что влияние старца Паисия различными путями сосредоточилось в Оптиной Пустыни. Ученики великого старца и его преемники передавали друг другу заветы и предания своего учителя, распространяли вместе с тем в рукописях и его переводы святоотеческих подвижнических книг. Существовавшие до старца Паисия славянские переводы аскетической святоотеческой литературы не были свободны от неясностей и неправильностей и нуждались

в исправлении по греческим подлинникам. Иные же из отеческих писаний, очень ценные в аскетическом отношении, и совсем не были переведены с греческого языка. Старец Паисий восполнил этот пробел в русской духовной литературе и трудами всей своей жизни, при содействии подготовленных им учеников, исправил по греческим подлинникам многие неточные древние славянские переводы отеческих книг, а иные книги перевел заново с греческого языка. Все эти писания старца Паисия, очень высоко ценимые в монашеском мире, в рукописях распространялись по русским обителям, а некоторые, например, "Добротолюбие", были и напечатаны в Петербурге в начале XIX столетия. Большинство же писаний сохранилось в рукописях по библиотекам монастырей и по кельям иноков. Немало таких рукописей имелось и в Оптиной Пустыни, откуда они и были извлечены на свет Божий заботами и трудами старца Макария, при содействии его просвещенных духовных детей и почитателей.

В 40-х годах XIX столетия недалеко от Оптиной Пустыни, в своем имении Долбине Бельского уезда проживали супруги Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские. Оба они были люди глубоко религиозные. Проживая перед тем в Москве, они находились в духовном общении со старцем Новоспасского монастыря Филаретом, были его духовными детьми. В особенности близка была к о. Филарету Наталья Петровна, которая сблизила с ним и своего мужа, известного публициста и философа, редактора-издателя журнала "Телескоп". Оба они от о. Филарета слышали о старце Паисии и о его писаниях и были почитателями памяти великого старца. Поселившись в Долбине, они часто бывали в Оптиной Пустыни, познакомились с ее старцами, о. Моисеем и о. Макарием, и особенно сблизились с последним, который стал их духовным отцом. Старец Макарий нередко посещал Киреевских в их имении, гостил у них по несколько дней и пользовался их безграничною любовью и уважением. Между ними часто шли беседы о старце Паисии, о его литературных занятиях и о его рукописях, хранившихся в библиотеке Оптинского скита, причем все они единодушно высказывали свое сожаление, что эти драгоценные в духовно-подвижническом отношении писания остаются никому не известными, ни инокам, ни мирянам, интересующимся духовною жизнью. Мало-помалу у них созрела мысль явить эти рукописные сокровища миру и при-

ступить к их печатанию. Задумав это большое дело, они решили испросить на него благословения московского митрополита Филарета, перед мудростью и святостью которого все они благоговели и который был лично известен Киреевским. Митрополит отнесся очень сочувственно к задуманному предприятию, дал свое благословение и обещал поддержку. В одно из посещений старцем Макарием Долбина было решено начать издательство с жизнеописания старца Паисия, составленного его учениками вскоре после его смерти, присоединив к нему некоторые из писаний и писем старца, а также из писаний его друга и единомышленника, старца Василия Поляномерульского. В тот же день, когда состоялось это решение, старец Макарий написал первые страницы предисловия к изданию. Так было положено начало делу. В деле издательства принимали близкое участие профессор Московского университета Ст. П. Шевырев и профессор Московской Духовной академии протоиерей Ф. А. Голубинский, который был и цензором издания. Во всех затруднительных случаях при редактировании текста обращались за советом и указанием к митрополиту Филарету, который внимательно следил за изданием и даже вызывал к себе старца Макария для личного знакомства с ним и беседы. Впрочем, это было уже в последующем периоде издательства, в 50-х годах. Сами Киреевские, проживая по временам в Москве, непосредственно наблюдали за изданием. Печатание жизнеописания старца Паисия началось в 1846 году, а в январе 1847 года книга уже вышла из печати. Все любители духовного чтения были очень заинтересованы этою книгою, и она расходилась в большом количестве и очень быстро, так что вслед за первым изданием сейчас же было приступлено и ко второму. За жизнеописанием старца Паисия последовало издание его переводов святоотеческих книг. В течение ряда лет были изданы: преподобного Исаака Сирина "Слова подвижнические", писания преподобных Иоанна и Варсануфия, Марка Подвижника, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Феодора Студита, аввы Фалассия, житие Григория Синаита и другие. Издательская деятельность старца Макария совместно с Киреевскими продолжалась до самой кончины Ивана Васильевича, следовавшей в 1856 году, но не прекратилась и после его смерти, поддерживаемая другими лицами. Из сохранившихся писем Ивана Васильевича и Натальи Петровны к о. Макарию вид-

но, с каким горячим сочувствием, с каким вниманием и заботливостью они относились к делу издательства, на участие свое в котором смотрели как на особое служение, возложенное на них Богом.

В пятидесятых годах близкое участие в издательской деятельности о. Макария принял Тертый Иванович Филиппов, о котором сохранился следующий благожелательный отзыв старца: "Тертый Иванович очень понравился нам по своей христианской, приятной простоте и неизысканному деликатно-свободному общению". В эти же годы посетил Оптину Пустынь и старца Макария Н. В. Гоголь. Сложное дело издательства, пересмотра и проверки рукописей, корректура и так далее не могли быть выполнены трудами одного о. Макария, и около него, как некогда и около старца Паисия, составила группа помощников, обладавших богословским и высшим образованием, в которую входили: о. Амвросий Гренков (впоследствии знаменитый старец и преемник о. Макария), о. Леонид Кавелин (впоследствии наместник Троице-Сергиевой Лавры), о. Климент Зедергольм (магистр классической филологии Московского университета), о. Ювеналий Половцев (впоследствии архиепископ Литовский) и другие лица. Уже после кончины о. Макария эти ученики его, вспоминая свои занятия с покойным старцем, с отрадою и благодарным чувством передавали, как им приходилось по ходу работ слышать от старца толкования таких мест из святоотеческих книг, на объяснение которых при других обстоятельствах они не могли бы и рассчитывать, так как, если бы стали спрашивать его, то он, по своему глубокому смирению, ответил бы им: "Не моей меры углубляться в толкование подобных мест".

В 1852 году старец Макарий по вызову митрополита Филарета посетил Москву и виделся с митрополитом. В эту же поездку от посетил Троице-Сергиеву Лавру и виделся с профессором протоиереем Ф. А. Голубинским. Так укреплялась связь Оптиной Пустыни с ученым, литературным и богословским миром Москвы. Вместе с тем все более и более возрастало духовное влияние и значение о. Макария среди монашествующих разных монастырей. Под его руководством находились женские обители в Великих Луках, Вязьме, Курске, Серпухове, Севске, Калуге, Ельце, Брянске, Казани, Осташкове, Смоленске и других местах. Отовсюду к нему обращались и миряне, лично и письменно, и приезжали к нему исповеды-

ваться. После кончины о. Макария заботами Н. П. Киреевской были напечатаны его письма к монашествующим в четырех томах и к мирским особам в одном томе, заключающие в себе драгоценные уроки христианской жизни, основанные на писаниях отцов-подвижников и собственном огромном духовном опыте, чуткости и проницательности смиренного и любящего сердца, изложенные с удивительною простотою, напоминающею писания святителя Тихона Задонского. Жизнь старца Макария, как и его предшественника, о. Льва, не обошлась без скорбей и огорчений, во исполнение слов Спасителя: "В мире скорбни будете". Вскоре после выхода в свет жизнеописания старца Паисия Величковского с приложением его писаний и между ними статьи об умной Иисусовой молитве и о приемах обучения этой молитве, получено было на имя Натальи Петровны Киреевской анонимное письмо с резкими нападками на эту молитву, на старца о. Макария и на Наталью Петровну, выпустившую в свет такое сочинение. Нашлись и другие лица, также осуждавшие опубликование статьи старца Паисия и полагавшие, что подобные вещи должны храниться в глубине монастырских келий и не выноситься на улицу, к соблазну непосвященных. Упреки, высказываемые Н. П. Киреевской, были, в сущности, обращены к о. Макарию и доставили ему немалую скорбь. В начале пятидесятых годов новая неприятность постигла старца. Киреевские любили иногда приглашать его к себе, в село Долбино, и для его успокоения выстроили ему небольшой особый домик в саду, где он и проживал день, два и три во время своего пребывания в Долбине, отдыхая от непрерывного приема народа в монастыре. Слухи о том, что старец покидает по временам свой скит и живет вдали от него у светских лиц, были доведены до сведения митрополита Филарета, причем митрополиту жаловались, что посетители Оптиной Пустыни лишены возможности видеть старца и пользоваться его советами вследствие его отсутствия из монастыря. Митрополит написал по этому поводу письмо Н. П. Киреевской, в котором мягко, но решительно указал недопустимость проживания старца в Долбине. Наконец, в тех же пятидесятых годах еще одна неприятность постигла о. Макария. По чьему-то ходатайству митрополит Филарет возбудил в Синоде вопрос о назначении о. Макария настоятелем Болховского монастыря Орловской епархии. Это предположение вызвало

крайнюю тревогу как среди братии Оптиной Пустыни, так и среди светских почитателей старца, которым пришлось употребить немало усилий, чтобы убедить высшие духовные власти в том, что о. Макарий и по своему возрасту, и по своему здоровью, и по своему положению в Оптиной Пустыни не может быть взят оттуда. Так среди всевозможных огорчений и тревог подходила к концу жизнь о. Макария, и, наконец, 7 сентября 1860 года последовала его мирная кончина. День кончины старца Макария — единственный день в году, когда разрешается доступ в Оптинский скит женщинам, желающим помолиться в скитской церкви об упокоении души его. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, какою исключительною и благоговейною любовью была окружена память кроткого и учительного старца.

Глава 6

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ О. ИЕРОСХИМОНАХ АМВРОСИЙ

Общепризнанного, бесспорного преемника себе старец Макарий не оставил. Одни из его духовных детей перешли к его бывшему келейнику, о. Илариону, пользовавшемуся общим уважением и назначенному вместо о. Макария начальником скита. Другие выбрали своим старцем бывшего главного помощника о. Макария по просмотру и изданию писаний старца Паисия о. Амвросия (Гренкова), который после смерти о. Илариона в 1873 году сделался единственным общепризнанным оптинским старцем, носителем духа и заветов старцев Леонида и Макария.

Вскоре после кончины о. Макария произошли большие перемены в составе лиц, возглавлявших Оптину Пустынь. В 1862 году скончался о. архимандрит Моисей, управлявший обителью более тридцати лет, устроитель скита при Оптиной Пустыни, учредитель ее старчества, создатель всего ее духовного и хозяйственного распорядка и благосостояния. Через три года после него умер его брат и ближайший его сотрудник о. игумен Антоний, проживавший последние годы своей жизни на покое в Оптиной Пустыни. Оба брата были крепко связаны не только кровным родством, но и духовною дружбою. С юных лет они пошли одним и тем же путем монашеского подвига, вместе подвизались в Рославльских лесах, вместе трудились над устройением Оптинского скита. До самой кончины о. Моисея о. Антоний оставался неизменно его ду-

ховным сыном. Если о. Моисею преимущественно был присущ дар мудрости, то о. Антонию было более свойственно нежное, любящее сердце, о чем свидетельствуют и его записки, и его письма, напечатанные после его смерти.

Н. П. Киреевская после первого знакомства с ним отозвалась о нем, что в этом старце "особенно отличаются его возвышенное простодушие и всеобъемлющая любовь".

Со смертью трех вышеупомянутых лиц закончился второй тридцатилетний период в жизни Оптиной Пустыни. Во все продолжение этого периода старцы Макарий, Моисей и Антоний являлись вдохновителями и руководителями духовной и материальной жизни оптинского братства. Но и после их смерти начатое и совершаемое ими дело воспитания духа и строительства жизни монашеской общины не прекратилось и не заглохло, а нашло себе новых исполнителей в лице их преемников и продолжателей — настоятеля Оптиной Пустыни о. Исаакия, старца о. Амвросия и скитона начальников о. Пафнутия, о. Илариона и заступившего его место с 1874 года о. Анатолия (Зерцалова), явившихся верными хранителями и исполнителями заветов оптинских старцев первого — старшего поколения.

К более близкому знакомству с этими новыми деятелями Оптиной Пустыни мы теперь и обратимся.

О Исаакий, заместивший о. архимандрита Моисея, происходил из богатой купеческой семьи города Курска — Антимоновых. Его отец торговал скотом, и сам о. Исаакий в молодости своей ездил по ярмаркам. Эта жизнь не удовлетворила его. В душе его жило и тянуло его в иной мир глубокое религиозное чувство. И вот в один прекрасный день произошла обычная в жизни наших подвижников история. Выехав из дому на одну из украинских ярмарок, молодой купец, губернский франтик, как он сам о себе потом отзывался, Иван Антимонов приказал своему кучеру повернуть лошадей на север и через несколько дней вместо украинской ярмарки оказался в Оптиной Пустыни, слухи о которой, вероятно, уже доходили до него. В то время еще был жив старец о. Лев. По примеру других, Иван Антимонов явился к нему в келью за благословением и скромно поместился позади всех посетителей на стуле. Вдруг он слышит оклик старца: "Ванюшка, поди сюда". Он никак не мог предположить, чтобы этот оклик относился к нему, так как, во-первых, в Оптиной Пустыни никто в то вре-

мя не знал его, тем более по имени, и, во-вторых, он не привык к тому, чтобы его, богатого купеческого сынка, кто-нибудь чужой называл так запросто "Ванюшка". Этим именем его называл только его покойный дед. Поэтому он, не обращая никакого внимания на оклик, продолжал спокойно сидеть на своем месте*. Однако стоявшие около него засуетились и стали толкать его, говоря: "Иди, это тебя старец требует!" Тогда Антимонов, пораженный тем, что старцу известно его имя, поспешил к нему, и происшедший между ними разговор определил его судьбу: Антимонов навсегда остался в Оптиной Пустыни. При постриге в монашество он получил имя Исаакия. Это был удивительный человек, олицетворение простоты, естественности, скромности и глубокой молитвенной собранности. Он не мог без слез совершать литургию. Его преданность и послушание старцу были всецелы. Более тридцати лет (знаменательное число в истории Оптиной Пустыни) он оставался настоятелем монастыря и говорил, что по молитвам старца он за все это время не знал никакой скорби. О его необыкновенной молчаливости ходило немало рассказов. Однажды по случаю какого-то праздника в одном из монастырей там было архиерейское служение. В числе сослужащих был и о. Исаакий. После службы все собрались в покоях настоятеля пить чай. Шел оживленный разговор. Один только о. Исаакий молчал. Наконец, владыка, желая и его втянуть в разговор, обратился к нему и сказал: "А что же вы, о. архимандрит, ничего нам не скажете? Я вижу, что вы только слушаете..." "Владыко святой! — ответил о. Исаакий. — Если все будут говорить, то кто же будет слушать?" О простоте, скромности и незлобии о. Исаакия можно судить по следующему случаю. Какой-то проходимец-странник, каких немало шатается по монастырям, проживая по странноприимным, питаясь по трапезным и получая милостыню от настоятелей и казначеев, пришел за милостыней и к о. Исаакию, и оставшись им почему-то недоволен, грубо сказал: "Вот ты и игумен, а не умен!" О. Исаакий добродушно ему ответил: "А ты, брат, хотя и умен, да не игумен!" Мне пришлось видеть о. архимандрита Исаакия в июне 1894 года, за два месяца до его кончины, когда он уже был глубоким старцем. Он был среднего роста, довольно полный, сутуловатый старец, с

* Весь этот рассказ мы лично слышали от о. Исаакия и передаем его с его слов

длинными, густыми седыми волосами, со спокойным, серьезным, прямым взглядом больших серых красивых глаз. Меня, студента духовной академии, мальчишку, он принял внимательно, ласково, сердечно, и много рассказывал о себе. На прощанье он вынес мне жизнеописание оптинского старца Леонида и, подавая его, сказал: “Возьмите, читайте: он тоже был из купцов”. Меня очень тронули тогда и эти слова его, и его богослужение, совершаемое им со слезами на глазах, и благодаря ему навсегда установилась сердечная связь между мною и Оптиной Пустынью с ее старчеством.

О скитона начальнике иеромонахе Иларионе говорят, как о верном и опытном в духовной жизни ученике старца Макария. По смерти последнего он был духовным отцом Н. П. Киреевской и был ею очень почитаем. Ходили слухи, что между его духовными детьми и духовными детьми о. Амвросия происходили споры из-за того, кто из этих двух старцев “выше”, но нужно сказать, что Н. П. Киреевская не принимала участия в этих спорах и считала, что “оба старца лучше”. Когда о. Иларион скончался в 1874 году, его место начальника скита заступил молодой еще иеромонах Анатолий (Зерцалов), студент Калужской Духовной семинарии и ученик старцев Макария и Амвросия. Он говорил о себе, что он двадцать лет молил Бога дать ему простоту, и, наконец, вымолил ее. Его считают опытным делателем Иисусовой молитвы. Когда впоследствии старцем Амвросием была устроена Казанская Шамординская женская община, о. Анатолий стал ближайшим помощником старца в деле устройства этой обители и в духовном руководстве сестер. Имеются в печати его письма к монахиням, проникнутые особенным, восторженным, каким-то “пасхальным” одушевлением, и в этих письмах он постоянно напоминает о необходимости неустанной внутренней Иисусовой молитвы и указывает, как можно научиться этой молитве и преуспеть в ней. Будучи весьма скромным, он обладал чувством высокого личного достоинства и во всяком обществе умел быть одинаково общительным, занимательным и учительным. Шамординские сестры сохранили о нем самое светлое и благодарное воспоминание, как о своем мудром и любвеобильном старце.

Со старцем Амвросием у него всегда были самые искренние и близкие сыновние духовные отношения. О. Анатолий скончался в январе 1894 года, за семь месяцев до кончины

о. архимандрита Исаакия, и два с половиною года спустя по смерти о. Амвросия. Центральное место среди главных деятелей Оптиной Пустыни в третье тридцатилетие ее восстановленного бытия занимал старец иеросхимонах Амвросий, приобретший, можно сказать, наибольшую славу из всех оптинских старцев, хотя сам о себе он выражался так: “Славны бубны за горами, а посмотришь близко — простое лукошко”, и еще: “Я всю жизнь свою крыл чужие крыши, а своя осталась непокрытою”. Старец иеросхимонах Амвросий, в миру Александр Михайлович Гренков, родился в духовной семье села Большие Липовицы Тамбовской епархии 21 или 23 ноября 1812 года. Сам старец не знал точно дня своего рождения. Он прошел обычную для духовного мальчика школу — сперва духовное училище, потом духовную семинарию. Учился он успешно, но не пошел ни в духовную академию, ни в священники. Он как будто чувствовал в душе своей особое призвание и не спешил пристроить себя к определенному положению, как бы ожидая зова Божия. Некоторое время он был домашним учителем в одной помещичьей семье, а затем преподавателем Липецкого духовного училища. Обладая живым и веселым характером, добротою и остроумием, Александр Михайлович был очень любим своими товарищами и сослуживцами. В последнем классе семинарии ему пришлось перенести опасную болезнь, и он дал обет постричься в монахи, если выздоровеет. По выздоровлении он не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение, “жался”, по его выражению. Однако совесть не давала ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительнее становились укоры совести. Периоды беззаботного юношеского веселья и беспечности сменялись периодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слез. Однажды, будучи уже в Липецке и гуляя в соседнем лесу, он, стоя на берегу ручья, явственно расслышал в его журчании слова: “Хвалите Бога, любите Бога”... Дома, уединяясь от любопытных взоров, он пламенно молился Божией Матери просветить его ум и направить его волю. Вообще, он не обладал настойчивою волею и уже в старости говорил своим духовным детям: “Вы должны слушаться меня с первого слова. Я — человек уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вам, но это не будет вам на пользу”. В той же Тамбовской епархии, в селе Троекурове, проживал известный в то время в той местности по-

движник Иларион. Александр Михайлович пришел к нему за советом, и старец сказал ему: “Иди в Оптину Пустынь — и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет теперь таких опытных старцев, как прежде”. (Старец преподобный Серафим незадолго перед этим скончался.) Вероятно, прежде чем окончательно принять решение, Александру Михайловичу захотелось посмотреть Оптину Пустынь. И вот он, когда наступили летние каникулы 1839 года, вместе с товарищем своим по семинарии и сослуживцем по Липецкому училищу Покровским, снарядив кибитку, отправились на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру и по пути останавливались в Оптиной Пустыни. Когда после этого начался учебный год и наступила осень, Александр Михайлович, после одного особенно весело проведенного в гостях вечера, сказал по секрету Покровскому: “Я не могу дальше оставаться здесь. Уйду в Оптину”. И действительно, спустя немного дней преподаватель Липецкого училища Гренков исчез из Липецка и оказался в Оптиной Пустыни. Старец Лев с любовью принял Гренкова под свое ближайшее руководство и назначил ему послушание — читать старцу молитвенное правило. Александр Михайлович поселился в скиту.

Неизвестно почему старец Лев, шутя, называл Гренкова “химерою”. Умирая, он передал Гренкова о. Макарию, сказав при этом: “Передаю его тебе из полы в полу. Уж больно он ютится к нам, старцам”. Для характеристики о. Амвросия и оптинских старцев интересен сообщаемый о. Амвросием небольшой разговор его с о. игуменом Антонием в алтаре Введенского храма. Вскоре после того, как о. Амвросий был посвящен в дьяконы и должен был однажды служить литургию в Введенском храме, подходит он перед службою к стоявшему в алтаре игумену Антонию, чтобы принять от него благословение. О. Антоний спрашивает его: “Ну что, привыкаете?” О. Амвросий развязно отвечает ему: “Вашими молитвами, батюшка!” Тогда о. Антоний продолжает: “К страху-то Божьему?..” О. Амвросий понял неуместность своего тона в алтаре и смутился. “Так что, — заключал свой рассказ о. Амвросий, — умели приучать нас к благоговению прежние старцы”.

В годы старчества о. Макария о. Амвросий, как окончивший семинарию и знакомый с древними языками, был одним из его ближайших помощников по подготовке к печати писа-

ний старца Паисия Величковского, и это занятие послужило ему хорошей подготовкой к его будущему старчеству. В сороковых годах он, простудившись, перенес продолжительную и тяжелую болезнь, навсегда подорвавшую его здоровье и почти приковавшую его к постели. Вследствие своего болезненного состояния он до самой своей кончины не мог совершать литургии.

Постигшая о. Амвросия тяжелая болезнь имела для него несомненное провиденциальное значение. Она умерила живость его характера, предохранила его, быть может, от развития в нем самомнения и заставила его глубже войти в себя, лучше понять и себя самого, и человеческую природу. Недалом же впоследствии о. Амвросий говорил: “Монаху полезно болеть. И в болезни не надо лечиться, а только подлечиваться!” Помогая старцу Макарию в издательской деятельности, о. Амвросий и после его кончины продолжал заниматься этой деятельностью. Под его руководством были изданы “Лествица” преподобного Иоанна Лествичника, письма и жизнеописание о. Макария, жизнеописание о. Моисея, жизнеописание и переписка о. Антония, “Царский путь Креста Господня” и “Илиотропион” преосвященного Иоанна Максимовича и другие книги. Помощниками старца Амвросия в издательской работе были о. Климент (Зедергольм), о. Леонид (Кавелин), о. Ювеналий (Половцев) и впоследствии о. Агапит, о. Эраст (Вытропский) и другие лица.

Но не издательская деятельность была средоточием старческих трудов о. Амвросия. У старца Амвросия не было особенной склонности к книжным и кабинетным занятиям. Его душа искала живого, личного общения с людьми, и он скоро стал приобретать славу опытного наставника и руководителя в делах не только духовной, но и практической жизни. Он обладал необыкновенно живым, острым, наблюдательным и проницательным умом, просветленным и углубленным постоянною сосредоточенною молитвою, вниманием к себе и знанием подвижнической литературы. По благодати Божией его проницательность переходила в прозорливость. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Легким, никому не заметным намеком он указывал людям их слабости и заставлял их серьезно подумать о них. Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, сильно пристрастилась к игре в

карты и стеснялась сознаться ему в этом. Однажды, на общем приеме, она стала просить у старца карточку. Старец, внимательно своим особенным, пристальным взглядом посмотрев на нее, сказал: “Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?” Она поняла намек и покаялась старцу в своей слабости. Своею прозорливостью старец сильно удивлял многих и располагал их сразу всецело отдаваться его руководству, в уверенности, что “батюшка” лучше их знает, в чем они нуждаются, и что им полезно, а что вредно. Одна молодая девушка, окончившая высшие курсы в Москве, мать которой давно уже была духовной дочерью о. Амвросия, никогда не видя старца, не любила его и называла его “лицемером”. Мать уговорила ее побывать у о. Амвросия. Придя к старцу на общий прием, девушка стала позади всех, у самой двери. Вошел старец и, отворив дверь, закрыл ею молодую девушку. Помолившись и оглядев всех, он вдруг заглянул за дверь и говорит: “А это что за великан стоит? Это — Вера пришла смотреть лицемера?” После этого он побеседовал с нею наедине, и отношения к нему молодой девушки совершенно переменялись: она горячо полюбила его, и судьба ее решилась — она поступила в Шамординский монастырь. Кто с полным доверием предавались руководству старца, никогда в этом не раскаивались, хотя и слышали они от него иногда такие советы, которые с первого раза казались им странными и совершенно неисполнимыми. Мы уже приводили слова настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Исаакия, что он тридцать лет жил по указаниям старца Амвросия и не испытывал за это время ни одной скорби.

Острота ума и прозорливость совмещались в старце Амвросии с удивительною, чисто материнскою нежностью сердца, благодаря которой он умел облегчить самое тяжелое горе и утешить самую скорбную душу. С этими качествами своей богато одаренной души о. Амвросий, несмотря на свою постоянную болезненность и хилость, соединял неиссякаемую жизнерадостность и умел давать свои наставления в такой простой, ясной, наглядной и шутиливой форме, что они легко и навсегда запоминались каждым слушающим.

Подтвердим все сказанное немногими примерами. В Оптиной Пустыни устанавливал иконостас иконостасный мастер из Калуги. Окончив работу и получив большие деньги, он собирался в тот же день уехать домой, в Калугу. Мастер то-

ропился со своим отъездом, потому что на следующий день к нему должен был по условию приехать заказчик на новую большую работу. Ехать нужно было лошадьми верст шестьдесят. По обычаю, мастер отправился в скит проститься со старцем и поблагословиться у него. Старец принял его очень радушно, усадил, долго беседовал с ним, хвалил его работу и, прежде чем мастер успел попросить благословения на выезд, старец, перебивая его, сказал: “А завтра после ранней обедни приходи опять ко мне: попьем чайку и побеседуем”. После такого приглашения со стороны почитаемого старца мастер не считал удобным заикаться об отъезде и решил, скрепя сердце, отложить поездку до утра, думая: “Если я после ранней обедни, отпивши чаю со старцем, выеду из монастыря, то часам к трем-четырем дня буду в Калуге и застану еще там своего заказчика”. Каково же было его удивление, когда на следующий день утром старец, напоив его чаем и не дав ему сказать слова, снова пригласил его приходить к нему в тот же день перед вечерней пить чай. Мастер и на этот раз не посмел отказаться, чувствуя себя очень польщенным вниманием старца. Утешая себя, он думал: “Ну, может быть, мой заказчик пождет меня один денек!”

Однако после вечернего чая старец опять пригласил мастера приходить к нему на следующий день после ранней обедни пить чай. “Что за чудеса! — думал мастер, — уж не смеется ли старец надо мною!” Но не видно было, чтобы старец смеялся. Мастеру уже и досадно стало — из-за старца он мог потерять выгодного заказчика. Однако делать было нечего: перечесть старцу было неудобно, и мастер снова явился к старцу после ранней обедни пить чай. Уже и чай этот стал ему не в сладость. Старец принял его еще ласковее. Посидели, поговорили, попили чайку. “Ну, друг, — говорит старец, — приходи и сегодня вечером перед вечерней, посидим!”. Рассердился мастер: “Горе мне, — думает, — пропал мой заработок! Третий день не выпускает меня старец из обители! Какой же он после этого прозорливец!”. Но уже теперь ему было все равно, и он перед вечерней снова пришел к старцу. Старец опять напоил его чаем. А на прощанье сказал: “Завтра после ранней обедни приходи ко мне еще раз попить чайку, и после того — поезжай с Богом!” Чуть не заплакал мастер, но и на этот раз послушался старца. Провожая на другой день мастера, старец сказал ему: “Спасибо тебе, друг, что послушал ме-

ня! Бог сохранит тебя!” Впоследствии оказалось, что в течение этих трех дней и ночей, пока старец удерживал мастера в Оптиной Пустыни, два бывших его подмастерья, зная, что он будет возвращаться домой из монастыря с большими деньгами, стерегли его в лесу на Калужской дороге с целью убить и ограбить, но, не дождавшись, вынуждены были отказаться от своего намерения. Заказчик же, которого мастер считал уже потерянным, не мог по своим обстоятельствам приехать к нему в условленное время и приехал после.

В. В. Розанов в своей статье о старце Амвросии рассказывает трогательный случай, в котором ярко обнаружилась заботливая любовь старца к несчастным. Я не могу передать этот рассказ с присущей В. В. Розанову выразительностью и передам его, как сумею. В одном городе одной из центральных губерний молодая девушка, дочь богатого старозаветного купца, по неопытности, доверчивости и увлечению совершила тяжкий грех. Когда последствия греха стали ясны, рассвирепевший отец не вынес семейного срама, проклял дочь и выгнал ее из дому. Как и все несчастные в тех местах, потерявшие дорогу люди, молодая девушка кинулась к старцу Амвросию искать у него утешения и совета. Старец обласкал ее, успокоил и поместил у своих знакомых, не то в Вязьме, не то в Смоленске, где она благополучно и родила сына. Старец не оставлял ее и аккуратно посылал ей свое ежемесячное пособие. Молодая женщина знала живопись и стала писать иконы, чем и зарабатывала хлеб себе и своему сыну. Несколько раз в год она приезжала с мальчиком к отцу Амвросию, и тот их всегда принимал с неизменной ласкою. Поездки к старцу для мальчика всегда были праздником, и он чувствовал себя у старца, как дома: бегал по кельям и прыгал по стульям и диванам. С течением времени и суровый отец примирился с дочерью, помогал ей и полюбил своего внука.

У того же В. В. Розанова есть рассказ о том, как одна бедная вдова священника привезла к старцу своего беспутного сына — пьяницу, которого никакими увещаниями, никаким лечением не могли отучить от его порока. Старец предсказал ей, что этот горький пьяница не только исправится, но женится, будет священником, и его мать будет жить при нем и на своих руках будет нянчить его детей, своих внучат.

Такое невероятное, счастливое предсказание даже смутило мать пьяницы, и она усомнилась в прозорливости старца, но в

конце концов слова старца исполнились с буквальной точностью.

В 1894 году, спустя три года после смерти о. Амвросия, я был в Оптиной Пустыни. Вся окрестность еще полна была воспоминаний и разговоров о нем. Мне лично пришлось идти из Козельска в Оптину Пустынь с одной старухой, городской мещанкой. И она мне рассказала: “У меня был сын, служил на телеграфе, разносил телеграммы. Батюшка знал и его, и меня. Сын часто носил ему телеграммы, а я ходила за благословением. Но вот сын мой заболел чахоткой и умер. Пришла я к батюшке — мы все к нему шли со своим горем. Он погладил меня по голове и говорит: “Оборвалась твоя телеграмма!” “Оборвалась, — говорю, — батюшка!” — и заплакала. И так мне легко на душе стало от его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при нем, как при отце родном. Всех он любил и обо всех заботился. Теперь уж нет таких старцев. А может быть, Бог и еще пошлет!”.

Одна молодая француженка, католичка, по смерти любимого ею человека испытывала сильную тоску и обратилась к старцу с письмом, ища у него нравственной поддержки и совета. Старец ответил ей душевным письмом, убеждая иметь веру в Бога и полагаться на волю Божию.

Жизнеописание старца Амвросия полно рассказов о многочисленных случаях его сострадательной любви к людям и его прозорливости, но мы не имеем возможности по памяти воспроизвести из здесь*. Кажется, в 1875 году приехал в Оптину Пустынь бывший русский консул в Турции, К. Н. Леонтьев, известный писатель и философ. Не застав о. Амвросия в скиту, он отправился на его лесную дачу, в глубину соснового бора, куда старец любил уединяться с целью отдохнуть от своей ежедневной суеты. Там он увидел старца, окруженного народною толпою. Он рассказал старцу о своих внутренних переживаниях, о своем обращении к вере, о чуде, бывшем с ним на Афоне, об афонских старцах. Это свидание определило дальнейший жизненный путь Леонтьева. Он поселился в Оптиной Пустыни, вблизи старца, в доме, который получил наименование консульского, и прожил там более пятнадцати лет. Незадолго до кончины о. Амвросия Леонтьев по его ука-

* Интересующиеся пусть смотрят мою книгу “Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия” Изд. Козельской Введенской Пустыни 1912 г 420 с

занию переехал в Троице-Сергиеву Лавру, в Черниговский скит Божьей Матери, принял там монашество и скончался, кажется, в 1892 году. В 1878 году приезжали к о. Амвросию Достоевский с Вл. Соловьевым. Несколько раз бывал у о. Амвросия и гр. Л. Н. Толстой.

В последние годы жизни о. Амвросия, когда его имя было уже известно всей России, день его распределялся так: он просыпался очень рано, часа в четыре или пять утра, но по своей болезненности, немощи и постоянной усталости от множества посетителей поднимался иногда с большим трудом и неохотой, со стонами и охами, умывался теплою водою, не сходя с кровати и стоя на ней на коленях. Затем келейники вычитывали ему утреннее правило. Во время чая келейники, по просьбе и поручению разных лиц, задавали ему вопросы о тех и других предметах.

Напившись чаю, о. Амвросий принимался за корреспонденцию. Корреспонденция его была огромная. Иногда он получал до шестидесяти писем в день. На некоторые письма, в делах важных и интимных, он отвечал собственноручно; на другие письма диктовал ответы своим секретарям, сам же только подписывал их; на третьи письма поручал отвечать, давая только указания для ответа. Так проходило утро часов до восьми, до девяти.

В это время уже собирались понемногу посетители, желавшие лично видеть старца. Мужчины приходили изнутри скита и собирались в сенях перед дверью, которая еще была заперта. То и дело раздавались звонки, и к выходившему келейнику обращались с просьбами доложить старцу о желании видеть его. Келейник отвечал, что старец сейчас занят письмами и просил обождать немного. В это время с наружной стороны скита хибарка наполнялась посетительницами. Мало-помалу нетерпение посетителей и на мужской, и на женской половине все более возрастало, звонки становились чаще и сильнее, келейника начинали упрекать в том, что он не докладывает старцу. Келейник передавал все эти речи старцу, а старец, поглощенный письмами, рассеянно отвечал: "Попроси подождать". Желая протянуть время, келейник иногда спрашивал посетителей: "Да как о вас доложить?" Каждый говорил ему свою фамилию и откуда он приехал, но келейник, конечно, не мог всего этого запомнить и, войдя к старцу, говорил: "Там, батюшка, собрались разные народы — москов-

ские, смоленские, вяземские, тульские, калужские, орловские — хотят вас видеть”. Наконец, старец оканчивал свою переписку. Входные двери открывались, и посетители наполняли назначенные им помещения, коридорчик, зальцу, хибарочные помещения и т. д. Через некоторое время выходил старец. Он был довольно высокого роста, немного сгорбленный, худощавый, бледный, с довольно длинной редкой бородой, с живыми, добрыми и проницательными небольшими глазами, в ватном подряснике и в ватной камилавке на голове, с четками в руках. Когда он снимал камилавку, открывался большой, умный лоб, увеличиваемый лысиною. Выйдя из своей кельи, старец сперва направлялся на женскую половину, в хибарку. Входя в хибарку, старец благоговейно молился перед большою иконою Богоматери “Достойно есть”, присланною с Афона, и начинал благословлять кинувшихся к нему женщин. В летнее время, когда бывало особенно много посетителей, старец через хибарку выходил в лес, под открытое небо, и там обходил и благословлял собравшихся, останавливаясь с тем или другим, чтобы выслушать вопрос и дать ответ. И с какими только просьбами и жалобами, с какими только своими горестями и нуждами ни приходили к старцу люди! Одна крестьянка со слезами просила его научить ее, чем кормить порученных ей господских индюшек, чтобы они не дохли, и старец, расспросив, как она их кормит, давал ей соответствующее наставление. Когда ему указывали, что он напрасно теряет с нею время, он отвечал: “Да ведь в этих индюшках вся ее жизнь”.

Для старца не существовало неважного человеческого горя. Каждого он выслушивал с одинаковым вниманием. Ни к кому он не относился безразлично. Это и было дорого всем, это и привлекало всех к нему.

И сенатор, и простая, бедная крестьянка, и студент университета — все в его глазах были равно нуждающимися духовными пациентами, требующими внимания, ласки и духовной помощи. Иные приходили к старцу за благословением, выдавать ли дочь замуж, женить ли сына, принимать ту или другую должность, ехать ли в то или другое место на заработки, оставаться ли в миру или уходить в монастырь, как жить вообще и т. д. И для каждого у старца находилось соответствующее полезное слово, приноровленное и к его обстоятельствам, и к его характеру, указывавшее ему наилучший и

разумнейший выход из того или другого трудного положения.

Слова старца не были просто прописною, общеизвестною моралью, они всегда носили индивидуальный характер, всегда сообразовались с особенностями данного лица. Приходит к старцу молодой священник, год тому назад назначенный по собственному желанию на самый последний приход в епархии. Не выдержал он скудости своего приходского существования и пришел к старцу просить благословения на перемену места. Увидев его издали, старец закричал ему: "Иди, иди назад, отец! Он один, а вас двое!" Священник, недоумевая, спросил старца, что значат его слова. Старец ответил: "Да ведь дьявол, который тебя искушает, один, а у тебя помощник — Бог! Иди назад и не бойся ничего: грешно уходить с прихода! Служи каждый день литургию, и все будет хорошо!"

Обрадованный священник воспрянул духом и, вернувшись в свой приход, терпеливо повел там свою пастырскую работу, и через много лет прославился как второй старец Амвросий *. Обойдя всех в хибарке и около хибарки, старец шел на мужскую половину, если чувствовал себя в силах. Если же был слаб, то принимал посетителей, лежа в своей келье. Прием посетителей продолжался до двенадцати часов и далее. Иногда келейники, видя усталость старца, напоминали ему, что уже начался первый час. Тогда старец говорил: "А ты переведи часы назад, и будет двенадцать". Окончив прием, старец обедал и до половины второго отдыхал. Затем снова выходил в хибарку для беседы и благословения или же принимал у себя в келье, лежа на койке, если чувствовал слабость. Приемы и беседы с монастырскою братией и с посторонними продолжались непрерывно до девяти и десяти часов вечера и позже. Совсем усталый и слабый, старец выслушивал вечернее молитвенное правило и отпускал своих келейников, за день также совершенно измаявшихся. Иногда в это время начнут бить часы. Старец спросит: "Сколько?" "Двенадцать", — отвечают келейники. "Запоздали..." — скажет старец.

В таком порядке изо дня в день шла жизнь о. Амвросия в течение многих лет, прерываясь иногда поездками на лесную дачу или путешествиями в Шамордино, и оживляясь праздничными богослужениями в келье старца и посещениями чу-

* О Георгий Косов, священник погоста Спас-Чокряк, Орловской епархии

дотворных икон. О. Амвросий всегда с особенною радостью и умилением встречал приносимые к нему чудотворные иконы Богоматери — Калужскую и Ахтырскую. Лицо его преобразалось, сияло особенным внутренним светом, из глаз лились слезы... По временам он подпевал певчим своим старческим слабым, но приятным тенором.

Глава 7

СТАРЕЦ О. АМВРОСИЙ — УСТРОИТЕЛЬ ЖЕНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ШАМОРДИНСКОЙ ПУСТЫНИ

С конца семидесятых годов о. Амвросий отдается новому большому делу, глубоко захватившему его и до конца жизни составлявшему главную его заботу.

Мы говорим об устройении им Казанской женской пустыни близ деревни Шамордино, в двенадцати верстах от Оптиной Пустыни. На высоком, покрытом лесом берегу тихой, спокойной Серены, в уединенной и живописной местности, стояла давнишняя усадьба мелких помещиков, мужа и жены, бездетных стариков. Будучи очень религиозными, старички часто посещали Оптину Пустынь, бывали у старца Амвросия, жаловались ему на свою бесприютную старость, выражали готовность продать свою усадьбу, если бы нашелся подходящий покупатель, а самим поселиться в гостинице при Оптиной Пустыни и доживать там свой век.

Как раз в это время богатая помещица Ключарева, давнишняя духовная дочь о. Амвросия, желая жить поближе к Оптиной, искала для себя небольшую усадьбу, где бы она могла поселиться с двумя своими внучками, крестницами о. Амвросия, Верою и Любовью, принятыми ею на воспитание. О. Амвросий посоветовал ей купить усадьбу вышеупомянутых старичков. Усадьба была куплена, старички переселились в Оптину, а их дом стали приспособлять для жительства Ключаревой и ее внучек. Когда намечали в доме предполагаемые перестройки и советовались с о. Амвросием, который

по этому случаю приезжал в усадьбу, то все удивлялись его указаниям, которые, по-видимому, имели в виду не удобства барской квартиры, а будущее монашеское общежитие.

На это обратила внимание и сама Ключарева, и была недовольна распоряжениями старца. Последующие события разъяснили загадку. Обе девочки, горячо любившие друг друга и старца, и всеми любимые, одновременно заболели дифтеритом и через несколько дней к общему горю и особенному горю бабушки скончались. После смерти девочек приспособление усадьбы для барской жизни потеряло смысл, настроение Ключаревой переменилось, и усадьба получила новое назначение — стала приспособляться под женскую иноческую обитель.

При Ключаревой состоял большой штат женской прислуги, частью еще из ее бывших крепостных. Эти женщины, богомольные и расположенные к монашеской жизни, положили начало монашеской общине. Зал дома, устроенный по указаниям о. Амвросия в восточной части дома, сделался домашнею церковью, где и отправлялись положенные службы. Постепенно обитель стала расти. Начальницей обители о. Амвросий избрал другую свою духовную дочь, также богатую и родовитую помещицу, Софью Михайловну Астафьеву, урожденную Болотову, брат которой, иеромонах Даниил, получивший специальное образование в петербургской Академии художеств, талантливый художник-портретист, жил в скиту Оптиной Пустыни. Софья Михайловна, будучи еще в миру, отличалась высоким духовным настроением, соединяя молитвенный подвиг с делами самоотверженного служения ближним. Овдовев после первого брака, она хотела поступить в монастырь, но по благословению старца Амвросия вышла вторично замуж за больного и старого Астафьева и несколько лет жила при нем как бы сиделкой и сестрой милосердия. Овдовев вторично, умудренная скорбным жизненным подвигом, она была, наконец, поставлена во главе возникшей Шамординской общины.

1 октября 1881 года состоялось открытие общины. О. Амвросий не присутствовал на открытии. Затворившись у себя в келье, он целый день провел в усиленной молитве. Вновь открытая община росла с такою быстротою, что не успевали строить новые корпуса для вновь принимаемых сестер. Дело требовало огромных забот и огромных средств, и всю свою

тяжестью легло на престарелого и болезненного старца. Старец всею душою отдался этому делу. Он послал в Шамордино несколько ближайших к нему и опытейших братий для помощи матушке Софии в устройении обители и сам ежедневно выслушивал их отчеты и давал им руководящие указания. Имя старца Амвросия привлекло в обитель сестер со всех концов России, из всех классов общества. Пришли сюда и молодые курсистки, искавшие и находившие у старца указание смысла жизни; пришли богатые и знатные помещицы, вкладывавшие свои материальные средства на созидание обители. Были здесь и любительницы благочестия из купеческого звания, принимавшие иногда тайный постриг еще до поступления своего в монастырь. И особенно много было здесь простых крестьянок. Все они составили одну тесную семью, объединенную безграничною любовью к собравшему их старцу, который со своей стороны любил их также искреннею отеческою любовью. С особенною любовью принимал он в свою обитель всех обездоленных, несчастных, бесприютных. “Таких-то, — говорил он, — нам и нужно!” Пришла к нему одна молодая крестьянка, оставшаяся по смерти мужа бездетной вдовой в мужниной семье, больная, не способная к работе, всем чужая и никому не нужная. Свекровь ей говорила: “Ты бы, милая, хоть удавилась — тебе не грех!” Пришла она к старцу вся в слезах и поведала ему свое горе. Старец внимательно выслушал ее и сказал: “Этот хлам и у нас сойдет”. И велел принять ее в Шамордино. И вот из таких-то несчастных и им подобных набралось в Шамордине еще при жизни старца до тысячи сестер. Нашлись благочестивые и щедрые благотворители, известная московская купеческая семья Перловых, и выстроили в Шамордине величественный храм, трапезную и другие здания. Главною святынею храма была чудотворная Казанская икона Божией Матери, по имени которой и сама обитель стала именоваться Казанскою. Когда о. Амвросий в первый раз приехал в Шамординскую усадьбу, после того как она была куплена Ключаревою, и вошел в залу, он обратил внимание на эту икону Богоматери, висевшую в углу, долго рассматривал ее и сказал: “Эта икона чудотворная — почитайте ее!” Слова старца подтвердились многими последующими случаями.

Алтарь нового, большого храма был устроен так, что отделялся на некоторое расстояние от его восточной стены, и

это давало возможность отчетливо слышать возгласы священнослужителей во всех концах храма. Особенно внимательно старец следил за благоговейным и уставным выполнением церковных служб. На одном из клиросов он сделал собственноручную надпись: “Не ревнуй лукавнующим, зане лукавнующие потребятся” (Псал. 36.1). Тихое и стройное пение двух клиросов под управлением опытных регентш, обученных московскими специалистами, неспешное, ясное уставное чтение и весь благоговейный, неспешный и стройный чин богослужения производил сильное впечатление на присутствующих в храме и располагал к молитве.

По благословению старца шамординские сестры во всех своих монастырских нуждах старались сами себя обслуживать: сами вели все свое хозяйство, занимались полевыми работами, работали в мастерских — швейной и сапожной, пекли хлебы, вели молочное дело, занимались в иконописной мастерской, сами золотили и чеканили иконостас в своем храме, производили эмалевые украшения на иконах, делали тонкую художественную работу — вышивали золотом и шелками, писали красками на атласе, вышили, например, и написали красками великолепное художественное золототканое изображение Тайной Вечери на передней стороне малинового бархатного на престольного одеяния и даже устроили собственную типографию. Не чуждались они и самой тяжелой, черной работы: например, сами копали канавы для укладки фундамента при постройке церкви. О. Амвросий заботился о том, чтобы в его обители процветали не только молитва и труд, но и дела милосердия и помощи нуждающимся. Поэтому по его благословению в Шамордине был открыт детский приют, была устроена богадельня для не способных к труду и беспомощных старух, не только монахинь, но и мирских, и открыта школа для приходящих крестьянских девочек.

Каждое лето о. Амвросий приезжал в Шамордино, чтобы лично руководить жизнью сестер обители как духовною, так и хозяйственною. Эти приезды старца были величайшим праздником и радостью для обители. Всех сестер охватывало особенное одушевление и усердие к своему делу. Каждой хотелось быть замеченной старцем, услышать от него похвалу или хотя бы простое ласковое слово. Старец обходил все помещения обители, наблюдал за ходом работ, вникал во все подробности, указывал, направлял в надлежащую сторону.

Его неутомимыми постоянными помощниками, с любовью заботившимися о юной обители, были скитоначальник о. Анатолий, о. иеромонах Иосиф, будущий преемник старца, о. Венедикт, будущий заместитель о. Анатолия, о. Иоиль, наблюдавший за постройками, о. Пиор, будущий духовник обители и другие братья из Оптиной Пустыни. В самой же обители первого и незаменимо исполнительницей воли старца и руководительницей сестер была начальница обители, схимонахиня София, память которой глубоко чтится в обители, считающей ее праведницею. Сам старец, когда получил известие о кончине матушки Софии, умершей еще не в преклонных летах, сказал: "Ах, мать! Обрела благодать у Бога!" Преемницей матушки Софии была слепая игуменья Евфросинья, после которой управляла обителью игуменья Екатерина, а затем игуменья Валентина, при которой и произошел большевистский разгром монастыря. Игуменью Валентину мне пришлось видеть и знать лично. Она происходила из купеческого звания, Калужской губернии, и говорила чистейшим калужским наречием. Еще до поступления в монастырь она приняла тайный постриг, так как по семейным обстоятельствам не могла открыто поступить в монастырь. Она была для всех примером смирения, кротости и усердной молитвы. Высокая, бледная, с благообразным лицом и добрым взглядом темных глаз, тихая и скромная, вся окутанная черным покрывалом монашеских одежд, она невольно располагала к себе сердца всех узнававших ее. Немало было в Шамордине и других монахинь высокой духовной жизни, истинных подвижниц и тружениц Христа ради, имена которых я считаю преждевременным называть: но не могу не отметить того особенного, светлого, радостного и благожелательного настроения, которым были проникнуты все шамординские сестры: мне никогда не приходилось наблюдать в них напускного, внешнего, неискреннего благочестия. В этой обители удивительным образом успели сочетаться культурность и просвещенность русской образованной женщины с благоговейною настроенностью верующей народной души.

Удивительное впечатление оставляло в душе время пребывания в Шамордине чудотворной Калужской иконы Богоматери. Эта икона, обычно пребывавшая в селе Калуженке, неподалеку от Калуги, летом странствовала по городам и селам Калужской епархии и в июле достигала Шамордин.

Отношение русского народа к святым иконам иногда приравнивают к идолопоклонству, но такая оценка русского народного благочестия основана лишь на поверхностном с ним знакомстве. Я родился и вырос среди простого народа. Я с детства принимал участие в многочисленных крестных ходах в различных местностях России, на юге и на севере, — близко видел народное религиозное настроение и сам разделял его, и потому с полным убеждением могу утверждать, что отношение русского народа к иконам имеет характер истинно духовный и православный. Сквозь икону народ видит живое лицо Спасителя, Богоматери, Святителя Николая или кого-либо другого из святых угодников. Он падает перед иконою на колени и лобзает ее, но лобзает не дерево и краски, а это живое существо, которое он видит сквозь это дерево и краски. Когда он видит величественно шествующий на носилках над толпою образ Богоматери, он не говорит: “Икону несут”, он говорит: “Пречистая идет”; он забывает в эту минуту о материальном составе иконы и видит лишь соприкасающуюся с ним живую, невидимую Царицу Небесную.

Такое отношение нельзя назвать идолопоклонством, так как здесь нет обожествления материи. Здесь имеется налицо нечто совершенно иное — ощущение близости и везде присутствия Божества, “соприкосновения миру иному”, по выражению Достоевского. Икона есть в данном случае только тот материальный повод, который дает возможность верующей душе легче и очевиднее войти в общение с миром невидимым.

И вот когда в Шамордино приносили чудотворную Калужскую икону Богоматери, то для всех это было посещением самой Пресвятой Богородицы. Можно представить, с каким чувством, с какими радостными слезами, с какою любовью повергались все ниц перед грядущею в обитель Царицею Небесною! С необычайным подъемом духа, торжественно, всею обителью встречали святую икону у святых ворот монастыря, и с крестным ходом, при торжественном трезвоне колоколов вносили в храм, где и начиналось праздничное всенощное бдение. По окончании богослужения начиналось пение молебнов. Святая икона поднималась с места и торжественно шествовала из кельи в келью, из корпуса в корпус по всей обители в продолжение всей ночи. Это была как бы вторая пасхальная ночь. Во мраке ночи ярко горели свечи в руках монахинь, сопровождающих икону, и отчетливо раздавались

умилительные напевы стихир и ирмосов в честь Богоматери. Из монастыря крестный ход направлялся полем в соседнюю монастырскую дачу, так называемую Лапеху, и это шествие по открытому месту под необъятным ночным небесным куполом, сияющим звездами, было еще красивее и величественнее. Так проходила ночь, и к утру икона возвращалась в храм, где молебное пение продолжалось до начала литургии.

В различном расстоянии от Шамордина находились несколько принадлежавших ему дач. Кроме упомянутой Лапехи, была еще дача в великолепном сосновом лесу, так называемом царском, пожертвованном обители покойным Государем Императором Николаем Александровичем. Другая дача, Акатово, где велось полевое хозяйство, находилась довольно далеко от монастыря, и мне в ней не пришлось побывать. Третья дача — Рудново, где еще при старце Амвросии был найден источник воды, считавшийся чудотворным. В Руднове существовала небольшая деревянная, очень красивая церковь во имя Успения Богоматери. Там же существовали пещеры, ископанные какими-то прежними подвижниками, предсказывавшими, что придет время, когда на этом месте устроится женская обитель, и сестрам обители придется спасаться от врагов в вырытых подвижниками пещерах. Это сказание нам передавали еще в 1913 году, т. е. до войны и революции, и оно совпадает с предсказанием преп. Серафима о том, что после его прославления настанет такая скорбь и такое лютое время, когда ангелы не будут успевать носить на небо души убитых и замученных. Вообще Рудново в сознании шамординских монахинь представлялось местом таинственным, окутанным какою-то особенною чудесностью. Оно считалось местом, имеющим какое-то особенное предназначение. Кстати скажу: на половине пути между Шамординым и Рудновым, там, где дорога, поднимаясь в гору, достигает высшего подъема, становится виден сияющий крест оптинской колокольни. В самом Шамордине в тихий летний вечер накануне воскресных и праздничных дней ясно бывает слышен звон большого “семисотенного” оптинского колокола. Обитель молитвенную весть подает.

Последние годы жизни старца Амвросия были ознаменованы немалыми горестями. Частые отлучки старца из Оптинского скита в Шамордино и особенно последнее, предсмертное, самое продолжительное его там пребывание в 1891 го-

ду — вызывали ропот оптинской братии, лишавшейся возможности ежедневного посещения старца. Чтобы сказать старцу свои духовные нужды, братья должны были идти — и в одиночку, и группами — за двенадцать верст, в Шамордино. Огорчался, но молчал и смиренный настоятель Оптиной Пустыни о. архимандрит Исаакий. Не нравились эти отлучки и епархиальной власти, рассуждавшей с формальной точки зрения, что монаху-схимнику не подобает оставлять свой скит и проживать в женской обители. С о. Амвросием повторялась та же история, которая уже бывала раньше со старцами Львом и Макарием. И тех упрекали в нарушении схимнических обетов за их общение с народом, за посещение светских домов. Пришлось понести этот крест и о. Амвросию, и он иногда говорил по этому поводу: “Немало я принял незаслуженной славы на своем веку. А кто пользовался славой на земле, тот должен пострадать за это или в здешней временной жизни, или в будущей вечной. Лучше же пострадать временно в здешней жизни, нежели вечно в будущей”.

1891 год был последним годом в земной жизни старца. Все лето этого года он провел в своей любимой обители, как бы спеша закончить и устроить там все незаконченное. Он ясно сознавал приближение своей кончины, и это видно было из всех его слов, из всех распоряжений. Многое объяснилось уже только после его кончины. Приехав в Шамордино в начале лета, старец задержался там по разным обстоятельствам. Шли спешные работы, по которым требовались указания. Новая настоятельница, игуменья Евфросинья, нуждалась в руководстве. Старец, повинаясь распоряжениям консистории, неоднократно назначал дни своего отъезда, но ухудшение здоровья, наступавшая слабость заставляли его откладывать свой отъезд. Так протянулось дело до осени, и всем стало ясно, что старец останется и на зиму в Шамордине. Стали готовить для него зимнее помещение. Сестры радовались, что старец не покинет их. Между тем из Калуги шли все более и более настойчивые требования о возвращении старца в скит. Наконец было получено известие, что сам преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается приехать в Шамордино и увезти о. Амвросия в Оптину Пустынь. Обиженные за старца сестры сильно волновались. Один старец оставался спокоен и благодушен. Осеннее время неблагоприятно отразилось на здоровье старца. Он простудился и,

наконец, перестал вставать с постели. Это была его последняя, предсмертная болезнь. Не сознававшие опасности положения старца сестры, встревоженные вестями о приезде архиерея, спрашивали старца: “Как мы будем встречать владыку, если он придет к нам?” Старец отвечал: “Мы пропоем ему — со святыми упокой!”

Наконец в Шамордине получено было известие, что владыка выехал из Калуги. А старец слабел все более и более. И вот — едва преосвященный успел проехать половину пути до Шамордина и остановился ночевать в Перемышльском монастыре, и сидел вечером за чаем с настоятелем монастыря, как ему подали телеграмму, извещающую его о кончине старца. Преосвященный изменился в лице и, подавая телеграмму настоятелю, смущенно сказал: “Что же это значит?” Был вечер десятого октября.

Преосвященному советовали на другой день вернуться в Калугу, но он ответил: “Нет, вероятно, такова уж воля Божия! Простых иеромонахов архиереи не отпевают, но это особенный иеромонах — я хочу сам совершить отпевание старца!” Прибыв в Шамордино, владыка направился прямо в церковь, где уже находилось тело старца. Шла панихида. Когда владыка вступил в храм, певчие пели: “Со святыми упокой”... Сестры вспомнили пророчество старца, и громкие рыдания огласили церковь.

Шамординские сестры очень хотели, чтобы тело старца было предано земле в том месте, где застигла его смерть, т. е. в Шамордине. Они усматривали в этом волю Божию. Оптиницы же находили, что старец должен быть погребен в той обители, в которой он числился, в которой он полагал начало монашеству, в которой протекла вся его жизнь, и в которой почивали его наставники — старцы Лев и Макарий. Там, около этих старцев, следовало почивать и телу о. Амвросия. За разрешением возникшего затруднения обратились в Св. Синод, и Синод предписал предать земле останки старца Амвросия в Оптиной Пустыни.

Была дождливая осенняя погода. Но это не помешало огромному стечению народа, отовсюду собравшегося на погребение чтимого старца. После продолжительного отпевания, совершенного в Шамордине, во время которого было произнесено много глубоко прочувствованных речей, отметивших великое значение русского старчества вообще и старца

о. Амвросия в частности, гроб старца, при громком плаче осиротевших шамординских сестер, был вынесен из церкви, и похоронная процессия двинулась в Оптину Пустынь. Сопровождаемая хоругвями и иконами, встречаемая в попутных селениях крестными ходами и духовенством в облачении, процессия была более похожа на перенесение мощей, нежели на обычное погребение умершего. Всю дорогу до Оптиной Пустыни гроб несли на руках. Несмотря на моросивший дождь и грязную дорогу, не уменьшалось число людей, сопровождавших процессию, не умолкали погребальные песнопения и ярко горели свечи в руках молящихся. Уже в сумерки процессия достигла Оптиной Пустыни, откуда навстречу ей уныло неслись звуки большого колокола. Тело старца Амвросия предано было земле на общем кладбище по правую сторону от алтаря Введенского храма рядом с могилой старца Макария. Так закончилось многотрудное старческое служение о. Амвросия, в течение тридцати лет облегчавшего и несшего на себе скорби и тяготы бесчисленного числа людей, искавших у него помощи и утешения. Впоследствии над могилой старца была воздвигнута часовня, в которой пред иконами Казанской Божьей Матери и святителя Амвросия Медиоланского теплились неугасимые лампы.

На светлом, беломраморном надгробье золотыми буквами были начертаны слова апостола Павла, точно выражающие смысл жизненного подвига старца: “Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу” (1 Кор. IX.22).

Глава 8

ПОСЛЕДНИЕ ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

Через два года после о. Амвросия, в январе 1894 года, скончался его ближайший помощник по духовничеству в Шамордине — начальник Оптинского скита иеросхимонах Анатолий, и в том же 1894 году, в августе, скончался и настоятель Оптиной Пустыни о. архимандрит Исаакий. С кончиною этих трех духовных руководителей оптинского братства закончился период высшего духовного расцвета и высшей славы Оптиной Пустыни. В дальнейшем своем существовании Оптина Пустынь жила уже только воспоминаниями своего славного прошлого и посильным хранением своих славных традиций. И хотя старчество в Оптиной Пустыни не угасло, но уже не имело прежней силы и славы. После кончины о. Амвросия старчество сперва распределилось между двумя его ближайшими учениками и помощниками — скитоначальником о. Анатолием и иеромонахом о. Иосифом. По смерти же о. Анатолия главным старцем сделался о. Иосиф. Он жил в келье о. Амвросия и своею кротостью, смирением и преданностью памяти своего наставника приобрел общую любовь и уважение.

Все любившие о. Амвросия не могли не любить и о. Иосифа, которого высоко ценил и сам покойный старец, говоривший о нем своим духовным детям: “Я поил вас вином с водою, а Иосиф будет поить вас цельным вином”. Сам престарелый настоятель Оптиной Пустыни, о. Исаакий, видел в о. Иосифе преемника о. Амвросия по старчеству. Впрочем, не

прекратилась и та линия старчества, во главе которой стоял о. скитоначальник Анатолий. Его преемник по должности скитоначальника, о. Венедикт, заменил для многих о. Анатолия. О. Венедикт был воспитанником Смоленской духовной семинарии и некоторое время был мирским священником в своей Смоленской епархии. Он отличался благоговейною жизнью и, овдовев, по совету о. Амвросия поступил в Оптиную Пустынь, где исполнял обязанности письмоводителя при старце. Под руководством о. Амвросия и о. Анатолия он сам приобрел духовную опытность и стал полезным руководителем для своих духовных детей. Еще при жизни старца Амвросия он исполнял обязанности духовника шамординских сестер и остался им и впоследствии. Окончил он свою жизнь в сане архимандрита, настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря.

Другим учеником скитоначальника о. Анатолия был иеромонах Нектарий, о котором говорили как об опытном делателе умной Иисусовой молитвы. Он поступил в скит еще мальчиком и большую часть своей жизни провел в глубоком уединении, под руководством о. Анатолия. Лишь в последние годы, уже по кончине о. Иосифа, он, с благословения настоятеля Оптиной Пустыни, поселился в келье о. Амвросия и стал принимать посетителей. По примеру первого оптинского старца Льва, и о. Нектарий не чужд был некоторого юродства. О. Иосиф скончался в мае 1911 года и был похоронен на общем кладбище у ног старца Амвросия как его верный и преданный ученик. После его кончины из всех бывших учеников о. Амвросия особенно выделился иеромонах о. Анатолий (младший), который и сделался вскоре главным и общепризнанным старцем Оптиной Пустыни. Когда-то он был келейником у о. Амвросия и жил в скиту. Будучи еще в сане иеродьякона, в 1905 году он уже привлекал к себе внимание и сердца богомольцев своим внимательным, любовным выслушиванием их печалей и жалоб. Особенно льнули к нему старухи-крестьянки. Мне пришлось быть у него в 1905 году в его маленькой, тесной келье в глубине скита. Рядом с ним, в другой келье, помещался о. Нектарий. Мы сидели втроем за самоваром у о. Анатолия. Небольшого роста, немного согбенный, с чрезвычайно быстрою речью, увлекающийся, любовный — о. Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление.

Шесть лет спустя я снова увидел о. Анатолия, уже в сане иеромонаха. Он жил уже не в скиту, а в монастыре, при церкви Владимирской иконы Божьей Матери, и пользовался уже большою известностью как общепризнанный старец. Около него уже создавалась та особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев и в которой нет ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преп. Серафима Саровского. Обращала на себя внимание его особенная, благоговейная манера благословлять — с удерживанием некоторое время благословляющей руки около чела благословляемого. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих оптинских старцев. С каждым годом возрастала его слава и умножалось число его посетителей.

О. Анатолию пришлось пережить все бедствия военного времени, революции и большевизма. Несмотря на все эти испытания и на собственную тяжелую болезнь, о. Анатолий оставался неизменно живым, отзывчивым и любвеобильным. Он скончался, по-видимому, в 1922 году, и с его смертью закончилось четвертое тридцатилетие в истории Оптиной Пустыни. Из настоятелей Оптиной Пустыни, управляющих ею после о. архимандрита Исаакия, более других был нам известен о. архимандрит Ксенофонт, управлявший обителью около двадцати лет. На вид суровый, строгий, молчаливый, с бледным болезненным лицом, он был верным хранителем оптинских преданий и заботливым хозяином. Происходил он из крестьян.

Глава 9

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы перечислили далеко не всех тех иноков Оптиной Пустыни, которые обращали на себя внимание своею выдающеюся жизнью и своими высокими качествами. Может быть, иных, не менее замечательных, мы даже и не упомянули. Составляя настоящий очерк исключительно по памяти, мы, естественно, могли упустить многое, даже существенное. В заключение нашей книги мы не можем воздержаться от невольно напрашивающегося сравнения жизни Оптиной Пустыни с переменами, происходящими в жизни видимой, окружающей нас природы.

После долгой, холодной и беспросветной зимы XVIII века оживает и возрождается Оптина Пустынь в начале XIX века. Под воздействием лучей согревающей теплой любви внимательного и заботливого сердца московского митрополита Платона начинается в Оптиной Пустыни ранняя весна — деятельность игумена Авраамия, переселяются в Оптину Пустынь юные подвижники — Моисей и Антоний, возникает скит.

Весна все более и более входит в свои права. Природа все более и более расцветает. В Оптиной Пустыни начинается деятельность о. Моисея как настоятеля обители, о. Антония как начальника скита и о. Леонида как монастырского старца.

Приходит лето. Прибывает в Оптину Пустынь о. Макарий. Старчество все более крепнет и развивается. При со-

действии Киреевских развивается издательская деятельность: извлекаются из-под спуда писания великого старца Паисия Величковского, опубликовываются в печати и широко распространяются по России.

Возрастает слава и известность Оптиной Пустыни.

Лето становится все жарче и роскошнее. Поспевают травы. Созревают хлеба. Фруктовые деревья дают плоды свои. Так и оптинское старчество в лице старца Амвросия приносит свой наиболее зрелый, наиболее обильный плод. Деятельность старца переходит далеко за пределы обители, становится известной всей России, возникает трудами и заботами старца новая пустынь — Казанская Амвросиевская Шамординская обитель, основываются по его благословению и другие обители — в Воронежской, Саратовской и Полтавской епархиях.

Но вот лето кончается. Природа еще прекрасна, еще хранит в себе остатки прошлого богатства и красоты, но новых созреваний уже нет. Наступила ранняя осень. Это жизнь Оптиной Пустыни по смерти о. Амвросия и о. Исаакия. Еще не забыты предания старцев, еще память о них жива и в сердцах, и на устах всех, еще растут прекрасные осенние цветы духа — старцы Антоний, Иосиф, Венедикт, Анатолий (младший), но уже нет в них летней силы, летнего аромата. Наконец, наступает слякоть поздней осени, разворачивается русская революция, а за нею начинается суровая, жестокая, холодная, беспросветная зима — царство большевиков. Оптина Пустынь замирает, погружается в глубокий зимний сон. Круг ее жизни, цветения и плодоношения закончился.

Придет ли опять весна? Повеет ли опять теплом и любовью? Проснется ли снова к жизни Оптина Пустынь? — Это ведомо единому Богу!

1925.6/19.XII.

ПРАВДА ХРИСТИАНСТВА

(Избранные статьи)

О ТАИНСТВАХ

Иисус Христос для очищения нас от греха установил на земле свою святую Церковь. В числе разнообразных средств, которыми Церковь помогает нам спастись от греха, самым главным являются святые таинства. Что такое таинство? Оставляя Своих учеников, Иисус Христос обещал им, что Он не оставит их сиротами, пошлет им Духа Святого — Утешителя, который будет учить их истине. И действительно, через 10 дней после вознесения Иисуса Христа на небо ученики получили обещанного Св. Духа, который сошел на апостолов как бы в виде огненных языков и произвел в них необычайную перемену. Простые рыбаки, никогда не покидавшие своей родины, они вдруг заговорили на языках всех народов. Не понимавшие простых слов своего Учителя, они стали разуметь пророчества. Робкие, растерянные, они мужественно, с достоинством выступили пред начальниками и царями и давали им мудрые ответы. Так просветила, одушевила и умудрила их сообщенная им благодатная сила Св. Духа.

Эту благодатную силу Св. Духа получаем и мы в Церкви. Эта сила просветляет наш ум, очищает и воодушевляет наше сердце, она подается нам и в молитвах, и в чтении и слушании Слова Божия, и во всех священнодействиях церковных, но в особенности в св. таинствах. Таинства — это те священные церковные действия, через которые особенно нам сообщается благодатная сила Св. Духа. Их семь — крещение, миропомазание, причащение, покаяние, елеосвящение, брак и священство.

И каждое из этих таинств приносит нашей душе свой особый дар. В таинстве крещения в нас закладывается зерно свя-

той жизни (см. Еп. Феофан, “Путь ко спасению”), которое мы или наши родители и восприемники должны возрастить в нас; в таинстве миропомазания подается крепость нашим чувствам и силам для нашего духовного возрастания; в таинстве причащения мы воспринимаем в себя Божественную жизнь, причащаясь Тела и Крови Христовых; в таинстве покаяния получаем прощение и очищение грехов, совершенных после крещения; в таинстве елеосвящения получаем также прощение грехов, в особенности по забывчивости неисповеданных в таинстве покаяния (Оптинские старцы), и телесное здравие; в таинстве брака освящается семейная жизнь, низводится благословение Божие на рождение и христианское воспитание детей; в таинстве священства подается сила быть молитвенником за других, совершителем таинств и руководителем в жизни духовной.

Всякий, приступающий к таинствам со вниманием и надлежащей подготовкой, действительно ощущает в душе своей явную перемену, производимую прикосновением к ней благодати Св. Духа. В душе разгорается огонь, на нее нисходит умиротворение, утихает в ней смятение и беспорядочность чувств, грех на время отходит от нее.

Будем помнить это и приступать к таинствам с верою и благоговением, как к данному нам Христом средству нашего исправления и обновления.

Приходится слышать иногда от некоторых сомнение относительно таинства крещения — следует ли совершать его над бессознательными младенцами, которые не могут иметь ни веры, ни покаяния.

Для действия благодати Божией на человеческую душу нет преграды, как нет преграды действию солнечных лучей на человеческое тело. Только один грех может мешать действию благодати на человеческую душу, но у ребенка с этой стороны меньше существует затруднений, нежели у взрослых.

Большую часть наших впечатлений мы воспринимаем, не сознавая их, потому что заметить все, что влияет на нашу душу, нет возможности. И лежат эти несознанные нами впечатления до поры до времени в душе нашей без движения, а затем всплывают и входят в область нашего сознания, и мы их тогда замечаем, а потом снова уходят в глубину души нашей, и мы их тогда забываем. Так и душа младенца — она собирает и бережет их в себе, хотя и не сознает до поры до време-

ни, но, несомненно, все эти впечатления не проходят для нее бесследно и бесплодно.

Вспомним, затем, пример самого Иисуса Христа. Когда апостолы не допускали к нему младенцев, Он вознегодовал на них и сказал: “Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие” (Мк. 10, 14). При этом Он обнимал детей, возлагал на них руки и благословлял их. Сознали ли эти дети, для чего Иисус Христос возлагает на них руки, для чего благословляет их? Едва ли, но Иисус Христос все-таки делал это, очевидно, потому, что это возложение рук на детей сообщало детям благодатную силу.

В этом примере Спасителя заключается оправдание нашего крещения младенцев, нашего миропомазания и причащения их. Церковь не хочет, подобно тому, как ошибочно поступили апостолы, еще не просветленные благодатью Св. Духа, не допускать детей к Иисусу Христу.

Итак, понимая, что такое таинства и что мы получаем через них, с верою, охотою и благоговением будем к ним приступать и освящаться благодатью Св. Духа!

СВЯТОСТЬ ЦЕРКВИ

Что такое святость вообще? Святость не есть только отсутствие греховности. Святость есть не только непричастность греху, но и причастность Святости Божией. Непричастность греху есть только отрицательный признак святости. Бог есть полнота ее положительного содержания — правды, добра, любви, милосердия, сострадания, творческого, деятельного излияния милости, света и счастья на все окружающее, на всякое живое создание, самое незначительное, вышедшее из рук Божиих. Проявление такой именно святости, как активной чистоты и милосердия, мы и видим, например, в о. Иоанне Кронштадтском, в препод. Серафиме Саровском, в Оптинском старце Амвросии и им подобных праведниках и праведницах, в убогой крестьянской старушке, приютившей на ночлег странника и покрывшей его от холода собственной шубейкой... Этой святостью Божией проникнута, живет и дышит ею Христова Церковь, освящаемая живущим и пребывающим в Ней Святым Духом. Святость присуща Церкви и в Ее целокупности, и в Ее отдельных членах. В своей целокупности святость Церкви не зависит от святости принадлежащих к ней верующих. Наоборот, Церковь является источником святости для принадлежащих к ней верующих. Источник святости Церкви находится в Боге, в Духе Святом, пребывающем в Церкви. От Него изливается святость в души верующих. В каждом из нас, членах Церкви в той или иной степени, пребывает и прославляется святость, сообщаемая нам Святым Духом в таинствах, в богослужении и во всем прочем укладе и обиходе церковной жизни. “Разве вы не знаете, — спрашивает

Апостол верующих, — что вы Храм Божий есте, и что Дух Божий живет в вас?” Святость присуща Церкви через Ее Главу, Господа Иисуса Христа, и через Духа Святого, пребывающего в ней. Церковь освящена Крестом Христовым, Его учением, молитвами и таинствами, по выражению катехизиса. Святость неразрывно связана со свободой. Высшая степень святости осуществляется только в свободных действиях свободной твари, у людей и Ангелов. Для того, чтобы положить начало святой Церкви, Господь Иисус Христос принес Себя в жертву, жертву крестную. “Христос возлюбил Церковь, и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна” (Ефес. 5, 25—27). Иисус Христос молился о Своих учениках: “Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла... Освяти их истинною Твоею . И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истинною. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их” (Иоан. 17, 15—20). Стать причастным святости Божией — в этом и состоит цель жизни христианской. Стать причастным святости Божией можно в различном отношении и в различной степени. У разных святых были разные виды святости, но все они были причастны Святости Божией. Свят был святитель Николай Чудотворец, свят был и пророк Божий Илия, свят был и преп. Симеон Столпник, свят был и Филарет Милостивый, свят был и преп. Серафим Саровский, и святая великомученица Варвара, и преп. Мария Египетская, но каждый из них свят был по-своему, хотя святость каждого из них была отображением святости Божией, той или другой ее стороны. И св. Алексий, человек Божий, и св. Александр Невский — оба отобразили в себе святость Божию, но каждый по-своему, в соответствии со своею натурою и своими дарованиями и в своем назначении.

Святость Церкви и не есть простая совокупность святых людей: Церковь имеет свою особую святость, присущую ей как Церкви, проявляющуюся в ее богослужении, молитвах, таинствах, и других действиях и явлениях силы Духа Святого. Святостью Церкви освящаются не только живые члены Церкви, но и их останки, по смерти их, и вещи, им принадлежащие. “Выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осеняла кого

из них” (Деян. 5, 15). “Бог же творил не мало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них” (Деян. 19, 12). Св. Иоанн Дамаскин пишет о телах умерших святых, “яко посредством ума и в тела их вселился Бог” (“Богословие” кн. 4, ч. 15, ст. 3, 4). То же самое говорит и святой Григорий Богослов: “Ихже едина телеса равномошна суть душам святым, егда или осязаема, или почитаема бывають. Ихже и капли крове, сие малые признаки страдания, равная действуют телесем” (1-ое облич. слово на Юлиана).

Имея своим источником Бога, святость Церкви не умаляется наличием в Церкви грешников. По катехизису, согрешающие, но очищающие себя покаянием, не препятствуют Церкви быть святою; а грешники нераскаянные или видимым действием церковной власти, или невидимым действием Суда Божия, как мертвые члены, отсекаются от тела Церкви, и таким образом она и с сей стороны сохраняется Святою. Эти слова катехизиса не представляются вполне удовлетворительными. По ним выходит так, будто святость Церкви зависит от того, что Церковь очищается от грехов или через покаяние грешников, или через отсечение некаяющихся грешников от Тела Церкви... В действительности это не так: святость Церкви, как было уже указано выше, зависит не от святости ее членов, ибо нет ни одного члена Церкви, который был бы безгрешен. Святость Церкви определяется тем, что она есть Тело Христово и освящается Духом Святым. Присутствие в Церкви грешников (ведь мы же все грешники!) не может отнять у Церкви ее святости, каются ли эти грешники или не каются, отсекаются ли они от Церкви церковною властью или не отсекаются. Взгляд на Церковь, как на собрание святых — это неправильный взгляд! Это — взгляд сектантский, Церкви не свойственный!

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В МИРУ

Душа человека, призванная ко спасению, во время своей земной жизни жаждет, по существу своему, встречи с добром и всюду старается позаимствовать, собрать, найти добро. Это добро есть как бы нити, из коих ткет себе человек одежду для брачного Чертога, в которой предстанет он перед престолом Божиим и останется вечно. Одежда, сотканная из нитей добра и любви, просветлится, заблестит от Божьего Света. Сотканная из нитей зла, недобрых дел, еще более омрачится от Небесного света и устыдит и доставит горькую муку тому, кто окажется одетым в нее. Своими собственными руками, т. е. своею волею, хотя и несовершенною, расслабленною грехом, но свободно, надеваем мы на себя или одежду радости, или одежду стыда. То лучшее, что дал нам Господь, как венцу Своего творения, — свободную волю, достоинство которой Сам и оберегает, не оказывая на нас никакого давления, мы не бережем и часто беззаботно поработаем ее греху. А поработив ее греху, как восстановим в добре, когда силы наши расслаблены? Своими силами не сможем ее исправить, но благодатною Божиею силою можем — Богу все возможно. Пока душа наша еще на пути в Царствие Божие, пока еще есть время, закрепим и укрепим нашу волю, слабую, немощную благодатной силой Божией и найдем в ней нужную силу и поддержку на борьбу со злом. Жизнь великий труд. Надо научиться жить во Христе мудро, и тогда все вокруг нас осмыслится и приобретет цену для вечности. Если будем внимательны, то обстоятельства, нас окружающие, послужат нам “старцами”, научат нас послушанию Богу, помогут в терпе-

нии и любви пройти свой жизненный путь и обрести спасение. Где бы мы ни были, всюду нас окружает возможность спасения; в какие бы условия не поставила нас жизнь — всегда можем духовно зреть и совершенствоваться. Наша жизнь при всякой обстановке может быть путем, ведущим нас к благу нашему, к блаженству, которое доступно бывает уже здесь, на земле.

Всякий грех есть несчастье и для нас самих, и для окружающих нас. Грех есть начало разделяющее и разъединяющее, отталкивающее нас от людей. Грех не исторгнутый лежит тяжестью на сердце и отводит людей друг от друга. Всякая победа над грехом есть отвоевание себя и других для взаимопонимающей жизни всех людей. При победе над грехом открывается взаимное притяжение и родство людей по природе: побеждая грех в себе, человек помогает другому — даже помимо воли последнего, — раскрыть лучшие свойства его души, как бы противовольно — влечет последнего к добру. Побеждая грех в себе, оживляя в своем внутреннем человеке лучшие стороны, человек этим самым открывает духовный клад и в другом человеке и помогает другому найти в себе то, чего он еще и не видит в себе.

Добро находит отклик в среде тех людей, которые уже имея его, еще не видят его. Человек, пока грех владеет им, как бы боится другого человека, но при победе греха в себе он заражает и другого, и окружающих добром. Это важно отметить и почувствовать, потому что в обычном состоянии у нас преобладает пессимистическое чувство, и нам кажется, что грех владеет миром. Такой пессимизм удерживает от борьбы с грехом и понижает активность в борьбе с ним.

При поверхностном знакомстве с человеком мы ничего не видим и даже не можем видеть неиспользованный клад добра, присутствующий другому. Побеждающему грех в себе открываются в другом эти силы добра и эти стороны души другого, как богатство добродетелей. Когда греховный человек увидит близкого, делающего добро, он обретает и в себе силы для христианского делания. Великая, ни с чем не сравнимая радость заключается в отыскании добра в себе и в других, в увеличении его в мире проявляется сила благодати Божией;

проявляется в том, что она помогает нашим расслабленным силам делать то, что без нее было бы невозможно. В жизни часто бывает, что человек “делает грех, которого не хочет” (св. Ап. Павел). Этот невольный пленник греха в чужом добре находит силу,двигающую его к добру в обычной будничной жизни.

Для счастья настоящего, а не призрачного, нужно побеждать грех. Всегда надо внимательно присматриваться к тому, что двигает человека вовне и что владеет им внутри его, присматриваться к его поступкам и желаниям. Область эта нелегкая, но во взаимоотношениях людей — вся жизнь. Надо освещать их светом Христовой Истины, чтобы эти отношения не были вредны нам самим и с нами сталкивающимся. Если мир в душе, то эта радость не отнимется никогда. Немирность же всегда приносит несчастье. Если в человеке внутри мир, то мирное сердце кидает свет на все. Мирность сердца есть главное достижение. Действия, освещаемые таким сердцем, обращают все отношения на пользу. Греховное состояние, идущее от другого, как раздражение, если мы сдерживаем свое раздражение, обращается нам на пользу, как устрояющее наше и другого духовное благо, — этим же мы останавливаем и чужое раздражение. Здесь выходит благо и для проявившего кротость, и для того, кто раздражился. Отсюда и счастье в жизни. Побеждение греховного дает благо, а забота о своем спасении — дает общественное благо. Состояние человека уступающего — есть утверждение добра в атмосфере нас окружающей. Добро, как сила положительная, развивает и вызывает к жизни дремлющее в других добро, закрытое доселе равнодушием и налетом зла. Добро создает атмосферу, которая сама является помощью в борьбе со злом и в христианском делании. Иногда кажется, что труд над искоренением греха в себе — эгоизм, что такой человек занят собой и равнодушен к общему делу. Но это не так. Человек, не успевший одолеть свою греховность, не может оказать ни благотворного влияния на окружающих, ни быть в помощь другим, ни содействовать их победе над грехами.

Он не может действовать для общественного блага с той пользой и силой, с какими мог бы, если бы победил в себе

грех. Святость есть великое общественное благо и сила. Желая подлинно послужить ближним, мы прежде всего должны очистить себя самих от греховных привычек и наклонностей, стать чистыми, вести богоугодную жизнь. Только в меру нашего совершенствования мы можем быть полезными нашим ближним в их горе и несчастье. Это — единственный путь к служению ближним. Достигший святости достиг наибольшей возможности служить ближним. Кто, как не наши святые, больше всего помогали ближним? Достаточно вспомнить имена преп. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского, чтобы убедиться в этом. К ним стекался народ отовсюду, и они умели помочь во всякой нужде. Они служили обществу, и служили наисовершеннейшим образом, ибо вносили в мир подлинное благо; они сами в опыте познали, что такое добро, и поэтому — могли научить ему и других. Люди — перед Богом — являются цельным организмом. Отдельные личные явления святости как бы очищают, освящают и весь организм. Подобно — и грех одного человека омрачает, загрязняет и весь организм. Спасая себя, мы как бы вносим долю спасения в дело спасения всего человечества.

Созидание внутреннего человека совершается не в минуту поражающих подвигов, а в будничной жизни. Цель человека — устройство внутренней жизни, созидание в себе Царства Небесного. Борясь с грехом, утверждаем в себе и в мире жизнь Божественную. Борьба с грехом открывает и догматические истины, и мы приближаемся к познанию Божественной жизни. Такая жизнь есть и строение Царства Божия и само Царство Божие, пришедшее в силу. Делаются более понятными слова молитвы Господней “Да приидет Царствие Твое” — “Да будет воля Твоя”.

Когда мы, побеждая грех, преодолевая разъединение, соединяемся, то мысли и желания у нас становятся общими, мы приходим к единомыслию. В этом единстве чувств и желаний нам становится понятной воля Божия и ее требования к нам. Это то единство, о котором молился Христос Господь. Это единомыслие и соединение в любви — не отвлеченный идеал, а деятельная задача устройства жизни. Приблизиться же к нему мы можем, если откроем наше духовное средство. Вопрос о

спасении не теоретический, а путь действия. К сожалению, не все церковные люди это понимают. Бороться с грехом надо для взаимного приближения и для осуществления того, что как жизненная задача лежит пред нами.

Наличие счастья в жизни лежит в наличии нашей духовной жизни. Как бы не были прекрасны формы жизни, но если человек не победит в себе греха, он не достигнет подлинного счастья.

Люди во имя удовлетворения своего самолюбия ввергают и себя, и других в катастрофические обстоятельства. Личная греховность человека, непобежденная изнутри, может всякое, даже благое само по себе дело повернуть в другую сторону, принести большой вред отдельному человеку и многое исказить и в исторических, и церковных событиях. Таким образом, подвиг личного спасения есть подвиг общественный. Личное спасение не есть что-то замкнутое в себе; оно является солью всего. Надо его искать в миру, в семье и в окружающей среде. Нам надо осознать, что Царство Божие внутри (среди) нас. Внешний человек ветшает — внутренний обновляется. В самом человеке происходит борьба, состояние без борьбы есть состояние, которое говорит, что духовная жизнь в человеке замирает, что потемняется духовное начало.

Состояние борьбы есть признак духовного роста, и ни на минуту не должен прекращаться духовный процесс. Каждое мгновение человек избирает благое или злое. И это избрание путей добра или зла и есть содержание нашей внутренней борьбы. Духовную внутреннюю борьбу нельзя смешивать с тем, что у нас именуется “принципиальной борьбой”, ибо в духовной борьбе решающим и ведущим является не “отстаивание принципа”, а соответствие или несоответствие избираемого воле Божией. Тем более нельзя подлинную духовную борьбу подменять так называемой “принципиальной борьбой”.

Свет воли Божией все разделяет в нас; он должен действовать в нас постоянно. Мы охотнее избираем то, что кажется

нам легче, что кажется нам более свойственным нашей природе. Мы часто соблазняемся этим и поддаемся греховому течению в нашей жизни.

Труд над спасением часто отлагается на старость. Начало спасения предполагаем положить в будущем, забывая, что старости можно и не дожидаться. Будущее — всегда около нас — оно связано с нашим покаянием и исправлением. Тайна подлинной жизни и состоит в том, чтобы забота о спасении не отодвигалась на неопределенное будущее, чтоб каждый наш шаг озарялся светом Правды и Воли Божией и в свете их исправлялся. Памятовать о том, что мы стоим на краю гибели и идем по пути греха, необходимо для того, чтобы свет правды озарял нашу жизнь.

Мы хотим жить счастливо и хорошо. Но что мы делаем для этого? Даже утренние и вечерние молитвы не раскрывают пред нами нашего пагубного состояния. Необходимо, чтобы мы вошли в смысл молитвы, и тогда найдем и сознание нашей греховности, и сознание милосердия Божия. Эти молитвы определяют всю нашу жизнь и деятельность, они указывают и то, что мы должны делать и то, чего мы должны избегать.

В молитве вечерней и утренней мы предстоим пред лицом Божиим и рассматриваем себя. Молитвы эти нас самих раскрывают пред нами. Важно, чтобы то небольшое, что предстоит нам на день, мы осветили разумом Божиим.

Грех, в нас живущий, затемняет нас и заставляет нас оправдываться пред нами самими же. Самооправдание подставляет нам лукавый. В нас, пока не пробудится совесть, чуткая не только к отдельным грехам, редко сознание нашей греховности. Мы всюду вносим нашим грехом разделения, и каждое биение сердца к добру есть мера, идущая на весы. Наши оправдания наших греховных действий — враг нашего спасения. Только осознание опасности греха вызывает волю к борьбе против греха. Мы равнодушны ко греху, пока не осознали, что он нас лишает счастья. Мы считаем грех своей природой “Я, мол, такой и такой и не могу быть иным”. —

“Такой у меня характер”. Но ведь характер совсем не есть нечто такое, с чем нельзя бороться. В момент решения начать противостояние греху надо помнить, что грех не сроден нам, а приразился нам. Прародители наши были созданы без греха. Грех есть нечто прившедшее в нашу природу, приражающееся к нам и восстающее на те состояния души, которые природны для нее, как созданной по образу Божию. Грех берет нас в плен, привходит в наш естественный состав, как чуждое начало, но потом все идет, сорастворенное с грехом. Осознание, что грех не есть наше, чрезвычайно важно, т. к. это помогает бороться со грехом. Момент озарения от Господа, когда мы осознаем нашу греховность, прежде всего связан с волей, так как грех вселяется в волю человека, и “слабость воли” от лукавого. Но если мое, идущее от меня, срастворено с грехом, то как же я буду бороться с собой? Для того, чтобы у меня явилась воля к борьбе с грехом во мне, необходимо знание, что грех не есть мое. Это знание укрепляет волю к противодействию греху.

Напрягая все силы, человек разрядится в добро, и светом добра ударит в другого человека, сродного с ним. У того тоже явится свет, и это есть победа над злом, величайшее дело.

Греховная и духовно правильная жизнь — обе проходят внутри человека, и жизненная среда есть способ, при помощи которого человек должен обратиться внутрь себя. Уже было сказано, что грех есть сила разъединяющая. Поясню это жизненным примером. — Люди обидели друг друга, не хотели уступить один другому, оскорбили один другого, обиделись и разошлись. Вот вам и несчастье. Это говорит, что надо бороться с грехом ради нашего же счастья, т. к. гневливость есть несчастье нашей жизни. Человек создан с желанием счастья и должен и может научиться бороться за свое счастье против несчастья, т. е. — против греха в той среде, которая особенно близка ему и близка по плоти. Силы греха и святости пребывают в человеке как бы в состоянии “связанного покоя”. И в зависимости от того, как мы прикоснулись к человеку, начинается в нем и в мире действовать или сила добра или сила зла. Нам всегда нужна такая среда, которая очищала бы наш внутренний мир, давала бы нам силы и возможность рас-

крыться и в своей правде, и в своей неправде, давала бы возможность истинного познания себя. Среда “вообще”, как случайное соединение людей, мало содействует этому. Пред другими человек прячет свою неправду, вгоняет ее внутрь и старается предстать “чистеньким”. Он стыдится того, что о нем “подумают”, стыдится “общественного мнения” и поэтому — “не выявляется”. Только в привычной, “домашней” среде таящееся в человеке злое начало выливается наружу. В этом отношении обстановка семьи — необходимый момент для познания себя. Не случайно, что мы часто боимся быть в такой “домашней” среде. Убегая от нее, мы “всем интересуемся”, “всем развлекаемся”, лишь бы уйти от условий, содействующих познанию себя.

Ближайшая среда раскрывает нас самих для нас же самих. Но тут надо уловить возможность зарождения греха и не дать ему перейти в действительность. Это момент отделения себя от греха.

Вопрос о спасении — есть основной вопрос истории человечества в целом и личной судьбы каждого. К нему — или иначе — к вопросу о счастье — приложимы слова — “был, есть и будет”. Все остальное зиждется на этом вопросе и на осуществлении его в жизни. В этом смысле — счастье в ваших руках. Оно создается победой над грехом. Ближайшей средой и полем для борьбы с грехом является прежде всего семья и все те, кто вокруг нас и нашей семьи. Мы смотрим на среду, на обстановку, в которой живем, как на нечто случайное, и даже на свою семью не смотрим как на путь, данный нам Богом для спасения. Жизнь в семье кажется нам какой-то случайностью, и самое главное в семье ускользает от нашего внимания. Семья — по слову апостола — малая церковь. Она может особенно помочь человеку в достижении главной цели жизни. В семье ищут счастья. А что разумеет под счастьем? Ответы на этот вопрос — туманны. Это свидетельствует о том, что самое существенное не извлекается из этого Богом данного состояния.

Почему семья кажется наиболее удобной средой для спасения? В семье человек непосредственно открывает свои чувства, а при посторонних — он скрывает свой внутренний мир. В

обществе, например, человек, услышав что-либо недоброе о себе, сдерживается, скрывает свое раздраженное состояние, старается показаться иным. Греховное движение его духа остается скрытым; он живет лицевой, показной стороной своей, а не внутренней. В семье же он не прячет своего действительного состояния — он изольется, не постыдится вывить свое греховное состояние в слове или действии. И скрытый греховный мир обнаружится и пред семьей, и перед близкими, и перед ним самим. Таким образом, человек — при верном отношении к себе и вопросу о своем спасении — в условиях семьи легче может уяснить себе, что в нем греховного, уяснить то, что отделяет нас друг от друга.

Только надо, чтобы это опознание своего внутреннего мира, опознание его греховности вело к борьбе со грехом.

Семья, семейная среда, Богом нам данная, наиболее удобна для устройства нашего спасения. В атмосфере семьи мы можем всего лучше и удобнее бороться со своими грехами и недостатками, ибо в семье мы не стесняемся быть и выказываться такими, какими мы действительно являемся. В семейной жизни человеку приходится каждодневно обнаруживать свое настоящее состояние, быть искренним с самим собою. Правильная жизнь в семье учит человека держать себя, изживая свое отрицательное, побеждать свои плохие стороны, укреплять свое доброе, и он каждый момент может усовершенствоваться. Это тем возможнее, что всякая победа над грехом внутри себя дает радость, утверждает силу семьи, ослабляет зло и тягостные несчастья. Семья содействует не только личному спасению, но и утверждает благо среди нас и кругом нас. Каждый миг жизни надо употребить на стяжание того, что само в себе несет радость и счастье. Надо стараться, чтобы время не было прожито даром, но стремиться к тому, чтобы не только растрачивать уже имеющееся добро, но и приобретать новое. Ждать долгие годы удобного момента и откладывать свое духовное устройство на неизвестное время нельзя — такого момента и времени можно и не дожидаться. Надо, чтобы в нашей жизни каждый шаг был для приобретения неоскудеваемого сокровища. Откладывание ничем не может быть оправдано. Это настроение выгодно только врагу нашего

спасения, оно создается и укрепляется его наветами, затемняющими действительное и придающими ценность неценному

Спасение в наших руках; его можно строить в нашей мелочной каждодневной жизни. Для искоренения зла надо извлечь изнутри то, что есть нехорошего в себе. Если представится для этого случай в своей семье, в повседневной работе, нельзя оставлять этого момента — он дан нам от всенаправляющего Благого Господа, для преодоления того, что ведет человека к несчастью. По частичному достижению — исполняется задача всей жизни. Человек создан для счастья, и только победами каждодневными может он достигать радости и такого состояния, которое несет всем и всему свет. В этом случае вся жизнь его изнутри сияет светом, падающим на всякую каждодневную мелочь, дающим особый, иной тон всему. Тогда осмыслится жизнь и отнимется тягота, расслабляющая и убивающая, не дающая человеку активно устроить обстоятельства жизни на утверждение добра на земле.

ИЗ ПИСЬМА

По своему содержанию Иисусова молитва очень однообразна. все “помилуй” да “помилуй!” Но не в этом дело. Ни одна молитва не ставила меня так прямо перед лицом Божиим, как эта молитва.

Другие молитвы имеют каждая свое содержание: утренняя молитва, вечерняя и так далее. У этой же молитвы одно содержание: “помилуй меня!” Она заставляет чувствовать себя стоящим перед лицом Живого Бога с чувством покаяния, и только! Но это стояние перед Богом, с чувством покаяния, очень много дает: оно дает мне самое нужное: сознание своей неправды перед Богом. Я стою перед Богом с чувством своей неправды, и это делает Бога особенно мне близким, не так ли? — Никакая другая молитва не может заменить ее. Там мы просим о других нуждах: “хлеб наш насущный даждь нам днесь” и др. А в ней, в этой молитве, мы только предстоим Богу, с сознанием нашего недостойнства. А ведь это и есть главное, что от нас требуется!

В этом заключается сила и значение молитвы Иисусовой. Нужны, конечно, и другие молитвы. Но они все направлены на удовлетворение тех или других наших нужд или нужд наших ближних. Одна только Иисусова молитва исключительно обращена на сознание своего недостойнства перед Богом, т. е. научает нас правильному отношению к Богу. А это и есть самое важное. У нас этого обычно не бывает. Мы все чего-нибудь выпрашиваем: здоровья, успеха в делах и тому подобное. Между тем, самое нужное для нас заключается в сознании своего недостойнства перед Богом, а этого-то у нас обычно и не хватает! Разве это не так?

И вот Иисусова молитва научает нас самому важному и самому нужному: она учит нас стоять в правильном отношении к Богу — сознать Его святость и наше убожество, — смиряться!

Это я понял, читая и перечитывая изданную нами, книгу: “Беседы о молитве Иисусовой”.

22 ноября 1946 года

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛДАВСКИЙ СТАРЕЦ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

Предисловие	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Жизнь дома и в школе (1722—1739)	9
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	26
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Годы странничества — в поисках духовного руководства (1739—1746)	35
Глава 1	36
Глава 2	44
Глава 3	54
Глава 4	61
Глава 5	64
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Уединенная жизнь старца Паисия на Афоне и начало общежительного братства (1746—1763)	75
Глава 1	76
Глава 2	80
Глава 3	90
Глава 4	97
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Расцвет Паисиева братства в Молдавии: Драгомирна, Секул, Нямец. Последние дни жизни и кончина старца (1763—1794)	105
Глава 1	106
Глава 2	130
Глава 3	168
Глава 4	202
Глава 5	235
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Ученики старца Паисия на Афоне, в Молдавии и в России	243
	419

Указатель литературы о старце Паисии Величковском	279
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1	286
Приложение 2	291
Приложение 3	295
ОБ УМНОЙ МОЛИТВЕ	299
Предисловие старца Паисия	301
Глава 1	303
Глава 2	310
Глава 3	324
Глава 4	326
Глава 5	328
Глава 6	331
ОПТИНА ПУСТЫНЬ	337
Предисловие	339
Глава 1	341
Глава 2	348
Глава 3	352
Глава 4	356
Глава 5	362
Глава 6	369
Глава 7	384
Глава 8	394
Глава 9	397
ПРАВДА ХРИСТИАНСТВА	399
О таинствах	401
Святость церкви	404
Духовная жизнь в миру	407
Из письма	417

ЛР № 071334 от 22.08 96
Подписано в печать 04.06 98 Формат 84х108 1/32
Печать офсетная Бумага офс № 1
Печ л 26,5 Тираж 5000 экз Зак 4995

Издательский дом "Грааль"
141200, г Пушкино, Московской обл, ул Лесная, д 5

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г Люберцы, Московской обл, Октябрьский пр-т, 403
Тел 554-21-86

